

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 1 / 2025

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный
редактор
Д. В. МУРЗИН

Редколлегия:
Сергей ДОНБАЙ
Надежда ДУБРОВСКАЯ
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Александр КОМАНДИН
(ответственный секретарь)
Андрей КОРОЛЕВ
Наталья МУРЗИНА
Юлия СЫЧЕВА
Елена ТРУХАН
Дмитрий ФИЛИППЕНКО
Марина ЧЕРТОГОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции: 650000,
Кемеровская область – Кузбасс,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14



16+

Содержание

Аристарх, митрополит Кемеровский и Прокопьевский. Рождественское послание 3

ПОЭЗИЯ

Владимир Скиф. Над пеплом нового Рейхстага. Эдуард Анашкин. Любовь неизъяснимая
(к 80-летию В. Скифа) 5
Леонид Гержидович. Тихий плёс 10
Ольга Комарова. Под снегом давай постоим 51
Наталья Шухно. Всё сложно и на ноль умножено 53
Роман Сорокин. Когда начнётся всё сначала 58
Александр Исаев. И пусть пребудет слово... 61
Сергей Харцызов. Качает нашу люльку Господь... 72
Андрей Назаров. Прямо и на взлёт 74

ПРОЗА

Александр Савченко. Ближней тропой к сердцу. П о в е с т ь 13
Александр Колтаков. Мобилизация. Р а с с к а з 55
Анна Гутиева. Пустой коридор. Р а с с к а з 63

ДРАМАТУРГИЯ

Яна Орехова. Просто жить. П ь е с а 76

КНИГА ПАМЯТИ

Людмила Яковлева. Дом, который построил мой дед 88

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Сергей Чернопятков. Дальше Персии не пошлют 115

ИСКУССТВО

Александра Салагаева. Пейзажи души: Анатолий Хуторной 122

И БОЛЬШИМ, И ДЕТЯМ

Елена Усачёва. Совсем одна. Р а с с к а з 125
Ирина Иванникова. Кефир-бродяга. С т и х и 128

ДРУЖБА ЖУРНАЛОВ

Лидия Фролова. Журнал региональной культуры «Балтика-Калининград» 130
Борис Бартфельд. Фирс. Йоська-печник. Р а с с к а з ы 131
Ксения Август. Осторожно ступающий звук... С т и х и 139
Евгений Журавли. Семь нот перед канонадой. Однажды в Вегасе. Р а с с к а з ы 142
Дмитрий Воронин. Дуськино счастье. Эйнштейн. Бег по спирали. Р а с с к а з ы 149

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Артур Ахметшин. Рассказ о дедушкиных часах 159
ЛИТО «Творческая шкатулка» – 15 лет 162
Юрий Гамов, Наталья Палаткина, Нина Лучкина, Ирина Воробьёва,
Александр Макатревич, Татьяна Белокурова. С т и х и 163

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин 165

Русскому писателю Александру Сергеевичу Грибоедову – 230 лет



(1795 – 1829)

ДАЛЬШЕ ПЕРСИИ НЕ ПОШЛЮТ

Так сказал Александр Сергеевич Грибоедов после дуэли на Кавказе. Поединки в России карались строго, но дипломат о последствиях не волновался... Но этот нелепый эпизод в жизни гения случился позже, а пока...

Продолжение эссе Сергея Чернопятава о Грибоедове читайте на стр. 115

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Высокопреосвященнейшего
АРИСТАРХА,
митрополита Кемеровского
и Прокопьевского



Возлюбленные о Господе досточтимые пастыри, честные инокини, боголюбивые миряне, братья и сестры!

«С нами Бог!»

Этими словами измеряется и широта, и высота, и глубина настоящего торжества: праздника христианского и гражданского, общечеловеческого. Бог всегда с человеком как Существо вездесущее, все исполняющее. По мнению святых отцов Церкви, Бог приблизился к людям в акте воплощения больше, чем к Ангелам, ибо не от Ангела, но от семени Авраамова воспринял Он другое естество. Приобщившись человеческой плоти и крови, соединившись с душой, Спаситель приблизился к нам теперь не на время, но навсегда, потому что Божество и человечество соединилось в Богомладенце Христе нераздельно и неразлучно!

Бог приблизился к людям до самой крайней степени, но приблизился ли Он и к каждому из нас, или точнее говоря, приблизились ли мы к Христу? Потому что только верою, живой и сердечной, Спаситель вселяется в человеческие сердца и соединяется с каждым из нас (Еф. 3, 17). Только за любовь к Нему, выражаемую исполнением Божественных заповедей Христос приходит к нам, в наши сердца и творит для Себя обитель (Ин. 14, 23).

Бог всегда был близок и к целым государствам и народам, которыми Он управлял. Это можно сказать и о государстве Российском. С нами Бог был на поле Куликовом, когда князь Дмитрий Донской одержал первую победу над монголами. С нами Бог был на полях Полтавских, когда Россия одолела страшного врага и своей победой определила значение нашей Державы в системе европейских государств. С нами Бог был в 1612 году, затем в 1812 году, когда решался вопрос жизни и смерти православного царства. В чем же должна состоять наша

главная забота на современном этапе отечественной истории? В том, чтобы Бог всегда был с нами и с нашим Отечеством!

В этом году чада Святой Русской Православной Церкви в пределах нашей страны вместе со всеми ее народами торжественно празднуют 80-летие победоносного завершения Великой Отечественной войны. В Послании Святейшего Патриарха Алексия I, который возглавил Русскую Церковь в 1945 году, по случаю Победы над фашистской Германией отмечалось: «Но только ли сознание радости несет победа? Она несет также сознание долга, сознание ответственности за настоящее и будущее». (ЖМП, 1985, №5, с. 40) По мнению первосвященника нашей Церкви Патриарха КИРИЛЛА, «не может быть добрым христианином тот, кто не является добрым и верным сыном своей Родины, готовым всем жертвовать для ее славы и процветания». На нас с вами лежит долг приближать благословенное время всеобщего мира нашей усердной молитвой «о мире всего мира», неумолкаемой проповедью мира, всемерной поддержкой миролюбивых инициатив нашего общества, достойным исполнением своего гражданского долга, добрым семейным укладом. Мы молимся о мире и благосостоянии нашей великой Родины и призываем к усердному труду для ее процветания и развития.

От всего сердца поздравляю вас с великим и спасительным праздником Рождества Христова. В этот день верующее сердце особенно чувствует Божественное присутствие. Господь пришел в мир две тысячи лет назад и, явив Дух Свой Святой на Церковь, Он никогда не покидал нас. Он постоянно с нами, и этим Новый Завет отличается от Завета Ветхого, этим православная вера отличается от других вер – мы исповедуем Божественное присутствие в нашей жизни. Нас спасает не мудрость че-

ловеческая, нас спасает Божественное присутствие. Для того, чтобы Бога почувствовать, не нужно быть особым человеком, не нужно напрягать сверхчеловеческие силы, нужно только сердечно обратиться к Господу свою молитву, и Он отвечает на эту молитву, Он прикасается к нашему уму, к нашему сердцу, Он делает нас мирными, радостными, счастливыми и сильными. На этом и основывается наша вера в Господа. И этого самого сильного аргумента личного опыта общения с Богом никто никогда на протяжении всей двухтысячелетней истории христианства не мог отнять у людей.

Сегодня мы особенно чувствуем это Божественное присутствие и просим Господа не оставить нас на путях нашей жизни. У каждого своя молитва: кто-то молится об исцелении самого себя или близких, кому-то нужна помощь в учении, в работе, в трудных жизненных обстоятельствах, кому-то, как нашим воинам, нужна помощь Божия, чтобы сохранить жизнь и здоровье в то время, когда они мужественно защищают Отечество на ближних и дальних подступах.

Возлюбленные о Господе пастыри, честное иночество, благочестивые миряне, дорогие соотечественники и все верные чада церковные! От всего сердца поздравляю вас с великим и славным праздником Рождества Христова!

Придя на землю, Господь Иисус Христос преподавал людям Свое Божественное учение и спасительные жизненные силы, которые оставил навсегда в основанной Им Церкви, в великом и вечном источнике спасающей и исцеляющей благодати Божией.

Приветствую Вас, возлюбленные о Господе, и с наступившим новолетием!

Радуюсь о Господе, нисшедшем на землю, будем проводить жизнь в единомыслии веры и любви, как чада Единого Бога и братья во Христе Иисусе, Господе нашем. Вознесем наши молитвенные слова к Спасителю и Богомладенцу Христу, дабы новый год был для Отечества нашего временем мира, благоденствия и благополучия. Божие благословение да пребывает на семьях Ваших, трудах и молитвах, на всех добрых делах!

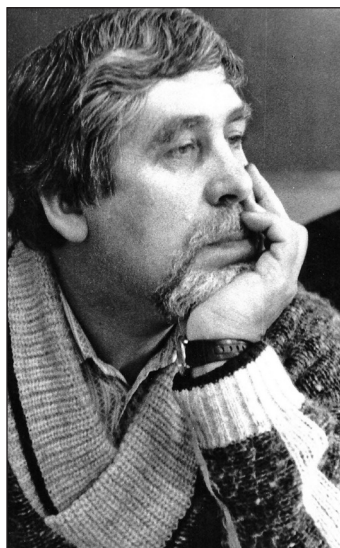
Пусть никогда не ослабевает и не угасает в вас любовь к Русской Православной Церкви и нашей великой Отчизне! Прививайте эту священную любовь вашим детям и укрепляйте ее добрым примером. Служите примирению людей (2Кор. 5, 18–19). Уклоняйтесь от тех, кто сеет вражду и злобу. Да укрепит Нас Господь в правде и истине!

Иже в вертепе родивыйся и в яслех возлегий нашего ради спасения Христос, Истинный Бог наш, помилует и спасет нас, яко Благ и Человеколюбец.



**Владимир
СКИФ**

НАД ПЕПЛОМ НОВОГО РЕЙХСТАГА



ПОЛЫННАЯ ЗВЕЗДА

*Во тьме горит полынная звезда,
И Русь издревле и донине
Неугасима и тверда,
Но помнит древние года
И горечь горькую полыни,*

*Где поднимался алый свет,
Над Куликовым полем рея,
Скакал на битву Пересвет,
Копьё вздымая сквозь рассвет
И сокрушая Челубея!*

*Нет, не исчезнут никогда
Ни память давняя, ни слово!
Горит полынная звезда,
И сгинет чёрная беда,
И слава возродится снова!*

ПАМЯТИ ПОЭТА ГЕОРГИЯ КОЛЬЦОВА

*Созвездьями тьма разрублена...
Георгий Кольцов*

*Дыханье, цветение родины.
Деревня. Отчизна. Буреть.*

*Здесь детские отмели пройдены,
Просёлки родные – на треть.*

*Душой синева приголублена,
А космос – Куйтунский вокзал.
Созвездьями небо разрублено,
Чтоб умерший свет воскресал.*

*Гордился ты дружбою с танками.
– Живые они! – говорил.
Но бранное поле с атаками
Господь от тебя затворил.*

*Ты рано ушёл, но товарищи
Узнали – чего бы не знать:
Когда мировое пожарище
В глазах полыхнуло опять.*

*Стихи выпадали из осени,
Из близких и дальних утрат...
Тебя одногодки не бросили
И Саша – твой преданный брат!*

*И знали – под ветром и грозами,
Что ты из небесной дали
С отцами войдёшь в Новороссию,
Восставшими из-под земли...*

СКИФ Владимир Петрович (настоящая фамилия – Смирнов) родился 17 февраля 1945 года на станции Куйтун Иркутской области. В 1964 году был призван на Тихоокеанский флот, служил в морской авиации. Окончил Иркутский государственный университет, отделение журналистики. В 1970 году вышла первая книга «Зимняя мозаика». Псевдоним взял в 1970-е. В 2015 году официально сменил фамилию на «Скиф». В.П. Скиф – автор 34 книг. Лауреат многих литературных премий. Академик Российской Академии Поэзии. Стихи переведены на сербский, венгерский, болгарский языки. Член Союза писателей России. Секретарь Правления Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

ПЛАЧ О МОЕЙ ДЕРЕВНЕ

Вот деревня. На пашне солома.
И крапива стоит вдоль села.
И, объята кромешною дремой,
Иван-чаем земля заросла.
Опустели земные хоромы,
Где упали осколки грозы.
У родного отцовского дома
Постою и не спрячу слезы.

А слеза проступает на сердце,
И чем дальше от глаз, тем сильнее
Гнёзда ласточек стынут на сенцах.
Вот калитка и школа за ней.

Там уже отшумели уроки,
Неужели уходят на слом
Этот мир, этот дом у дороги
И пустой зерносклад за углом?!

Разве это представить возможно,
Неужели забудет душа,
Как идёт по слезам подорожник,
На погосты родные спеша.

ОДЕРЖИМЫЙ

Памяти Владимира Оводнева,
погибшего в СВО

Ты был в Афгане и в Чечне,
Там бил огонь несокрушимый.
В моём родимом Тулуе
Ты жил и звался «одержимый».

Ты научился жить в огне,
Ты сшибся с киевским режимом.
И в Третьей Мировой войне
Ты был и вправду одержимым.

Спецназовцу неведом страх,
Любой заплот вставал оплотом,
Когда срастался ты в боях
С летучим другом-пулемётом.

И на днепровском берегу,
Где дом рассыпался в щебёнку,
Ты бил прицельно по врагу,
Который прятался в «зелёнку».

«Вертушка» в небе, как обвал,
Была врагу недостижимой,

Ракетницей салютовал
Ей из «зелёнки» одержимый.

Но снайпер выследил во рву
Твой пулемёт...
Друзья, молитесь!
Пал одержимый на траву,
Как настоящий русский витязь!

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ

Я в прошлое вперяю взгляд
И восстанавливаю были...
Гремели Курск и Сталинград!
Неужто подлецы забыли?

Неймётся внешнему врагу!
Неужто немцы или шведы
Забыли Курскую дугу
И наши прошлые победы?

Смотрю: сегодня здесь и там
Под сердцем Родины – не где-то –
По нашим русским городам
Бьют современные ракеты.

По русским людям, по крестам,
Где жизнь и память бытовала...
И отвечает болью Храм
И русским гневом, как бывало.

Не сомневаемся – придёт
Земля российская в движенье.
Над всей Европою грядёт,
Взойдёт последнее сражение.

Мы вспомним Курскую дугу
И алый цвет родного флага,
И бой на волжском берегу,
И вой фашистов у Рейхстага.

И обрусеет Вашингтон,
И поседеют черти НАТО,
Когда увидит Пентагон
Подлёты русского «Сармата».

И, вспомнив мать и перемать,
Взорвётся русская отвага,
...И флаг не надо поднимать
Над пеплом нового Рейхстага!

Эдуард АНАШКИН

ЛЮБОВЬ НЕИЗЪЯСНИМАЯ

Думаю, не ошибусь, сказав, что русские поэты творчески устроены на особинку. В чем отличие, спросите? А в том, что, как правило, самые «личные» стихи русских поэтов – они вовсе не о личном. Они о России. Русские поэты пишут о своей Родине так, словно это самая главная любовь в их жизни. И этим можно отличить русских поэтов от всех прочих. Конечно, на счету русских словотворцев прекрасные стихи о любви к женщинам, но на каких-то творческих высотах их любовь к России, как главной «женщине» своей судьбы, сплетается с любовью к Богу, и тем самым эта небесная любовь выводит стихи на уровень почти надмирный. Поют поэты по-разному, но вектор их творчества устремлен ввысь.

Вновь поют ручьи береговые, //Прилетели тысячи скворцов... //Вы неужто нынче неживые, //Передреев, Прасолов, Рубцов? //Вы же были певчие из певчих, //Открывали Родине глаза. //И, чем связь с землею была крепче, //Тем сильнее звучали голоса...

Владимир Скиф – один из тех, кто обладает мужеством сделать раз и навсегда выбор в сторону поэзии и остаться ему верным навсегда. Где бы ни был, кем бы ни работал – этот выбор остается неизменным. Это истинный мужской выбор. В «жизненном мире» любящий заботливый муж, отец, брат, сын, настоящий русский поэт всегда имеет главным ориентиром ее – Россию. К сожалению, случаи взаимного выбора, когда не только поэт выбрал поэзию, но и она выбрала его, не такие уж частые, но Скиф – один из немногих случаев, когда никакие земные перипетии не могут поколебать этого выбора. Пока многие пишущие люди оправдываются, что поэзия перестала быть главным выбором их жизни в силу нехватки денег, времени, в силу неблагоприятных обстоятельств, поэты, подобные Скифу, хранят верность поэзии в горе и радости, обретениях и потерях, словно венчаные с ней Свисте.

Это в наш сумбурный неромантический век – почти подвижничество. Но поэзия дает именно таким своим верным избранникам то самое вдохновение, которое помогает им создавать стихотворения, что

переживут своих избранников надолго. Вот потому эти «певчие из певчих» обладают сокровенным правом говорить от имени тысяч современников, осмысливая выпавшее им на долю непростое время.

Уснул Байкал. Ночная пелена //Незримой цепью мир сковала. //Вселенская упала тишина //На воды тихие Байкала. //И в этом странном мире тишины //Едва ночное море дышит. //В его просторе волны не видны, //Их даже воздух не колышет...

Байкал для любого сибиряка, да и для любого живущего в России человека не просто озеро или водоем. Это море и даже почти океан, это космос, упавший на землю. Огромным пространством наполнены стихотворения Владимира Скифа о Байкале, в дыхании Байкала слышится пульсация космоса. Не случайно он написал в недавней книге о Байкале:

Он вечный! Вещий! Драгоценный! //Он место в космосе искал... // И если есть душа Вселенной, //То это, все-таки, Байкал!

Это тот самый космизм, который присутствует в поэзии лучших поэтов, а в творчестве Скифа наиболее ярко ощутим именно в стихах о Байкале.

Говоря о новой книге поэта – столь разнообразной тематически и творчески, нельзя обойти вниманием историчность мышления и творчества ее автора. Историчность русской поэзии проистекает из сформулированного давным-давно выражения, что истинный поэт – это современник всех живших до него людей и земляк всех землян. Это то, что Достоевский называл «всемирной отзывчивостью русской души», ведь русский человек ощущает не только глубокое свое русское отличие от всех наций, но при этом каким-то чудесным образом, не противореча самому себе, чувствует свою всемирность. А у русского поэта всегда все ярче – русские поэты живут размахисто, ощущая себя современниками и Пересвета, и Сергия Радонежского. Двести лет туда, двести лет сюда – таково оно, русское поэтическое летоисчисление, когда порой происходящее задолго до нас мы ощущаем как современность:

Где поднимался алый свет, //Над Куликовым полем рея. //Скакал на битву Пересвет, //Копье вздымая сквозь рассвет //И сокрушая Челубея! //Нет, не исчезнут никогда //Ни память давняя, ни слово! //Горит полынная звезда, //И сгинет черная беда, //И слава возродится снова!..

Я давно вывел для себя одну характерную особенность: чтобы понять человеческую и творческую суть поэта – почитайте его стихи о русской деревне. Что мы читаем у Скифа? А читаем словно вырванные с кровью из души пронзительные слова, словно смотрит сын, как мать умирает, а ничего поделаты не может, хоть сам умри вместе с ней:

Вот деревня. На пашне – солома. // И крапива стоит вдоль села // И, объята кромешною дремой,

// Иван-чаем земля заросла. // Опустели земные хоромы, // Где упали осколки грозы. // У родного отцовского дома // Постою и не спрячу слезы, // А слеза проступает на сердце, // И чем дальше от глаз, тем сильнее. // Гнезда ласточек стынут на сенцах. // Вот калитка и школа за ней. // Там уже отшумели уроки, // Неужели уходят на слом // Этот мир, этот дом у дороги // И пустой зерносклад за углом?! // Разве это представить возможно? // Неужели забудет душа, // Как идет по слезам подорожник, // На погосты родные спеша.

...Одной из жемчужин этой книги видится мне поэма «Валентин Распутин». Не просто, как уже упоминалось выше, автобиографическая тема для автора этой книги. При всей ее наполненности фактами распутинского творческого и человеческого пути, эта поэма не только и даже не столько о Валентине Распутине. Это художественное осмысление небесной миссии русского человека и русского писателя в смутные времена падения небес на землю. Миссия атланта русского неба, которое надо держать вопреки непростым, а часто и трагическим обстоятельствам. Тому, кто несет груз, некогда словоблудием заниматься, оттого и молчалив бывает русский человек. Атлант русского неба, чуждый гордыни, не смотря на свою высоту – личностную и духовную, ощущающий непрерываемую связь с тем земным устройством родного уклада.

Неужто этот русский голос // Уже навеки отзвучал... // Молчун Распутин, беспокоясь // О русской доле, не молчал. // В родной простор глядел с любовью // Неизъяснимою, живой. // Писал всей болью, всею кровью, // Не возвышая голос свой // Над русским домом, русским ладом, // Над светоносною рекой, // Но голос тот звучал набатом, // Как в битве на передовой. // Он сердцем собственным латает // Пробитую в России брешь, // Куда держава улетает // И с нею тысячи надежд. // Его над бездною проносит // Несчастий самых горьких вал, // Но он не мог Отчизну бросить, // Оставить без любви Байкал, // ...Ему внимали грады, села, // Родная церковь, темный лес. // ...Звучит его бессмертный голос, // Как голос совести, с небес.

Владимир Скиф наделяет реально живших рядом с ним людей воистину эпическими чертами характера былинных и библейских персонажей. Дочь Валентина Распутина, трагически погибшую в авиакатастрофе талантливую органистку, звали евангельским богородичным именем Мария.

В Царствие Божие дверь отворили... // Слушайте, слушайте – в тихом раю // Ангел поет или Ave Maria // Слышится в горестном нашем краю. // Мечутся листья и ветки сырые, // В небе плывет облаков караван. // Может, и вправду – услышит Мария, // Как безутешно рыдает орган. // Богу угодно, чтоб мы сотворили // Нашу молитву во имя ее. // Шлет

нам с библейского неба Мария // Вместе с прощаньем – прощенье свое...

Сказанное относимо и к другой поэме – «Александр Вампилов». Хочется воздать должное писателскому и человеческому таланту Владимира Скифа увидеть в земном человеке из плоти и крови евангельский свет и божественное предназначение.

Откуда твой опыт? Из детства! // Из песен в родимом краю? // Наверно, Господь пригляделся // И высветил душу твою. // Ума вековое наследство // Ты принял и тайну постиг. // С Эвертопою жил по соседству // В сибирском селе Кутулик.

Особого разговора заслуживает поэма «Николай Клюев». Думается, ключ к этой поэме лежит в стихотворении-посвящении современному выдающемуся литературоведу Сергею Куняеву, который осилил огромный труд изучения жизни и творчества Клюева и написал книгу о нем. Ведь без знания творчества Клюева вряд ли можно прочесть все то глубинное, исконное, что заложено в поэзии Есенина! Хотя эти великие поэты были очень разные, но их роднит новозаветность.

Клюев из «Нового» вышел «Завета». // Клюев над бездною вздымает крыла. // В нем воссияла История века, // В нем уместилась российская мгла...

Владимиру Скифу повезло: он живет в поэтическом мире, о котором пишет, который создал сам. В этом поэтическом мире мертвых нет, несмотря на трагические моменты многих стихов, в нем все поэты живы. Будь то Пушкин, Лермонтов, Есенин, Клюев, Цветаева... Все эти поэты – современники автора этой книги, и с каждым из них у автора (а, стало быть, и у читателя, эту книгу читающего) – живые отношения.

Мне пишется – и слава Богу! // Мне любится – и в добрый час! // Стучится в гости Такубоку, // И входит Пушкин, не стучась. // Всегда с цыганами, с друзьями, // С бутылкой крепкого вина, // В нем игры тигра с обезьяной // И слава доброго лгуна // Азартней нету человека! // Стихами Пушкин упоен. // Здесь Лермонтов – легенда века // И всеми изгнанный Вийон. // Хохолет непоседа Пушкин // Среди поэтов всех времен. // Лорд Байрон здесь с горячим пуншем // И Саша Черный, и Бальмонт. // Печальный Блок с тоской осенней // Твердит: – Есть истина в вине! // Читает сумрачный Есенин: // – Дай, Джим, на счастье лапу мне! // Он том истрепанный листает // И усмехается себе... // Заря бессмертия светает, // Где каждый выбрал по судьбе.

(Поэма «Лермонтов»)

Читаешь и прямо хочется попасть в этот узкий круг, который на самом деле не узок, а распахнут настежь и готов принять каждого из нас, благодаря автору этой книги:

Великосветские пирушки, // Где знать столичная
вилась // И смаковала: – Этот Пушкин – // И дуэлянт,
и ловелас. // – Забавно, знаете, забавно // Его с же-
ною лицеизреть! // ...В миру Наталья Николавна //
Его отравой станет впредь. // Поэт пирушек не чу-
рался // Среди гусар или цыган, // Зато бежать ба-
лов старался // И праздных, чопорных дворян. //
Речами лживыми разгневан, // Вновь на балу горел
огнем. // Считали все, что при царе он, // А оказа-
лось – царь при нем...

(Поэма «Пушкин»)

И вместе с Пушкиным твой читательский круг
общения расширяется за счет современников Пуш-
кина: Боратынский, Кюхельбекер, Дельвиг, Данзас,
Василий Пушкин, Жуковский, художник Орест Ки-
пренский, утаенная любовь Пушкина княгиня Вол-
конская, легендарные Арина Родионовна и Анна
Керн, Наталья Гончарова и даже... дочь, не к ночи
будь помянутого, Жоржа Дантеса, убийцы Пушкина.
Дантеса, которого кара настигла спустя время по-
сле его выстрела на Черной речке. Эта кара вопло-
тилась в родную дочь Дантеса Леонию-Шарлотту,
для которой любовь к творчеству Пушкина стала от-
правной точкой ненависти к его убийце, отцу Лео-
нии – Жоржу Дантесу:

Господняя кара бытует – я знаю! // Я кару Данте-
са могу лицеизреть: // А карю дочь оказалась род-
ная: // Шарлотта-Леония, ставшая впредь // Его на-
казаньем, отмщеньем Поэта, // Который от Фран-
ции пал вдалеке. // И дочь наказала убийцу! //
За это // «Душевнобольной» умирала в тоске. // Она
умерла во французской «психушке», // Великий Гос-
подь ей грехи отпустил. // И с неба сошел несгиба-
емый Пушкин, // И тихо племянницу перекрестил.

А закончить свои размышления о новой книге
Владимира Скифа хотелось бы словами о поэме

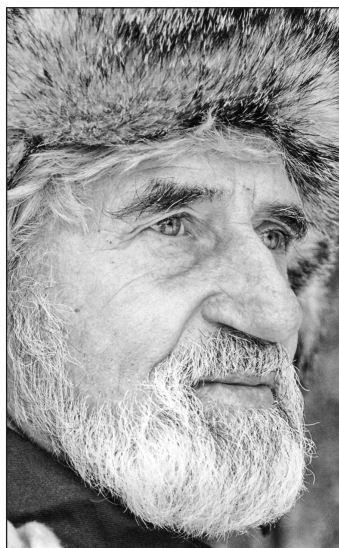
«Месяцеслов», то есть – поэме Скифа о России, ко-
торую я бы назвал объяснением в любви России,
о нашем традиционном укладе и ладе. Очень свет-
лая поэма, пронизанная неуклонной верой в луч-
шую долю Родины, несмотря на все осознание тра-
гичности судьбы нашего Отечества, которое в XX
веке так кроваво полыхнуло октябрём 1993 года.
Но, несмотря ни на что, звучит здравица-тост
во славу России, здравица, которая сегодня, в пору
испытаний, так нужна нашей стране:

Поднимем до краев наполненный бокал // За во-
ина Руси, за деву молодую, // И выпьем за Москву,
за Волгу и Байкал, // За горлицу мою – за Родину
святую!

У Родины нет большого и малого, как у матери
нет детей любимых и нелюбимых. Все вокруг свое
и родное, все о своем и о родном в этой книге, будь
то венок сонетов «Байкал» или циклы стихотворе-
ний «Байкальские цветы» и «Пускай жучок живет
на свете». Родина и состоит из таких «малостей»,
как деревья, травы, цветы, жужелицы, шмели. Все
мы дети России! Каждый из нас имеет свою судьбу,
свое предназначение, свои переживания, свой по-
жар в груди... И потому каждый персонаж этой кни-
ги, будь то известный прозаик, великий поэт, зим-
ний снегопад, полевой цветок, – все живое в этой
удивительной книге, все живет своею жизнью и яв-
ляется частью России, рождается, умирает, страж-
дет, воспевается поэтом, вызывая в душе чувство
неизъяснимой родственности и любви, а потому
в наше непростое время каждый персонаж этой
книги и есть «Страдающий пламень». Пламенеть ве-
рой и любовью, несмотря на страдания, – такова
участь каждого из нас.



Леонид
ГЕРЖИДОВИЧ
ТИХИЙ ПЛЁС



Спиннинговой катушкой
На морозе звеня,
До рыбачьей избушки
Раскрутилась лыжня.

Лыжи, ткнувшись с излучи
О торосов гряды,
Как замёрзшие щуки,
Распластались на льду.

Ноги в крагах лосиных
Тащат в сени друзня –
Иней вылепил спины
Чешуёю язя.

Над горбатою крышей
Срезал ветки дымок...
Оживает и дышит
На плите котелок.

Запах рыбы и лука,
Перестуки ножа
И остроты друг в друга,
Как иголки ерша.

Нет ушцы с наваром,
Чаю выпито всласть.
Широченные нары
Нас глотают, как пасть.

Бродит сумрак в сторожке
Сладкой поступью сна.
...То ли месяц в окошке,
То ли в лунке блесна.

В просторы иду одиноко.
Цикорию дышит земля.
И кажется: Божие Око
Меня провожает в поля.

Тропа за овражьем изгибом
Уткнулась стрелой в небосвод,
И солнце огромною глыбой
Расплавало весь горизонт.

Что ждёт меня там, за пределом,
Где небо увязло в траве,
И прошлое облаком белым
Растаять спешит в синеве?

Что думают эти берёзы
В печали своей обо мне?

И где мои выпадут слёзы
Словами на этой земле?

В подоле
Из леса
К чаю
Знахаркой умелою
Поднесёт янтарной чаги
Мне берёза белая.
Заклубит, запыхнет пар,
Ноздри защекомятся...
Выпью чаю самовар,
И ещё захочется.
Не с того ли, как мой дед,
От морозов розовый,
Наделён я с малых лет
Крепостью берёзовой?
Дом рублю иль печь кладу –
Руки силой полнятся,
Белковать в тайгу иду –
Лайки не угонятся.
За стихами тоже в лес
Отправляюсь с розыском.
Родом я – с таёжных мест
И живу в Берёзовском.

Пусть ладони загребели,
Как кедровая кора.
Привезу привет тебе я
От собаки, от костра,
От своей лесной избушки,
Где покуда воздух чист,
Где волнушки по кадушкам
Нюхают смородный лист.
Здесь, совсем не зная страха,
Чуя соль, средь бела дня
Задубелую рубаху
Лоси съели у меня.
Пусть вослед мне осень дышит...
Я в разбитых сапогах
Вдруг войду к тебе под крышу
С летним ветром на губах.
Ты уронишь чашку на пол,
Припадёшь легко к плечу,
Уловив таёжный запах,
Тихо скажешь: «В лес хочу...»
Мы уйдём за огороды,
Чай оставив на столе,
Под смолистым небосводом

Затеряемся во мгле.
Вдалеке неярким лаком
Сосны выкрасят восток.
И костёр наш, как собака,
Будет ластиться у ног.

Я учился в третьем классе.
Дед твердил в трёхсотый раз:
– Внук, гляди,
В меня удался:
Бойкий будет кедропаз.
Сердобольная старуха,
Повернувшись от печи,
Обрывала деда глухо:
– Все попилят кедррачи.
Сгинет лес как от напасти,
Не отыщешь и кола.
И в её словах отчасти
Правда горькая жила.
Нет давно уже старухи,
А за ней и дед исчез,
И повыпилен в округе,
И свезён куда-то лес.
Только чахлые околки
Да осинник что свеча.
И тружусь я на прополке
Первогодка кедрача.

Рюкзак за плечи в спешке брошу,
На лыжи встану в добрый час
И по нетронутой пороше
Уйду в тайгу на Усть-Барзас.

На крутояре возле речки,
За частолесьем сосняка,
У чёрной заночую печки
В далёком доме лесника.

Ничто покоя не нарушит,
И будет в домике темно,
И будет пихтушка-девчушка
Ко мне заглядывать в окно.

Забыв про завтрак, спозаранок –
Ещё и солнце не взойдёт –
Пешней проворной протараню
На омуте метровый лёд.

И будет день, как миг, короток,
И будет бойко брать чебак,
...И будет ой как неохота
Домой настраивать рюкзак.

ТОПОЛЬ

В голубиной просини,
В зное и жаре
Обносился к осени
Тополь во дворе.

Хорошел на тополе
Новенький наряд;
Был, как воин во поле,
Он молодцеват.

Жил легко и песенно
Под моим окном
И на ветре весело
Гарцевал верхом.

А теперь обтрёпанный,
На скелет похож,
Он стоит, как вкопанный,
Вслушиваясь в дождь.

С трубою чёрной на макушке
И с белой лайкой у дверей
В ложбине пряталась избушка,
И в ней я жил среди зверей.
Один до родниковой речки
С ведром торил тропу в метель,
Рубил дрова, курил у печки
И сам стелил себе постель.
Во всём придерживался меры,
Себя любя и не любя.
И выгнестить пытался веру
Одну лишь – в самого себя.
Стреляя дичь по перевалам,
Я жил себе, как в ножнах нож.
И думал: с этаким забралом
В тайге никак не пропадёшь.
Мели снега и зори висли.
И я не ведал, как лыжнёй
Моя беда коварной рысью
Повсюду следует за мной.
Когда пургою ты захлёстан
И рядом друга не видать,

Себя во всём совсем непросто
Боготворить или презирать.
И стал мой сон, как призрак – зыбок.
И, просочась в моё жильё,
Ко мне вскочило на задривок
Зверь-одиночество моё.
Оно нещадно издевалось.
Оно глумилось надо мной:
То тьмой полуночной шепталось,
То хохотало тишиной,
То, убегая за увалы,
Вело меня в кошмарный сон,
То вой метели превращало
В пронзительный трамвайный звон.
И я, как пойманный, метался,
И был придавлен я и сир,
А где-то плакал и смеялся
Так просто брошенный мной мир.
И за спиною дверь вздыхала.
И был готов бежать я в ночь.
И лайка руки мне лизала,
Не зная, в чём и как помочь.

Где-то в глухаринной глухомани,
За просветом выцветших берёз,
Одинок в предрассветной рани
Обо мне тоскует тихий плёс.
В нем, как льдинки, тихо стынют звёзды.
Вкруг на километры – ни души.
Лесы там не рассекают воздух,
Не ныряют лодки в камыши.
Тихий плёс...
В урочищах таёжных
Окаймлённый густо в тальники,
Он затерян в чаще бездорожья
За изгибом сумрачной реки.
Но когда по задремавшим пихтам
Звездопад ударит проливной,
Тихий плёс ко мне совсем не тихо
Прямо в душу плещется волной.
Словно от болезней исцеленье,
Кровь мою тревожно горяча,
Мне таймени, лунные таймени
Стали часто сниться по ночам.
Тихий плёс...
Я знаю, в эту осень,
По песку печатая следы,
Из тайги к тебе выходят лоси
И стоят, застывши у воды...

**Александр
САВЧЕНКО**

БЛИЖНЕЙ ТРОПОЙ К СЕРДЦУ

ПОВЕСТЬ



«Зилорк» ссадил меня на обочину дороги и, встряхнув под собой редкую серую пыль, двинулся дальше по малонаезженному большаку.

Стояла благодатная пора, когда все живое пребывает в наслаждении середины лета. В июльском зное деревья глубокими корнями вытягивали соки земли, гнали их через себя до самого вершинного прутика. Этим соком кормился и поилась весь лес, а излишки влаги уходили в широкий солнечный воздух, отчего волнами растекалась терпкая духота древостоя, перемешанная с ароматом трав, срезанных на примыкающих к дороге полянах.

Неделю назад я пересек границу родной советской страны, вернувшись из дальней и длительной командировки. Без малого три года мечтал о том дне, когда полетит с моих ног дешевая кожаная обувь, и я с восторгом окунусь в постель из духмяных трав. Тридцать три месяца – почти тысячу дней я носил на макушке своей головы цепкое экваториальное солнце. Тропические джунгли в этой стране буйствовали где-то далеко на юге. А здесь почти никогда не бывало дождей, и одnogорбые верблюды с рождения не

13

знали, что такое тень. На сотни километров протянулась пустыня, состоящая из мельчайшей песчаной пыли. На этом ландшафте, исковерканном солнечным смерчем, казалось, не могло быть никакой жизни. Тоскливое до боли пространство, не предназначенное Богом для человека... И мне среди душных ночей все чаще виделся подпирающий облака лес с муравейными кучами у корявых комлей берез; ушей касался нервный шелест осиновой листвы, а в горле саднило от смолисто-сырого хвойного запаха, какой в концентрированном виде опускается вечерами на берега водоемов.

...Тропинка пролегла по увалу, витиевато пронизывая осиновый подлесок. В стороне бухли молодые калиновые кусты, успевшие сбросить с себя молочную пену соцветий, изредка из ниоткуда тянулся черемушник, увитый изумрудными ожерельями хмеля. Стволы деревьев понизу заплотонила густая папоротниковая поросль, из нее широкими ладонями поднимались листья переспелых пучков. За свежей валежиной лежит другое дерево, видать, поваленное грозой прошлым летом. И возле них отдельными семьями растут молодые саранки, обсыпанные сиреневыми завитками.

* Журнальный вариант.

САВЧЕНКО Александр Карпович родился в 1937 году в рабочем посёлке Любино Омской области. Работал в Мариинске и Кемерово, три года занимался поиском подземных вод в пустыне Гоби (Монголия). Печатался в альманахах: «Литературный Омск», «Кузнецкая крепость», «Притяжение», в журналах: «Юность», «Крокодил», «Шмель», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Метаморфозы» (Беларусь), «Страна Озарение», в «Литературной газете», участвовал в коллективных сборниках, изданных в Москве, Волгограде, Брянске, Орле, Кемерово, Омске, Новокузнецке. Автор книг «СОВ ПАДЕНИЕ», «В плену времён», романа «Двое из-за бугра». Лауреат премии журнала «Огни Кузбасса» за 2012 и 2022 г. Член Союза писателей России. Живёт в Новокузнецке.

Я, конечно, мог бы проехать еще с километр – дальше лежал свороток, по которому до крайних домов было рукой подать. Но машина остановилась именно там, где я попросил водителя.

Мне с детства была знакома эта тропинка, десятки раз ходил по ней. Впервые мне показал ее отец. Был, помню, апрель, конец затяжной зимы второго послевоенного года. Мама с февраля лежала в районной больнице. Рано утром прибежала почтовичка Полина Чикалова, запалистым стуком разбудила нас, и через двойные стекла мы услышали, что звонили из райцентра: матери, мол, совсем плохо, срочно вызывают отца.

Тот молча помог мне собраться, сунул в кирзовую хозяйственную сумку краюшку хлеба, две луковицы и несколько смерзшихся срезов свиного сала. С этой поклажей мы зашагали из дому. Дорога к большаку была разбита «дэтэшкой» – единственным в округе гусеничным трактором, сохранившимся до конца войны. По причине полного бездорожья редкие подводы старались пробираться стороной – там, где еще не отошла от зимы верхняя прослойка земли.

– Пошли напрямик, тропой, – выдохнул в утренний воздух отец. – Выйдет короче на полчаса. Может, успеем... Кто-нибудь подберет...

Но никакого попутного транспорта – ни машины, ни телеги – в нашу сторону на дороге не оказалось. Так мы и шли, не говоря друг другу ни слова, все двадцать с лишним километров. Дважды останавливались, жевали всухомятку ржаной хлеб с прочесоченными ломтиками сала. Я видел, как в отцовских глазах дрожали слезины, которых я прежде никогда не видел. Он морщился, болезненно отводил от меня взгляд и молчал. И я тоже не находил слов, поскольку не знал, что теперь стало с мамой. Но через случайно пойманные взгляды отца понимал: ничего хорошего у нас больше не будет. Мне остро передалась в те мгновенья наша общая семейная безысходность...

Так вышло, что вскоре не стало и его, я осиротел и перешел на житье к родному брату отца, Степану Алексеевичу.

Дядя Степан конюшил в колхозе, жил с теткой Анной небогато, но и не бедствовал. По его двору зимой и летом толкалась скотина: корова с телком да три-четыре овцы, тут же под ногами с весны до первого снега путалось до двух десятков кур. Хорошо ли плохо, но жить было мож-

но.

Дядины дети, мои двоюродные братья Егор и Иван были намного старше меня. Один служил на сверхсрочной в армии, другой где-то работал учителем. А дочь Настя вышла замуж за одного Васюху Коновалова, инвалида с войны, и переселилась к нему в дом. Из младшего поколения родни у дяди Степана и тетки Анны жил я один.

Много раз ходил я этой малозаметной тропинкой: и за грибами, и на покос, возвращался из райцентра на каникулы. А потом уже взрослым приезжал сюда всей своей семьей. Высаживались мы около заветного места и шли этим же направлением. Попутно я рассказывал, как угодил здесь в сухой корень, сбил босую ногу и отвалился из-за такого пустяка в кровати больше месяца. Как наткнулся тут на ежонка: колючки глаже, чем волос на голове. А в другой раз, когда повстречался на пути сохатый, было совсем не до умиления. На всю жизнь врезалось в память, как крутанул лось могучей шеей, ломая рогами ветки. Видно, встревожился внезапным вторжением человеческой твари в свои владения. Блеснул ярим огнем глаз и грузно ступил в мою сторону, заставив труханувшего пацаненка дать деру. Тогда я побежал назад по этой же спасительной тропинке, сшибая на ходу засохшие от времени сучья...

Я не знал и никогда не узнаю, кто первым проложил этот мало кому известный в округе лесной путь. Может быть, мой отец, а может, и дед. Ведь здесь, на этой земле, прошло и их детство. И здесь матушка-земля приняла моих дорогих предков... Это вот я рано ушел бродить по свету и не знаю, где останутся мои следы.

...Тропинка к селу выходила недалеко от нашего кладбища. Тихое и печальное место... Словно прикасаясь к иному, но реальному миру, я всегда приостанавливался здесь, затаив дыхание. В детстве я не знал никого из тех, чьи имена были нацарапаны или вырезаны на некрашенных деревянных крестах. Памятников и оградок вокруг них по тогдашнему обычаю не было.

С годами кладбище разрослось, вышло из-под белоствольной рощи и как бы немного отдалилось от деревни. Появились сначала дощатые, потом железные памятники. Я стал обнаруживать на них знакомые имена и фамилии. Об упокоенных односельчанах напоминали привернутые к дереву или металлу фотографии –

чаще всего овалы, покрытые жаропрочной эмалью. Мать с отцом были схоронены на стыке старого и нового кладбищ. Так я делил свое прошлое: то, что было до меня, и то, что стало при мне.

Высокая березовая роща иссыхала на глазах. Среди редких ветвей темнели потрепанные шапки сорочьих и вороньих гнездовий – туда давно не залетали их хозяева. Кресты на старой части кладбища стояли наперечет, намного больше там было просто затянутых травой бугорков и валиков. Вдоль жердяной кладбищенской ограды когда-то прокопали канаву, теперь она доверху заросла сорняком...

Я прислонил к столбику ограды дорожные вещи – небольшой кожаный чемодан и спортивную сумку. Направился в сторону, где покоились мои родители. Подошел, постоял минуту, отметил свое присутствие полусшепотом «царствие вам небесное!» и повернул назад. Я знал, что приду сюда завтра и сполна совершу свое сыновье дело, вдоволь посижу подле дорогих могил. Машинально ухватился за осотовый стебель – хотел вырвать паразита с корневищем, да не тут-то было: только скользко обжег ладонь игольчатой щетиной.

Тут я заметил, как метрах в пятидесяти от меня торопливо прошла незнакомая женщина. Со спины я не смог даже определить ее возраста. Она же, поддерживая на плече черенок штыковки, скорым шагом удалялась от меня в направлении деревни.

Проводив взглядом незнакомку, стал выбираться из тесного лабиринта оградок. Так вышло, что через какое-то время я оказался на том самом месте, где до меня находилась удаляющаяся прочь незнакомка. Огляделся. Немного в стороне от других могил стояла остроконечная металлическая тумба со звездочкой наверху. У могилы не было никакого ограждения, к памятнику подступала свежая насыпь, которую, видеть, только что обривняли по краям, и теперь под солнцем земельный срез покрывался белесой поволокой. Я подошел ближе. На холмике у основания памятника стояла поллитровая банка с водой и опущенными в нее ромашками. Выше приварена металлическая рамка, куда еще не успели вставить фотокарточку. Под рамкой привинчена пластинка из нержавеющей стали с фамилией и двумя главными датами. В длинное тире между цифрами уместилась короткая жизнь молодого человека. Меня покорила де-

таль: здесь покоился ровесник моего старшего сына. На мгновение во мне плескнулось острое чувство неизбежной утраты чего-то самого дорогого, пробилась инстинктивная боязнь за судьбу самых близких людей...

Уходя отсюда, я понял, что памятник поставлен совсем недавно, не более месяца назад. Смахнул с лица пот, поднял с травы оставленные вещи и зашагал по проселочной слегка пыльной дороге, огибающей изгороди крайних огородов. Вдали передо мной маячила фигура все той же женщины с лопатой. Перед тем, как я собрался свернуть в свой переулок, женщина в последний раз мелькнула около чьего-то плетня и исчезла.

Дядю Степана застал дома в одиночестве. Точной даты своего прибытия я специально не сообщал, написал только, что в конце июля: вдруг вышла бы задержка в дороге, у стариков тогда были бы лишние переживания и хлопоты. Мы обнялись, расцеловались. У дяди от неожиданной радости намокли складки у глаз.

– Эх, ек-маек! А тетка-то, Сань, с утра подавалась по грибы... Заждались все. Я как знал, остался, даже на пасеку не пошел. Сердце предчувствовало, – потер он ладонью одряхлевшую грудь. – Оно у меня, Сань, наперед смотрит... Ну, дак как, ек-маек?

Дядя Степан суетился рядом, разглядывая меня, как долгожданную диковинку. Кисть его правой руки заметно вздрагивала. Он подхватил ее левой, прижал локтем к подреберью. Значит, у дяди не все хорошо со здоровьем...

– Ну, ну... Африкан! Истощал там у их, у негров-то. А так ничего! Хорош! Наша порода... А што седина пошла – пес с ней. Это дело мужицкое, наживное. У меня белый волос пошел, посчитай, с тридцати годов...

В дяде мне виделся уже глубокий старик... Поживу я здесь, пообвыкнусь, и сотрется первое впечатление, окружающее будет казаться таким же, как раньше, – нисколько не измененным прошедшими годами. Но сейчас, глядя на дядю Степана, я видел, что он давно перешагнул тот рубеж, когда человека, сколько б он ни хорохорился, начинает одолевать разрушительная старость. Вот уже не слушается одна рука...

Во мне ожили воспоминания о детстве, о родительском доме, который давным-давно покоился, врос одним углом в землю, но и поныне стоит на той стороне улицы. От нахлынувших

чувств перехватило горло. А дядя Степан не давал выдохнуть ни слова. Как заведенный механизм, он будто старался сразу выговорить все семейные новости и личные соображения по каждой из них. Рассказал, что по весне наведывалась старшая внучка Ольга, дочь сына Егора. Пожила меньше недели, нюхнула деревенской тоски и укатила к себе в пригородный откормсовхоз. Обстановка, мол, деда, у вас сиротливая: ни кавалера стоящего, ни дискотеки, только одно дрыганье под баян... Потом было доложено, что тетка Анна свалилась по оплошке в погреб, да, слава Богу, удачно – не только ничего у себя не надломила, а даже как следует не оцарапалась. Зато чуть не заболела с большого перепугу. Да что с нее, мол, взять, она во все веки такая...

– Вываливается счастье к людям, – заключил мой гостеприимный хозяин. – Но уж больно редко!

Наконец, я понял, что дядю Степана мне сегодня не переждать.

– Сполоснуться бы с дороги... – напомнил я о себе, вклинившись в стариковский монолог. – Помывальник наш все так же во дворе?

– Об чем, Саня, речь? Об чем разговоры! Щас я тебя отведу в душ. Там за сарайкой Васюха смастачил нам одну штуковину... Ты в своих городах сроду такого не увидишь. Ступишь на дощечку – и потекла божья роса. Я его спрашиваю: ек-маек, где такого чуда нагляделся? Ведь с самой войны человек не вылезал из деревни. Может, у немца где подглядел? А он мне, значит: журналы надо чаще, папаша, полистывать. Ах ты, Господи! Разив мне теперь до журналов, Сань, коли девятый десяток разменял... Про журналы талдычит, да еще на полном серьезе. Во дает! Ты ж сначала головой подумай, а потом советы давай!

Я видел на лице старика беспредельную искреннюю радость, вызванную и моим появлением, и тем, что у него за сарайкой работает душ на уровне мировых стандартов. И мне захотелось прямо сейчас, сию же минуту сделать ему приятное в ответ. Вытащил из сумки сверток, обернутый в целлофан:

– Вам, дядя Степан! На память об африканском континенте!

– Ково ты тут придумал? Надо ли, Сань?

Я помог извлечь из целлофана содержимое свертка – бутылку французского рома и курительную трубку, вырезанную из эбенового дере-

ва.

– Сань! – умилился старик. – Да я же теперь совсем не курю... Тетка Анна тому первый свидетель. Дело у нас такое вышло, ек-маек. Понимаешь, на принцип пошло! Да про это потом... – отмахнулся он здоровой рукой. – А вот твою мадеру-холеру опосля опробуем. Гости в жисть не откажутся. Ты, наверно, не слышал: мне доктора запретили эту заразу даже из наперстка пробовать...

Дядя Степан с сожалением посмотрел на трубку, отполированную до зеркального блеска и светящуюся откуда-то изнутри. Посмотрел, раздумывая: брать или не брать. Потом снова махнул рукой – мол, все одно помирать! И вместе с ромом принял от меня подарок целиком. Пузастую с красивыми наклейками бутылку поставил на серединку комода, а трубку из черного дерева сунул в карман висевшего на гвозде домашнего пиджака.

Ближе к вечеру вернулась из леса тетка Анна. Расцеловались и с ней.

– Насколько ж теперь приехал, Сашенька? – вытирая платком разрезы лазоревых глаз, спросила тетка. – А то все разы набегом да наскоком.

– Сейчас надолго. Может, на месяц. А может, и подольше. Вам помогу с сеном, порыбачу, грибочков пособираю...

– Разив на это дело месяца хватит? – тетка Анна была в своем репертуаре. Она развела короткими ручками и помотала головой: – Месяца не хватит, хоть убей! Как перед крестом говорю: поживи подоле!

– Ну вот, пошла собирать деревня... У него ж своя голова, в ней и прописано, сколь можно, а сколь нельзя. Все ж таки на казенной службе, а не при твоей юбке! – осерчал дядя Степан. – Че ты, как старая балалайка: те-те-те... Прости господи! Поди-ка лучше народ зови, а не теткай, ек-маек!

Здесь я должен на минутку прерваться и рассказать о том, почему жену своего дяди называю не иначе как теткой. Начало эта история получила еще до войны, до моего рождения. Когда дядя Степан женился на Ане Колосовой и привел ее к себе в дом, у него, кроме моего отца, было еще два брата, оба старшие, и у них уже были свои дети, всего семь ртов. Росли эти мои двоюродные братья и сестры вольно, особо шустрили те, которым было лет по семь-десять. Новую тетю Аню из-за ее молодости пацаны не очень жаловали, а старшие вообще обраца-

лись с ней как с ровней. И вот однажды Аня собрала в ограде всю кучу сорванцов и со строгостью объявила:

– С этого часа я для вас никакая не Аня и не подружка вам, я – ваша тетка. Будет для вас только одно имя: тетка Анна. Иначе...

Мои юные сродственнички поняли, что может последовать за словом «иначе». И сначала полусхотят, а потом и на полном серьезе стали величать ее «теткой Анной». И когда я в детстве осознал себя человеком, для меня уже не было никаких проблем: только дядя Степан и тетка Анна... Так ее звали в моей семье, так стали звать соседи, а потом с возрастом и все деревенские...

Тетка Анна, сладко жмурясь, поспешила к погребу, который недавно так удачно ее принял. По дороге остановилась и доложила, с ехидцей посматривая на мужа:

– А народ, кому надо, оповещен и ко времени явится. Мне вон еще на пасеке Тимоха Погорелов сказывал, ково к нам седни Бог привел... Лучше бы ты, Степа, раскладной стол из кладовки достал, а не строжилась понапрасну!

Дядя Степан придвинулся ко мне, заговорщически шепнул:

– Вон она какая твоя тетка, Сань! Я и впрямь ее зазря ругаю... А может, не зазря, ек-маек. Принцип тут вышел у нас с ней, беда чистая, – он вытащил из кармана пиджака подаренную мной трубку, повертел ее сначала около глаз, потом провел возле носа и снова ткнул на свое место.

Дядю Степана и его жену я знал с тех пор, когда они уже были зрелыми людьми. Оба казались с виду неуживчивыми, привередливыми. Но это только со стороны и для постороннего глаза. Для всех знающих их ближе оба были воплощением доброты и сердечной отзывчивости. Мне не суждено было взять столько душевного тепла от своих родителей, сколько я получил его от дяди и тетки. Такая, видно, судьба...

К тому времени, когда тетка вернулась из погреба с двумя кринками сметаны, я распаковал подарок и для нее. Этот подарок тоже имел давнюю предысторию. Женщине нужны были специальные очки для дома и для улицы. Нигде – ни в районе, ни даже в области – таких ей сделать не могли. Сестра Настя вместе с письмом прислала мне рецепт на изготовление очков для матери с разными диоптриями и с учетом имевшегося у нее астигматизма. Две пары немецких

очков-хамелеонов я сейчас тетке Анне и привез. Подал ей прямо в ее короткие ручки, заодно не забыв поцеловать в щеку.

– Че я сквозь их увижу? – разочарованно хмыкнула тетка Анна. – Это же очки для слепых, Сань, а я-то, дай Бог, еще все вижу...

Тут не на шутку испугался я – вдруг подарок пойдет коню под хвост... Стал рассказывать, что под воздействием света линзы очков начинают менять окраску для того, чтобы глаза в течение всего светового дня чувствовали себя комфортно. А видно через такое стекло даже лучше, чем через простое оконное. Тетка Анна все глубже поджимала свои сухонькие губки и, наконец, остановилась, коснувшись кисти моей руки:

– Коли в том правда, не сниму их с себя ни за какие деньги! Пусть старухе позавидуют... Такой оправы я ни у кого еще не видала. Даже-ть в телевизоре. Брежнев, поминается, как-то стоял в них на мавзолее. Я их, Сашенька, ноничь перед народом одену...

– И спать в их ложись, – беззлобно поддел дядя Степан.

Как только солнце склонилось к изголовью дальней тайги и ослаб дневной зной, во двор к дяде Степану потянулась наша родня. Жили в Смирновке не только дочь моих вторых родителей Настя и ее муж Василий. Было еще немало мужиков и женщин, к которым вели ветки родства по отцовской стороне и по линии той же тетки Анны.

Вот, к примеру, сестра Василия – Стеша. Мне, получается, сватья. Учились мы когда-то в одной школе, она двумя классами младше. После, когда я приезжал на каникулы студентом, провожал Стешу из клуба. Даже пытался поцеловать, но она оказала форменное сопротивление, начиталась где-то в романах: разве можно без любви?! На том факте наш флирт и распался. Но далекие топтания на скрипучем снегу остались, видно, не только в моей памяти.

Сегодня Стеша явилась первой, да не одна, а с пацаненком лет трех-четырех.

– А мы лес нонче пилили, – вглядывалась в меня Стеша, взметнув ровные дужки бровей. – Вдруг пало на ум: Саша должен пожаловать... Упросила своего Григория: вези домой, старый обабок...

Вот так каждый раз, когда я появлялся здесь, одной из первых меня встречала Стеша. Она не лезла с поцелуями и рукопожатиями, даже

больше того, никогда не здоровалась, как все, а начинала разговор сразу с известной только ей середины, словно о главном с ней было давным-давно обговорено... Неужели так глубоко запал женщине в душу тот давний скрипучий снег?

– Ишь ты! Орел-то у тебя какой, Степанида! – показал я на голенастого мальчонку с подгорелыми от солнца ушами. – Не подумать, что бабушкой стала...

– А ты и не думай, Сашок. Соседский он, Нюрки Курковой внучонок, помнишь Курковых? Ее отец кадки всю жизнь клепал... Вот шла к вам, Нюрка с мужиком на избу дерево лысят. А этот бедолажка ко мне прильнул, ревет лихоматом. Пришлось взять с собой. Он у них маленько не совсем того, пусть со мной погуляет... Баба Аня ему калачик да хворосту дала. Вот и вся радость.

Мне увиделась глубокая печаль в ложбинах Стешиных глаз, и я подумал, что она, обращаясь ко мне, выдохнула совсем другие слова: «Посмотрю на тебя – и вся радость!»

Подошла сестра Настя, за ней следовал муж Василий, перебрасывая грузное тело со здоровой ноги на трость. Настя прижалась ко мне изгорелым лицом, красным и горячим, как после бани, передавая аромат сельского человека; точно таким же был когда-то вкус материнских губ – все в одном: и соль, и сладость, и привкус только что испеченного хлеба.

Подходили другие родственники – кто в одиночку, кто попарно, а кто и целыми семьями. Народу набралось на добрую свадьбу, человек за тридцать, не меньше. Как бы успокаивая меня, тетка Анна блеснула стеклами-хамелеонами:

– Ты не бойсь, Сашенька, угощенья на всех хватит, не с копейки живем. Мундерную картошку да аржаной хлеб давно не ели, и Петровский пост позади...

Василий, услышав слова тещи, поддакнул:

– Верно, мамаша. Живем без красной икры, но в семьях кой-какой достаток имеется. Жизнь стала крутой: или мы ее, или она нас... Эпоха!

Пелагея, какая-то родственница по Василию, подала реплику сдавленным голосом, будто не до конца проглотила сухую карамельку:

– Нам ить много не надо: сахарку б к чаю, но чтоб обязательно без войны!

И потом деловито продолжила:

– Как там, Шура, в столицах нащел военных приготовлений? Неужто ихняя возьмет? Как сам думаешь, родственничек?

Дядя Степан суеился в углу двора, приказывая достать из-под навеса строганные доски для сидушек. Под его же началом мужики сварили застолье: поставили друг к дружке три стола, обнесли их несколькими табуретками, а поверх них разложили желто-розовые плахи – не меньше, чем сороковки. Этим кедровым плахам было, пожалуй, более пятнадцати лет. Как-то дядя Степан занемог и проговорился: мол, на смерть себе дерево сострогал... Да, видно, жизнь оказалась крепче дядиных сомнений в себе.

Сели за общий стол, занявший место во дворе от крыльца почти до самой калитки. Дядя откашлялся, коснулся рта загрубелым кулаком. Начал говорить:

– Вот он и вернулся...

И вдруг, видно, занудело у него в груди, продолжить не смог. Кивнул зятю Василию:

– Скажи, Вась... Че-то во мне седни ни чиху ни пыху.

Василий тоже скашлянул, прогоняя волнение. Как сидел, так и остался сидеть – без чужой помощи ему бы с места не встать в этой тесноте... Помолчал. Потом, вспомнив книжные слова, завернул их чуть не белым стихом. И, подавшись грудью вперед, кончил совсем попросту:

– Че языком ватлать? Давайте-ка, мужики, выпьем за Санюху, за твой, Сань, счастливый приезд! И точка!

Под звон-перезвон дешевого стекла все потянулись ко мне – стопками, рюмками, стаканами. Потом с удовольствием стали закусывать. Как-никак каждый пришел на эту встречу с тяжелой работы.

Сестра Настя прижалась могучей грудью к плечу Василия, деревянной ложкой черпала крошку и попеременно подносила то к своему рту, то к губам мужа.

– Квас-то чик в чик, мам! А думали, не уядренится.

– Квасишко ноне с медком да с хреном, под самый вкус, – размахивала ручками тетка Анна. – И большой сласти нет, и запашист, и в нос не бьет...

Румянец залил ее одутловатое лицо, капельки пота выступили на кончике приплюснутого носа.

Молча ел жареные грибы, густо удобренные сметаной, Матвей Пшеничников, деревенский кузнец и первый в селе гармонист. Сегодня он обновлял байковую рубашку в клеточку – мой гостинец с прошлого приезда. Матвей ел степен-

но. На его корявой физиономии выделялся нос, похожий на рассекающий воздух, – горбатый, красный. Удар по нему кремнем – вспыхнут выбитые искры. На крыльях носа фиолетовые прожилки – это от горячей работы в кузне. Матвей старше меня всего на семь лет, а смотрится совсем зрелым мужчиной. Война оборвала его начальное образование, но не отобрала физической силы и тяги к музыке. Казалось, только и знал он два дела: махать у наковальни молотом да терзать любимую гармошку. Жил кузнец бобылем. Два раза сходил с местными вдовами, да не сложилась у него семейная жизнь. Чем-то, меж собой судачили бабы, он их не устраивал. Или вроде они его. Не разберешься... Но по-человечески, по-соседски все кузнеца уважали. Те же бабы порой жалели его в открытую. И некоторые с добрым чувством несли ему домой или на работу то пару пирожков с ревенем, то свежесквашенной капусты с яблочком, то горку яиц из-под несущки. А то вдруг сами задерживались у него до полуночной темени или даже до утра, неслись потом огородами в самую рань к себе на ферму... Но все равно жил Матвей сам по себе, вроде ни до кого не имея никакого касательства. Что надо сковать из железа, сыграть ли когда – пожалуйста! Он никому ни в чем не отказывал, и на все гулянки был зван в первую очередь. Пил Матвей без усердия и жадности, скорее всего, для аппетита, зато любил за столом посидеть долго и вдумчиво – может, это было у него от природы, а может, шло от неровной бобыльской жизни, плохо оно, когда в доме нет никакой хозяйки, а без женщины сильно наскучивает любая мужицкая доля...

Тетка Татьяна, младшая сестра Анны, такая же курносая, с широким рябым лицом. Говорунья и песенница, пышногрудая женщина – это свое природное достоинство несла она по жизни открыто, без скупости, платья носила обязательно не только с вырезом, но и с вызовом, чтоб всегда и любому было видно ее богатство. Вот и сейчас она сидела – будто позировала в промкомбинатовском ателье перед фотоаппаратом, поджимая розовые свои губки. Не пройдет и полчаса, как первой выскочит тетка Татьяна из-за стола, подхватит короткими ручками самую компанейскую молодку и зачнет частушку. Рядом с ней муж Алексей, цепкий мужичок до живого дела. Один к одному держит на своем огороде двадцать ульев, за лето качает полторы тонны меда. Денежный мужик Алексей, но скупущий –

прескупущий – не приведи господи! Будет помирать, а на флакон лекарства для себя ни копейки не вытащит...

Да еще примкнувший к нам в давние годы дед Михайло, да троюродный братеньник Яша со своей супружницей Варей, да одинокая тетка Марфа, самая дальняя родственница, кому-то из наших то ли кума, то ли сватья. А еще подростки племяши и племянницы – здесь почти вся моя деревенская родня, не считая тех, кто, как и я, укатил далеко в город и в другие красивые на земле места. Ну, по правде сказать, если не приму во внимание существование Витьки Прозорова, приходящегося двоюродным племянником Василию, – тот у нас за всех будет еще долго осваивать подземную часть рудников в окрестностях Магадана...

Время брало свое. Застолье разгорячилось. Заулыбался Матвей Пшеничников, переложил подальше от края стола надкушенную котлету, потянулся рукой под лавку за своей поистертой гармошкой:

– Где она, лихоманка тебя побери?

– Вот, вот! – тетка Анна прытко вывернула инструмент из-под кедровой плахи, которую все-таки сумели прогнуть крепкие зады мужиков, сидевших подле Пшеничникова. – Ты, Матя, сиди, сиди. Вот доска кабы не сломилась...

– Ха! – оживился братеньник Яша. – Я на ей, тетка Анна, любым трактором проеду – она в жисть не схрустнет. Раньше дерево было не то, что теперь. Нонче его жуки, завезенные из-за границы, пожрали... Одни дырки в дереве, как в швейцарском сыре.

У Яши высоко обритые виски и тонкие, оголенные, плотно прижатые к черепу уши – как у зайца при быстром беге. А зажим авторучки в нагрудном кармане пиджака из букле грязно-молочного цвета выдает представителя местной интеллигенции.

Матвей Пшеничников принял гармонь из рук тетки Анны, яро рванул меха. По ограде взвились, свиваясь в облако, дружные звуки хромки. Передо мной качнулось детство, выплыло оттуда на миг мамино лицо. Она, когда была здорова, в пляс ходила первой... Из маминой близкой родни в нашей деревне никого нет. Отец ездил свататься к ней верст за сорок. И там теперь из ее родственников ни одного живого человека: кто-то не вернулся с войны, кто-то умер, другие, как я, разбрелись по белому свету. От маминого села, говоря, теперь одно пустое место оста-

лось. А место бывших домов жителей обозначено только густым бурьяном...

Дед Редьков, кум по маминой линии, калякал с Василием.

— Ноне орешный год будет, Васюха. Примета такая есть...

— Какая она, к лешему, примета? — загладил редкие волосы Василий. — И так видать: шишка, Петрович, ядреная налилась. Я позапрошлым днем с Тимохой Погореловым на пасеку ездил. В бинокль глянул — богоньки мои! Кедрач в небо увился, и шишка на нем с мой кулак! Только взять ее надо по-людски.

— Мда-а, — подытожил разговор старик Редьков. — На моей большой памяти такого не бывало. К добру ли только это? Не знаешь, Василко?

— К добру, — ковырнул спичкой в зубах Василий. — Как в песне поется, Петрович. Можешь спать спокойно и видеть сны...

Василия пустые разговоры начали раздражать, но дед Редьков не унимался:

— А про мутацию-то, небось, книжки читал? Я думаю: все связано с нею...

Василий снова погладил свои зачесанные назад волосы. Они были почти зализаны ото лба к макушке, лежали на голове нежирными черными линиями — казалось, малюсенький тракторишко с плужиком сделал несколько загонов по голому кособору и затих на противоположном склоне, дожидаясь дальнейших распоряжений.

Наконец, дед Редьков, позабыв про Василия и про мутацию, уставился слезливым глазом на гармониста. Тоже, наверное, на ум навернулось времечко прокатившейся молодости...

Матвей Пшеничников, малость поозорничав, испробовал каждую пуговку ладов и басов, крикнул с хрипловатым надтягом:

— А ну-ка, Настя! Хлебай уху, поминай бабушку глуху!

И точно: сестра Анастасия выскочила боком от Василия на середину двора и, ударив тапочками о выжженную за день землю, всколыхнула затянувшийся за столом гомон:

*Я любила сердце тешить,
На дорогу выбегать.
У дороги лес дремучий —
Дорогого не видеть.*

Выбежала к Насе Яшина жена Варвара. Взметнула вверх руки, словно от поверхности воды понеслась в глубину бездонного омута.

Тряхнула головой, разбросав по лицу и шее тяжелые пепельно-русые пряди волос. Замерла на мгновение — дождалась, когда Матвей закончит проигрыш. И, толкнув легонько локтем в Настин бок, вывела высоким голосом:

Мой миленочек уехал,
Только пыль на колесе...
Меня горькую оставил,
Как полынь на полосе.

Матвей во второй раз прошелся по мелодии частушки. Настасья с Варварой со вздернутыми руками ходили по образовавшемуся полукругу одна против другой, запаяя себя подхватками «Эх-ха! Эх-ха!»

— Ну, девки, че задремали? — уцепила Настасья Стешу и потащила ее за руку от стола.

Стеша, не отнекиваясь, чиркнула по земле каблуками туфель, на ходу поправила кончики собранных в пучок волос. Начала сразу, будто тут она и была:

*Где мы с миленьким встречались,
Там цветочки расцвели.*
Где мы с милым расставались,
Мутны реки потекли.

Подхватила снова Настасья:

*Снегу белого надуло
К огороду глубоко.*
На свиданье мил не ходит —
Говорит, что далеко.

Больше в этот раз на круг никто не вышел. Зато три певуны-плясуны — Настасья, Варвара и Стеша — долго в такт хромке Матвея соперничали друг с дружкой, веселили народ частушками и прибаутками. Мужики частыми выкриками подначивали Матвея и женщин на круг.

Солнце сошло за перевал. Но его рассеянный свет стоял еще над домами и огородами. За оградой, одышисто вздыхая, протарахтел с пустыми флягами колесник «Беларусь». У середины села пикинула своя гармошка. Хлопнула дверь калитки, закрепленная на пружине от отжившего век комбайна «Сталинец».

— Ты чего ж, родимая, ек-маек? — приветствовал еще одну гостью дядя Степан. — В кои поры тебя ждатель?

Ко мне среди захмелевшего люда пробира-

лась тетя Феша, отцова и дядина двоюродная сестра с веселыми глазками, маленькими, как огуречные семечки.

– Ждать-то меня че? Не велика цаца! Ноне сено ставили. Мой вдрызг умаялся, щас как убитый спит... Я б давно прибежала, а там Деменчиха, будь она неладна.

Тетя Феша подсела ко мне. Прижалась морщинистой щекой к моей щеке, тихонько выговорила:

– Глянула на тебя слету – вылитый папонька. А пригляделась – нет. Вроде как с мамкой больше поперемешалось.

Тетя Феша долго выпытывала у меня о здоровье, о семье, о работе «за бугром», короче, обо всем том, что в первую очередь интересует давно знакомых или близких людей. Она несколькими глотками опорожнила кружку погребного кваса. Видно было, что за день сильно умаялась, а главное, напотелась на жару. Да и возраст не девичий – давно за шестьдесят.

– Ох, времечко... Катится, что яблоко под грушу. Смотрю на тебя, миленький, и сердце корочкой покрывается. Давно ль ты с мамкой приходил к нам. Все вместо «рэ» букву «э» говорил... Ну, да ничего. Зато теперь на люди крепко вышел. Помужал как! Да и головку морозом побил...

Дядя Степан молча смотрел в сторону Матвея Пшеничникова. Там, среди женщин, спорили, какую заводить песню: то ли «Подмосковные вечера», то ли «Вот кто-то с горочки спустился».

– Км, км... – молвил старик, итожа свои, ему только ведомые мысли. Потом неожиданно повернулся к тете Феше:

– Че там у них, у Деменцовых-то? Опять самовар развели?

– Ой, че было, че было, Степ! В кино такого не увидишь вовек. Навылась опять Деменчиха, да все в причеты...

– Мда, – вымолвил дядя Степан, – тяжело будет Маруське...

– Ей че! – встряла подвернувшаяся к слову тетка Анна. – Она свое возьмет. И чужое прихватит. А скажи ей че-нибудь по пути – она ж тебя выставит всяко... Не девка, а мельница.

Дядя Степан не ожидал таких теткинских слов, да еще в моем присутствии. На лице старика проступило явное недовольство:

– Пошла языком ляскать, будто другого дела нет...

Тетка стерпела слова мужа, как переносят

зубную боль вдали от цивилизации. Отошла от него, поджав узкие губки.

– Деменцовы – это кто такие? – спросил я, напрягая память. – Фамилия вроде знакомая... Не тот Деменцов, что к нам председателем присылали?

– Он, он. Сам-то, дерьмо поганое, спился, заворовался. Давно о нем ни слуху, ни духу... А баба его, Деменчиха, осталась у нас. Парень у них был, Ленька. Может, ты помнишь?

Нет, сына бывшего председателя я не знал. Зато вспомнил сегодняшнее посещение кладбища, и во мне неожиданно увязались воедино мысли о парне, что лежит под памятником без фотокарточки, и о Деменчихином сыне. Сквозь легкий хмель я уловил: вот, оказывается, кому оставлена в банке горсть ромашек – сыну бывшего председателя. Леньке Деменцову.

– С сердцем был человек. Не в отца. Армию отслужил той весной, – вздохнул дядя Степан, – а вот тебе... Не повезло парню...

– На что они, Степа, сиди нам? Гостю бы скорей до кровати, а мы его всякой всякотой потчуем... М-м? – и тетя Феша тихонько подалась ко мне, стараясь не вовлекать дядю Степана в начатый было разговор.

Я уловил, что в селе творится что-то неладное. Чувствовал, что здесь колышатся два противостоящих лагеря. И в этом дворе оказались люди с двух сторон... Однако никто не хотел посвящать меня в эту туманную ситуацию. Наверно, по негласному договору родня оберегала меня, отводила от разговора о судьбе неудачливой Деменчихи. Но как раз в эту минуту снова подала голос тетя Феша:

– Дело тут заварилось, не приведи господи! Цельна деревня на две части разошлась из-за этих Деменцовых... После, Саня, узнаешь сам. А щас ешь на здоровье. На-ко тебе карасика в сметанке. Гляди только: рыбка хороша, да больно костлява.

Дядя Степан в медленной задумчивости обсасывал малосольный огурец.

– Завтра, как отоспишься, – повернулся он ко мне, не выпуская огурец из рта, – валяйте с Василием на Черно озеро, порыбалите малость. Или вон со Стешкиными девками на деревенское «тырло» сходи. Там у них свой гармонист завелся, из самой области прислан, клипизитор. У нас теперь под его гимн коров доют. А с Василием можно и потом, а то он ноне ишь притомился сильно – цельный день да все на одной ноге...

– А с Деменчихой у вас что за история? – как бы между прочим закинул я удочку дяде Степану.

– Ай, из-за Леньки все! Он тут такое наворотил, ек-маек... А сам сгинул. С того дня Деменчиха каких только фортелев не навывкидывала! Но это тебе, Сань, совсем ни к чему...

Тетя Феша заметила повышенный интерес присутствующих к нашему разговору. Это ей показалось неправильным. Она придвинулась к моему уху и, перейдя на шепот, доложила:

– Сдурела совсем баба. Кто-то ей наляскал, будто Маруся на могилки в обед ходила, у Леньки долго пробыла. Вот Деменчиха и взбеленилась. Марусяку весь вечер искала по улице. Прибью, кричит, семя гадючье... Точно, не в порядке она. У Марусяки в доме была, выпялила там шары. Разнесу, орет, ваше гнездовье в прах! В уме ли, скажите, человек? Такое на сноху плести...

– Да какая она сноха ей? – встряла из-за плеча тети Феши подошедшая к нам сестра Настя. – Они ж даже не расписаны...

– И че? – вдруг обозлилась тетя Феша, повысив голос, чтоб слышали другие. – Ты-то сама с Васькой сколь годков блудила, пока до сельсовета не дошла. М-м? То-то ж!

– А это наше личное дело, у нас все по хорошему было, – огрызнулась Настасья. – Мне пенять не за что. В крапиве ночей не проводила и в подоле никому не принесла.

– Настенька! – неожиданно ласково взяла тетя Феша ладошку племянницы. – Да не про тебя разговоры. Ни с чего ты в них влезла. Гостенёк тут у нас – ему ли разбираться в нашем балагане?

Василий натужно привстал со своего места, цыкнул на жену:

– Опять бзык нашел? Мало об этом разговоров дома? Ступай сюда!

Настя, снимая с себя волнение, легонько погладив мое плечо, направилась к мужу. Когда она села возле Василия, тот, как бы винась перед ней, беззлобно проговорил:

– Ну, че вы все? Сдурели? Управы на вас нет... Хотя бы кто из газеты приехал, разобрался. Нам тут самим с этим делом вовек не сладить...

Матвей Пшеничников показывал коронный номер. Он пересел на крыльцо, усталое вязаными половичками, вытянул вдоль уложенных досок босые ноги и, не жалея заветной хромки, давил из нее разудалую плясовую. Мужики, особенно те, кто постарше, курили, бабы судачили

мелкими группками. Те, кто помоложе, – топтались около Матвея.

Тетя Феша перехватила мой улыбчивый взгляд:

– Че? Такое в любовинку? Наскучило, поди, там, в песках-то?

Я обнял ее за предплечье, ответил без увертки:

– А то нет? Спросили бы на чужой земле: пойдешь домой пешочком? Как пошел бы! С радостью, без раздумий... В душе я каждый день сюда летал. То бредень в руку захочется взять, то семечек пощелкать охота, да не жареных, а прямо с самого подсолнушка... То Юрку своего увидеть так захочу – и не обнять или прижать к себе, а, понимаешь, тетя Феша, просто сопли ему голой рукой вытереть. Вот теперь и подумай: скучал я там или нет...

И здесь, посреди таежного сибирского села, в моей памяти выплыли отдельные эпизоды былой заграничной жизни. Я вспомнил недавнюю встречу нашей правительственной делегации в столичном аэропорту небольшого африканского государства.

...Солнце зависло над головой, источая жар, словно раскаленная сковорода. Я стоял на краю летного поля. Невысокое бетонное ограждение с ажурной арабской вязью из алюминия. Через всю эту конструкцию легко было перешагнуть, там неподалеку, с другой стороны, стояли члены правительства встречающей страны... Самолет Ил-18 тяжело и уверенно вышел из далекого марева, величественно коснулся посадочной полосы, с ревом пронесся мимо нас и, наконец, погасив скорость, подрулил почти вплотную к белому зданию аэровокзала.

Торжественно расколола окружающее пространство медь духового оркестра. Чернокожий человечек в военной форме надсадно отбивал такты барабаном, ему вторили литавры... Я видел, как в эти мгновения колыхнулся воздух, редкий ветерок натянул на флагштоках два шелковых полотнища: одно самое красивое и дорогое – наше, и другое, трехцветное, в три полосы – той страны, которой я отдал почти тысячу дней, как тысячу лет собственной жизни...

По трапу спускались люди в светлых костюмах. Я знал по фотографиям эти лица, знал их фамилии и то, что за ними стоит, – великая держава, моя Родина. Кто-то из присутствующих, снимая с носа темные очки, обронил фразу

на английском:

– О, вот они какие, русские!

И у меня невольно вырвалось: «I also Russian!». Эти слова – «Я тоже русский!» – я произнес со своим дурацким акцентом, но меня все поняли и расступились – дипломаты, журналисты, иностранные специалисты, предлагая пройти вперед. В моей груди начинался нервный озноб... В этот день под тропическим солнцем у меня разболелась голова, из носа хлынула кровь. Помогли немецкие медики Хайнер и Шмидт, соседи по общему коттеджу. К вечеру стало лучше, и ночью я уже чувствовал себя избавленным от всех физических страданий...

Тетя Феша поднялась, грубовато-нежно, как умела только она, притянула к себе мою осоловелую голову.

– Побежала я, племянничек. Игнатий мой дома влежку лежит. Скотину загнать некому. Забегай как-нибудь вечером: посидим, почаевичаем.

Засуетился дед Редьков. Засобиралась тетка Татьяна. Своего Яшеньку уцепила за рукав Варвара:

– Ну, че ты! Поехали... Че ты, как Афоня маляхольный...

Яша мотал кучерявым навильником волос, 23
тянул по лицу улыбку и повторял с растягом:

– А я шибко знаю? А я, Варь, шибко знаю?..

Стемнело быстро. Женщины убрали со столов, носили и мыли посуду, складывали ее в сених дядино дома.

– Ночи-то месячные не наступили еще – нико не видать, – словно пожаловалась тетка Анна. – Люблю, когда месяц в лесу поляны заливаает. Ровно другой мир какой. Помню, в девках-то...

– Ох, ек-маек! – съязвил дядя Степан. – Месячную ночь захотела. В девках про то не говорила, однако. Любила шастать, где потемней...

– Че-то ты, Степ, к старости совсем бесстыжий стал, – со смущением укорила мужа тетка Анна. – Так недолго и матюгом сругаться...

Но я знал, что большой ссоры между ними все равно не выйдет. Дядя с теткой жили дружно, пусть и не всегда душа в душу. Зато не было случая, чтоб он когда-то выронил при ней грязное слово. Что правда, то правда: мужики в деревне матерились много и чаще всего без всякой причины. Только от дяди Степана никто не слышал никакого матюга. Тетка Анна гордилась этим пе-

ред деревенскими бабами, но понимала такое дядино положительное качество сугубо посвоему и относилась исключительно к своим личным заслугам.

Гости разошлись. Теперь из сеней сочился неяркий электрический свет. Тетка Анна поставила на крыльцо таз с водой из огородной бочки. Вода была еще теплая.

– Давайте-ка, мужички, сполосните перед сном свои копытца. А то ноги всю ночь будут гудеть...

В голове моей толпилась вереница впечатлений от прожитого дня. Казалось, не один день я здесь, а целый год. Прошлые события выворачивались из памяти, словно тяжелые пластины, и тут же рассыпались.

– А если я в душ? Как считаете, дядя Степан?

– Сохрани тебя Господь! Ежели, Саня, впотмах разберешься с механизмом, – иди и мойся, вот тебе махровое полотенце! – поспешно отозвалась хозяйка.

– С керосинкой там не с руки, а фонарик у меня с зимы не фурычит, – виновато буркнул дядя Степан, но по голосу я понял, что он одобрил мое намерение.

После душа мы сели втроем на крыльцо, в котором я знал каждый сучок, знал, где какой гвоздь забит. Тетка Анна убаюкивала нас словами:

– Дождей нет с неделю. Последний ладком промочил земельку, дня два лывы кругом стояли. Щас хоть и сушь пошла, а урожай успел все ж таки в кучку сбиться. Теперь, если чевой-то одно и не уродится, – голодом сидеть не станем. Капусты не будет, зато кабачков полон огород...

За плетнем тренькал запоздалый кузнечик. На светлый дверной проем, перегороденный марлей, летели огромные мотыли. Но, ударившись в надежную теткинскую конструкцию, отваливали прочь... Наконец, разжал рот дядя Степан:

– Еще один день прожит... Благодатный день подарил нам Боженька!

Дядя встал, молча постоял, попереминался с ноги на ногу, глядя на черноту далекого леса, вставшего в темно-синее небо зубьями большой изогнутой пилы. Спросил:

– Че телеграмму-то не отбил? Порядок надо соблюдать. Мы о тебе, может, больше твоего думаем... Да и народ планы свои имеет. Кто на сене, кто при скотине, строительство многие ведут... В нашем деревенском деле без порядка

нельзя, Сань. Так от стариков заведено... Меня ить, как днем тебя увидел, оторопь взяла. Щас кое-как улеглось... Да ково я? Вон Яшка в дымину напился. От радости он, с неожиданности... Он ить ее, проклятую, по большим праздникам только в рот берет. Когда в гости собирается, маслица коровьего с ноготок сглотнет, чтоб не спянуть... Ноне сплеховал парень. Ну, ниче: переспит – человеком станет. А ты знай: он ради тебя такой ноне!

А у меня на уме вертелась застрявшая мысль, так и подмывало узнать, что ж такое произошло в селе, что раскололо его надвое. И я не устоял перед соблазном. Спросил дядю Степана:

– У Деменцовых заварилось всерьез? Странная история, разговоры полунамеками, шепотом... Что, не обошлось без криминала?

– Ленька все завернул, не к ночи будь помянут. Такое завернул – оборони Бог!

На крыльцо, высвеченное электричеством, вышла тетка Анна. Метким взглядом определила, что меж нами начат серьезный разговор.

– Кончайте, мужички! Утро вечера мудренее. Завтра досыта наговоритесь.

До самого сна я в этот вечер вновь и вновь увязывал воедино цепочку случайных фактов и их связь между собой... Сон пришел, как всегда, незаметно. Надо полагать, по-деревенски крепкий, окутанный первородными запахами и звуками окружающего мира, так что каждая клеточка моего тела растворилась в них до той минуты, пока солнце не объявилось над косогором из-за сиреневого ельника. Я проснулся и вспомнил, что надо отправить телеграмму, поздравить с днем рождения своего институтского друга Юру Фадеева, перебравшегося зимой в Калугу.

Пошел на почту нашей главной – единственной широкой и длинной в деревне улицей. На конвертах писем, которые я посылал сюда когда-то, так и писал: «улица Главная». А есть у нее настоящее название или нет, – точно не знаю до сих пор.

Село наше – старинное. Никто вам не скажет, куда уходят его корни, чья нога ступила первой на то место, где сейчас по-над болотистыми лесами расположились бревенчатые постройки, увитые плетнями и застолбленные жердяными оградами. Ходила притягательная легенда с романтическим сюжетом: якобы давным-давно в таежную глухомань пробился лихой казак Смирной. Отстал он по какой-то причине от сво-

его атамана да так больше и не свиделся с ратными друзьями. Может, уложили их в землю местные татары. А может, просто разошлись у казаков таежные тропы... Не один год скитался Смирной по гиблым местам. Наконец, где-то любовью или силой овладел он молодой татаркой и ушел с ней в совсем безлюдные леса. Но недолго отшельничал казачок со своей красавицей. Примкнули к ним беглые люди, завязались постепенно и связи с местным населением. Стали лепиться друг к дружке сосновые и лиственничные срубы, вырос частокольный забор от дикого зверя и пакостного человека, зачернела весной невидаль для этих мест – пашня.

Прошли годы. Не стало на земле того удалого казака, а село, названное в его честь, продолжало расти. Дети, воспитанные матерью-татаркой, разлетелись по округе. Вот и остались теперь рядом со Смирновкой, как память о неведомых годах, две деревни со странными названиями Урюм и Барандатка.

В нашем селе и далеко вокруг церковей никогда не было, хотя, я знаю, встречались тут люди весьма набожные. Во многих домах в красном углу висели, а в сундуках среди белья лежали старинные кресты и иконы в золоченом окладе. Бога вспоминали нечасто, а мужики вообще больше под горячую руку, чтоб отвести со зла душу. Но в смертный час обращались к одному Господу-Богу, а не к членам Центрального Комитета или к руководителям правительства.

Может быть, от той татарки и пошел в здешних местах свой род людей, темноглазых и чуточку скуластых... Я всегда так думаю, когда ловлю в зеркале свое отражение и смотрю на своих детей.

А может, все было совсем не так. Просто людям не хочется, чтоб умерла красивая легенда о своем далеком прошлом. Его, к сожалению, ввиду нашей нерасторопности и лени мы можем никогда не узнать.

Почтой в Смирновке заведует моя бывшая одноклассница со странным для этих мест именем Сусанна. Сорок лет назад мы звали ее просто Сюськой. Уже потом, когда отошло детство, стала она для всех Сусанной. Встречал я ее редко, по разу в пять-семь лет. Но в какое б время я ни смотрел на нее, сначала во взрослой девушке, а теперь уже в полнотелой женщине, добравшейся до пика жизни, всегда виделась мне далекая широкоглазая девчонка по имени Сюсь-

ка. В шестнадцать лет окончила она восемь классов и ушла в торговое училище. Выучилась на товароведа, вернулась домой и немедля высочила замуж: в деревне такой товар долго не залеживается.

С тех пор Сусанна безотрывно жила в Смирновке, но незаметно оторвалась от черновой крестьянской работы. Поставили ее сразу же заведовать сельмагом, а в помощниках у нее стал ходить франтоватый муж, вечное девичье горе – Николай Лихачев. Он у нее шел и за экспедитора, и за завхоза, и за сторожа. До той поры ходил, пока не приехала куча ревизоров и не вскрыла крупную недостачу. Все понимали, что в сельмаге поработала рука Лихачева. Сам он в горячах прихватил с собой красивую молодую попутницу и сумел вовремя где-то раствориться. А выплачивать недостачу пришлось одной Сусанне. Начальство пожалело доверчивую работницу и дало ей новый фронт службы. Так оказалась она в нашем отделении связи, где в одном пятистенном доме разместилась почта и однокомнатная квартира начальницы, в подчинение которой попало две почтальонки...

Сусанна сидела за полукруглым окошечком, вырезанным в обычном оконном стекле-шестерке. Большие черные глаза на усталом лице женщины не скрывали некой глубокой печали. И мне как ступившему на часть ведомственной территории надо было первым завязывать разговор непредвиденной встречи.

– Здравствуй, Сусанна!

– Здравствуй, здравствуй! Спасибо, что про настоящее имя не забыл. А то некоторые меня Сюськой продолжают называть. И все пряники. Что сделаешь? Имя такое мое, шутник был папаня. Помнишь, как его самого звали?

– Помню, – раскрыл я рот, но произнести имя отца Сусанны наверняка б не смог.

– Ну, кто не помнит, скажу: Елпидифор. Выходит, я Сусанна Елпидифоровна.

– Ну, и что за беда?

– Не скажи, друг-залетыш! Папанины потешки – они не для наших мест. В городе б я подругому звалась, а тут меня каждая собака знает... Ну, да ладно! Не про то разговор. Скажи лучше: надолго ли в наши края? Слыхивала, в жарких странах был. Как там? Через меня все твои письма шли к Степану Алексеичу. – Помолчала и добавила: – Скоро пять лет будет, как на этом месте.

– Все хорошо, Сусанна! Про негритосок луч-

ше не спрашивай, мне отвечать надоело. Там, между прочим, одни арабки, причем каждая из них в парандже. Лиц ни у кого не видел, – соврал я. – Наши деревенские вне конкуренции. Ты лучше про себя пару слов скажи...

Сусанна вышла из-за перегородки, оставив казенный стул, истертый до белого дерева. По выражению лица женщины было видно, что эта встреча застала ее врасплох. Заметное чувство тревоги сковывало Сусанну, и она никак не могла освободиться от него. На матовой коже проступили бледно-серые пятнышки. Глаза еще больше потемнели.

– Какая жизнь? Так, середка на половинку...

Задумчиво-печальное лицо женщины не отдавало радостным светом, какой исходил от нее при былых встречах. Правда, еле заметная теплота стояла в уголках ее глаз, но я мог ошибаться. Как порой под упаковкой не сразу угадывается очертание знакомой вещи. Было видно, что Сусанна правильно поняла мою неловкость и возникшее недоумение от ее странно начатого разговора.

Она приблизилась ко мне, улыбнулась. Упаковочная оболочка на ее лице чуточку разошлась:

– Заходи в мое жилище, рюмочку поднесу. Про жизнь былую и новую порассказываю...

– Спасибо! От вчерашней встречи вот тут стоит, – чиркнул я пальцем по выступу кадыка.

– Ну, смотри.

Сусанна приняла от меня текст телеграммы. Бегло сосчитала количество слов, заполнила и проштемпелевала квитанцию. Подавая ее, бросила шутку:

– Так будет с каждым, кто войдет в нашу связь!

Потом спросила:

– Гуляли, видать, по всем статьям? Матюха Пшеничников затемно играть кончил... Да... Как в прежние времена...

Я всматривался в ее лицо, глядел на изгибы бровей, вспомнил прежний цвет волос, более густых и пушистых. Неужели я смог бы устоять там, в Африке, окажись она на таком же расстоянии от меня, как сейчас? А она сейчас говорила о своих делах: о том, что ночью приходится порой бежать к черту на кулички, и дорогой подкашиваются ноги – сама-то ведь уже знает, какую горькую весть несет в чужой дом...

– Когда-то думала, что попала на спокойное место. А оказалось... Вроде и помощницы есть.

Две почтальонки-письмоносицы на четыре деревни. Это ж, Сашок, несерьезно...

– Слышал уже и про ваши драмы! – добавил я к ее последнему слову. – Что тут с Деменчихой случилось? Сплошь какие-то обрывки и недо-молвки.

Лицо Сусанны внезапно переменялось.

– А ниче! Сучка лаает, ветер носит... Вот и вся Деменчиха. На кой ляд она тебе сдалась?

– Права ты, – рассудил я вслух, – на кой? – Постоял, рассматривая давно небеленые стены крохотного казенного помещеньца. – Забегу как-нибудь. Через неделю письмо должно быть из дома. Не буду ждать твою гвардию.

Утром я направил свой путь к дому Василия – договариваться насчет поездки к Черному озеру.

– Только с ночевой, Сань! – заявил родственник. – Святое дело не терпит суеты. Сейчас рыбалить – как раз золотое времечко. Эпоха!

Собрались мы к вечеру, часу в седьмом. Взяли побольше еды, чтобы ни днем, ни ночью голодной тоски не было. Я четко помнил поговорку «Едешь на день – бери на неделю». В старый жбанчик (Василий каждый раз напоминал, что это его свадебный надел от родителей) налили полведра квасу. Провизию я отнес в багажник автомобиля подозрительной конструкции.

– Сам до ума довел! – с явной гордостью сообщил Василий о своем транспортном средстве, как только мы оказались за поскотиной. – Мне машину дали как инвалиду войны. То есть, посчитай, бесплатно. Только куда уедешь на ней? До большака и обратно... Стал я, понимаешь, кумекать. Опытишко кой-какой накопил. А теперь смотри!

Василий газанул. Машина под нами отзывчиво заколотилась и, вздрагивая, полезла вперед, словно осторожная корова на берегу незнакомого водоема. Мы свернули с дороги на сырую траву, тянувшуюся между дорогой и краем леса.

– Качкое место, а гляди, идет как! Поцарски! – Василий восхищенно повел головой, будто проезжал мимо мавзолея, с которого лично его приветствовал ладошкой сам Леонид Ильич. – Тут трактора, Сань, по колено заваливаются, а мы, как догадываешься, идем! Идем, идем, веселые подруги! Страна зовет и нежно любит нас... Во лимузин!

Машина, не останавливаясь и не снижая скорости, вскарабкалась на пригорок, где было по-

суше.

– Все самоуком, – продолжал родственник. – Больше из книжек взял. Правда, механик у нас, ты знаешь Кузьмича, мужик с головой, помог сильно... Я всю свою химеру до винта перебрал, проанализировал. Даже японский патент нашел, а что в нем? Мои же задумки... Ой, мастера эти узкоглазые слизывать! Еще один приводной мост поставил, движок до ума довел, заменил колеса... Они там в Запорожье на одном сале живут, вот и получается такой гибрид для инвалидов. Это чтоб от крылечка до сортира доехать. Теперь видишь: не машинешка, а девка на цыпочках! Я ведь, Сань, технику люблю. Щас с пацанешками кружок в школе веду. Всякие там поделки, макеты, приборы. По физике у меня раньше двойки были... А нынче точная механика, электричество, к автоматике подбираюсь – за ней будущее. В область возили нас, мои огольцы такую штуковину замандрячили – просто ахнешь. Нас и по телевизору, и в газетах про нас. Первый секретарь пообещал осенью в Москву направить. Да разве в том счастье?..

– А в чем?

Василий нахмурил лоб, поскрипел зубами, но так ничего и не ответил.

...Припомнились мои школьные забавы. Однажды я из большущей морковки вырезал самолетик и притащил его на урок географии. Учительница заметила, как я вертел игрушку под партой около коленок Таньки Горчаковой. Там я показывал ей фигуры высшего пилотажа. А училка подумала черт знает что. И, конечно, «во избежание каких-либо последствий» вытурила меня за дверь. Потом она встретила тетку Анну и пожаловалась на мое недостойное поведение, которое оказалось «на грани развратных действий на виду всего детского коллектива». Дядя Степан принял было сторону географички, но, когда вник в суть дела, чуть не бросился сам в школу. Потом поохлынул, успокоился, сел возле меня и стал давить на мою сознательность:

– Ну, ты чево там с морковкой-то? Мы ее выращивали, пололи, поливали... Не маленький ведь... – сидел и тихо сопел, как бы винаясь передо мной за учительскую глупость.

Наконец, он встал, посмотрел в мои глаза и добавил:

– Учительницу взял и по глупости обидел. Ей и так, бабенке, достается, без вас. Ты уж повинись перед ней. Я тебя прошу.

А я сидел перед дядей и никак не мог уразу-

меть, за какие такие грехи я еще должен извиниться перед учителькой...

Учительствовали у нас тогда двое из района, муж и жена. Он откуда-то с наших краев, бывший фронтовик, и она, привезенная им из-за Урала. Муж заведовал местной семилеткой, учил один класс, возил дрова для себя и для школы, ремонтировал классные комнаты, а заодно и свою хатенку в общей ограде. Но больше всего возился около двух коров и нескольких поросят, которые за лето превращались в могучих хряков и рыли в теплые дни ямы под окнами нашей школы. Жена, красивая южная женщина, то ли с Кавказа, то ли с Молдавии, не отягощала себя домашним хозяйством. Прямая, как флагшток, выставленный возле входа в школу, она с видимым равнодушием проходила мимо принадлежащей ей скотины, а на уроках, рассказывая о чужих странах, смотрела поверх наших голов круглыми и до безумия безучастными глазами...

Позднее учительская чета оставила наше село. И я случайно узнал, что непомерно строгая географичка прошла войну медицинской сестрой. Она хранила на теле следы двух ранений, имела несколько боевых наград. А после второго ранения у этой женщины остался в позвоночнике осколок немецкой гранаты.

Тайны своей бывшей учительницы я узнал уже в те годы, когда заканчивал районную десятилетку. Больше всего меня почему-то поразило не само открытие этого секрета знакомого человека, а внезапно пришедшие на ум слова дяди Степана: «Ей и так достается, без вас...» Ведь он-то знал о нашей учительнице больше, чем я...

— Че задумался? — отвлек меня от грустных мыслей Василий. — Не позабыл еще, где лежит Черно озеро? Щас падь минуем, за ней горелый лес, там и озерко наше...

— Как забыть? Мы к нему пешкодралом в былые времена добирались. Каждый кустик знаком. Каждый поворотик...

— Э-эх, куда, брат, заехал! Да где при тебе кусток был, там нынче вот такущее дерево стоит. И в пять раз повыше тебя... Мне, Сань, эти места, как моя Настя, милы. Посчитай, четверть века — лето в лето езжу сюда. Раньше, бывало, на лошади. По зиме, правда, к озеру не ходок. Подо льдом ловить не в моем характере, нерв не выдерживает. Опять же, одному не с руки, а больших компаний в таком деле водить не допускается.

Свою тираду Василий закончил неожиданно

и кратко, как настоящий мыслитель.

А вот и оно, золотое Черное озеро, когда-то казавшееся бескрайним, как море, о котором я знал только из учебника географии да из случайных книжек про пиратов. Вплотную к воде прижался рогоз. На высоких тростинах набухли светло-коричневые карандаши его соцветий. Дальше по берегу раскинулись никлые силуэты ив. Нет, озеро я узнал сразу, оно — то же самое, каким было в моем детстве. На вид глубокое, молчаливое. Только теперь не такое громадное. Вот он весь, будто на ладони, берег в светлой опоясочке береговой зелени. И никакое оно не море...

— Ну, че? Швартанемся? — и Василий прилепил свой вездеход почти к самой кромке воды. — Тут и заночуем...

Натренированным броском он высвободил себя на берег.

— Вон у той талины шалашик изладим, сторона продувная, комарья будет меньше.

Распределили обязанности. Я взял на себя хлопоты о растопке, да и вообще о всяческом топливе — сушняке, корье, сухой бересте и прочем богатстве, которого в африканской пустыне, например, не сыщешь днем с огнем. Вот кизяк — иногда еще да. Василий между тем накачал резиновую лодку.

— Двойной стандарт выдерживает — меня и Настюху! — упредил он мои сомнения. — Испытано не раз при людях и просто так. С отцом как-то были тут, с Яшкой три раза...

Договорились с заходом солнца ставить сеть. А пока сели к «застолью»: на бугорке растелили клеенку, на нее высыпали домашнюю снедь. Рядом с клеенкой, подмяв нежный подшерсток густой травы, я побросал привезенную одежду — для Василия и для себя.

— Будешь? — кивком Василий показал на багажник своего драндулета. — Там у меня всегда есть.

— Изжога, — соврал я. — И вообще с годами стал чувствовать: не приносит выпивка той радости, на которую вначале рассчитываешь.

— И у меня че-то схожее. Себя давно знаю: ненадежный я человек для этого... Вот квашиш — совсем другой коленкор. Попробуй с Настинными пирогами. Фирменные. Эпоха!

Маленько подумал и подмигнул мне:

— Рыбак душу не морит, рыбы нет — так щи варит! Это еще мой отец сказывал...

Влажный и теплый воздух, близость настоя-

щей тайги, полное отсутствие людских звуков – все это окутывало, обволакивало меня. Казалось, что после нескольких сот лет жизни в жестоком мире я оказался среди райского блаженства.

– У, шука! – Василий хлопнул пятерней по своему плечу – туда с налету присосался оранжевый паут. После удара насекомое замертво отлетело в траву.

Василий раскинул бугристые руки. На предплечье, где недавно приткнулся маленький камикадзе, застыла крохотная струйка крови.

А в человеке не унималось философское начало – качество, присущее почти каждому деревенскому жителю, оказавшемуся вдали от скопища других людей.

– Меня, Сань, этот асфальт, бетон, электрички, космос – все это тоже интересует, но не возбуждает. Мне к самой земле сердцем надо. Вот лежу на траве – и полное счастье. Эпоха!

Василий каждый раз открывается передо мной новой своей стороной. Пришел он в семью дяди Степана неразговорчивым, занятым своими делами человеком. Лишившись ноги, когда война практически была позади, Василий с затаенной мукой нес в себе физическую ущербность, особо изводившую его даже не как молодого мужика и мужа, а как сельского труженика. На его угрюмом лице часто угадывались внутренние терзания и протест против свершившегося с ним несчастья. Настя, бывало, поглядит, поглядит в его затуманенные глаза и спросит с незлым упреком:

– Молчишь, молчишь... Языка не добиться... Прилип он у тебя, что ли?

Василий в ответ пожует скулами и молча отведет хмурый взгляд. Такой у него был характер. А может, слишком много печатей оставила на нем война, закупорила душу внутри посеченного тела...

Но все-таки сумел он переломить себя. Не в момент, не за день, конечно, а за многие годы жизни. Почувствовал человек свое предназначение и силу. Раз от разу, наезжая сюда, я замечал, как родственник с неподдельным интересом тянется к людям, как образуется вокруг него живое теплое облако...

Едва мы выставили сеть, темнота обволокла озеро. На зеркале воды небо почти не отражалось. Все небесные светлячки – большие и малые звезды – покрывались прозрачными коконами и уходили на дно.

Василий предупредил меня:

– Осторожней! Глыбь тут – волоски всплывут!

Мы наугад причалили к тому месту, где засветло посрубали под корень жесткие рогозовые тростины. Первым покинул лодку я, помог Василию выбраться на берег. На озеро мгновенно налилась ночь. На такие картины художники тратят много специальной краски из сажи или жженой кости... Настоящее Черное озеро!

– Темнотища! Хоть глаз коли. Ни хрена не видать! – бурчал Василий. – Сань, мы с тобой промашку дали: надо было огонь развести загодя. Уже бы и чай ждал, и свет был. Со светом я разберусь быстро: у меня специальные аккумуляторы в багажнике на такой случай, да лезть неохота...

– Наверстаем, – согласился я.

Василий, поскрипывая протезом, направился туда, где мы засветло смастерили для себя шалаш.

Пока я вытаскивал лодку из воды, тащил ее поближе к машине, отжимал воду из штанин выданных мне в пользование старых дядиных брюк, Василий развел костерок. В темноте полыхнуло небольшое, но резкое пламя. На мазутно-ночном фоне оранжево-желтым привидением маячила угловатая фигура Василия. Когда я подошел поближе, он предложил:

– Заморим червячка перед сном?

Я устал от долгого пребывания возле воды (о таком эффекте мне не раз говорили те, кто долго прожил в Африке на экваторе), поэтому предложение Василия отклонил.

– А я собью охотку. Ночью с грязи не треснешь, с чистоты не воскреснешь. Поздняя трапеза позволительна природному труженнику. А ты, Сань, всего лишь отдыхающий элемент. Спи с богом!

Я упал спиной на брезентовый лоскут, уложенный засветло на согретую солнцем траву. Почувствовал, как в меня мелкими струйками вливается сонная улада. Но голова была светла и, главное, наполнена мыслями, далекими от ночных фантазий, которые, как правило, уведят человека из реального мира.

– Так что тут у вас за история с Деменчихой? Какие-то полунамеки, недомолвки. Днем был на почте, встретил Сусанну. Поговорили о том о сем. А когда коснулся Деменчихи, она как с цепи сорвалась. Ее-то кто укусил?

Василий перестал жевать, отодвинулся в темноту, заслонив ладонью глаза от пламени,

свившегося в яркий золотисто-красный жгут.

– Так ведь от Сусанки все у нас и пошло. Ты что? Совсем не в курсах?

– Как так?! – поразился я. Мне было непонятно, как Сусанна, милая Сюська могла стать причиной вселенского раздора, чуть ли не шекспировской драмы, разыгравшейся в нашем небольшом селе.

Все, что было здесь до моего появления, все, что казалось до этой минуты чужим и далеким, в один миг приблизилось ко мне, коснулось меня, я чувствовал, что становлюсь невольным соучастником этих важных событий. Вдруг интуитивно ощутил я их отдельные звенья, но сама цепь где-то терялась, хотя была совсем рядом – просто я многого не знал. Знали дядя Степан, тетка Анна, тетя Феша, Настя, Василий. А самое первое звено, выходит, находится в руках у Сусанны... Мне захотелось во что бы то ни стало пройти по всей этой запутанной цепи. Может, она где-то касалась и лично меня...

– Так тебе никто ничего толком и не рассказывал? Надо ж! Скоко уже у нас живешь, а ровно как неподкованный на льду... И я, чучело заболотное, думал, ты уже в сути нашей катавасии... Эпоха!

Мой сон рассеялся, словно отогнанный ветром дымок костра. Василий зачем-то почесал казанок указательного пальца – наверное, чтобы унять волнение, готовясь к важному разговору.

– История любопытна и поучительна... Правда, испытать ее на себе не пожелаю никому! Шутка ли в деле: Ленки-то Деменцова в итоге нет...

Василий подкинул в огонь два сырых березовых комелька, чтоб костер горел не так споро.

– Председателя нашего Деменцова помнишь? Присылали из района или даже из самой области. Был он там кому-то брат или сват. Теперь хрен это кому надо. А тогда он ставил себя выше самого Папы Римского. Царьком возомнил и вел себя, как душа пожелает. Дружками, конечно, пообзавелся. Они ему здорово помогали. Кто сено колхозное тащил, кто половину нашего ельника под Новый год в город сплавил... Бабенки заезжие появляться стали. Дошло до того, что рюмки по домам сшибать начал, а попробуй откажи... Но пришел и ему конец. После разгромного фельетона в областной газете дело ушло в райком, а оттуда в суд. Из партии мужика подчистую выгнали, а в суде опять же дружки дело застопорили... Ну, он вовремя смикнул и по-

дался в бега. Так и отстали от него. А Деменчиху с Ленкой народ пожалел. Правда, председателю избу пришлось им сдать, в другую перешли. Но пальцем на них никто никогда не показал, вслед никто не позволял плюнуть. Они, по сути, самые пострадавшие оказались. И морально, и материально. Да и сама Деменчиха от своего мужа всегда отличительной была, приветлива для народа, не выряджалась боярыней заморской. Никаких дох и шуб на ней не видели, все в обычных польтах с цигейковым воротником. Ленка в районе школу окончил, в интернате там жил. Вскорости его в армию призвали, а там тоже не вечно. Весной прошлого года парень демобилизовался, да еще в звании сержанта... Тюфякам лычки не дают.

Василий отломил от валежины кривую ветку, поворошил острым кончиком малиново-синее чрево костра, снова повернулся ко мне.

– А Сусанку ты как свои пять пальцев знаешь. Николаша при ней в торговле много лет проработал, мужик был работающий – вроде и спать никогда не ложился. Жила Сусанка за ним как за божьим даром. Да вот на ее голову нашлась у нас одна стерва, Лидочка-ветеринарша. По пятки опутала мужика. Втетерился, значит, Николаша в нее и задурил. Мужик в поре был, а той вертихвостке лет двадцать... ну, с небольшим, может. Виском повисла она на Николаше. И уже в открытую у них началось. Сусанка, как прознала про его шашни, так в толчки и вытурила из дома. Николаша сначала в дыбы: мол, и моя тут домашность! Но Сусанка баба крепкая, чуть грешным делом не пришибла его вальком рубчатым. Мужик, значит, в запятки... Укатали они в теплые края с молодухой – от греха то есть подальше... А Сусанке-то каково? Женщина совестливая. Извелась вся, в нитку вытянулась. Да и это б ниче... Дочка у нее как раз поспела. Девка, если не видел ты, я те дам! Маруська в аккурат десятилеточку окончила. Бросила Сусанка свой магазин, там Николашины друзья под статью ее чуть не подвели, и ушла на почту, оттуда наш Васильич только-только на пенсию ушел. Все к одному. Грамотешка есть – ее никуда не денешь...

Василий опять почесал мизинец. И что он ему сдался?

– А теперь пару слов о Маруське. Чтоб про нее говорить или слушать, надо иметь большое терпение. У вас в городе это нервами называется. Так вот, Маруська ни о каком труде, оказыва-

ется, и слышать не желала. Пошла в правление, там девчонку за ее вид да за мамкины заслуги посадили на телефон. Ну, вроде бы как канцелярией чуть ли не самого министра стала заведовать. Хватила Сусанка с дочкой сладкого до слез... Маруська – девка смазливая, с каждым фильти-милти пошла, приезжие с шоколадками к ней, а она уже выбирать начала. Народ-то, он все ухватывает. Знает, кто куда ее провожал и во сколько они расстались. Ну, что ты мне скажешь, если мы тут одним кагалом живем? Это вы там в одном подъезде с соседями проживаете и не здороваетесь. А тут уклад другой, не нами придуман... Поговаривали, что к девчонке женатики пытались дорогу наладить... И че, скажи, в этой сложной ситуации матери делать? В какие колокола бить? В какое ухо и кому шептать? Ты вот знаешь? Нет! То-то и оно! А у Маруьски свой изворот уже: привыкнет собака за возом бегать, так она уже и за пустыми санями скачет... Уревелась мать слезами, дочку на совесть брала и на силу. Всякое бывало. Маруська с синяком под глазом по деревне идет и радуется – будто во взятии Берлина поучаствовала... Ей вроде как на пользу все это. И что интересно: красивше с каждым новым днем, хоть в кино ее ставь вместо Быстрицкой или Чурсиной. Пройдет у палисадника, тиль-виль – у многих мужиков руки-ноги отымаются. Николаша-то, отец Маруьский, тоже смазливый был по молодости, да и потом ничего. Ветеринарша, видать, с понятием была, толк в мужиках знала. Конечно, правду сказать, я там не был, да и другие близко не стояли, только славу-то пустые да недобрые языки разносят. Я так понимаю: Маруська сама себе сильно девичье достоинство подпортила. Победительницей, повелительницей целого мира себя возомнила, а на самом деле просто теряла авторитет. И свой, и материнский. Говорят, подружки вокруг нее сбиваться стали, вечеринки устраивать... А геморрой ведь с этого начинается. Сусанка, слов нет, успокоиться не может – девке неполных девятнадцать. Мать где зубами посагызкает, где хряпку попытается нагнуть... А че толку? Дочка ей сказала раз: «Тронешь еще – над собой че-нибудь сделаю!». И отстала баба от порося...

Рассказчик зажмурил глаза от набежавшего дыма. Потом сидел, молча смахивая подступающие слезы. Я тоже молчал.

– Не уснул? – кивнул в мою сторону Василий. – А то выйдет, будто сам себе бормочу, не

задремать чтоб...

– Нет. Потянуло на раздумья. Вечность, костер, Маруська... Каким образом все это связано меж собой?

– А у меня на руках кожа ошершивела, надо ж, какая вода здесь. Че-то в ней есть такое. Как пить дать есть... Анализ не никто вовеки не делал... Эпоха!

Разговор сник и показался законченным. Была глубокая середина ночи. Василий подбросил в тлеющие угли костра сухие прутья черемушника. Дымок качнулся сначала в одну сторону, потом в другую, и тут пламя подняло его над землей. Бронзово-золотое лицо Василия выступало из черноты ночи, как лик тибетского бурхана.

– Ну, так что? – спросил я, чтобы нарушить наше общее молчание.

– Сдается мне, что самое неразгаданное на земле – это не смерть. А она, злодейка-любовь... – задумчиво произнес Василий.

Опять красота книжных слов перемешалась у него с очарованием исконного сибирского говора, который проник с нашим братом уже во многие города и страны. И не удивлюсь, если иное меткое слово – наше, сибирское – вдруг оказалось самым подходящим в разговоре где-то совсем в другом месте. Глухими таежными тропами кружило его, просеивало на долгих вечерках и посиделках, прежде чем отправилось оно бытовать по белу свету. Может, среди других русских слов и в Африке, на линии экватора осталось какое-нибудь запоминающееся слово, занесенное мной из Сибири. Кто знает...

– Любовь – как разбоистая река, – изрек бронзовый бурхан с фигурой зятя Василия. – Вот текла она много времен тихо и ровно. А раз в сто лет проходят где-то дожди. И большая вода враз размывает мосты и переправы, плывут по ней целые деревни. И не найдешь на прорву никакого спасу...

Над почти неуловимой глазом кромкой леса прокатилась звездочка, оставляя после себя голубоватый, тут же растворяющийся след.

– Метеорит! – интонацией старого академика-астронома изрек Василий. – Лет пять назад в этих же местах целая каменюка с неба сверглась. Много шуму было, и все в прах. Наши мужики как раз на покосе ночевали, не спали еще, видели катаклизм своими очами. Потом привезли домой пять кусочков – каждый по грецкому ореху. Похожи на гальку окатышную, только ноздреваты все. Один у Настасьи до сих пор в пу-

говках валяется. Может, кому и надо... Слышал, за ними целые экспедиции снаряжают, а у меня за так это добро лежит. В газету писал, заметку в самом конце пропечатали – там, где место для всяких некрологов. Ну правда, пять рублей прислали... И никто, видно, из нужных людей не полюбостыствовал. А ученые люди – они пустым делом не занимаются, газеты только просматривают, а не читают. Вот и не пересеклись пути нашего метеорита с дорогой ответственных людей из академии...

Я не хотел спать. Не тянуло на сон и Василия. Своими разговорами мы настроили себя на бодрствование. В этом деле Василий был мужик, что называется, битый. Он хорошо знал, чего я жду от него...

– Значит, все началось в тот час, когда Ленка Деменцов вернулся из армии. Как полагается, Деменчиха устроила встречное застолье в честь славного возвращения сына. А Ленка прибыл не только с лычками, но и при деньгах, службу тянул в стройбате, да и у самой Деменчихи кое-какие деньжата водились. Короче, соседи подошли, нас с Настей пригласили. Сусанна была, Ленкин дружок Толян-молоковоз, парни, девки. Ну, пляс-перепляс. В общем, отменная гулянка получилась, у Матвея Пшеничникова вся рубаха на спине спотела. И, понимаешь (вот как оно бывает!), в разгар всего этого Маруся нарисовалась. Ключи, что ли, ей от дома понадобились... Ну, и все...

Сказав это, Василий опять примолк.

– Что «все»? – не выдержал я.

– А то. Тут, скорее всего, судьба свою роль сыграла. Ленка как глянул на нее, язвы ты, так и пристыл у него язык во рту, только шаренки вылупил. Подрезала враз Маруся его своим видом, за секунду обворожила... Здесь, Сань, надо слово заветное знать, не меньше. Стоит, значит, Ленка, принародно нюни развесил, и ему ни одна холера не может слова сказать путевого. Застыли все, как вкопанные: гипноз, говорю, форменный гипноз. А может, любовь такая с первого взгляда... Только Маруся в конце концов все же совесть убила. Взяла она ключи от матери, глаза в землю и задом из ограды – виль-виль. К себе, значит, домой отошла. Никто ее словом не удержал, а уж к столу и вовсе не пригласили. Это я считаю неправильным. Настя моя, как вороньи яйца ела: «Ну, будет еще!» – шепнула тогда мне... Короче, праздник не в праздник, настроение ни в сноп, ни в горсть... Ленка, как

Маруся увидел, воды в рот набрал, натянул губы и ни на кого не смотрит, будто не к нему гости пришли. Сидит шалая-валяй – ни рыба, ни мясо. Я его понял: осиротела в момент у человека душа. Когда прощались, Деменчиха так зыркнула на Сусанку, так приколола ее глазом – у той точно сердце захолонуло. Ну, и кто тут и где, скажи, виноват? И есть ли виноватые вообще? Но все поняли: не будет Ленке без Маруся житья...

Дрова в костре выгорали. Только когда напал ветерок, верхний слой золы распадался, и сердцевина кострища густо краснела последней огненной силой.

– Вот так. Через неделю поползло по селу: крепко спутался Ленка Деменцов с Маруськой. Сусанна, ясное дело, переживает – свою дочку поедом ест. Почта-то от нас в трех шагах: все видно, все слышно. «Это че же, батюшки! – чуть не воет она по вечерам. – Ты куда собралась, безобразница, на ночь глядя?» А Маруся только посмеивается, че-то меж зубов, видать, скажет, еще больше взбесит мать. Я их и ту, и ту знаю: одна – задержиха, другая – неспустиха. В общем, орет Сусанка дурниной на дочку. Да толку-то в том? В потаях они, видать, с Ленкой жили. Кто видел, говорил: походят, походят за огородами, потом – шашть в кусты и до утра там...

Деменчиха, Сань, тоже только слезами умылась. Ленке ни слова. Сидит по ночам и ревет. До утра свет не гасит, как при покойнике... А тут, случись же, Сусанку на курсы какие-то вызвали, чуть не на месяц. Ну, и пошло-поехало... Ленка в ночь-полночь по морозу космачом к Маруське бежит. То ли с ума она сбила парня, то ли Ленка так ей в сердце вошел. Только перестали скрывать они ото всех, что меж собой вплотную якшаются. А вскоре и Сусанка на порог после своих курсов явилась. От людей, ясное дело, слухов всяких набралась. Ну, и спустила на непутевую дочь полкана. Маруся к Ленке. Тот с ней к своей матери. Хочу, говорит, мама, жениться. Вот невеста моя Маша Лихачева. Люби, мол, ее и прочее. Глянула только Деменчиха на Марусяку и повалилась в крике: «На дух не надо ее мне! Не для этой шлюхи я в тебя свои силушки вкладывала. Знаешь ты, сколько у этой стервы в постели мужичья перебывало?»

Тут Ленка не сдержал себя, взбеленился. Правда, без подлости к матери, но в ярости объявил, что уходит из дому. И верно, немедля со-

брал свое шмутье и поселился у бабушки Антипиной. Стал давать за угол десятку в месяц, а старушке больше и не надо... Деменчиха же, как сошел Ленька на отдельную квартиру, совсем сдала: будто у человека из глаз свет выкатился.

С уходом Леньки от матери у молодых вроде как-то поутихло. Хотя ходила про них всякая всякота: где правда, где нет – кто теперь это разберет? Да и копаться в чужих пожитках нехорошо... Ну, а на родительский день Маруська матери открылась: мол, сташнивает, неожиданно-негаданно в тягостях оказалась. Залетела, выходит. Сусанна стерпела, ни одного худого слова Маруське в ответ. Только сказала: «Ну, что ж, дочка, с поклоном пойдём...» А Маруська – она ж девка уросливая: «Нет, мамк, в своем доме сватов дождусь, по-другому не будет!» – «Что ж ты дурочку порешь? Так можно прождать до морковкиного заговенья. Доведись до меня, я б к нему на кукорках полезла, чтоб в жены взял...»

Ну, дале – боле, шире, доле. Сам понимаешь... А решать-то надо. Надо думать, как из греха вылезать. Мужиков дельных рядом не оказалось. И пало в голову Сусанке самой к Деменчихе в ноги валиться. Не знаю уж, об чем у них меж собой разговор был, только вылетела Сусанка из деменчихиной избы, как пробка от шампанского, и безо всего. Ну, не совсем без всего, а в исподней рубаше да на одном плече рукав от платья... В копыа, видать, побились, и все из-за Маруськи. Деменчиха вслед выбежала на улицу, кричит как зарезанная: «Не дам крапивенку родиться, не допущу сраму в доме своем!»

Кто из них прав, кто виноват – наверно, каждый на свой бок. В общем, полетела Сусанка изо всех рысей к Леньке. Через неделю они с Маруськой заявление в районе подали – вроде все вышло по-человечески. Да вот не обошлось все же...

Костер потух. Даже крохотного следа в ночи не оставило то место, где над землей час назад вилась огненная ткань. Оттуда на меня тянуло только терпким теплом да подгорелой травой.

– Вот тебе и эпоха! – не то огорченно, не то назидательно произнес Василий. – Деменчиха, как услышала, что Ленька ездил в ЗАГС с беременной Маруськой, не могла найти себе места. Змеищу, говорит, подпазушную вовеки к себе не подпущу. И Леньке она – живая погибель. Где только глаза у него? Нагульный, мол, этот ребенчишко, да и наверняка не от сына моего.

Но дело-то сделано. Заявление, как надо, принято. Ни Маруська, ни Ленька не стали настаивать, чтоб их сразу расписали ввиду уважительной причины. Заметь, Саня, это тоже узловой момент, он говорит о многом! Попросили положенного срока. Им месяц и дали. Да только вышло все наперекосяк...

Василий повел плечами – видать, начал зябнуть. От его вида я тоже поежился, но ничего не сказал. Не хотелось перебивать его.

– А что наперекосяк пошло?

– Сусанка на Маруську накинулась: зачем целый месяц ждать? Растолкуй чужим людям, что уже с дитем ты, покажи им живот свой – вас распишут без проволоки... Ну, и опять коса на камень. Маруська на своем настояла. Не знаю, что произошло, только по виду меж молодыми любовью на убыль пошла... Их вместе, пожалуй, никто и не видел с тех пор. Старые слухи забываться стали... Ходила всякая бяка деревенская, так она всегда у нас шастает. И вот тебе: случай такой вышел...

Было это, значит, где-то около середины июня. Иван Белозёров дом у себя перекачывал. Понятное дело, мужиков на помощь организовал. Дом, помнишь, еще дедов был. Нижние два венца заменили, остальные опять на место. Само собой, мох новый уложили. Мужики как раз черепичный ряд клали. Только-только бревно наверх стали поднимать, тут Ленька откуда ни возьмись. Мимо бежал. Иван ему: «Лень, подсоби! Аль к теще торопишься?» А Ленька: «Ага! К ней! Свататься пошел, вот бутылка за пазухой!» И – чудечко на блюдечке – сам во двор к Белозёровым: «Че не подсобить-то? Токо ты, дядя Иван, пойди у меня за свата!» – «Знамо дело, пойду, а за что б не пойти? Тут до почты два шага. Если бы в знатье – мы бы с тобой, Леня, там еще вчера управились. Не горюй, женишок! Попозжа и закатимся. В толчки гнать не будут».

Ленька снял с себя пиджак, скинул рубашу. Кинулся в охотку к бревну. Мужики видят: подмога крепкая. Ленька-то, он ведь как витиеватое дерево сплетен был, жила к жиле и кость отцовская – широкая... Подняли три бревна, сели, перекуривают. Алексей Белозёров спрашивает: «Будешь добром брать Машку?» – «А как же иначе, дядя Леша? Любовь – она только в добре и живет...» – «Надоть, надоть, Лень! Подходява для тебя девка». А этот, как его, осиновое ботало, Игорь Богомолов не сдержал языка: «Пузо Маруське сам намозоллил или дружки помогли?

Небось, лето ждал, пока рассосется?» Алеха Белозёров аж закипел весь: «Болтай боле! – и еще матюгом запустил. – Мало че? Говори да оглядывайся!»

Ленька, ясное море, на Игоря глаза сбывил, топорище в ладошку взял. Мужики думали: табак дело, так не только до грудков дойдет... Да тут Белозёриха вовремя объявилась – она у него баба ухо с глазом. Ну, конечно, проякорь вас побери! И все такое прочее... Как, мол, вам, мужичье, не совестно, – всякий мусор собираете! У тебя, Богомол, рожа – на семером не объедешь, а ума с булавочную головку. Игорек и попритих.

Мужики, отдать должное, сообразили, чем дело пахло. Игорька вроде в смешки взяли. В нем норов разыграл, хлопнул он кулаком по столу – мол, не дорого дано, не больно жаль! И пошел со двора... Белозёров к Леньке: «Прости за оплошку, сдичал человек. Бог с ним. Только уж будь добр, останься. Нам, дескать, без Игоря да без тебя дотемна не управиться!» Ленька, царствие ему небесное, уламывать себя не дал, остался.

Черепичный ряд выложили, матку подняли, стропила на место поставили, угощаться уж направились, а тут опять Белозёрова баба: «Пока ужин собираю, гостенечки дорогие, покидайте тесинки наверх, а то я завтра картошку окучивать буду. Лексею подсобить не смогу. А он стропила обрешечивать собрался».

Стали мужики Белозёрову доски подавать. Гамузом – дело минутное, одна за одной... А Ленька то ли торопился, то ли не в себе был. А может, на роду так написано... Взял плашку и метнул ее вверх. Видать, хотел к Алехиным ногам поближе кинуть... И что ему показалось, будто доска на место пошла? Отвернулся... А она, падлюка, об матку вжину и назад к нему, прямо углом торца в висок, наутык прямо... Не успел он, наверно, ни про мать, ни про Маруську подумать. Смерть – это ж какое несчастье! Я порой думаю: Ленька на нее сам шел, на смерть ту. Вот только зачем – не могу дать ответа себе. Ведь такая жизнь ему светила!..

Как бы то ни было, сон взял свое. Под ровный перекатывающийся говорок Василия, будто под пение скользящего по отглаженной гальке ручья, я незаметно уснул, причем голова так и осталась на локте полусогнутой руки. Снилось мне чередование известных и неизвестных лиц: и бледная мама в косынке с голубым горошком,

и Матвей Пшеничников. Красивая девушка Маруська пыталась подать ему заветную хромку, но рядом стоял хмурый парень со свежей раной над бровью и, не произнося ни одного слова, тянул гармошку к себе. Тут же оказался мой бывший прораб Шитин, он стоял с Колей-морячком у кривой ивы и все не мог раскурить дядину трубку из черного дерева. Местный композитор бегал в длинных трусах и почему-то требовал, чтобы его целовали женщины. С деревенской колокольни, коей у нас не было во веки веков, Игорь Богомол пытался сбросить большущий колокол. Возле меня оказался Ленька Деменцов с лицом брательника Яши. Ленька старался увернуться от медной махины, но его ноги словно прикипели к земле. Вокруг нас простиралась незнакомая пустынная местность, а под куполом церкви стоял уже не Игорь, а бородатый араб-мусульманин, он толкал колокол вниз и, смеясь белым ртом, орал Леньке: «Это тебе!» Вдруг колокол прогудел рядом со мной, накрывая собой Леньку, я закричал... и проснулся.

– Приснилось что-то? – спросил из кузова своего самоката Василий. – А то кричал ты как-то по-курячь, от хороших снов такого не бывает.

Солнышко уже лизало небо жарким, как у собаки, языком. Кое-где над поверхностью озера таяли последние перышки тумана. Василий знал свое дело:

– Вставай, Сань, лезь в воду. Она тебя теплом примет.

В озеро я не полез. На душе было беспокойно, в груди репейным комком скопилась горечь. И, казалось, подними голову – увидишь над собой араба, толкающего позеленевшее от одиночества брюхо колокола...

Мы разожгли утренний костер, устали в нем чайник и направились поднимать сеть. Когда лодка отошла от берега, Василий заметил:

– Низкий туман был нынче. Хорошая примета. Рыбешки наберем, не сурочить бы...

Когда потянули сеть из воды, Василий неожиданно ругнулся:

– Во, холера! Ты погляди на меня: есть у чурки глаза?

Я начал соображать, в чем причина такого недовольства. Оказывается, второпях да потемну мы не расправили сеть как полагается. Около берега под водой с прошлых лет сохранились длинные камышовые палки – вот на них-то и легла почти вся наша снасть. Рыба по всем правилам науки прошла мимо.

– Уф, окаянная! Уф, ты! – то ли на сеть, то ли на рыбу в сердцах ворчал Василий. Неожиданно остановился, успокоился: – А, ладно! Худому всегда худо... На ущицу наскребли, и хватит. В другой раз умней будем.

Он оказался прав: всего улова только на меленькую ущицу и хватило. Три чебака, тощенький щуренок, пара прилудных ершей, три окунька да карп в полкило... А если бы не этот несчастный камышовый частокол? Вот бы, наверно, нацарапали рыбы...

Черный перец перебивал рыбный навар, драл горло, до чиха щекотал недра носа.

– Уха – божий дар! – выдохнул горячим ртом Василий. – Мертвого за уши не оттянешь...

Я видел, что он ищет тему для разговора, чтобы развеять и скорее позабыть свое вечернее посрамление. И я пошел в его нехитрую ловушку. Без всяких предисловий и наводящих вопросов поинтересовался, что же произошло в деревне после Ленкиной смерти.

Солнце высунулось из-за деревьев, рвануло с силой оставшийся над землей мутный полог и белыми клочьями погнало остатки тумана в высоту. Значит, к дождю. Василий отодвинулся от прогоревшего костра, снял синюю с мелкими вилюшками рубашу, сел белой спиной к солнцу.

– Вот так Ленка себя и порешил. Первой, как положено, сообщили Деменчихе. Мать, она есть мать... Та без ума прилетела. Че там было – сам понимаешь. Хуже всякой трагедии. И Маруське кто-то шепнул. Она тоже во двор к Белозёровым примчалась... Следом за ней Сусанка. А в ограде уже полдеревни, милицию и доктора из района ждут. Белозёров весь, как стена, белый – надо ж такой беде случиться в его доме. Ивана-то тоже можно понять, вроде прямой вины нет, а душой виновен... Ну, в общем, Маруська в слезищах вся, Ленке на грудь упала, по сути, он муж ей, а не колода какая... Да не тут-то было. Деменчиха, как коршун, девку за космы и на дорогу. Никто не посмел стать у нее на пути. «Уйди, – шипит, – похотливая королева!» Только одна Сусанка к ним. Хорошо, бабы разняли, а то бы еще одной смерти не миновать... Наконец, все порешено было, Ленку Деменчихе отдали. Так она Маруську все три дня близ двора своего не подпустила и наказала через людей: явится – удушю. Это, мол, она сына загнала в гроб. Вот, собственно, и вся история. С таким, значит, исходом. Как говорится, ни роду, ни плоду...

Теперь я понял, что в день приезда на клад-

бище видел Маруську. Это она торопилась тогда впереди меня, притулив черенок лопаты. Приходила, чтоб втайне побыть у мужевой могилы. А заметив меня, поспешила уйти прочь с чужих глаз.

Мне показалось, что череда всех известных мне событий замкнулась. Дальше начиналась просто обыденная жизнь. Василий повернулся на бок, разбив нестойкую тишину:

– Книгу об этом написать бы. Я пробовал. Ничего не получается. Мыслей много, а сложить все вместе нет тямы.

А я думал о безысходной судьбе двух молодых людей. И ко мне постепенно приходила успокоенность. Такое уже однажды со мной случилось. Помню, когда маму передавали нам из морга, я не мог представить, что не только ее не стало, но и никогда не будет. Я мучился, страдал, в голове создавались какие-то фантастические, почти кошмарные образы. Я даже мысленно не мог увидеть маму не той, что она была дома до своего отъезда в райцентр. Несмотря на запрет отца, я вбежал вслед за ним в низкое каменное здание чуть поодаль от больницы и увидел, наконец, неживое лицо мамы. Поначалу меня охватила холодная жуть, а потом я пригляделся и понял: то была совсем не она, а ее прах, ненавистный и чуждый мне. И я вдруг почувствовал внутреннее облегчение – во мне оборвались, наконец, ужасные видения. С такой мамой я не хотел быть рядом. Мне было жаль мою живую маму, которой, я понял, больше никогда не будет. И я заплакал...

Нечто подобное испытал я и на этот раз. История Ленки Деменцова и Маруськи, Сусанниной дочери, была от меня очень далека. Неслучайно Василий, потирая опухший палец, снова спросил:

– Тебе оно к какому боку? Тоже собрался написать книгу? Это мы меж собой кукарекаем, варимся, а у тебя далекая от наших интересов жизнь...

– Нет, Василий! Это касается меня, как и дяди Степана, и Насти, и тебя. Как той же Сусанны, Деменчихи, Коли-морячка, Алинки бесшабашной... Ты вот рассказал мне всю правду, и свалилась с души целая булыга!..

Ехали мы с озера той же тряской и изгибистой дорогой. Василий вел свой лимузин в самом высоком расположении духа и без умолку выкладывал мне свои познания по флоре окру-

жающих лесов и полей. Заслоненная этой лекцией о цветах и травах, отошла на второй план невеселая история с сыном непутевого председателя Деменцова и дочерью моей бывшей одноклассницы.

Когда я появился возле дома дяди Степана, тетка Анна взволнованней обычного всплеснула ручками:

– Ахти, мнеченьки! Небрит, усталый и, поди ж, голодный? Этот Василий всегда готов хорошему человека умять. Нет, нельзя мужиков без призору оставлять, они ж как дети малые. В озере хоть не потопли, и на том слава Богу!

Дядя Степан сидел около сеней в тени. Недовольный теткин квохтаньем, крикнул:

– Че впустую завелась? Васька – он вовек такой. Весь от души, за всяко просто. С ним-то как раз не потопнешь! – Но потом все же выговорил и мне: – А ты тоже хорош гусь. Не объявил, что с ночевкой... Мы и вправду Бог знает об чем думать стали. Ждали-ждали и жданы съели... Вон в соседнем районе недавно случай был...

Тетка Анна сошла с крыльца с листком телеграммы.

– Вечор Сусанна была, вот тебе из дому.

Я мельком пробежал по словам, аккуратно выведенным почерком Сусанны, понял, что в моей семье все нормально. Значит, и у меня ни в одной клеточке души теперь не будет тревоги.

– Сусанка-то вроде как по делу приходила, – подал голос дядя Степан. – К тебе, Сань. Выспрашивала, когда будешь, что, мол, ноне делать собираешься. А я знаю? Телеграмму принесла лично – это, понимай, заделье нашла. Днем у них почтальонша по дворам ходит. Сама она, Сусанка, бумажки разносить не обязана.

– Так и есть, к тебе навевалась. На последе сказала, будто б ты ей нужен, – дополнила тетка Анна. – Бог ты мой, в како дело баба встряла! Послушать только да руками развести...

– Василий мне на озере про нее рассказал. Нелепый случай. Не укладывается в голове. Заверчено, позакручено все...

– Маруська и виновата! Рано хвост задрала. Мать не зря ее едом ест. Че нищету-то плодить?!

Дядя Степан показал из-за льяного полога седую голову. Взглядом попросил у меня защиты от жены и поддержки своим словам:

– Ты посмотри на нее! Ни чох-мох не понимает, а туда же... Квашню притворить, самовар поставить – твое дело, Анна! А че ты суешься, куда не след? К чему потакаешь Маруське ребенка

выжить? Ясное дело: мать у ей в себя не пришла, ну, молотит всякое... Срам один. Только вам к чему это? Зачем девку с панталыку сбиваете? Или сами никогда не рожали?

– Не по разу еще. И завсегда по закону. И отец у каждого был! Вот так вот!

Тетка Анна налилась внутренним упорством. Сейчас она походила на наседку, раскинувшую обрезанные крылья перед возникшей опасностью. Не дожидаясь ответных слов мужа, продолжала наседать, гнуть свое:

– Сам, Степа, на вред говоришь... А ить не продумал, как мать девчонкина народу в глаза поглядит. Да то ли еще... У Маруськи зенки-то бесстыжи-бесстыжи. Ты хоть раз в них смотрел? Она в подоле своего зауголка принесет – нет, не тебе, Степ! А: «На, мамк, нянчись, а я снова охотку тешить пойду...» Не, Степ! Сусанка свою жизнь обстроить по-людски не смогла, а тут еще такая напасть... Время есть, и выжить не грех – не она первая, не она последняя. Там в ей не дите еще...

– А кто? – взорванным голосом вскрикнул дядя Степан.

– А никто! Пустышка! Вот ране беда была, баб сколько из-за этого настрадалось да померло... Теперь Маруську любая больница за чисту душу примет. Отца-то, как ни говори, нет и не будет. А безотцовщину плодить – не война...

Разговор принимал крутой оборот. Я знал нрав своих стариков: пока они меж собой не нажгутся, спора не оставят. И ведь каждый, когда говорит, кажется правым. Так что с моей стороны было бы нечестно подливать масла в огонь, становясь на защиту одного из них.

Дядя Степан ступил голыми пятками на горячий твердозем. Качнул головой.

– А я че, выходит, совсем ниче не думаю? И говорю, с твоих слов, че попало? А? Ну-ну, ребята... – дядя Степан задумался, кончиками пальцев здоровой руки потер лоб. – Оно, конечно, верно: и Деменчиха с Ленкой, и Суська со своей красавицей – нам чужие люди. И вроде не до них наше дело. А мы с тобой и подавно старичье... Да вот в голове моей по ночам, как Ленку доской зашибло, киш кишит... Я ить сухой с виду, ек-маек, да токо сердце во мне к чужой беде слабое. Мне и ту же Деменчиху жалко, и Сусанку. А вот Маруська – особь статья. Ей после них жить, она в первую очередь должна мысли мыслить. Кто поспорит со мной? Да Маруське Ленка как солнце был. Оставьте вы ей хоть лучик от этого

солнышка...

— Ничего твое дело! — снова оттопырила крылышки тетка Анна. — Посмотришь на него — так ангел господний... Он, Сань, — это уже ко мне, — знаешь, со мной на спор пошел! Был такой день — даже курево свое в печку кинул, пожег. Во до чего дошло! Не человек, а характер. Говорит, в жизнь не задымлю, ежелив Маруська к таким, как я, склонится... И чего старому надо?

Теперь я понял, что значили дядины слова о каком-то принципе, когда я вручал ему трубку. Значит, достали человека. Курил, курил почти семь десятков лет, а тут — нате: все мысли в разные стороны! Но, видно, крепится старик и в душе тешит себя: мол, закурю еще! И из моей трубки надеется подыметь.

Я взял свою одежду и пошел в дом. Голоса хозяев доходили и сюда, но слов уже нельзя было разобрать.

Мне почему-то не хотелось встречаться с Сузанной. Это может быть непосильный для меня разговор, в котором я знал свое место, но не знал ответов на вопросы, которые заготовила для меня одноклассница.

Как только опала послеобеденная жара, но солнце было еще далеко от горизонта, я отправился на кладбище. Прошло столько времени, а мне не удалось выкроить час-другой, чтоб посидеть у могилы родителей, принести на надгробие свежей земли, вырвать из-под оградки нарощие метелки дикого травостоя. Тетка Анна собралась было со мной. Но дядя Степан, метнув взгляд, остановил ее:

— Пойдем, мать, в другой раз. Мы с тобой часто бываем там. Пусть африкан один сходит, душу отведет. Это такое дело... Без лишних людей оно лучше.

— Я б водички от Дуськи Шипилиной принесла, на могилке б земельку полили...

— То-то он не принесет сам? И к Дуське ходить ни к чему. На курятниках своя водокачка, че ему пяток минут ходьбы? Принесет. Парень — самый прыск!

Шел я по пыльной дороге, на которой лежали следы от колес и людской обуви. Мне почему-то вспомнились слова отца, сказанные им без всякого назидания: «Дело, которое делаешь от сердца, заканчивать не торопись; которое разумом — не откладывай на потом. Потом — это никогда!»

Над кладбищем господствовала торжеству-

ющая тишина. Только среди старых берез, понизу, где еще кучерявились зеленые веточки, сновавала мелкая птица, издавая разные шорохи. Я положил лопату и пошел за водой на ферму. Как только вернулся, увидел возле могилы Леньки Деменцова женщину. Я вспомнил ее — это была Ленькина мать. Не хотелось встречаться с ней, но по-другому было не пройти. Я приблизился к месту, где прямо на земле, опершись на одну руку, сидела Демечиха. Она подняла на меня тяжелый невидящий взгляд. Глаза на почерневшем лице были впалыми, будто вдавленными.

— Здравствуйте! — вынул я из себя.

Деменчиха ответила молчаливым поклоном, медленно качнув головой. Я обрадовался, что пройду мимо, и на этом закончится наша случайная встреча. Но едва я оставил женщину позади, она настигла меня хрипловато-приглушенным голосом:

— Простите, я вас только сейчас признала. Вы, надо быть, племянник Степана Алексеевича? К отцу с матерью пришли?

— Да, — растерянно отозвался я. — Три года не бывал здесь...

— А у меня горе, — произнесла Деменчиха без всяких чувств — не жалуясь, не освобождая переполненную скорбью душу. — Сынок мой единственный теперь здесь покоится.

У Деменчихи в глазах не было ни единой слезинки. Оттуда, где у человека стоят слезы, давила беспощадная до отчаяния тоска.

— Я слышал про смерть вашего сына. Разделяю большое материнское горе!

— А вы-то еще меня помните или позабыли всех деревенских? — не дослушав до конца мои слова, спросила Деменчиха.

— Помню. Вас помню. Даже помню, как вашего мужа к нам из района присылали...

— Будь он проклят, тот день! — вымолвила Деменчиха, и снова ни одна черточка на ее лице не шевельнулась. — Так с того раза вся жизнь пошла на нет...

Она умолкла. Казалось, совсем закончила разговор. Уставилась немигающими глазами в ровный срез земли на могиле сына. Но вдруг встрепенулась, будто сбросила оцепенение от долгого колдовства:

— Мальчик с ним, как волчонок, жил. Поздний он был у нас. Потом и от меня Ленечка отдалился. Лишне я отца беглого защищала, не понимал ребенок, что ради него же старалась... А жили-то как? На кроватях ремок на ремке, Леня до сере-

дины мая пимы подшитые не снимал, другой обувки не было. Надеюсь, от сыночка счастье придет... Да не в судьбе оно моей записано. Небось, слыхивали, какой сыр-бор после смерти сыночка заварился? Народ – как вода. Брось камень – сразу круги пойдут...

– Слышал вскользь. Но плохого ни про вас, ни про сына вашего никто не говорил...

– А что мы? Это все идет от волчицы разгульной. Из-за нее и поплатился парнишка. Только подумать: сына еще не схоронили, а мать ее, почтариха наша, свою девку за руку к врачам потащила, захотела поскорее от ребеночка освободиться... А мне каково, Лениной матери? Или мне прощения у них просить, чтоб кровиночку на свете дождаться? Вот вы человек городской, многое понимаете. Правильно все это? По-людски разве?

Эти ее слова совсем запутали, просто перечеркнули все, что уже будто сошлось в моей голове. Женщина тем временем встала с земли, шлепком ладони сбила с юбки пыль и иссохшие на солнцепеке былинки.

– Вы уж не обижайтесь на меня, даром отняла у вас время. Я, как посмотрю на его могилку, свет из глаз выкатывается. Поплакать бы надо, да слез совсем нету...

Теперь, излив из себя все, что переполняло ее изувеченную душу, Деменчиха отвернулась от меня. Значит, разговор продолжаться не будет. Я взял поставленное у ног ведро с водой. Оглянулся. Деменчиха ладонью гладила осыпающиеся края земляного холмика, обрезанного Марусьской три дня назад.

Вечер наступил неожиданно. С южного перевала на деревню скатывалась гроза. Изнуряющий жаркой духотой день не мог удовлетвориться банальной развязкой. Небо – все, что было над горизонтом, – заполняла густая огненная лава, словно в наших местах заработал настоящий вулкан. Сполохи молний не ослабевали ни на миг, прорезая сизые туши облаков. Гремучая светящаяся громада обещала раздавить, сжечь и смыть все живое на своем пути.

Я торопился закончить намеченные дела и поскорее отправиться в деревню. Принесенная мной вода теперь не понадобится, свежую землю, которой я уплотнил изъеденные сухью холмики, скоро все равно размочит надвигающийся ливень.

В былые времена человек, раздавленный

страхом перед взъяренной стихией, старался потонуть, раствориться в самом себе, исчезнуть на какое-то время из собственного сознания. Наверно, это ему помогало. Приобщение к цивилизации сделало человека более равнодушным к силам природы. Но тайное любопытство на грани страха в нем сохранилось.

Вдали, быстро приближаясь к крайним огородам, бесновался неуправляемый мир воды и электричества. Но здесь, среди памятников и крестов, было еще спокойно. Рядом с кладбищем, в черемуховых зарослях плавал беспечный щебет дневных пичуг. Деменчихи не было видно. Мне тоже не хотелось мокнуть под ледящим душем вечернего ливня и вдобавок хлопать подошвами сандалий по склизкой глине. Спрятав лопату в кустах, я прихватил ведро и побежал домой.

За три года в Африке я отвык от подобных ливней и гроз. Там меня преследовало другое средоточие непогоды – пыльные экваториальные бури, местные их называли «хабубами». Неожиданно ветер приносил огромный вал шириной в несколько километров, целую передвигающуюся гору песка. Цвет этой громады менялся от желтого, оранжевого до сиреневого, темно-синего – смотря на то, из какого песка состояла начинка хабуба, с какой стороны в это время располагалось солнце и, наконец, в какое время суток проходил этот земной шабаш – днем или вечером. Приезжие европейцы наглухо закрывали двери и окна, надевали на лицо специальные фильтрующие повязки из пороллона. Тот, кто по долгу службы оставался на улице, натягивал защитные очки. В спешном порядке крепили к земле лопасти наших двух вертолетов. Каждый раз откуда-то появлялись три облезлых верблюда. Они с решительным спокойствием жались к винтокрылым машинам, ложились на песчаную почву задом к надвигающемуся хабубу и лежали так, пока не закончится этот страшный суд пустыни...

Дядя Степан сидел в кухне, загодя придвинул к себе керосиновую лампу.

– Ты че же, кум, ек-маек? Так все здоровье порешить можно! – отчитал он меня. – Додумался: в такую погоду космачом... Ишь, как издрог весь... Щас бы в баньку тебя да на полоч, да пихтовым венчиком... Токо кто знал заране. Вот и нет баньки у Ваньки...

– Нешто я знала, чем день закончится, – виновато подала голос из горницы тетка Анна.

Замечание мужа насчет бани она приняла как упрек в свой адрес. В семье было заведено: банное хозяйство числилось за хозяйкой, дядя Степан только готовил дрова и носил из колодца воду. Еще Василий привозил из леса ветки берез, пихтовый и еловый лапник, всякий разноцвет, а дядя Степан вязал на две семьи душистые веники. Но поскольку дрова в предбаннике всегда были запасены впрок, а до колодца – рукой подать, то считалось, что дело только за малым – чиркнуть спичкой и ждать, когда ключом закипит вода в железной бачке, вмазанной в кирпичную печку...

В общем, как я ни спешил, как ни старался увернуться от грозы, она прихватила меня в сотне метров от дядиного дома. От первых капель по телу прошла болезненная судорога – это так отвык я от настоящего дождя. Но когда на мне быстро промокла вся одежда, я вдруг почувствовал забытый восторг – передо мной будто распахнулось окно в далекое детство.

Под защиту крыш бежали черные сгорбленные фигуры. Насыщенное водой пространство размывало очертания построек, деревьев и людей, и я почему-то представил, что к дому, который когда-то построил мой отец, бегут двое под брезентовым дождевиком – женщина и ребенок, моя мама и я. Сейчас я весь был там, увлекаемый горячей рукой мамы. И не было у меня никакого другого желания, кроме как скорее вбежать с ней в домашнее тепло, прижаться к искрящейся в темноте шерстяной кофте и наслаждаться запахом маминого тела...

Дядя Степан, своевременно выложив мысли о пользе бани, глубоко вздохнул:

– Вот при огнях сидим. Лампа – великое дело. Ток-то в грозы у нас всегда выключают. Мало ли че, ек-маек... В Красулине тем летом жажнуло громом по проводам – трансформаторную всю пожгло. Ладно, хоть людей не побило. А провода в моток завернулись. Когда молния, значит, по проводам полосула, у народа включенные лампочки потрескались, а сколько холодильников да телевизоров попортило – не приведи Господь!

Помолчав после этого для значительности, он позвал жену из горницы:

– Выходи-ка до нас, кума, повечерим втроем – так-то веселей.

Вышла тетка, повела квадратным носиком, трепнула ручками-крылышками:

– Я ить, мужички, с утра чувство имела –

быть непогоде. А как полежала, совсем руки отерпли. Скорей бы Бог дождь пронес – там, должно быть, полегчает.

– Так он тебе и пронесет! Жди, кулема, своего Пахома... – положил кулаки на столешницу дядя Степан. – Вон какой хлещет заливной... Хорошо хоть без града. И откуда, скажи, он? Хлеба на колосу стоят. Мокро им ноне в погибель... Мы на Ивана-купателя с Василием под Белую Гриву ездили. Уж тогда какая пшеничка была! Любо-дорого! А то вот в Ясной Поляне года четыре назад...

– Че ты все собираешь, Степ? Оно уж давно прожито нами...

Дядя Степан пропустил слова жены мимо ушей, немного помедлил и, словно забыв начатую мысль, сказал тетке Анне:

– Ну-ка, хозяйка, угости гостя свеженькой картошечкой.

Тетка Анна накинула на столешницу клеенку. Мы сидели, как в прежнее далекое время: дядя Степан, напротив – я, сбоку – тетка Анна. Семилинейная лампа, слегка потрескивая фитилем, рассеивала желтый свет с середины стола, с таким светом прошло все мое ученье в Смирновке... Изредка около уха с тяжелым гудом пролетала заблудившаяся сонная муха.

На клеенке лежали пружинистые стрелы багуны, чеснок – жемчужными сердечками, десяток пупырыштых огурцов с грядки, ломти серого хлеба. Против каждого из троих стояли кружки с молоком, а на самом видном месте возле лампы, в эмалированной чашке – дымящийся пригорок свежего картофеля, очищенного от кожуры.

Было видно и слышно, что дождь на улице поприших. Гроза сдвигалась к Черному озеру – там над головой леса горела смешавшаяся с небом туча. Меня скребануло при мысли, что мы с Василием могли оказаться один на один с этой небесной оргией, отправься на рыбалку не позавчера, а сегодня. Отсюда, из теплого и тихого места слышно было, как в переполненные бочки по желобам стекает с крыши вода.

– Мухотвы ноне много! – пожаловалась тетка Анна. – В городах против ее разную отраву продают, а в нашей лавке завсегда липучки одни. А кой от них толк? Деньги на выброс. Лучше в лесу мухоморного грибу набрать.

– Тут, африкан, тетка на все сто права! Настасья где-то по весне с району баночку железную отравы привозила. От мух, мол. Ну, думаю,

мухотву всю под корень выведем. Нажал я на брызгалку у той баночки. А из ней, ек-маек, мне вонь пыльная по носу как шарахнет, чомор ее подери! Я уж потом понял, что они придумали: керосин на газу... Надо ж, как дурят народ! А это ведь все наша копейка, ек-маек!

– Верно, верно, Степ! – поддержала тетка Анна. – Душнина от той заразы с неделю стояла. Мы сами носа в доме не казали, а мухи все одно налетали... Может, поменьше чуть. А все одно мухи. Не соловьи.

Дядя Степан дослушал ее слова, ухмыльнулся:

– А разобраться, так и муха – она кто? Поранешнему, насекомая. Еще наш дедушка говаривал: «Одна муха не проест брюха». Ежели, говорил, не морглив, – будешь поперек толще...

Послышалось, как кто-то с улицы вошел во двор, хлопнув калиткой. За окном, шлепая по грязи крупным шагом, промелькнул силуэт женщины.

– Кого-то Господь несет... – насторожилась тетка Анна.

– Свой, должно быть, человек. Может, Настасья, – зевнул дядя Степан, – а может, другой кто... Чужие у нас в такое время не шастают по дворам.

Слышно было, как у сеней женщина скинула с ног галоши, ступила на крыльцо, скрипнув отсыревшими половицами. Потом, отворив дверь, появилась внутри дома.

– Вечер вам добрый! Думала, при такой погоде спите, да вижу: в окне свет горит. Набралась духу, зашла...

– Аа-а, – прикрывая глаза ладонью от света лампы, протянул дядя Степан. – Сусанна! Ты чево, кума, в дверях встряла? В передний угол проходи.

Тетка Анна засуетилась:

– Молочко вот с картошечкой... Свеженькой подкопала. У меня скороспелки цельная сотка. Только вот вся ли доварилась...

– Ниче, мать! Горяче сыро не бывает, – успокоил хозяйку дядя Степан.

Сусанна села на табуретку почти у самого порога. Свет от лампы растопил черты ее лица, оно воспринималось как отражение в тусклом, желтоватом от времени зеркале. Застыла неловкая тишина. Все знали, что разговор вот-вот завяжется, но никто не подавал первого слова.

– Как там? Измочило, небось? – наконец нарушил молчание дядя Степан. Он тоже вглядывался в лицо гостьи.

– В огородах у картошки ботву на землю положило. У меня полная сарайка воды, крыша худая и починить некому... Из узла связи обещали старичка подослать. Жди его до белых мух... Надо самой кому-нибудь из наших на бутылку давать – это более надежно, снизойдут, подлатают. У меня ж и материала своего нет – ни толя, ни рубероида. Об тесе да об железе уж помолчу.

Дядя Степан, похоже, больше других был рад начатому разговору.

– Тут ты права. Жестяничкое дело особое, оно не каждому дано. А крышу на живульку никак нельзя. Я, к примеру, по плотницкой части за всегда мог. Ну, разве еще в пацанах катать пимы научен. А кровельными делами – ни-ни! Ни тинь-тилинь... Матку надо Пшеничникова звать, он это дело в два счета решит, да и лишнего с тебя не возьмет.

– Матвей теперь больше по гулянкам. Я как-то заикнулась ему про крышу, а он говорит, что годы уже не те... Мол, боится, что скатится. И весь разговор. Он без моей крыши в любой день сыт, пьян и нос в табаке...

Поговорили еще. Об огородных делах, о жизни – время-то, ох, как идет, не идет, а бежит. Отдельно об осени: моргнуть не успеешь, а уже тепло загонять пора...

Старики знали, что Сусанна пришла ко мне по своему делу, мол, надо б поговорить с глазу на глаз, а тут столько народу. Сначала тетка Анна, за ней дядя Степан засобирались, выдумав какое-то заделье, чтоб оставить нас наедине. Сусанна решительно разрядила щекотливую обстановку:

– Я к вам ко всем по делу. Без всякого секрета – откуда он у меня? Так что прошу всех попристутствовать в общем разговоре.

– Да мы ниче... – не показывая виду, но явно довольная тетка Анна подсела к мужу. – Знаем, поди, какие у тебя тайны... Опять с Маруськой беда?

– С кем же еще? Из-за нее и пришла... – Сусанна повернула усталое лицо ко мне. – Наши деревенские тайны все на виду, как на ладошке. Их сдуть нельзя... Много грязи намазано, за век не оберешься. Уж не знаю, куда пойти, кому себя выложить... Нажила я, одним словом, позору со своей дочкой, с единственной...

– Ты, Сусанна, в душу много не набирай, не ты первая, не ты последняя! – вставил дядя Степан для пользы дела несколько слов.

Слова гостье давались с трудом. Сначала

я подумал, что она совсем не волнуется, а говорит так, чтоб речь ее была покрасивше, артистичней. Но вскоре увидел, что таким образом распавшаяся от пережитого душа женщины просто старается собраться воедино. Это похоже на то, как вокруг магнита собираются металлические пылинки: убери поле, притягивающее их, и эти частицы разойдутся, рассыплются серым бесформенным пятном.

Что было таким полем для Сусанны? Любовь к дочери, страх перед будущим одиночеством, суд людей или просто собственная неудача в любви? Этого я не знал. Но видел, что владевшая ею сила велика, Сусанна даже решилась прийти к чужим людям, раскрыть перед ними сокровенные мысли.

— Я уже много слышал о вашей семейной истории, Сусанна, — попытался я выручить женщину из нагрянувшей лавины чувств.

Но она неожиданно насторожилась:

— Хоть и без умыслу, но люди могут наговорить, что угодно... Чужого человека кому жалко?

— Не знаю. Василий рассказывал... Про тебя и дочь ни одного худого слова...

— Ну, если Василий... — проступившее было недоверие к моим словам сошло с лица Сусанны. — Он человек правдивый.

Женщина даже вымучила из себя горькую улыбку:

— Есть люди, которым веришь, как себе. А есть просто языки... По-за мной всяко-разное говорят. А мне крыть нечем. Куда денешься, если святости еще не нажила? Вот залетела Маруська, и на мне первая вина. На ком, как не на ее матери? Только не все люди справедливы. Кому пень колотить — день проводить. Разбираться — не их забота. А я-то первая знаю, как загубила Маруська себе жизнь... Теперь вот получается: ни мужняя жена, ни полюбовница... Вдова без закону или еще кто?

Смятение внутри Сусанны медленно, но заметно сходило на нет. Она придвинула свою табуретку ближе к столу, оказавшись почти на середине кухни.

— Ну, ладно. Я ведь зачем пришла? Не себя через сито сеять... — и тут обратилась прямо ко мне: — Ты, Сашок, много чего на свете повидал... Скажи, если знаешь, могут мою Марию с Леонидом Деменцовым по-законному расписать?

Я ответа не знал.

— Наверно, нет. Ведь Деменцова теперь...

— Да, его нет теперь. Но они ж оба хотели это-

го, — продолжила Сусанна. — Их заявление по сей день в ЗАГСе лежит. Мария была там недавно. Но ведь что думаете? Деменчиха и здесь успела подлянку устроить... Такое кадило раздула, что нормального слова в ответ не подберешь. Если, мол, эту поганку с сыном додумаетесь расписать, собой лягу, но не допущу... Ничего, видать, не сделать. Там тоже люди сидят, себе хуже не пожелают... Вот скажи, Саша, может, мне куда-нибудь еще обратиться? Девчонка бабой становится, так хоть бы с Ленкиной фамилией. Это ж не только мне надо, а в первую очередь ребенку, если родится. А так, выходит, на что он?

Для меня было очевидно, что нельзя регистрировать брак с человеком, которого уже нет в живых. Хотя, с другой стороны, юридическая наука в виде исключения могла предусматривать и другие случаи. Чего не бывает на белом свете... Об этом я хотел сказать Сусанне. На словах же вышло иначе.

— А если, представь, в ЗАГСе даже разговаривать с тобой не станут на эту тему? Кроме того, имеются ярые возражения Ленкиной матери. Значит, ничто не изменится ни у тебя, ни у твоей дочери... В любом случае надо идти к адвокату.

— Уж тут вы меня простите! — лицо Сусанны стало каменным, голос ожесточился. — Душа с телом расстанется, а чтоб Маруська мне в фартуке принесла, — этого я не допущу!

— И я про то же говорю! — оживилась тетка Анна, довольная тем, что настала и ее минута утвердиться в пошатнувшейся было правоте. — Смотри, Степа, как оно поворачивается...

Хозяина дома слова Сусанны, вероятно, сильно задели, однако поначалу он сдержался. Но когда голос подала жена, дядя Степан выложил костистые кулаки на вид и, теряя самообладание, кивнул в сердцах в сторону гостей:

— Ты погляди, какова она! Да она себя-то раз в год любит... Смотри, девка! Не в свой род пошла. Знал я и отца твоего, и деда, Суська. И всю вашу родню во втором и в третьем колене. Всякое бывало... Но такой птицы еще не было в породе Зарубиных... Маруська — она, да, зарубинская. Только до поры под твоим каблуком живет. Много нарядов, да мало доглядов! — И повернулся к жене: — А ты, Анна, опять не туда гнешь!

Тетка Анна сникла было, сморщилась от до-

сады, что муж при постороннем человеке выставил ее так. Но все же сдаваться без боя она не собиралась.

– Да ежели б одна я, Степ... А то ж ить так полсела думает...

– А мне начхать на ту половину, где ты! – чуть не вскочил дядя Степан. – С Деменчихи горе не сошло, без ума еще баба. А вы подыгрываете темной силе, ек-маек! Стыдобушка, девки!

Сусанна молчала. Дядя Степан тоже замолк, недовольно сопя. Тетка Анна виновато разглаживала складки своего фартука.

– Я с твоим, Суська, отцом Елпидифором Никитичем, то ись с Маруськиным дедом, вместе телят припасывать начинал, – решил все-таки высказаться до конца дядя Степан. – Кабы не война, он жил бы да жил еще. Уж он-то как раз на другой от вас половине был, ек-маек. И на своем настоял бы... А ежели че, то и в такую пору, Суська, ты б от него по широкой заднице схлопотала!

Отговорив эти слова, дядя Степан поднялся, давая понять, что его участие в бесполезном для него разговоре завершено.

Гостья выслушала дядину речь без возражений, даже как-то равнодушно. И когда он встал, не проронила ни слова. Только лицо ее скривилось, будто повело его болезненной судорогой. Как девчонка, а не как женщина, которой вот-вот стукнет пятьдесят, Сусанна сначала шмыгнула носом, потом, все чаще заглатывая воздух, заплакала на виду у всех.

Мне было искренне ее жаль. Я же знал ее с раннего детства. Но никогда раньше не видел на лице Сусанны слез. Это была сильная натурой женщина. Выходит, сегодняшний разговор вывернул ее наизнанку.

– Я ведь Машке счастья хочу, – сквозь слезы заговорила Сусанна. – По своей судьбе сравниваю: мой-то гад когда ушел, она уж девковать начинала, все понимала... Сколько мытарств с ней хватил и дома, и в школе. Пересуды, шушуканья... А сколько укоров от нее получила за то, что не сумела семью удержать... Разве мне мало этого, дядя Степан?

Тетка Анна щипнула мужа в бок: сядь, мол, не видишь, что с человеком стало? Дядя Степан и впрямь сел на свое место. Потом выждал момент, когда, видно, голос придет в равновесие. И начал тоном уже более мягким:

– Ишь ты! Она – не она! Ты ж, Сусанка, баба толковая... Но понятливость – как уши на расто-

ропку. И не ведаешь того: кто шептался по закоулкам, когда Колька ушел от тебя, он седня тебя против дочки твоей подбивает... Ну, тетка Анна, скажешь, туда же – так ты не смотри ей в рот, она во все века такая поперешная. Только опосля становится умной – как курица, когда яйцо снесет. Поверь моему слову, не мучай Маруську. Пусть она своей головой поживет. И Деменчиху больше не заводите – ей-то ваш ребенок больше других нужен...

Нам троим было неизвестно, что думает в этот момент Сусанна. Согласилась ли она со словами хозяина дома или осталась при своем мнении. Но я хорошо видел, что в разговоре наступил перелом. Это уловила и тетка Анна. Умиряюще сказала:

– Ладно, уж. Наговорились досыту. Темень на улке, а мы все полуночищаем. Завтра, коль надо, и договорим. Утро – оно вечера мудреней.

– Пойду я, – поднялась с табуретки Сусанна. Она вытирала косынкой уголки глаз. – Спасибо за разговор. Простите, что отняла время.

– Провожу тебя, – предложил я Сусанне, набрасывая себе на плечи дядин пиджак.

Мы вышли на крыльцо. Далеко на востоке всколыхивались беззвучные зарева уходящей грозы. Над деревней опустилось свежее небо с рассевом ярких и еле приметных точек. В Африке было другое небо – сухое, с совершенно другими звездами. А здесь около земли стелился невидимый туман, смешанный с чисто деревенскими запахами растительного и животного мира. А еще у кого-то топили баню, и оттуда от самой каменки, как ниточка из клубка пряжи, тянулась будоражащая ноздри банная пригарь.

Миновали калитку, медленно, осторожно пошли по улице, но все равно то и дело наступали в лужи. В редких окнах горел неяркий свет от керосиновых ламп – все знали, что электричество включают только за полночь. Село, утомленное дневным зноем и неожиданно нахлынувшим ливнем, можно сказать, уже спало.

– Ты извини нас, особенно дядю, – попытался я поддержать Сусанну, вкладывая в свои слова максимум дружелюбия.

– Вот еще! – возразила она. – Это я, дура душой, пошла к чужим людям плакаться, в спор всех ввела. Не было ума и не будет... Это вам всем спасибо! По-хорошему, меня надо было сразу за порог выставить...

– Ну, что ты? Разве никакой пользы не было от разговора?

– Пользы?... Видно, твой дядя прав. Наплакалась я от чистого сердца и саму себя почувствовала. Светлей в голове стало, что ли... Так что твои старики оба правы. Ты, Александр, не забывай их. Пока по своим заграницам ездил, они извелись все – как ты да чего с тобой. Тетя Аня, бывало, забежит ко мне. То да се, а напослед все равно не вытерпит, обмолвится: «Ладно ли у него там? Дикие места ведь...»

По Сусанне было видно, что ей не хотелось расставаться. Она пыталась завязать новую тему разговора, но не могла ухватить ее главный стержень. Мы прошли мимо почты, оставили позади магазин, где когда-то она начинала работать со своим Николашей.

Рядом со мной шла одинокая женщина, ждущая от меня поддержки, а я все никак не мог отыскать в себе слов, способных воодушевить ее. Мои мысли кружились около Маруськи и Леньки – людей, мне совсем не знакомых. Возможно, когда-то я встречал их на одной из деревенских улиц, может быть, даже здесь, на этом самом месте... Да что с того, видел я их или не видел. Оба они стали для меня одной болезненно щемящей раной. Коростой на ней лежали чужие кривотолки и мои домыслы. Я с радостью освободился бы от них. Поэтому решился на крайний шаг – задать прямой вопрос, хотя, возможно, и не имел на это права.

– Скажи, Сусанна, у Леньки Деменцова с тобой дочерью действительно любовь была? Или, может, просто...

– Вот и дождалась! – вспыхнул голос Сусанны. – Я, думаешь, если мать, так только поэтому защищаю свою дочку? Не совру: почудила Маруська. Глаза да глазоньки за ней были нужны. Попала, называется, в черную полосу. Со стороны думают: каков плетень, такова и от него тень. Отец гулять начал. Ну, мол, и дочка такая ж. А она еще назло мне да Кольке подыгрывать стала, парням многим в сердце легла, да никому не досталась. Вот, может, злоба оттуда. Как на духу говорю: не одобряла я ее выбор. Но по себе знаю: сильнее сердца в человеке нет ничего. Разум – это как подпорка у телеграфного столба... Леонид и без меня знал, что он у нее первый и единственный, оттого и от матери отбил. Не смог смириться с ее каждодневными упреками и наговорами. В общем, верь мне или не верь, а другой правды у меня нету...

Минут через двадцать мы вернулись к почте. Света в окнах уже не было.

– Ждала, ждала меня, да и уснула, – сказала о дочери Сусанна. – Пусть поспит. Она всех будущих забот еще не знает. Дите для меня, хоть и сама мамкой будет скоро.

Когда я подошел к своему дому, тихая ночь всюю владычествовала над миром. Теперь уже не доходил сюда свет зарниц укатившейся грозы. Где-то в кустах или в конце огородов обреченно запищала полевка. Вышла полакомиться, да не доглядела: попала сама на ночное угощение сове или бродячей кошке. Оказывается, мир спит всего лишь наполовину. И у бодрствующей половины продолжают свершаться свои земные трагедии...

Раннее утро пришло ко мне при странных обстоятельствах. Я услышал резкий голос с улицы:

– Эй, эй, тетка Анна! Новость не слыхала?

– Чево? – отозвался хрипловатый ото сна теткин голос.

– Иди-кась сюда!

Тетка Анна прошлепала по сырой земле, остановилась в палисаднике под окном, у которого стояла моя кровать. Ночью, проводив Сусанну и ложась спать, я распахнул обе оконные створки. Поэтому разговор незнакомки с теткой Анной продолжался прямо над моей головой.

– Чево кричишь, Катерина? Мужики мои не встали еще, разбудишь своим голосищем... – снизив тон, отчитала гостью тетка Анна.

– Да будет тебе, – тише ответила Катерина. – Мужики в такой час спят впросон, не услышат они, хоть в пушку пали... Я тебе вот про че скажу: ночью-то к Суське знаешь, кто явился? Ни за что ни про что не догадаешься!

Во мне колыхнулась тревога: неужели и я вляпался со своими проводами?

– Не Колька ли?

– Он, тетка Анна! Он! Этот дурак без подмеса... Ой, что там было! Я первая все видела!

– Ну, мать честна, умом тронешься. Одно по одному, одно по одному. Сусанка-то у нас с вечера сидела. Саня уж потемну ее провожал до ворот. Вроде никого еще не было...

– Был, был уже. Наверно, за сараем хоронился. До дождя еще он в деревню попал. Я чего проснулась, смотрю: светать начало. Ну, думаю, на улку сбегать. С крыльца-то только до земли сошла, как в почтовой ограде говорок слышу: бу-бу-бу...

– А ты?

– Ну, че я? Я к заплоту, щелка там у нас под-

ходявая. Глаза продрала: Бог ты мой! Он, Колька собственной персоной. На чурбак уселся, папироску смолит. А рядом Суська стоит в одной рубашонке. И меж ними говорюк...

– Ай-ай-ай! Да я б на ее месте вальком его б по башке. Надо ж было так бабу ославить!

– Она ему говорит: «Я-то чево? Я и простить могу. Живи, если одумался. Кореного куска у меня не увидишь... Да вот дочь как посмотрит? Ты ей всю жизнь переломал со своей шалашовкой!» Она, грит, с тобой в жизнь рядом не сядет, папаша...

– И я б так, – поддакнула тетка Анна. – Гнать его надо в толчки, паскудника. А то хватят они с таким пакостником мурцовки...

– Ты, тетка Анна, не торопись, не в баню! Слушай, чево я тебе расскажу. Смотрю я, замерзла босиком, уходить было собралась. А они никуда не торопятся. И нате вам: туточки Маруська на пороге застыла – белая, как смерть. Губенки набутусила и на мать, значит, на Суську: зырк, зырк. Думаю, заорет сейчас голосом. Ай, нет! Сдержалась девка. Ровно так, будто по складам говорит матери, а на отца даже взгляда не держит. Ты, говорит, как хочешь, а я, говорит, как знаю. Еще раз вступишь этого проходимца во двор – меня тут больше не увидишь.

– Сердце предчувствовало: не кончится это добром!

– Не говори! И куда оно все катится?..

– Колька-то где сейчас? – любопытствовала тетка Анна.

– Леший его знает. Я вскорости измерзлась вся. В дом воротилась. А сон ни к одному глазу. Пыль в избе смахнула, хлеб завела... Когда в окошко глянула – никого нет. Может, к себе его Суська запустила, а может, с Богом выпроводила... Этого никак не скажу.

Катерина заторопилась – новости у нее иссякли.

– Ну, иди, иди, – шепнула ей напоследок заговорщически тетка Анна. – А то, не дай Бог, поднимешь моих мужичков.

Вот так и вышло, что я одним из первых оказался вовлечен в события стремительно развивающейся драмы. Лежа с закрытыми глазами, представил, как перевернулось Сусаннино сердце с возвращением беглого мужа, и какой протест против отца возник у их дочери...

Из комнаты, где спали хозяева, шаркая задубелыми пятками по половикам, вышел дядя Степан.

– Не спишь, Санек? Меня тоже Катерина разбудила. Родимец ее бей...

Я приподнялся, упершись локтем в подушку. Объявил дяде о слышанной новости.

– А куда Кольке деваться? Поблудил – хватит. Такие в чужих домах не приживаются. Он же к молодухе не хозяйство вести шел. И не домашность наживать. Нет, ек-маек... Или он всю жизнь ей украшеньем хотел прожить? Нет, такого, брат, не бывает. Мужу за пятьдесят перевалило, волосья высыпаются, да и стать не та... Вот и задумал Колька вернуться к пристанищу. Ежели не выставили его, то за Суську до гроба будет держаться. Это, конечно, при условии, што она его примет. Все дело в ней теперь: пустит – около нее и век свекует... А так куда Кольке деться?

– Дочь у них клином стала. Отца не желает прощать...

– Да, Маруська – девка жестковата. С настыром человек – и у быка молока выпросит. Все может быть... Коли пойдет Сусанка Кольке на встречу, точно, Маруська поперек дороги ляжет. И не сдвинется... Эх, и што за люди такие пошли, себе все во вред да во вред! А ведь мы друг дружке больше прощать должны.

Открылась наружная дверь, вошла тетка Анна.

– Здра-а-асте вам! – сказала она с протягом, видимо, удивившись нашему преждевременному бодрствованию. – Не в лес ли собрались? Аль еще куда? Кругом сырость такущая! Не ране, как токо к обеду подветрит.

Тут она внимательно посмотрела сначала на меня, потом на мужа:

– Небось, про новость слыхали? Сорока принесла...

– Слыхивали, слыхивали, – ухмыльнулся дядя Степан. – Не за горами живем. Весь дом с Катериной подняли в такую рань. Эко диво нашли!

В голосе его звучала укоризна. Тетка Анна почувствовала на себе вину.

– А я к Насте успела сбежать, молочка парного принесла вам. Раз уж проснулись, выпейте по стаканчику. Можно и с хлебушком. Щас такого добра нигде не найдешь. По городам че попало продают. Водой разбавляют, на цидофилины разные молочко переводят. Оттого люди здоровьем маются... А у нас тут – хоть от одного воздуха тело наводи! Федька Егшин по весне жинку из города привез. Квелая вся на вид. Доктора бы, наверно, такую и лечить не взялись. Ну, значит, привез Федька бабу не для показа, а для по-

правы. У Егошиных дом окнами на солнце. Выйдет она в своем платье под окошко, ни кровиночки в ней. Федька рядом с ней, не дает на нее ветру дунуть, а она-то еле-еле ротом шевелит... Ну, значит, посоветовали им у Насти молоко брать. Коровка, правда, не ведерница, зато голимые сливки, по всей деревне такого молока не сыщешь. А еще Федькин отец, свекор то ись, за неделю по два раза баньку протапливал. Как же не стопить – сноха единственная. Егошиха сведет ее туда, попарит в настоейной воде. Сам-то Егошин мастак веники делать. Он туда и березовый прут, и хвойную лапку, и мяту с крапивкой, и стебелечки ромашки вплетает. Таким веничком только разок ударь – помирать не захочешь...

Я помнил, что баня для тетки Анны – слабая струна. Еще в давние времена ходили у нас байки о теткойной выносливости. Любила она попариться так, что не было ей равных среди деревенских женщин. Да что там женщины! Дядя Степан – и тот не выдюживал. Бывало, пока она хлещет себя веником, он два раза выскочит в предбанник и ждет, пока жена покинет полоч.

– Так вот, значит, Егошиха в баньку меду свежего с пасеки принесет, трав всяких... Настои давала, отвары. Снохе это больно полезно было. И что думаешь? Я те дам баба стала! Ладная да пригожая... И у Федьки самого около нее бока заворотились... Федьку-то, Сань, помнишь? Такой завсегда зачуханный был. А щас – куда там... Начальником на стеклозаводе.

И вдруг словно споткнулась о слово тетка Анна, остановилась в разговоре, что-то вспомнила.

– Да ведь совсем забыла сказать... У почты Кольку Лихачева видела. На скамейке сидит, папиросы смолит. Поздоровались с ним. С приездом, говорю, Николай Батькович! А он, как мозглого молока объелся, губы отквасил, только глазами мырг-мырг. «Тетка Анна, – говорит, – а будь она, жизнь! Родная дочка на порог не пустила». Я возьми и спроси: «А ты, Коленька, баб-то всех, поди, обогрел, или еще где остались?» Так нет: опять не по губе пришлось. Вишь ты, не пондравилось... Сидит, завернул голову и дымище от себя... Ну, и сиди, сиди. И будешь сидеть... Ни в честь, ни в славу божью...

Дядя Степан пошел умыться. По пути сказал, но повернув голову:

– Зря ты, Анна. Ни с чего полезла на Кольку. Сами разберутся. Может, еще об ручку здороваться будете. А ты так...

– Нет уж, сам с ним об ручку! – озлилась тетка Анна и подалась к себе в комнату, дав понять, что разговору конец и последнего слова она никому не уступит.

После завтрака мы с дядей Степаном пошли в огород. Земля была влажная, но уже не сырая. Только в макушках капустных завитков да в ложбинках картофельных листьев сохранились капельки дождевой воды.

– Эх-ма! – повел рукой дядя Степан. – Сколько работы через руки за жизнь проходит... Сколько трудов чужаку-человеку вкладывает. Вот она, земля. Ково ей вроде надо? Ан нет, кума... Семь потов потеряешь, пока угоишь ее, матушку... Мы с теткой, бывает, днями тут днюем, до заморозу пучкаемся в грязи. Пока живы – под себя тащим, а умрем – ничего не надо... Больно странно все построено, ек-маек.

Мы медленно переступали по ровным бороздкам, останавливались около ухоженных гряд. Дядя Степан изредка наклонялся, вырывал сорную травинку, долго мял ее в пальцах и брезгливо бросал себе под ноги.

– Живем хорошо, Сань. Куда с добром! Только б войны не было. Скажу тебе: народ никогда так не жил. Походи по дворам, сам увидишь: скот, домашность ладная, у других мотоциклеты да машинешки разные. Лето, правда, сейчас – мы больше на квасишко налегаем, на зелень, а мяско уж зимой... Оно так и должно быть. Из веков ведется. Дедушка наш, помню, пугал нас, ребетешек, ежели летом про мясо поминали: от него в жару, мол, переверт кишкков будет, ек-маек...

Дядя Степан помолчал и закончил так:

– Все хорошо. Еще б здоровьишко было. Своей силой намного надежней жить. Я по молодости думал: мне износу не будет. Теперь, замечаю, вершину свою миновал, сомненья грызть порой начинают...

Со двора нас окликнула тетка Анна:

– Эй, ребятки! Телеграммка тут.

Мы поспешили на зов хозяйки. Она держала голубой телеграфный бланк, пересеченный фиолетовыми строчками.

– Кажись, Саня, тебе.

Из главка сообщали о переводе меня на новое место работы и просили срочно прибыть в Москву. Я знал, что в верхах решается вопрос о моем повышении, но не думал, что это будет так быстро.

– Вот и отдохнул... – произнес я и увидел, как

враз одинаково потускнели лица моих милых стариков. Мне самому, если честно, почти до слез было жаль, что долгожданный и только начавшийся отдых прерывается так беспардонно. Ближайшие планы развеялись, как ворох красивых фантиков, попавших в струю набежавшего ветра.

– Што, обратно в дорогу? – нашел в себе силы дядя Степан. – Как же так? Никого не отдохнул. Один сумбур... Не порыбалили по-людски, на пасеке не побывали. А грузочки у Кривой пади? Придется ли еще когда поломать их? Эх, знать бы – разве б так все обставили...

В глазах тетки Анны застыли крупные капли – будто ливень только что прошелся по ее лицу. Я молчал. Мысли крутились лихорадочно. Рассыпанный ворох цветных бумажек уже не имел никакого значения. Надо мной довлели вещи, что превыше сиюминутных чувств, любых желаний и интересов...

– Хоть не седня едешь, а? – с заметной болью спросила тетка Анна. – Так, сполохом, нелзя!

– Нет, завтра. С утра. Только пораньше.

Мои слова немножко успокоили стариков.

– Ладно. Тогда собирайся, африкан, – распорядился дядя Степан. – К вечеру опять люди соберутся, там тебе не до сборов...

Я хорошо знал здешнюю традицию: отмечать встречи и проводы большими застольями. А в промежутках между ними обязательное посещение родственников, само собой, тоже с выпивкой и угощением. И никто не мог нарушить эти обычаи. В каждый приезд мне суждено было отсидеть положенные часы в доме у Василия и Насти, у тети Феши, у Яши с Варварой, у деда Михаила и других родственников. И большим грехом считалось отказаться от того, что выставлялось на стол. А на столе помимо еды – целая батарея бутылок с блестящей жидкостью. Как правило, самогона. Но угнетало даже не столько количество спиртного на столе и в хозяйской записке (там всегда береглись стратегические запасы этого добра), сколько принуждение пить за здоровье, за счастье, за благополучие, за встречу и за отъезд – за все, что шло обычным чередом и часто не зависело от наших пожеланий. Не выпить – значило не уважить, возгордиться, схитрить. Отказ от выставленной чарки под любым предлогом расценивался как удар гостя по чести хозяина дома... Мне, уже втянувшемуся в новый городской мир и быт, эти давнишние пра-

вила становились поперек горла. Я по разным причинам старался избегать обременительных обходов и встреч. Но как бы ни ссылался на холецистит, на гипертонию и прочие болячки, присущие почти всему живущему человечеству, сложившаяся традиция в конце концов побеждала. Все мои доводы пресекались простыми словами:

– Поди оно к чомору! Голову не ломай, не хочешь – пей не по всей! Еще нальют... Последняя у попа жена... А не пьет, Сашок, тот, у кого своей дури хватает.

Логика для такого случая была железная. Ну, просто убийственная!..

Собирать мне в дорогу было нечего. Налегке прибыл, назад и того проще. Я решил в последний раз перед отъездом пройтись по деревне, время было в самый раз – еще не нахлынула душотная жара.

Солнце играло над тайгой, медленно вливая в середину безоблачного голубого неба. Теплый свет ложился на коричневые срубы домов, на черные от влаги тесовые крыши, на серые, будто опухшие за ночь, изгороди. А среди них и за ними вокруг переливалась на все лады зелень огородной муравы и подступившего к селу леса.

Навстречу мне попадались люди, в большинстве которых я узнавал давних знакомых. Мы останавливались, здоровались, разговоры могли бы затянуться надолго, но я ссылался на срочный отъезд, и мы вскоре прощались. У почты меня окликнула Сусанна.

– Получил телеграмму?

– Спасибо! Завтра отчаливаю...

Я вздумал было подойти к ней, но понял, что сейчас никакого разговора не получится. У нее без меня круто замешана своя беда и радость. Человеку со стороны там делать нечего.

– Ну, счастливо тебе! Не забывай нас!

От этих слов на душе стало беспокойно и совестно – будто только я один был в ответе за все, что происходит в моем селе. Неожиданно вспомнилось, что в первый год, как я уехал отсюда, на обратной стороне конвертов со своими письмами в адрес дяди Степана всегда озорливо дописывал одну и ту же фразу: «Как по закону, привет почтальону!» Письмоносицей у нас тогда работала одинокая с войны женщина, тетя Шура, человек тихий и безвредный, но со своими странностями, за глаза ее почему-то звали «Шура венники ломала». Я писал крылатую фразу

о привет, надеясь, что тетя Шура вдруг улыбнется, увидев мои неизменные слова, раскинутые по краям конверта. И ведь случилось! В первый же Новый год на африканской земле я получил из Смирновки письмо в конверте, на котором рукой Шуры было выведено: «Ждем ответа, как соловей лета!» Позже я узнал, что одинокая Шура весной наступившего года угорела в своей избенке, и ее схоронили в соседней деревне, где доживали век остальные родственники.

У двора Василия увидел сестру – она выпроваживала из ограды двух подсвинков.

– Уезжаю, Настя... Телеграмма пришла.

– Знаем уже. Василий сказывал. Сам-то в школу поковылял. Начальство у них должно из области приехать. А я вот на минутку заскочила и опять назад. Вечером освобожусь – прикандыбаем оба.

Повстречалась Стеша.

– Че-то не показываешься, дружок! Родню поперезабыл? – она взяла меня за руку чуть ниже локтя. – И опять летишь... Надолго ль теперь от нас?

– Ну, все в курсе моих забот! – восхитился я местной осведомленностью.

– Да ну тебя! Это вы, городские, попрятались друг от дружки. А у нас тут нет каменных стен. Мы все на ладошке. Потому и секретов никаких не держим.

Слово за слово, вопрос – ответ. Так и просто-ял я со Стешей минут пятнадцать. Озорные мысли металась в ее глазах. Было видно: не давала покоя красивой женщине наша давняя сумбурная встреча в ее ограде... Скажи сейчас ей ласковое слово, пригласи куда-нибудь за околицу, – вмиг бы растопилась и безоглядно полетела туда, отбросив все на свете...

Когда начали прощаться, услышали из переулка надсадный женский вскрик – такое мне запомнилось с тех лет, когда в Смирновку приходили похороны с фронта.

– Опять Деменчиха, – определила Стеша. – Ты, небось, слышал, что у нее стряслось.

– Знаю, знаю...

– Слышать мог, а знать – не уверена. Кто-то говорит, кто-то молчит... Люди – что мурашиная куча. Послушаешь: на разговоры все хороши, а вглубь копни... Мне вот Деменчиху до смерти жалко. Сына баба потеряла. А Маруся к чему ей? С какого боку – ни сноха, ни падчерица...

Снова меж домов вспыхнул, как пламя, и внезапно погас безумный женский вскрик. Там,

за оградой, разворачивалось какое-то продолжение трагической деревенской истории.

– Сороковина сегодня – вон что, – вспомнила Стеша. – С ума сходит баба.

Какая-то женщина скорым шагом вышла из двора Деменцовых и, закрыв калитку, исчезла за углом кособокого сенника. Мы со Стешей распрощались. Я повернул к своему дому. Прежнего шума за спиной больше не было. Но чувство наступившего успокоения оказалось обманчивым и не продлилось долго. В моем любимом селе не прекращалась бескровная война между нашими и... тоже нашими. По-иному такое противостояние определить я не мог.

Ближе к вечеру подъехал Василий, минут через десять появилась Настасья. Сестра протянула мне сверток в газетной бумаге:

– На дорожку. А то мало ли где застрянешь. Голод не тетка...

– Зачем? Сейчас кругом столовые, закусовые, кафе... Ресторан на худой случай...

– Ниче, ниче! – осадила меня тетка Анна. – Дорого, да мило, дешево, да гнило. А рестораны – они точно на худой случай. Токо животом после них маяться...

Василий кашлянул, вроде как крикнул, подавая знак Насте, чтоб не напирала на меня со своими советами. Мол, не маленький. Настя намек мужа приняла к сведению, но тут же отмахнулась:

– Не подкашливай, не богатую любишь... А ты, братик, не смотри на него. С природы он плохой в житье. Все в нем мечты какие-то, фантазии разные. С них сыт не будешь...

Пришли сразу четверо: тетя Феша с мужем Игнатием и брательник Яша с сынишкой.

– Ну, слава Богу: переворошили сено, теперь высохнет, – как бы здороваясь и одновременно докладывая о проделанных делах, сказала тетя Феша.

Дядя Игнатий сел на чурбак около поленницы, вытащил из брючного кармана пачку «Астры». Был он человеком малоразговорчивым, почти бессловесным: нашел – молчит, потерял – молчит. Но с тетей Фешей жил в одно сердце. Яша тоже задымил, достав свои сигаретки, с фильтром. Яшин сын, вылитая мать Варвара, терся около отцовых штанов, тихонько канючил, что-то выпрашивая.

– Кому сказано: не кусочничай! – покосился Яша на отпрыска. – Сядешь за стол – там и поешь. Токо не жадничай!

– Чево ты так с ребенком? – посмотрела на племянника тетка Анна и протянула мальчику пирожок со щавелем. – Дите ить... И мамка, наверно, к бабушке понеслась? Как там Селивановна? Не лучше?

– Хворает мать. Кое-как душа на ниточке варится. Ненадежная она у нас на житье.

Варварина мать всю жизнь проработала на току, потом в зерносушилке. Трудилась на ветру да на сквозняках, себя не жалела. И вот в старости стала мучаться Селивановна с поясницей, потом с суставами. Зимой, говорят, совсем слегла... А по весне ей прямо в постель привезли из района дорогую награду – медаль с изображением Ильича.

– Вы б ее в Калашниково свозили, есть там одна бабка. Кому животы, кому спины правит... – подсказала тетка Анна.

– Какая ей теперь бабка? В больнице два месяца отлежала – не помогло. Придется по осени в город везти, а то ноги, как два карандаша торчат...

Посидели еще – кто где нашел себе место. Разговоры вели случайные и обрывками: о том да о сем. Будто никто никуда не уезжает и никто никого не собираются провожать... Прибежала в запыхах Варвара:

– Фу, я уж думала, что все разошлись...

– Поперву скажи, как мать-то? – отчитала ее тетка Анна.

– Не лучше, не хуже... Правда, маленько сама встает, а то без посторонней руки никак... Меня нонечь к вам вытолкала.

– Ну, тогда ничего! В мамке, Варь, живая рука еще играет. Поживет, дай Бог, Селивановна.

– Дал бы, дал бы, – с надеждой ответила Варвара.

На этот раз во дворе у дяди Степана собралось не больше пятнадцати человек. Но и в этом случае сложившийся порядок встреч и расставаний будет соблюден: родня посидит за столом, попотчует тем, что сумела сготовить к этому часу хозяйка.

Хозяин пригласил всех пройти в дом.

В горнице оказалось тесно, но все, хоть и вприжимку, расселись. Василий налил женщинам домашнего винца, мужчинам – водки. До дышка выпил только один Яша.

– Сеща обидится, не позвали, – заметила Настасья.

– Пускай обижается... – хмыкнула тетка Анна. – Губа толще – брюхо тоньше. Все одинаково

званы.

А у меня никак не укладывалось в голове, как она опять сумела наготовить еды на такую ораву, имея к тому же ограниченный запас времени.

– Ешьте, гостенечки дорогие! – сдобривала тетка Анна словами свое угощение. – Я принесу еще...

– Как ее, родимую, в такую жару пьют? – показала на раскупоренную бутылку с водкой тетя Феша. И добавила: – Особливо партийные...

Яша бросил на нее торжествующий взгляд знатока:

– Как-как? Ртом и пьют, тетя Федосья! Все так пьют. И народ, и мы, которые в нашей партии. Ты же слыхала: народ и партия едины!

Василий глянул на Яшу с ухмылкой:

– Да только разны магазины...

После этого Василий заговорил о предстоящей зиме. Сообщил, что коль лето стоит жаркое и дождливое, то зима будет холодной и без снега. Значит, померзнет земля и озимь, а дикой скотине будет одна гибель. Но большинство уже не слушало его мрачных прогнозов.

Дядя Степан медленными глотками отпивал квас, кивнул тете Феше:

– Чего там Деменчиха опять закатила ноне?

– И в самом деле, ничо не слыхивали? – удивилась тетя Феша.

– Я же не маршал Жуков, Федосья. Мне никто докладывать не обязан. Чево скажут – про то и знаю...

– Так вот: Маруська у Деменчихи перед обедом была!

– Да ну? – замерла на пороге тетка Анна. Мгновенно, словно стрелка у сломавшихся часов. – И какой леший повел ее к ней?

Дядя Степан даже привстал, поморщился:

– Да-а... Не накопила девка, видать, ума. Это ж на какой скандалище полезла... – и сел обратно на свою табуретку, полоснув воздух кистью здоровой руки.

Тетя Феша перехватила разочарованный взгляд двоюродного брата.

– Нет, Степа, не то там было, как ты мыслишь. Маруська из своего дому насовсем ушла. Не больно много она о себе думает. Матери дорожку очистила. Та-то, дурочка, Кольке весь блуд простила. А Маруське такой отец и на дух не нужен. Вот и пошла девка к Деменчихе сдаваться или уж – как понимай. Татьяну Туполеву упростила пойти с собой, одной с животом боязливо и несподручно...

Вот, оказывается, кто, Татьяна Туполева, племянница главного агронома, закрывала калитку во дворе Деменчихи, когда мы со Стешей стояли на улице. Татьяну я помнил смутно, жила она раньше на отшибе, муж ее охотничал и лесничил. Уже после моего отъезда перебрались Туполевы в деревню, ближе к народу, поселились недалеко от почты.

Значит, ревела сегодня Деменчиха не по случаю Ленькиной сороковины. М-да...

— И что у них? — засветилась в любопытстве Варвара. — Кто перед кем круги крутил?

— Да ты че, Варя! Как раз никто. Кончилось куда с добром, — тетя Феша, почувствовав к себе всеобщий интерес, перевела дыхание. — Значит, скажу все по порядку. Сначала к Деменчихе зашла Танька. Издалека, конечно, разговор повела, а потом не сдержалась и выложила Деменчихе все, как есть. Так, мол, и так: Маруська приняла бесповоротное решение рожать от Леньки младенца, а от родителей непутевых совсем надумала уйти. Да некуда. Один теперь путь у нее отступать — к свекрови своей. И ждать, когда дите появится... Ну, значит, как токо Танька объявила про Маруськино решение, Деменчиха побелела вся, будто цвет картофельный, и в крик: «Че же делать мне? Как теперь в глаза девке смотреть?» А Танька — та баба подкованная в разных делах, напирает. Примай, говорит, бабка, человека с сыновым дитем... Тут к сеням и сама Маруська подросла, зуб на зуб не попадает, трясет всю — вдруг не поскупится Деменчиха на кулаки... А та сама кое-как выскреблась на крыльцо да под Маруськины ноги и повалилась. Чудо чудное просто... Воздуху заглотила баба и взвыла с причетами. Девка-то перепугалась поперву, не знает, как быть, да тут Танька опять к месту пришлась. Тянет Деменчиху к себе, а та, Бог ты мой, ухватилась за Маруськины ноги и общеловывает их: «Ой, деточка моя! Прости меня, грешницу!» Долго еще они возились возле дома. В общем, осталась Маруська под крышей у своей свекрови... Вот так-то!

Едва тетя Феша произнесла последнее слово, над столом проплыл хрипловатый голос Василия:

— Ну, люди, и поворот-разворот... Вот это эпоха!

Многие другие о событиях на деменчихинском подворье высказались в том же духе. Да, дескать, неожиданность. А тетка Анна поспешила уважить мужа:

— Ишь, Степ, все как устроилось. Может, и взаправду Маруська легла в душу Деменчихе... Ну, и что ж, что без венца. В наши годы тоже всяко бывало: и такое, и бегом девки из дому уходили. Хужей, когда силком тебя отдают да без любви...

— Хороша ты языком ляскать! — упрекнул жену дядя Степан. — Раньше надо было в оба глядеть. А щас все умные... Люди друг дружке души поискали... Какого парня лишились!.. Эх, вы! Бабы называется!

Дядя Степан говорил ровно, уверенно, будто из кирпичиков обкладывал себя оборонительной стенкой.

— Хватит еще Маруська горького до слез. И Деменчихе несладко будет, — высказала предположение тетя Феша.

Дядя Степан вроде поддержал сестру, но в сказанных им словах сквозило осевшее недовольство:

— А как же ты думала? Што старики говаривали? Тайга — кого выручит, а кого и выучит... Разве не так, кума?

На этот раз гости долго не сидели. Чуть начало темнеть, стали прощаться. Василий пообещал подъехать к моему утреннему отъезду.

Наскоро убрали со стола. Все, что было не съедено, отнесли в погреб.

— Народ пошел сытый, — чуть ли не с обидой на гостей пожаловалась тетка Анна, — у всех всего есть-переесть. Хоть Матку Пшеничникова зови. Тот уж как сядет — за семерых умнет!

— Это хорошо, мать, что народ сытый, — ответил дядя Степан. — Все своими домами живут, трудники. Друг дружке в рот не заглядывают... Сытый народ — он не бывает злым. А Матвей один такой на еду. Не в удачу человеку жизнь пошла. Што поделать?

Наконец, мы разошлись по кроватям. Но еще больше часа в темноте кружился разговор о том, что собирался я сделать за свой отпуск. Пообещал наверстать все в следующий приезд. Спрашивали старики и о моей предстоящей жизни: где, кем, трудно ли и так далее. А что я мог им сказать, если вся моя предыдущая жизнь была кочевой, непланируемой? Таков уж удел моей профессии. Я и сейчас не знал, когда снова смогу попасть в родные края. Только, дай Бог, чтоб не по худому случаю...

Договорились, что часов в пять встанем, и я пойду до большака один. Тетка Анна вспомнила: по утрам будто бы уходят от конторы в райцентр

колхозные машины.

– А че? Езжай с одной из них, бывают и легковушки. Тебе не должны отказать.

– Не надо. Я своей дорожкой... К отцу с мамой зайду. Там около них в акации лопата. При случае заберите.

– Пушай на месте остается. Здесь все свои, деревенские. Мы ее положили, мы и возьмем. Другой никто не позарится... Ладно, спи, африкан! – сказал в темноте дядя Степан.

Я сомкнул веки. Но сна не было: возвращаясь к недавнему прошлому, перескакивал в неясное будущее... На этом, кажется, задремал. Однако сон получился крепким, сквозь него ко мне не смогли втиснуться никакие видения. Проснулся рывком, неожиданно, как и заснул. Никто меня не будил, просто внутри сработал безотказный механизм, который заводится на нужное время. Так бывает у всегда занятых и спешащих людей.

Вскоре послышалось знакомое тархтенье, около дома остановилась машина – подъехал Василий.

– Проснулся гость?

Я показал голову через распахнутое окно, поздоровался, доложил, что сейчас встану и буду готов. Было слышно, как Василий излагал дяде Степану:

– Вечор Настя договорилась насчет машины. У Пантелеевых ночует леспромхозовский грузовик. Ребята подбросят прямо до автовокзала.

– Он, Вася, по-своему рассудил, – сказал дядя Степан. – Пешком до большака, через могилки. А там на попутке.

– Ну, смотрите, как лучше. Дело хозяйское.

Мой утренний сбор вышел скорым. Сели вместе с Василием за стол. Тетка Анна налила свежего молока (опять постаралась Настасья). Поставила тарелку с вареными яйцами, наложила поджаристых со сковородки оладышков.

– Может, в Москве жить будете? – заикнулся Василий.

– Не знаю. Все может быть. И за границей еще придется поработать, только не знаю где. Наши ребята и в Индии, и в Чили, и на Кубе. Где наводнения и засухи – там и моя работа. А квартира... Пока, знаешь, бездомные. Хорошо, что теща приютила любимую дочь и внуков...

– Ниче, маманя! – подмигнул Василий тетке Анне. – Собьемся с деньжатами, покатаем с тобой в гости к родне городской. Какие наши годочки? А? Эпоха!

У меня в горло вкатился ком, застряло что-то

неприятное вроде битого, но неочищенного яйца. Тревога смешалась с грустью расставания с близкими людьми. Вот так каждый раз! Дядя Степан ухватил мое внутреннее состояние, оно передалось ему и подожгло скопившиеся в этот момент чувства.

– Не естся ноне! – встал он решительно из-за стола. – Чево время терять...

Поднялись и мы с Василием. Вышли на улицу. Тетка Анна хлопотала среди нас, как наседка возле выскочивших из-под крыла цыплят.

– Себя береги! – перекрестила она мою грудь. – А Бог поможет!

Тетка обняла меня, расцеловала и уткнулась глазами в белый невышивной платочек. Торопливо прижал я к себе Василия, коснулся его шершавых щек. Стал прощаться с дядей Степаном. Глаза старика непривычно завлажнели. Надколотым изнутри голосом он дал наказ:

– Неси себя, африкан, в жизни твердо. Не будь у людей на потычках! – и еще раз обнял меня и прислонился к щеке, шарканув щетинистым подбородком.

Вот и все. Все, как и в прошлые разы.

Я сделал несколько десятков шагов по улице. Достиг переулка, уходящего к дороге, что пролегла вдоль крайних огородов. Вспомнил, как когда-то улетал в Африку...

...Последние минуты в Шереметьево. Щемящая тоска оплела душу. Я шел к самолету по стеклянной галерее, словно упакованный в прозрачную консервную банку. Брел один в толпе, не прислушиваясь к голосам людей и проникающему в это пространство гулу реактивных лайнеров.

Впереди меня шли двое в обнимку – он и она, говорили по-французски. Не знаю: летели они домой или просто, скитаясь по свету, покидали очередную землю. Но, раскачивая тощими задками с клепками на фирменных карманах, вышагивали они беспечно-торжественно, радуясь только друг другу. Весь мир был в них самих. Их не интересовало ничто и, как видно, ни о чем они не жалели... Почему же тогда так неумоимо мучился я? И только сейчас ко мне явился ответ...

Как земное притяжение, властвовала над мной привязанность к земле, которая дала мне жизнь, к людям, которые меня подняли на ноги и дали возможность делать работу по душе.

Светлым мигом остались позади четыре дня, проведенные у дяди Степана и тетки Анны. В несколько секунд перед глазами прошли лица мо-

их близких и дальних родственников, знакомых односельчан, с которыми довелось встретиться в этот приезд. Их судьбы стали неразрывным продолжением нашей общей прожитой жизни.

Но одно обстоятельство по-особому залегло в мою душу. Это драматическая судьба Маруськи, которую я так и не увидел, и трагический конец Леньки Деменцова. Мне не пришлось с ними познакомиться. Но мое воображение рисовало черты их лиц, фигуры, жесты. Неожиданно вошли они в мою жизнь, но стали неотделимыми, как ветвь у дерева, выросшая на его стволе. И эта ветвь не последняя, на ней уже зреет крохотная почка, которой суждено стать зеленым листом и будущим новым побегом...

Я не выдержал, оглянулся. Не мог поступить

иначе... Все трое моих родных смотрели мне вслед. Василий, чуть закинув голову, оперся на алюминиевую трость. Тетка Анна прижала к груди белый платочек. Дядя Степан одну руку опустил вдоль туловища, другую поднял над головой, зажав кончиками пальцев мой подарок – трубку, вырезанную из черного дерева. По поверьям африканских племен, от такого дерева возрастает дух молодости и теряют силу окружающие жизненные яды...

«Сегодня же закурит», – подумал я. И, больше не оборачиваясь, завернул за угол дома, в котором когда-то жила моя одноклассница Сюська со своим чудаковатым отцом Елпидифором.



Ольга
КОМАРОВА

ПОД СНЕГОМ ДАВАЙ ПОСТОИМ



Л. Андичековой

И грянул снег.
Да вроде не впервой,
но тишина паденья оглушала.
Так незамысловато совершала
зима обряд великолепный свой.
Она звала меня, влекла в свой круг –
и не грустила в танце одиноком,
снежинками целуя ненароком,
но ускользая влагою из рук.

Снега, снега – и прежде, и потом.
В снегах, в снегах –
ни тропочки, ни строчки, –
лишь фонарей цветные оторочки
да безутешность над пустым листом.
Так будь же ты! – неистово кружись, –
то вдруг прильнув, то оттолкнув сурово.
Даруй одно – спасительное – слово,
снежинкой на ладони задержись.

Как тебе удалось от кошмарного сна, –
где я вечно была виновата, –
пробудить меня шёпотом нежным, весна? –
и увлечь новизной аромата.

Песни спеты, казалось; но главная – нет, –
песни – годы, и всё-таки – малость.
Сколько раз я сирень обрывала в букет,
Сколько раз уже в май окуналась.

А потом этот сон, а потом этот гнёт, –
одиночество в стылой квартире.
И в глазах, и в словах отчужденье и лёд.
И вины неподъёмные гири.

Как ты тихо вошла, – так душисто, светло!
Отступили тревожные тени.
Ты меня поняла и, приняв под крыло,
Подарила мне крестик сирени.

Татьяне Тауповой

В небе месяца гнутая спица.
Слов несказанных привкус во рту.
Будто жмётся продрогшая птица
на таком же продрогшем кусту.

Да и птица ль? – едва различима.
(может, ветром дохнуло в ночи?)
От мирянского выдохшись чина,
безголосо-устало молчит.

От молитвы не стало ей легче,
Время свой не замедлило шаг...

Осознав, что зима недалече,
обомрёт – словно птица – душа.

Нет отныне меж нами границы.
Залюбуюсь тобой. Не спеши!
Ветка дрогнет... – от ветра? от птицы?
от моей ли продрогшей души?

Татьяне Николаевой

Там, где каменный мост над водой
беззастенчиво мхи обживают,
где в зелёных объятьях сжимают
ивы пруд под вечерней звездой,

там пиратской серьгой – круторог! –
месяц – мастер выведывать тайны;
и придёшь совершенно случайно,
а уйти – не отыщешь дорог...

Там на дне – дотянуться не труд –
звёзды ярче; там камушки краше;
и хранятся там тайны...
И страшен
молчаливо-задумчивый пруд...

Л.А. Никоновой

В час предрассветный тихой грёзы
под куполом небес пустых
стоят послушницы-берёзы
в своих платочках золотых.

О чём мечты? – о ночи व्यюжной
иль о весне? Всё в свой черёд.
Смотри, по зыби-то калюжной
кораблик-облачко плывёт.

Кур переспорить вожеватых
ещё пытается ковыль.
Кораблик – вечно виноватый –
увёз мечты, оставив пыль
родных дорог, – за то спасибо –
за ширь земли, не за моря.

«Смотри, – ты шепчешь, –
как красиво!» –
и держишь за руку меня...

А снег словно вовсе и не был,
пунктиром пространство прошив...
И только вокруг ни души;
и снег – не на землю, а в небо.

Но, может быть, ангел с крыла
лишь пёрышки вниз обронил, –
и долго кружились они,
как снег, – не его ли ждала?

Беспомощно хлопья снуют,
как души, спешащие в рай.
О, ангел, помилуй и дай
им тёплых ладоней приют,
и нежного взгляда – двоим
подвластную – тихую грусть.
Что будет, то будет – и пусть! –
Под снегом давай постоим.

Расставания входят в привычку.
Электричка – на первом пути.
Из-за пазухи выну синичку –
вот и всё,
отпускаю, лети.

Не держу журавля на примете,
но и ты опереньем груба.
Не силки, а любовные сети
раскидала повсюду судьба.

Расставания входят в привычку.
Расстояния множат тоску, –
отпустив на свободу синичку,
всё скучать по её голосу.

Друг за другом мы ходим по кругу:
час – свиданье,
разлука – на год.
Только сядет синичка на руку,
электричка вот-вот отойдёт.

Наталья
ШУХНО

ВСЁ СЛОЖНО И НА НОЛЬ УМНОЖЕНО



Смывает тушь, стирает губы
И курит, глядя в никуда,
Пока по водосточным трубам
Бежит осенняя вода.

И хмурый вечер сложен вдвое
Среди душистых тополей,
Ей кажется – окно чужое
И ярче светит, и теплей.

Печаль туманна, боль условна,
Фонарик сломан, пуст вокзал.
Джюльетта, уходи с балкона,
Тебя никто туда не звал.

Средневековым полотном,
Прозрачным молодым вином
В созревшем небе грянул гром,
Рассыпался в дожде.

И ночь затянута в корсет:
Китовый ус, смолистый цвет,
Она мудра, на сотни лет
Застелена постель.

В траву сырую брошен кнут,
И руки врут и реут хомут,
Так вишни бешено цветут,
Что видно в темноте.

Всё сложно и на ноль умножено,
Весною, плачущей от ран,
Мне мальчик позвонил из прошлого,
Он был когда-то небом дан.

И воздух ласковый черешневый
Заполнил стены до краёв,
И снова тело под одежду
Уже как будто не моё.

Он говорил, что сердце замерло,
С прошедших лет снимал покров,
Над крышами алело зарево
Цветущих майских вечеров.

Он говорил, что много прожито,
Но можно попытаться вновь
Искать, как сон в траве нескошенной,
Незавершённую любовь.

53

ШУХНО Наталья Сергеевна родилась в 1984 году в г. Могилёве. Окончила Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, факультет журналистики. Журналист, телеведущая, сценарист, поэт, автор песен. Публиковалась в «Литературной газете», газете «Время», альманахе: «Поэзия. Двадцать первый век Новой Эры», «Невском альманахе», журналах: «Наш современник», «Сибирь», «Волга XXI век» и других. Автор поэтических сборников: «Белые паруса», «Сборник стихотворений», «Монтажный лист». Лауреат литературной премии им. Ю. П. Кузнецова (журнал «Наш современник»). Член Союза писателей России.

*Зачем такое возвращается?
Понять, подумав, Боже мой,
Что просто мы сейчас прощаемся,
Что это всё перед войной.*

*Ты представляешь своего ребёнка,
Где под завалом пыль ещё дрожит,
И к небу улетаёт лучик тонкий
Его неоперившейся души.*

*И с облаком луна играет в прятки,
Твой дом в порядке, крепче, чем гранит,
Но страх на части комнаты дробит.
Ты в спальне наклонилась над кроватью,
Вздыхнув свободно: слава Богу, спит.*

*Я отдаю полкоролевства
За земляничные поля,
За день безоблачный из детства,
Где солнце ярче янтаря.
За Лукоморье расписное
И за льяную благодать,
За пояс, вытканый рукою,
Которая устала ткать.
Моё великое наследство,
Чиста вода и свято место,
И на слезах, и на крови.
Я отдаю полкоролевства
За горсть несдавшейся земли.*

*Я видел путь, я знаю,
Как знал перед войной,
Что я не умираю,
А ухожу домой.*

*Дышать весенним лесом,
Прощать в последний раз,
Я защищал Одессу,
Я отстоял Кавказ.*

*Я вымыл Чёрным морем
Солдатскую броню,
Мы отправлялись строем
И до сих пор в строю.*

*Я раздаю заплаты
На раны и грехи,
Я буду в сорок пятом
Читать твои стихи.*

*Смогу с покоем в сердце,
Где трепетная высь,
Пересчитать младенцев,
Что после родились.*

*Глухо тикают стрелки настенные,
Колыбельную ждут в ночи,
В мамин голос вместилась вселенная
И созвездиями звучит.
Город жив, разукрашен сиреневом,
Под соцветиями храню,
И на каждое майское дерево
Опускается Серафим.
Это музыка снов зарождается,
И читает любовь с листа,
Мы друг в друге уже продолжаемся,
Мы за пазухой у Христа.
Слёзы счастья – вода драгоценная,
Невесомый пасхальный свет,
В нас с тобою вместилась вселенная,
Нет пределов и смерти нет.*



**Александр
КОЛТАКОВ**

МОБИЛИЗАЦИЯ



Благополучно завершив борьбу за урожай на дачном участке, я решил встретить золотую осень в гостях, на малой родине. Быстро собрал дорожную сумку и солнечным сентябрьским утром на своей старенькой «королле» двинулся в путь.

Уже к вечеру прибыл в провинциальный сибирский городок, где провел счастливое советское детство. Из всей некогда многочисленной родни здесь осталась лишь моя сестра Людмила со своим сыном Пашкой. Жили они на втором этаже обычной хрущевки. Прямо напротив располагался местный военкомат, занимавший весь первый этаж такой же серой пятиэтажки. Окна и балкон Людмилиной квартиры выходили на улицу, откуда площадь перед военкоматом просматривалась как на ладони.

Надо же было такому случиться, что буквально на следующий день объявили частичную мобилизацию для продолжения СВО на Украине. Весь городок несколько дней гудел от пересудов. Мужское военнообязанное население, судя по разговорам, заметно напряглось. Отдельные мутные личности, по слухам, даже стали срочно собираться на неопределенное время в далекие края.

Пашка, мягко говоря, тоже был не в восторге от перспективы оказаться на передовой. Он даже почти перестал выходить на улицу, опасаясь лишний раз попасть на глаза военкому, проживавшему в соседнем подъезде.

В последние годы у меня с племянником складывались напряженные отношения. С горем пополам окончив техникум и отслужив в армии, Пашка вернулся домой и поначалу пытался устроиться на работу, но подолгу нигде не задерживался. То работа казалась слишком скучной, то платили слишком мало. Жили, в основном, на материнскую зарплату и пенсию, что вполне его устраивало. Меня же – не очень. С высоты своих лет и советской закалки я считал его лодырем, сидящим на шее пожилой матери. И прямо говорил ему об этом. А он в ответ находил тысячу отговорок. Сестра в такие моменты защищала сына от моих нападок, приводя очень веский аргумент: «Зато не пьет, как многие!»

Жизнь в стране и мире стремительно менялась, но это никак не влияло на образ жизни племянника. Молодой бездельник круглосуточно сидел у компа, с головой погружившись в виртуальную игровую реальность с монстрами и «танчиками». Даже девушки интересовали его «по-

КОЛТАКОВ Александр Алексеевич родился 20.02.1962 г. в селе Петропавловское Алтайского края. Был главным архитектором Новокузнецка. Член ЛИТО «Творческая шкатулка» г. Новокузнецка и южно-кузбасского союза «ЛЮКС». Автор книг «Приключения фантазера» и «Сибирские былицы». Печатался в коллективных сборниках по результатам всероссийских и международных конкурсов, в журнале СП Москвы «Кольцо А». Лауреат конкурса им. В. Шефнера «Скромный гений», конкурса «Десятая планета», премии им. Э. Гольцмана, всероссийской премии им. А. Маздорфа. Живёт в Новокузнецке.

стольку-поскольку», периодического общения на стороне Пашке вполне хватало. На то, что в обозримом будущем он сможет создать собственную семью, как мечтала его мать, у меня надежд уже почти не осталось.

Однажды, спеша по своим делам, я выскочил из подъезда и чуть не столкнулся со странной старухой. Выглядела она настолько необычно, что я даже на миг остолбенел.

На голове пожилой женщины был шлем танкиста, из-под которого выбивалась прядь седых волос, а поверх платья надет мужской пиджак с орденом Мужества на лацкане. Она отшагнула в сторону и строго посмотрела на меня. Я смущенно промямлил: «Извините» – и проскользнул мимо.

Вечером за семейным ужином я рассказал сестре о странной встрече у подъезда.

– Ты знаешь, кто это такая? – спросил я.

– Это наша Машенька, Мария... – тяжело вздохнув, начала рассказывать Людмила. – Ее муж был кадровым офицером-танкистом. Когда он погиб в чеченскую войну, Мария с малолетним сыном Ваней переехала из военного городка к больной свекрови. Та жила на четвертом этаже в нашем подъезде. Вскоре старушка умерла, и вдова осталась одна с ребенком. Души не чаяла в сыночке, ставшем смыслом ее существования. Уж больно он был похож на отца! До самой пенсии и дальше Мария работала в хирургическом отделении городской больницы. Замуж больше не вышла.

Иван вырос и пошел по стопам отца. Отслужив в армии, остался там по контракту командиром танка. С первых дней СВО он оказался на Украине, а в мае погиб. Говорят, когда военком вручал матери награду сына – орден Мужества посмертно, она потеряла сознание. Ее увезли на скорой, а через несколько дней Маша вернулась домой уже вся высохшая и абсолютно седая. С тех пор носит шлем и пиджак Вани с орденом. То ли представляет себя в образе сына, то ли... Кто разберет, что теперь у нее в голове? Не дай Бог никому такого! Люди говорили, что после похорон она ни разу не была на могиле сына. Видно, не поверила...

Сестра закончила свой рассказ, все за столом молчали. Нарушил гнетущую тишину Пашка:

– Я ничего и не знал про нее. Ты не рассказывала.

– А ты и не интересовался ни о ком. У тебя

же вся жизнь там! – махнула мать рукой в сторону компьютера.

– Че опять началось-то? – пробурчал племянник и удалился с кружкой к себе в комнату.

Жизнь шла своим чередом. Через несколько дней в городе набрали первую партию мобилизованных. В назначенное время они должны были прибыть с вещами к военкомату. По такому случаю местные власти организовали торжественные проводы.

В тот день я чувствовал себя неважно: с утра подскочило давление. Но все же не утерпел, вышел на балкон посмотреть на это волнительное зрелище. Когда-то и меня провожали от военкомата (пусть не на войну, просто в армию служить), а такое запоминается на всю жизнь...

Два десятка мобилизованных построили на площади. Перед ними встали военком и глава города, ветераны. Они готовились сказать землякам самые важные напутственные слова. Родные и близкие ожидали поодаль.

Первым шагнул к микрофону военком. Он окинул взглядом будущих воинов... и оторопел. На его глазах первым номером в шеренгу мобилизованных встала Мария в шлеме танкиста и с орденом Мужества на груди. Возникла неловкая заминка.

Впрочем, горожане из числа зрителей быстро все поняли, подхватили Марию под руки и повели ее к дому. Женщина вырывалась и кричала:

– Пустите меня! Я должна быть там, с ними! Хочу помочь Ванечке!

Через некоторое время официальные лица все же произнесли мобилизованным нужные слова, потом было короткое прощание с родными и близкими.

Когда ребята стали грузиться в автобус, грянуло наше родное «Прощание славянки», вот уже больше века провожающее мужиков земли русской на ее защиту. Столько в этой мелодии силы, веры и надежды, что у всех присутствующих обычно отступает страх перед неизвестностью.

Вскоре автобус тронулся с места, увозя будущих солдат все дальше и дальше от мирной жизни в новую реальность. Толпа родственников и знакомых пришла в движение: молодые с улыбками на лицах и слезами на глазах махали на прощание руками, некоторые представители старшего поколения крестили уходящий

автобус и шептали: «Храни вас Господь!»

После этих проводов больше никто не видел Марию живой. Через несколько дней ее тело случайно обнаружили на могиле сына. В крепко сжатой руке была награда Ивана – орден Мужества.

Всем двором провожали Марию в последний путь. Было непривычно тихо. Женщины украдкой вытирали слезы, а мужская половина сосредоточенно молчала. После короткого прощания во дворе дома мы с Пашкой присоединились к группе мужчин, которые отправились на кладбище предать тело земле. Когда установили над могилой крест, я обратил внимание на год

рождения усопшей. Оказалось, ей было всего пятьдесят восемь лет.

После прощания двор пятиэтажки словно вымер. Не было видно ни взрослых, ни детей. В воздухе физически ощущалось напряжение и необъяснимая тревога. Даже птиц не было слышно.

Следующим утром из нашего дома несколько мужиков призывного возраста один за другим потянулись к дверям военкомата. Они стали первыми добровольцами этого маленького городка огромной России. Среди них был и мой племянник – Павел Владимирович Сомов.



Роман
СОРОКИН

КОГДА НАЧНЁТСЯ ВСЁ СНАЧАЛА



Сегодня мы с тобой большие,
а завтра кончится борьба.
Нас ждёт провинция России
и скандинавская ходьба.
Нам хватит в жизни звёзд и терний.
Мы через них придём туда,
где моцион ежевечерний
и минеральная вода.
Здоровый дух в здоровом теле
отгонит злую скуку прочь,
и мы по разные постели
уйдём не спать в глухую ночь.
Под утро что-нибудь приснится:
то неизвестная река,
то облака Аустерлица,
то над Россией облака.
На завтрак будем из бокалов
пить молоко и тишину.
Для счастья нужно очень мало –
всего лишь выиграть войну.
Всего лишь выстоять у края
и стать сильнее вопреки.
А там уже «не надо рая» –
верните домик у реки,
где будем праздные беседы
вести в ухоженном саду...

58

Ну и, конечно, День Победы
два раза праздновать в году.

Где порвётся киноплёнка,
Там и кончится кино.
На Востоке слишком тонко,
А на Западе темно.

На Востоке больше солнца,
На Восток течёт Янцзы.
Но где тонко, там и рвётся,
Говорили мудрецы.

И на Западе, конечно,
Есть хорошие дела.
Только там почти кромешно:
Мало света и тепла.

Ну, а мы посередине.
Стало быть, закончим путь
Где-нибудь на Украине,
В Запорожье где-нибудь.

Ляжем в острую осоку
Возле берега Днепра,
Пожелав добра Востоку,
Да и Западу – добра.

СОРОКИН Роман Валерьевич – поэт и драматург, артист Московского театра поэтов Влада Маленко, продюсер фестиваля «Филатов Фест». Финалист национальной литературной премии «Слово», победитель премии имени А. Б. Чаковского «Гипертекст» и других конкурсов и фестивалей. Публиковался в журналах: «Юность», «Сура», «Русское поле», «Театрал», в «Литературной газете», на порталах «Правчтение», «Литературная Россия» и в другой периодике. Автор книг стихов «Облака попкорна» и «Переменчивая ясность». Живёт в Москве.

Давай о том, что было там,
где мы оставили равнины:
там возвышался белый храм,
а нынче – серые руины.

Там было время без потерь,
там и часов не наблюдали.
А что теперь? А вот теперь
не надо этой пасторали.

Давно уже не весела,
а тяжела судьба станицы
и древнерусского села
у юго-западной границы.

Давай не будем о войне:
летит салют из преисподней
и разрывается в стране
большой, красивой, новогодней.

Пусть будет истина в вине
игристом или в мандарине.
Давай не будем о войне,
о горе, смерти, Украине.

Она не верила слезам,
но всё равно их проливала.
Давай о том, что будет там,
когда начнётся всё сначала...

Тем, кому далёк и дорог
Берег Оредеж-реки,
Будет близок энтомолог
И поэт большой руки.

Нам же – тем, кто не уехал, –
Непонятна их тоска.
Отражает без огреха
Берег Оредеж-река,

Где лежит сачок на травке
(Видно, кто-то потерял),
И летает без булавки
Невесомый адмирал.

Вот и мы с тобой дошли до точки,
только всё равно не унывай.
Помнишь, танцевали у Опочки
по дороге в чудный Шауляй?

В Шауляе жили недотроги,
я ещё считался выездным.
Ах, Опочка, город по дороге,
почему ты сделался родным?

Помню неизвестный голос зычный –
кто-то разговаривал с отцом:
папа первый паспорт заграничный
тыкал пограничнику в лицо.

А потом мы весело катили
к Балтике холодной и сырой.
Градский пел «как молоды мы были» –
это про две тысячи второй.

Есть на карте памятные точки,
где уже не будешь никогда,
если оттолкнёшься от Опочки,
то увидишь эти города.

Разное предсказывала Ванга,
только предсказаньям вышел срок.
До сих пор у города Паланга
Мы лежим зарытые в песок.

В каждом встречном-поперечном
встретишь рай и встретишь ад,
но всегда пиши о вечном,
оставаясь как бы «над».
Всё земное вырви с корнем,
не кричи на злобу дня.
Ты – поэт, пиши о горнем,
ни к чему тебе возня.
На земле сплошные распри,
абстрагируйся от них.
Поезжай на форум АСПИ,
напиши высокий стих
о прекрасной нимфалиде –
однодневном мотыльке.
Пусть предстанет в лучшем виде
мотылёк в твоей строке.
В стороне от круговерти
вознесёшься в мир иной
и расскажешь нам о смерти,

быстротечности земной.
Доверяя Каллиопе,
заберёшься на Парнас
Выше, чем солдат в окопе,
умирающий за нас...

Отдайте море древним грекам,
а нам оставьте сотню рек –
мы доплывём по этим рекам
туда, где не был древний грек.
На кораблях краснеют стяги –
серпа и молота союз.
Мы – православные варяги –
плывём «под сенью дружных муз»,
которых выкрали в походе
у древнегреческих богов.
Плывём на корабле-заводе
по производству облаков.
Нет, мы не зевсы, мы другие,
и этих муз не стали б красть,
но для чего они, нагие,
повсюду нам внушали страсть?
Мы оправдаем наши кражи,
отмолим страшные грехи:
построим музам эрмитажи
и сочиним про них стихи.
Зачем им жить среди гомеров
на полувыжженной земле?

Пускай рожают пионеров
на нашем – русском корабле.
Пускай живут, не зная горя,
у берегов большой реки.
А греки пусть живут у моря,
не заплывая за буйки.

Какую тему ни бери,
а всё равно придёшь к Донбассу,
поэтому себе не ври –
начни писать об этом сразу.
Стоит плешивый террикон
и терпит солнышко июля.
А чуть поодаль полигон,
и от него шальная пуля
летит к искусственной горе...
вот-вот в неё уткнётся носом.
Я о любви и о добре,
о солнышке рыжеволосом,
о тёмно-синей вышине,
ста градусах по Фаренгейту,
о том, как слышно в тишине
степного жаворонка флейту.
Как хочешь это назови,
Пускай я буду зэт-поэтом! –
Я о добре и о любви.
Все помыслы мои об этом.



**Александр
ИСАЕВ**

**И ПУСТЬ ПРЕБУДЕТ
СЛОВО...**



ЖИЗНЬ

*Лютики, фантики, белые бантики
Детство в корзинке нашло,
Бусы, сандалики, синие шарики
В ночь навсегда унесло.*

*Дружбу безгрешную, злом не распятую,
Да на все стороны путь,
Юность крылатую, светом объятую
Вновь никогда не вернуть.*

*Лица любимые, Богом хранимые,
Кольца, цветы и фата,
Души ранимые, крылья незримые
Не воскресить никогда.*

*Детки потешные, волны нездешние
Смех и уют принесут,
Речи неспешные, воды невешние
Вдаль навсегда убегут.*

*Как ни упорствуй – нет, не отклонишься
Старость встречать у ворот,
Молча поклонись, вдруг – переломишься,
Вечность с собой уведёт...*

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

*Посмотри – с небес зевает
Бледный лик луны,
Ночь горстями высевает
По планете сны.*

*Убаюкивает ветер:
«Засыпай, малыш!»
Звёзды парами танцуют
На карнизах крыш.*

*Листья спят в саду, укрывшись
Каплями росы,
Отражают небо, крылья
Спящей стрекозы.*

*По лесам уснули птицы,
Накормив птенцов,
Отдала лисят лисица
В руки сладких снов,*

*Тихо-тихо на опушке,
В поле, у реки,
Под окном на перекрёстке
Не слышны шаги.*

ИСАЕВ Александр Владимирович (1982–2011) родился в Красноярске. Его раннее детство прошло в уникальном уголке России – Республике Тыва. В 1992 году семья переезжает в Кемеровскую область, Яйский район, с. Кайла. Александр окончил Кайлинскую среднюю школу с серебряной медалью и в 2000 году поступил на исторический факультет, отделение «Международные отношения» Томского государственного университета. После окончания университета в 2005 году – служба в аналитическом отделе Управления ФСБ по Томску и Томской области. Владел двумя языками – английским и японским. С детства писал стихи. В 2008 году вышел в свет его первый сборник – «Летопись снов». В 2010-м – годичная командировка в Чечню. Подготовил для выпуска второй сборник стихов – «Мой мир». Жизнь Александра трагически оборвалась в дорожной катастрофе.

Спят ребята и девчата –
 Спи и ты, малыш...
 Варя спит, а звёзды пляшут
 На карнизах крыш...

ШУТ

Там, за окном да за острым углом,
 Где есть место добру – там судьба
 проста,
 Там цари-короли, дураки-простаки
 Всё юродствуют ради Христа.

А ведь было не так, как поёт вам дурак,
 Но есть блажь у царей – дураков унижать,
 Так и вышел обман, сердце ныло от ран,
 И пошёл дурень люд потешать.

И порвался круг, и раздался звук
 Неотпетых губ, обезвоженных,
 Славен верой друг, тетивою – лук,
 А душа – песней слов растревоженных.

И побрёл землёй, дальней стороной,
 Веселить народ, пританцовывать,
 Правдой душу греть да плевки терпеть,
 Грудь и спину хлыстом размалёвывать.

«Здравствуй, царь еси, здравствуй, государь,
 Не тебе грехи с шута спрашивать,
 Я отвечу сам, сам построю храм,
 А пока – буду петь да отплясывать!

Ты узнай – пойми: красными плетьюми
 Согреваюсь я, словно пламенем,
 На – всего возьми, плахой плоть уйми,
 То, что спето мной, стало знаменем!»

Там, за углом да за широким окном,
 Там есть место добру, там судьба не
 проста,
 Там цари-короли, дураки-простаки,
 Всё юродствуют ради Христа...

ПОДРАЖАНИЕ ДЕРЖАВИНУ

Читай с сердец, поэт неутомимый,
 Ищи ключи к ларцу чужой души.
 Да будет смысл слов неизъяснимый
 В твоих стихах. В полуденной тиши
 Отверзь уста – и пусть пребудет слово,
 Раскаты грома, ветры обогнав!..
 И, клятвенно моля, к руке твоей припав,
 Пребуду в мире я, глаголом очарован!

ДОЖДЬ

Серая улыбка, серые глаза,
 Серость не разбавит серая слеза.

Скука и убогость жестов и речей,
 Тусклость и холодность от твоих свечей.

Подвига и жертвы не желаешь знать –
 Жёлто-серой жизнью проще умирать.

Серая улыбка, серые глаза –
 Освяти их, молния! Излечи, гроза!

УШКАЛОЙ

Валуны, неприступные склоны,
 Камнепад непокорных хребтов,
 Полумесяц Кавказской Короны
 Стал понятным беззвучием слов.

Беспокойно дышать и не верить,
 Прикасаться к холодной волне,
 Оглядевшись, незримо измерить
 Звёздный свет в вековой тишине.

Окольцован в Аргунском разбеге,
 Нежно-снежный, угрюмо-немой,
 В бирюзовой и дымчатой неге
 Мне приснился вчера Ушкалой...



Анна
ГУТИЕВА

ПУСТОЙ КОРИДОР



ДЕЙСТВИЕ 1. ЭКСПЕРИМЕНТ

Они поворачивали головы сразу, как только она появлялась в коридоре. Они чувствовали ее на уровне инстинкта. Если они были людьми и людьми себя сознавали, то ее они за человека не считали. Так говорил им их инстинкт. И они следили за ней внимательным взглядом.

Они – группа студентов психфака, примерно человек тридцать или даже сорок. Она, Даша, студентка филологического, у нее под мышкой книги, исписанные страницы.

У нее взгляд поверх голов, в дальних далях прочитанного. Ей представлялось, будто она идет по пустому коридору, только свет тихо играет с пылинками в воздухе. И нет в ее коридоре шумогадных, толкотливых, маельных студентов.

Даша шла со стопкой книг в красном платье, а вслед поворачивались головы. Стихали разговоры, смолкал смех.

Они бы смеялись или кидали вслед унижающие шуточки, толпе так положено по инстинкту – не любить чуждое, унижать нечеловеческое. Но им мешала ее внешность. Красота ее была неприличной, телесно густой, упругой, Даша не была мечтательной худышкой, исчезающей на свету, нет, ее тело было налитым, искушаю-

щим, обтянутым красным платьем. Ее внешность тревожила другой их инстинкт – жадный, присваивающий, ненасытный – обладания, размножения. И они всегда замирали перед ней, терзаемые двумя противоречивыми инстинктами: уничтожь или заполучи.

Ничего такого студенты в себе бы и не заметили, хоть и учились они на психфаке. Они бы пожали плечами, отмахнулись и сказали: «Да просто она странная какая-то. А так, вообще, плевать». Люди вообще плохо различают собственные чувства. Градация их переживаний лежит на шкале примитивности от «мне так хреново» до «кайфово».

Поэтому она, то есть Даша, шла себе спокойно по коридору со стопкой книг. Даша шла по общему для всех коридору, но для нее не было общего коридора. Их было два. Один для нее, другой – их. Их шумный, переполненный коридор чуть наслаивался на ее коридор – пустой, тихий, в котором не слышно было даже ее собственных шагов. Что они – люди, Даша знала точно, что она не совсем человек – говорили ей их инстинкты. И их глупые инстинкты ее пугали, человеческое стадо не склонно к анализу и размышлению. Даша шла, стараясь не выдать своей потусторонней реальности.

Вот Даша поравнялась с группой студентов,

63

ГУТИЕВА Анна. Детский писатель, шеф-редактор журнала «Российский колокол», преподаватель Писательской Академии Антона Чижова, литературный редактор. Публиковалась в журналах: «Дальний Восток», «Традиция&Авангард», «Эдита», «Биробиджанская звезда» и др. Автор книги «О чём кричит редактор». Ожидается выход детской книги «Древние истории» в издательстве «Время».

книга выскользнула из ее стопки, с громким блямсом шлепнулась на пол. Два коридора в тот же миг слились в один. Их коридор. Даша стояла неподвижно, свыкаясь с измененной реальностью. Они замерли тоже, прислушиваясь, приносясь. К ней из толпы вынырнул один, высокий и большой, Даша не стала всматриваться, опустила глаза. Он поднял книгу и сказал:

– Давай провожу, не донесешь. Стопку отдай, да, да, эту.

Тогда-то Даша и всмотрелась в него. Он словно отлепился от гудящей массы и стал самим собой, не частью толпы. Преображение это Дашу взволновало. Ее призрачная тихая реальность, словно клочья тумана, рассеялась под натиском их голосов, его взгляда, его действий.

Он отобрал у ошеломленной Даши стопку книг, водрузил сверху упавшую. Даша пошла к лестнице, он топал рядом. Вслед им крикнули:

– Слона похитила прекрасная инопланетянка! Sensация!

Даша и Слон поднялись по лестнице, вышли в новый коридор, прошли через новые толпы студентов, дошли до нужной двери. Даша указала на нее, а он сказал ей:

– Не слишком ты разговорчивая.

– Я думала, это ты неразговорчивый, – сказала Даша, совершенно нормально сказала. Слон удивился и спросил:

– Имя у тебя есть?

– Даша.

– Слон. В смысле Слонов, фамилия такая, просто привык еще со школы Слоном быть.

– Слоны добрые. И сильные.

Он поморщился на слове «добрые», потому что доброты не существует, это он как будущий психолог знал. Доброта растет из эгоизма и личной выгоды, из травм и страха ненужности, ну и прочего навоза. Так он и объяснил Даше.

– Ты книги мне отдай, – сказала она после минутного молчания. Потому что такой чуши она в жизни не слышала, эта чушь могла только из шумного коридора к ней залететь. Вместе с такими, как он. Его коридор был полным и шумным, а сам он – пустым. Даша сердилась и оттого становилась чуточку человечней.

Для Слона же их диалог показался совершенно нормальным. Слона отпустило, и только тогда он понял, что был в диком напряжении, пока они тащились сюда. Ее тишина была непрерывной, он не знал, чего ждать. Его инстинкт твердил: она – не человек. А она вон как загово-

рила, как любая другая девушка, сердится, брови прямые хмурит.

Они стояли и всматривались один в другого. Не происходило ровным счетом ничего. Но то, что свершалось между ними как бы с изнанки реальности, было похоже на толпу обезумевших призрачных курьеров, которые носились от него к ней и обратно и передавали послания. Даша видела курьеров, читала послания. Слон – нет.

Слон же, успокоенный некой долей нормальности Даши и взбудораженный ее откровенной тугой красотой, просто сказал:

– Пойдем кофе попьем после пар. Слушай, да ничего такого. Чего напрягаешься. Красивая ты, хочу поближе познакомиться. Не понравится – не будем больше.

Даша кивнула и ушла наконец в нужную ей дверь. Слон прочитал на двери: «Библиотека». Пожал плечами – нет здесь никакой библиотеки, все знали, что она на первом этаже. Но табличка упрямо гласила: «Библиотека». Слон решил проверить. Он приоткрыл дверь, там стояли стеллажи, пахло пылью, старьем. Библиотека была маленькой, но Даши не было ни видно, ни слышно.

«Испарилась в свою параллельную реальность», – пошутил сам себе Слон, сам себе усмехнулся.

Когда он вернулся к одноклассникам – будущим психологам, те хлопали его по спине, будто он вернулся победителем с великого похода в неведомые земли. Ему понравилось это чувство, но вида он не подал: ничего такого, просто телочку красивую закадрил. Сокурсникам сказал:

– Отличный материал для дипломной. Препарирую, а может, и вылечу. Где еще я найду такую психическую вне психушки для эксперимента.

Толпа студентов-психологов зааплодировала, засмеялась. Слон был их любимчиком, их путеводной звездой в мире головокружительного успеха. Ведь он – лучший представитель нормальности, в его голове набор расхожих истин, трендовых, популярных. Слон мыслил и жил как штамп современного успешного человека. Его ждало светлое, солнечное будущее.

ДЕЙСТВИЕ 2. ЭФФЕКТ ДАШИ

Чтобы нереальная, не совсем человеческая Даша не ускользнула в свой призрачный коридор, Слон зашел за ней пораньше. По расписа-

нию последняя Дашина лекция значилась в лекционном зале № 404. Он заглянул в зал, взгляд сразу выхватил Дашу в красном платье. Даша сидела у окна, волосы закрывали лицо, она старательно записывала речи очкастого вдохновенного лектора.

Слон закрыл дверь, сел тут же на пол. Стал мысленно прикидывать вопросы, которые должны разоблачить Дашину патологию и при этом выглядеть обычной болтовней. Или нет, лучше сначала привязать ее к себе, разговорить, расслабить, чтобы раскрылась. Но вместо эксперимента для дипломной ему представлялось неприличное, жаркое, что путало мысли, планы, цели.

Прозвенел звонок, двери в лекционный зал распахнулись, потек из них поток филологов. Даши среди них не было. Слон аж вспотел: исчезла! Но ведь была, он сам видел. У него что, галлюцинации?

Он влетел в лекционный зал. Возле кафедры Даша сидела рядом с преподавателем и что-то горячо тому доказывала. Преподаватель был молод, очкаст и восхищен. А Даша – красивой, искушающей. И искушала она сейчас преподавателя. Слон внезапно взбеленился, красная мусть подступила к глазам. Даша вдруг стала целиком и полностью телесной для него, ее потусторонняя суть отступила, затерлась. Он подошел к парочке вплотную и, не глядя на преподавателя, процедил сквозь зубы:

– Я тебя жду, мы договаривались на после пар.

– Ох, правда, – Даша виновато посмотрела на Слона. Она извинилась перед преподавателем. А тот ненавидел сейчас Слона – огромного, непоколебимого в своем праве на Дашу.

Слон увел ее в кафе рядом с Университетом. Долго мялся, не зная, что спросить: все заготовленные вопросы он растерял. А Даша смотрела на теплый свет ламп, на ветки за окном, на растерянного Слона, слушала тихий гул людей и перестук посуды. Тишина жизни была разлита повсюду, как бы ни заслоняло ее движение мира. Тишина была вечна, с самого сотворения мира, и Даша ее слушала. Слон нечаянно двинул стулом, Даша очнулась, Слон, смутно уловивший ее тишину, тоже.

– Ты зачем на филологию пошла? – спросил он, когда принесли чай и пирожные.

– Потому что мир я воспринимаю только через буквы. Жизнь в буквах упорядочена строчка-

ми, а без букв – суeta и хаос. Буквы придают смысл, а без букв все смысл теряет. Куда же мне еще было идти? – Даша обняла пальцами кружку, и от этого ее простого движения снова в голове у Слона зашумело, все заволокла красная пелена. Он покивал согласно: конечно, это очень правильно и логично. А потом пелена рассеялась, и он понял, как ненормально звучало сказанное ею. И вспомнил про свой эксперимент, про опросник, который заготовил, чтобы препарировать Дашу.

– Мир тебе кажется уродливым? Он тебя пугает?

Даша засмеялась:

– Нет. Тут, конечно, много несправедливости, много зла, жестокости и безволия. Но и хорошего, доброго, радостного тоже много. Просто мне нет места в этом мире. Я не понимаю, что тут делать. Точнее, понимаю, что надо выживать, кормить это тело, – Даша показала на себя. – Но как-то меня не раззадоривает все это. Я держусь в стороне.

«Депрессия», – мысленно прикинул Слон. А вслух сказал:

– Но в жизни столько удовольствия: общение с людьми (Даша сморщила нос), танцы в клубах (прикусила губу, чтобы не рассмеяться). – Слон занервничал и бросился перечислять: – Карьера, уважение людей, покупка квартиры. Да, в конце концов, вот ты – филолог, напишешь книгу, тебя издадут, станешь знаменитой. Неужто ничего не хочешь? Столько всего можно выбрать!

– Будто шведский стол для голодных, что только о еде и думают. А я сытая, мне не хочется.

Слон к депрессии докинул шизофрению. И на всякий случай – аутический спектр.

– Это и есть для тебя жизнь? – тихо спросила Даша. Спросила так, что Слону почудилось осуждение, типа, как можно все это считать жизнью. Вопрос ее дурацкий, и не имела она права подвергать сомнению очевидное. Потому что да, очевидно, что все им перечисленное, и еще больше, что он не успел перечислить, и есть жизнь. Это он ее осуждает за не-жизнь, за ее выход из мира, а не она его. Это что, нормально – думать, как она? Слона аж передернуло от отвращения. Словно многоножка пробралась к нему под одежду – чуждое создание, неведомое чудовище, выползшее из темного угла. Перепады чувств от желания к отвращению выматывали и привязывали его к Даше сильнее, чем одно

только желание. В нем действовали инстинкты толпы – оттого, что он сам был ее частью. Он – да, Даша – нет.

– Что тогда для тебя жизнь? – спросил он это чуждое ему создание.

Даша думала, стоит ли отвечать. Они стояли, словно разделенные стеклом, в двух разных коридорах. В ее коридоре была тишина, с окон падали солнечные лучи, и если что-то и двигалось, так только пылинки в лучах. В его коридоре был шум и люди, было движение, смех. Сквозь стекло ей было не докричаться до Слона. Как же ему объяснить про пылинки и тишину?

– Я бы хотела понять, зачем я оказалась на земле, мне тут странно и непривычно, неудобно. Не то, чтобы тут было плохо, просто как-то смысл ускользает, и оттого неясно, что делать. Мне тут не по себе.

«Деперсонализация? – подумал было Слон. – Нет-нет, немного другое. Вот оно!» Слон бросило в жар. Диссертация была у него в кармане. Даша словно и не человек вовсе – душа, не успевшая воплотиться в человека. Где-то произошел сбой, и не срослись ее душа и ее человеческое тело. Но какая там душа, это понятие абстрактное. Нет никаких душ. А расстройство есть. Он опишет это психическое расстройство и станет тем, чье имя впишут в учебники. Слон выдохнул и довольно откинулся на спинку стула.

– Пришелец, что ли? – пошутил он.

– Вроде того. Поэтому и книги нужны, они немного разъясняют ситуацию. Не все, конечно, современные совсем о жизни не задумываются, в основном порочат ее. Но те прошлые книги – да, разъясняют, – серьезно ответила Даша.

Оба замолчали. За окном кафе стемнело. Официант приносил новые порции кофе, уносил пустые чашки, зажег на столе электронную свечу, а они все сидели друг напротив друга. Свеча мерцала перед глазами Слона, он видел коридор – пустой, тихий, видел, как бесшумно бредет по нему Даша в красном платье со стопкой книг. Слон зажмурился, потряс головой – наваждение. Как его так угораздило?

Даши напротив не было. И ее пустой чашки не было. Быть может, официант уже унес. Слон тяжело поднялся, оставил деньги и ушел.

ДЕЙСТВИЕ 3. ВОПЛОЩЕНИЕ

Даша вымыла волосы, поставила чайник, за- была налить в кружку, ушла в комнату переби-

рать вещи на столе, оставила вещи разбросанными по столу, смотрела в окно, села на кровать и схватила саму себя за руки, чтобы не суетилась. Наступила тишина, обнажилась жизнь, жизнь была в тишине. Даша всегда слышала от других: «Движение – это жизнь». И люди двигались, не сидели на месте, они много шумели, мельтешили. Даша дожидалась, когда они останутся, чтобы увидеть результат – ради чего они двигались. Но даже если они замирали – сразу ныряли в телефоны, кому-то звонили, что-то читали. Нет, они не останавливались. Даша же чувствовала жизнь, когда все вокруг и она сама останавливались, затихали. Странно, что в Слона жизни она не ощущала. Он был сплошное шевеление, слова, тело. Даша дотрагивалась до него, теплого, огромного, и не могла поверить, что в нем нет жизни. Она была, там, внутри. Даша прикладывала ухо к его груди. Тум-тум, глухо билось сердце. Даша смотрела в глаза Слону: он сам не знает, что он живой. Ему некогда было это ощутить, понимала она и ласково улыбалась, гладила его по лицу.

Слон жил в информационном потоке. Он был капитаном информационного моря, он сражался с бурями и тосковал в штиль. Он жил в телефоне, потому что там, по его мнению, происходила жизнь, и ему надо было успеть за ней. «А ты от жизни отстала. Ты ничего о жизни не знаешь», – ласково он говорил Даше, посмеиваясь над ее полным незнанием событий.

– Что ты чувствуешь? – спрашивала Даша, а Слон отмахивался, не отрываясь от телефона.

– Я читаю, что тут чувствовать.

Даша смотрела выжидательно, изучающе, и Слон сдавался:

– Возмущение, вот что. Новости меня бодрят.

Даша кивала, это было очевидно, ничто его не бодрило так, как сидение в интернете. Новости его бодрили так же, как и миллионы людей вместе с ним. Он был с ними заодно. Она же просила: «Посиди со мной», но он этого не умел. Не умел заглядывать в глаза, не умел видеть пылинки в солнечном свете. «Пылинки, – пожимал он плечами, – я вижу, и что с того?» Потом он откладывал телефон, хватал Дашу в охапку и заставлял ее вскрикивать, шептать, шевелиться с ним в унисон в жарком движении.

Даша стала почти такой же, как он. Даша не могла вернуться обратно, в тишину. Она стала овеществленной, телесной. Она жадно дышала, трогала стены и отдергивала руки от горячей

кружки, она открывала окно, подставляла руки под дождь и слизывала его с рук. Даша стала телом Даши. Она поняла одержимость Слона жизнью, его ненасытность. Ведь тело конечно, и надо впечатать в себя дождь, и холод, и чай, а еще свет фонарей в лужах и зыбкие отражения в витринах. Было больно, неловко, душно, иногда приятно. Она тосковала по пустому коридору.

Казалось бы, чего проще: убери источник этой новой жизни – Слона, и все будет хорошо. Но дело в том, что Даша писала. Летели стихи, рассказы, струился из-под рук роман. Она создавала объяснение миру, каждой детали, о которую кололась, она упорядочивала-утрамбовывала мир в стройные ряды символов. Росли стопки ее рукописей.

Параллельно росла и пухла диссертация Слона. В глаза ему бил свет будущего успеха, он слышал, как громко звучит его имя, он раздал уже сотни интервью известным журналистам, его узнавали на улицах и приглашали экспертом на ТВ. Он засыпал с улыбкой на лице. Ночью ему снилось, как Даша ускользает из его рук в призрачный коридор, и он терял ее навсегда. Просыпался в холодном поту посреди ночи, поворачивался на другой бок, думал: «Скоро допишу, брошу Дашу, все закончится!» И крепко засыпал.

В следующий раз они гуляли по улице, которая прилипла к реке. Реку втиснули в каменные ножны. Даше казалось, что река режет земную реальность, оттого и есть два берега, и она почему-то на одном берегу со Слоном. С тоской смотрела она на другой далекий берег. Упросила Слона найти мост и перейти, объяснила про реку в каменных ножнах, про берега. Слон снова придумал диагноз, раздражился, но терпел, искал мост, вел.

– А тебе зачем психология? – спросила Даша.

Слон ответил не сразу – подумал, как вернее выразиться. У него была правда для людей и правда для самого себя. Его правда в том, что психологи хорошо зарабатывают, потому что каждый из клиентов душевно болен. Или, точнее, каждому это внушили. Слон и сам собирался внушать другим, что они травмированы, что те или иные их порывы выходят за грань нормы, а потому требуют его вмешательства. Но Даше такого не скажешь. Уж она-то по-настоящему того, без внушения.

– Так что же, зачем психология? – мягко

улыбнулась Даша, и снова зашумело в голове Слона от ее улыбки.

– Людям хотел помогать, – вернул он первое, что пришло на ум. И тут же усмехнулся: – Но вообще-то такой мотив считается в психологии симптомом проблем.

– Как это возможно? – сильно удивилась Даша и еще больше разулыбалась, мысль показалась ей нелепой. – Хотеть помогать людям – проблема?

Слон от ее удивления вдруг тоже развеселился.

– Ну да! Хочешь помогать людям – значит, у тебя комплекс спасателя. Или ты – жертва, неспособная думать о себе и чувствующая себя значимой, если помогаешь другим.

– Ого! То есть люди помогают другим, чтобы почувствовать себя значимыми? – хохотала Даша, и смехом было налито ее тугое тело, смеющиеся глаза манили теплом. Слон забылся, его захватил инстинкт, он обнимал Дашу и тоже хохотал.

А ведь недавно он яростно доказывал своей маме, что она живет, как жертва, что ее помощь старенькой соседке и ее пьянице-сыну – это симптом. Мама отмахивалась: «Да что ты, дурачок, несешь? Как же добро болезнью-то стало?» А Слон злился, целые лекции читал маме, пока та готовила ужин, во время ужина, после ужина. Но наступило время новостей, и мама его прогнала: «Иди-иди, потренируйся на ком-то другом. Я уже переделываться не хочу, мне по сердцу моя правда, а твоя – только уму». Но Слон разволновался, что материна жизнь зря прошла, и решил, что так этого не оставит, еще сумеет направить ее на путь подлинной жизни. Слон был хорошим сыном, любящим. А тут Даша сказала то же, что и мама, и Слон не сердился – смеялся.

– Что ты чувствуешь? – спросила вдруг Даша.

Пришло время Слону удивляться. Удивился, ответил:

– Ну... Позитив. Классно мне.

Даша снова засмеялась. И Слон вместе с ней, не зная, над чем они смеются.

Как-то они шли по коридору Университета. Шли мимо толпы студентов психфака.

– Привет, Слон! Как жизнь? – кричали они, подходили, тянули ладони для крепких рукопожатий. Слон пожимал и пожимал. Его окружала

толпа. Дашу затерли, оттеснили. Слон теперь смеялся с ними, слушал байки с лекций, приколы из интернета, слушал о разборках с кем-то на задворках кампуса... Слон забыл про Дашу. Вместе с ними, шумными, хохотливыми, бьющими по плечу, он вынырнул из Дашиной тишины, из Дашиного безумия. Он снова стал пробочно легким, плавал на поверхности и думал о том, как сильно раздвоилась его реальность.

ДЕЙСТВИЕ 4. ЧТО НЕ ТАК С ДАШЕЙ?

Теперь они виделись ежедневно. Слон врывался в Дашину книжную, запыленную действительность, громко сопел, топал, словно невзначай дотрагивался до Дашиной красоты, и она снова пробуждалась в его мире. Громком, плотном, вещественном, всем понятном.

Даша описывала в стихах портрет Слона.

Слон описывал диагнозами и симптомами Дашу.

Симптомов накопилось множество, он заполнял ими таблицы и чертил графики. Деперсонализация, маниакальные фазы, посттравма, симптомы и синдромы, патологии и акцентуации. Но беда была в том, что все они подходили по отдельности, но вместе не сочетались, а порой и противоречили друг другу, никак не складывалась общая картина Дашиной болезни. А на каждый его вопрос у нее были такие объяснения, что реальность для Слона искажалась, расслаивалась, раздвигалась еще сильнее. Все становилось не так, как он привык, как он прочитал, как говорили все вокруг. Конечно, она была безумна, но он уже не мог отлипнуть, ничто не было для него теперь настолько наполнено жизнью, как тихая книжная Даша. Ее красное платье (истероидные черты, кстати, записал себе Слон) – то, из-за чего все вокруг казалось ярче. Он еще анализировал, еще заносил мысли в черновик диссертации, но куда чаще просто был рядом.

Ему не нравилось, что она исчезала в неизвестном направлении. Раз! – и нет ее, будто вообще не было. Он даже украдкой снимал ее на телефон, сам над собой посмеивался, но снимал, чтобы убедиться: она есть. Потому что уследить, куда она исчезала, ему не удавалось. Он заходил за Дашей в аудиторию после пар, но оказывалось, что ее там нет. Он искал библиотеку, ту, маленькую, в которую в первый раз ускользнула Даша, но не находил. На каком же она была этаже? Он метался по этажам, спрашивал,

его отсылали в главную, здоровенную библиотеку на первом. Он бежал к Даше домой, ведь помнил же: они свернули тут, а потом было дерево, прямо из тротуара росло, или нет, разве так бывает? Еще ему казалось, что они шли пешком, а в другой день он вспоминал, как они ехали на автобусе в толчее, Даша прижималась к нему, тугая, телесная, в красном платье, и он терял голову.

Он хотел бы знать, кто еще ее видит. Быть может, она существует лишь в его воображении. Слон следил. Но все, что он смог выследить, – старушку в шляпке. Они с Дашей то болтали на лавочке, то гуляли по улице под ручку, но ни разу он не видел ее с ровесниками. Как оказалось, это не Дашина бабушка, это вообще была совершенно ничейная бабуля, бывший главред некоего издания, и Даша гуляла с ней не по-родственному, а потому что ей было интересно.

– У тебя в друзьях старушка, это ненормально, – не удержался Слон.

– Отчего ж? – удивилась Даша. – Она отличный друг. Рядом с ней жизнь кажется в два раза длиннее: ее жизнь прошедшая и моя будущая.

– Вы не можете вместе сходить в клуб, прошвырнуться по магазинам, посплетничать о парнях, никакая это не дружба. Что там может быть интересного? Ты прямо вся такая жертвенная, думаешь: скрашу старушке последние годы жизни, ведь про нее забыли дети и внуки. Или типа того. Ты для себя поживи! – кипятился Слон.

– Хоть бы и так, что плохого? – нервничала Даша, отвечала невпопад. – Вы, психологи, великие путаники. Жертвенность – высокое духовное качество, способность ради других принести себя в жертву – это красота и сила души. И если я немного поживу этим чувством, отчего же оно не жизнь? Вы сделали из жертвенности болезнь, симптом упадка. Как это у вас так получается, что сама жизнь у вас – болезнь? – Даша мерила шагами улицу, Слон сидел на лавке.

Слон не мог ее слушать. Перед ним маячила ее красота, туда-сюда, туда-сюда, и вводила его в гипнотический транс. Все, что она говорит, все хорошо. Пусть будет так. Он тянул к ней руки, но руки хватили воздух, а глаза улавливали движение чего-то прекрасного, изящного, так что внутри все ныло от тоски по этой недостижимой красоте. Тик-так, тик-так. Но он, как ни вглядывался в Дашу, разглядеть не мог. Где она?

Уже сильно потом, когда он снова искал Дашу и не находил, принялся искать старушку в шляпке. Но и той нигде не было. Может, умерла.

68

В Университете за ними хмуро наблюдали студенты психфака. Они недоуменно переглядывались. Они нутром чуяли, что теряют Слона, их путеводную звезду в мире головокружительного успеха, и винили во всем Дашу. Спроси их об этом, они бы бросили безразлично: «Ой, да нам нет дела».

Они говорили Слону:

– Как твой эксперимент, дружище?

А он отмахивался и уходил с Дашей по коридору мимо дверей лекционных залов, мимо дверей, ведущих к психологии. Коридор со студентами психфака уходил в туманы, где-то далеко раздавались их разгневанные голоса.

ДЕЙСТВИЕ 5. КОРНИ БУДУЩЕГО В ПРОШЛОМ

Ему все чаще стал чудиться пустой коридор.

Вот идет к нему Даша по Университету в красном платье со стопкой книг в руках. А за ее спиной коридор. Не тот, что сейчас со студентами и движением, криками и толкотней, а иной. В нем из окон льется свет, а в свете – пылинки, и веет тишиной. И от этой тишины в Слоне становится тяжелой душа, будто весит она несколько килограммов, но раньше ведь не было никакой души, откуда она в нем взялась? Он вглядывается в коридор за Дашиной спиной, но нет ничего, Даша смотрит на него и говорит. И надо расслышать, что говорит ему Даша, а расслышать никак не удается, вокруг шум, а Даша тихая.

После занятий она несла бумажный пакет с книгами. Снова книги, всегда книги. Пакет порвался, книги высыпались на дорогу, а Даша растерялась и смотрела, как они распластались на асфальте, словно птицы по небу. Слон наблюдал издали, ничего не происходило. Он покачал головой, подошел, собрал книги в рюкзак.

– Пошли донесу. Показывай, куда.

Даша повела. Жила она неподалеку, в центре, в доме, похожем на музей. У квартиры она помешкала, впускать его или нет. Впустила.

Слон поморщился. Квартира была старой, пахло старым домом, такой запах въедается в стены, потолок, пол, а пол здесь был паркетный советских времен. Да и мебель оттуда же, из забытого, безжалостно изгнанного прошлого. Слон оглядывался, всматривался. Его поразила странная мысль. Им внушали, что то прошлое,

о котором нельзя говорить, о котором шептать надо с чувством вины и стыда, – убогое, без индивидуальности. А оно было красивым. Бросилась в глаза этажерка с резными ножками, массивное трюмо, чуть потрескавшийся лак на его поверхности. И все же пахло старым. Цепляться за старье, что же у нее в голове?

– Проходи, я чай сделаю. Или, быть может, ты хочешь кофе? – Даша спрашивала уже из кухни.

Слон разувался. Его раздражила квартира, он же пришел к красивой девушке, а не старушке. Запах въедался в него, что-то делал с его сознанием, утяжеляя ощущениями, призрачными образами. Мелькнувшая мысль о красоте прошлого забылась. Зачем же ей это старье? Не в нем ли секрет ее ненормальности? Старушки, мебель-развалюшка, пыльные книги.

– Зачем ты все это хранишь? Давно пора сделать ремонт, перекрасить все в белый, или типа лофт, или какой-то яркий цвет, купить современную мебель... – Слон уселся за стол, Даша поставила перед ним чашку с чаем.

Даша посмотрела на свою квартиру. Замечать? Она видела прабабушку, протирающую пыль на стеклянных полках шкафа, и деда, усаживающегося с газетой в кресло-качалку, она видела маму и папу, сидящих рядышком с книгами на том диване.

Слон внезапно увидел все это древнее, пропахшее прошлым, глазами Даши. На мгновение. На большее его не хватало. Но этого было достаточно, чтобы понять: зачем покупать новое, собирающееся, как конструктор, облезающее через год, еще быстрее расшатывающееся, когда старое, добротное (да, чуть стерся лак, и хорошо бы винты на стульях докрутить) живет, стоит, и оно красивое?

Он сделал глоток чая, и у чая был вкус. Слон его ощутил, почему-то вспомнил о маме, вспомнил, как прибежал домой разгоряченный – играли в казаков-разбойников, а мама ставила перед ним тарелку манной каши, кусок хлеба с маслом и кружку с чаем. Таким же чаем, как сейчас.

Слон оглянулся и вдруг понял: это же антиквариат. Здесь мебель стоит дороже, чем если бы она сделала ремонт и купила все, что он ей тут насоветовал. Даша живет в музее.

У нее есть хотя бы это ее затхлое прошлое – про семью, про эпоху, про страну. У нее чай со вкусом воспоминаний. А у него нет ничего. Даже старые альбомы с фотографиями выкинул.

За Дашиной спиной стояла история, и она была ее продолжателем, ее венцом. За его спиной – только дым, туман, пустота.

– Все-таки ненормально так цепляться за прошлое, – упрямо пробасил Слон.

Он-то думал о будущем, о роскоши вещей. Он говорил словами, которыми говорили все: я хочу быть легким, не привязываться ни к чему, я хочу быть готовым сорваться в новую жизнь, в новую страну.

Даша погладила Слона по волосам, клюнула в макушку, сказала:

– Мне просто хочется, чтобы все, что есть вокруг материального, имело хоть какое-то значение, не было бы настолько бездушным. Чтобы хоть что-то напоминало о текучести жизни и о ее конце.

Слон понял. Все вокруг Даши было наполнено жизнью, все словно имело в себе душу, даже шкаф, даже пол, даже фарфоровая чашка. Все вокруг нее было ею одушевлено. Все вокруг Даши было одушевлено.

Потом пошел снег, это был специальный неожиданный осенний снег. Он падал белой тишиной на волосы, не покрытые шапками, на тонкие, не приспособленные к холодам пальто, таял на удивленных лицах. Люди спрашивали: «Снег? Так рано? Как же так?» Снег падал для того, чтобы напомнить людям, что они не знают, что будет завтра, что их планы меняет нечто, им неподвластное.

Планы Слона рухнули. Он забросил опросник, который заготовил для Даши. Он забросил эксперимент. У него возникло смутное чувство, что если и разглядывать психов под лупой, то первым на очереди будет он сам. Все, что он изучал, все мысли, которыми он привык пользоваться для жизни, – все это перестало иметь ценность, расплылось в голове клочками тумана. Однокурсники стали казаться куклами: как заведенные, они повторяли мысли, которые в них вложили. Информационные бури больше Слона не тревожили, он перестал жить в потоке новостей. Он смотрел в Дашины глаза, он целовал ее пальцы, испачканные чернилами, а Даша читала свои рукописи, и на каждой странице был он. Себя на Дашиных страницах Слон не узнавал, сердился, что не его она с таким тщанием выписывает, словно ласкает ручкой бумажные черты неведомого Слона. Даша отвечала: «Это все ты, ты себя не знаешь, не видишь с изнан-

ки». Слон прислушивался и вчитывался, узнавал себя.

Психология (он вспомнил, что это наука о душе) теперь казалась ему попыткой объяснить то, что объяснить нельзя, только почувствовать, только прожить. Как это делала Даша. Он хотел видеть мир, хотел заболеть, как она, но не мог. Он все чаще видел пустой коридор, порой улавливал тишину и замирал на мгновение, ему казалось, что тишина вливается в него, делает полным. Ему хотелось туда попасть, но он не мог.

– Ты видишь его, да? – улыбалась Даша, тормозила задумчивого, полного тишиной Слона. – Коридор?

– Как мне туда попасть?

– Ну, просто так не сменить реальности, нужен сильный толчок. Жертва или смерть. Маленькая такая смерть, временная, конечно, – смеялась Даша, а Слон покрывался мурашками. Она говорила страшное, но смеялась. Это было ужасно, это было похоже на его сны, на холодный мерзкий пот по ночам. – Я сменила реальность, потому что... – шептала она ему теплыми словами в шею, прижималась телом, Слон таял, он все понимал, ему больше не нужно было слов. Он видел невидимых курьеров, и Даша не договаривала то важное, алое, ненасытное, что он теперь тоже знал.

В Университете студенты психфака переглядывались, шептались, тянули Слона за рубашку.

– Слон, ты не можешь плевать на нас. Что же ты делаешь, Слон? – спрашивали они. – Ты своим поведением говоришь, что наша реальность не важна, что она призрачна. Тебе не важна карьера, тебе не важен диплом, тебе не важны наше мнение и смех. Нельзя так, Слон. Нельзя на нас плевать, мы такого не любим.

Толпа больше не замирала перед Дашей и ее красотой, толпа угрожающе гудела, толпу больше не раздирали противоречивые инстинкты – остался только один. И Даша пряталась в тени. Только тень стала ей укрытием, ведь в пустой коридор вернуться она никак не могла.

ДЕЙСТВИЕ 6. ЛЮБОВЬ

Они шли по коридору – Даша и Слон.

А впереди шумела толпа. Даша почуяла: толпа разгневана. Толпа надвигалась на них серой громовой тучей, сверкала молнией.

Даша испугалась, прижалась к Слону, огром-

ному, сильному, а он обнял ее за плечи, приглушил страх.

Толпа шагала им навстречу, стук ее шагов был похож на бой барабанов.

Гроза, барабаны. Молния, барабаны.

Реальность раздвоилась. Даша и Слоны увидели: вот один коридор, по нему надвигается толпа, грохочет, бьется от стены страх. Вот другой коридор. Там за окнами вечер, стекают по стеклам струи дождя, на полу тени-окна, по ним чернильные струи. Здесь беззвучие. Здесь вневременье.

Даша вдохнула тишины полной грудью. Ей уже не вернуться туда, она стала слишком тяжелой, слишком наполненной миром – Слоном. Двоим им не спрятаться там: у толпы инстинкты, нюх, они выследят. Они ведь всегда хотели ее, а она их так боялась. Толпа близилась, но их голосов Даша почти не слышала.

Она посмотрела на Слона, когда-то шумного и пустого, ныне полного тишиной, ласково улыбнулась. Он понял улыбку – прощание, дернулся было за Дашей, но она толкнула его в грудь, и он отлетел туда, куда так долго стремился. Уши его словно заложило ватой, внутри расплзался туманом покой, он увидел чернильный дождь по окнам, нарисованным на полу, он видел, как толпа подхватила, смяла Дашу. Слоны кричали, объясняли, бился о стекло между двух коридоров – его не слышали. Он смотрел, как исчезала за их спинами Даша. А потом они разошлись. На полу остался красный обрывок Дашиного платья.

Руки его оттягивала тяжесть – стопка книг. На обложке стояло Дашино имя. Он глянул остальные книги: все они ею написанные. И он пошел по пустому коридору в полной тишине со стопкой книг.



Сергей
ХАРЦЫЗОВ

КАЧАЕТ НАШУ ЛЮЛЬКУ ГОСПОДЬ...

ПОЧТИ ОДА

*Про мою азиатскую родину
мне б черкнуть пару строф невзначай.
Где душистую сажают смородину
лишь затем, чтоб заваривать в чай,*

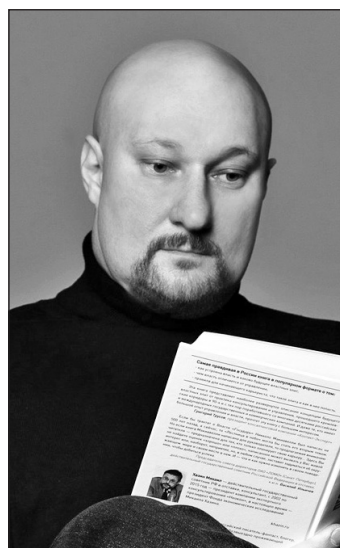
*где растенья в жару поливаются
в две зари, а иначе – хана,
где бубнивые свадьбы играют
в чайханах...*

*Славна будь, золотая Узбекия,
ветра в парус тебе, солнца в грудь!
Даже в этом трагическом беге я
не сумею себя обмануть:*

*я люблю вас, страна помидорная
и верблюжьеколючковый край,
где рождён я травинкою сорною
просто так... невзначай... чтобы в чай...*

*Не брани нас, случайная Родина,
злой неправдой наш след не кропи.
Мы – лишь сажены руской смородины
в азиатской степи.*

*Как хорошо, до света выйдя,
промяться бóсовью подошв!*



*Я нынче в вещем сне увидел,
как ты меня переживёшь.*

*А ты сегодня встала рано.
Зачем так рано ты встаёшь?
Как удивительно и странно,
что ты меня переживёшь!*

*Поди умойся той водицей,
что я принёс из дальних роц.
Прости меня, что так случится,
что ты меня переживёшь.*

*Давай spoём, как прежде пели,
я так люблю, как ты поёшь
про сад, где яблоки поспели,
где ты меня переживёшь.*

*Где всё могло бы быть иначе,
как никогда не может быть.
Не плачь, покуда ты не плачешь,
я буду жить, я буду жить.*

*Стихи не надобно писать,
они должны внезапно сами
из ниоткуда прилетать
уже готовыми стихами.*

72

ХАРЦЫЗОВ Сергей Александрович – политический журналист. Родился и вырос в Узбекистане. Русский по обеим линиям. В 1997 году переехал в Кемерово, поступил в Институт культуры. Занимался в «Мастерской АЗ», работал помощником главного редактора журнала «После 12». С 2001 года живёт и работает в Москве.

Чтобы, сорвавшись в тишине
с высот заоблачных скрижалей,
вослед мурашкам по спине
слова безумные бежали.

Чтобы рука в восторге на
бумагу их переводила,
и чтоб в молчании страна
вокруг на цыпочках ходила.

Все поэты – ерундовые люди:
занимаются всю жизнь чем попало
и хотят, чтоб им за это на блюде
подносили бы почёт и хлеб-сало.

Гнать их надо, болтунов, дармоедов,
оседлавших наши шеи и плечи!
Наплодили, понимаешь, поэтов,
потому и жрать, товарищи, неча!

Вот в Китае – там с поэтами строго:
знай – рифмуй Мао Цзедуна заветы...
А у нас всю жизнь писателей много,
а порядка настоящего – нету.

А у нас всю жизнь то пень, то колода,
то мы дух обожествляем, то плоть...
Но дрожит над нами Матерь-Природа,
и качает нашу люльку Господь.

БЕЛЫМ ЭМИГРАНТАМ

Когда Невой поплыл ковчег
пилота Лота или Ноя,
в России выпал первый снег,
как что-то тёплое, родное.

И вы, столпившись на корме,
всё вглядывались в даль слепую,

уже не радуясь зиме,
но будто Родину целую.

И был нелёзок и далёк
ваш путь в несбыточные дали...
А здесь, в России, умер Блок
и Гумилёва расстреляли.

Большое небо голубело.
Больные ноги затекли.
Мария сильно поседела
от пыли всех дорог земли.

Её ветра сторожевые
умоют дождичком косым.
– Уже Вы знаете, Мария?
На Пасху на кресте Ваш сын...

– Сынок мой жив, его терновым
не окорябали венком,
он снова маленький, и снова
бежит за мною босиком.

И если кто его увидит,
и если кто пойдёт за ним,
то непременно к людям выйдет
прославлен, цел и невредим!..

Глаза – как взорванное небо
в двух тёмных штолинах глазниц.
И люди ей выносят хлеба,
немного денег и яиц.

Она не может жить иначе –
и в пыльных травах и репях
всё ходит по земле и плачет
о всех убитых сыновьях.



**Андрей
НАЗАРОВ**

ПРЯМО И НА ВЗЛЁТ



ПОПРАВИМО

Заметно затянулся День сурка,
любой закат с рассвета подытожен,
и солнце осаждают облака.
Скажи мне, друг, на что они похожи?
Сперва они – бесформенный парад,
но стоит лишь немного присмотреться,
твои глаза в моменте различат,
как туча обретает форму сердца,
похожего, быть может, на твоё
(с той разницей, что где-нибудь
прольётся,
поскольку переполнено дождём).
Смотри ещё. Подсвеченная солнцем
улыбка в небе сложена из туч,
а рядом с ней, в сплошной неразберихе,
чуть приглядевшись, ты увидишь ключ.
Ещё чуть-чуть – и обнаружишь выход.
Так повелось, любые облака,
умеют трансформироваться плавно.
Ты, главное, глаза не опускай
и больше концентрируйся на главном.
Когда судьба бывает нелегка
и отчего-то дни проходят мимо,
взгляни на небо. Видишь? Там рука.
Ты не один. А значит – поправимо.

77

ФОТОГРАФИЯ

Детская площадка в конце нашей улицы
раскурочена и разобрана на металл.
И ни один ребёнок сюда не сунется.
Здесь никто никогда, наверное, не играл.

Вандалы сдались, немного не доломав её.
Оставили то, что не смогли унести.
Жизни тут нет. Это как фотография.
Задумка хорошая. Качество не ахти.

Картина одна. Грустная. Неизменная:
Стол облупившийся, обшарпанная скамья,
две опоры от горки, столбы качельные,
а вместо детей подрастает густой
бурьян.

Её не снесут. Ремонтировать некому.
Простоит в конце улицы до конца наших
дней.

Уродливый памятник чистому. Детскому.
Игровая площадка. Не видевшая детей.

АДРЕСАТЫ

У каждого написанного текста
неназванный всегда есть адресат.
И потому пусть те меня простят,
с кем я сейчас не рядом и не вместе.

Кому в моменты юности и детства
признания и сердце посвящал.
Я плохо разбирался в тех вещах,
ну а теперь... куда от них мне деться?

Простите все, чьи я увековечил
любимые когда-то имена
в своих стихах. Я верю, вы меня
когда-нибудь забудете. Вам легче.

Забудете... Ведь жизнь – она огромна!
Появятся другие женихи.
А мне мои останутся стихи,
и мне их перечитывать. И помнить.

ОТМЕНЯЯ ПОЕЗДА

Когда мы жили около вокзала,
я младшего водил на переезд.
И мы там часто вместе с ним считали
(до той поры, пока не надоест)
грузёные горбатые вагоны.
Шли поезда – верблюжий караван,
что съеден металлическим питоном,
и, если б не короткий интервал,
никто б не знал, что есть иные рейсы
(не только стовагонный товарняк,
что встал на нескончаемые рельсы
и всё не остановится никак).
Вагонов если б было в том товарном,
как брат мой их насчитывал, – тогда
один состав катался б регулярно,

другие отменяя поезда.
И если бы шлагбаум час за часом
не поднимали, чтобы отдохнуть –
галактику б товарник опоясал,
ведь Млечный путь – он тоже, в общем,
путь.

Смотрю на небо. Вечер. Едет поезд,
и фары ищут нужный поворот.
Я думаю: «К чему весь этот поиск,
когда ты можешь прямо
и на взлёт?»

ВОДОПАДОМ

С тобой тяжело. Тяжело.
Ты буря. Ты шторм. Ты море.
Ты будишь цунами. Ссорясь,
ты будешь идти напролом.

Со мной всё немного проще.
Я гордый. Я твердь. Я камень.
Я горы. Твоё цунами
напрасно меня полощет.

Вдвоём нам гораздо легче:
ты рушишь лихою речкой,
я всё привожу в порядок.

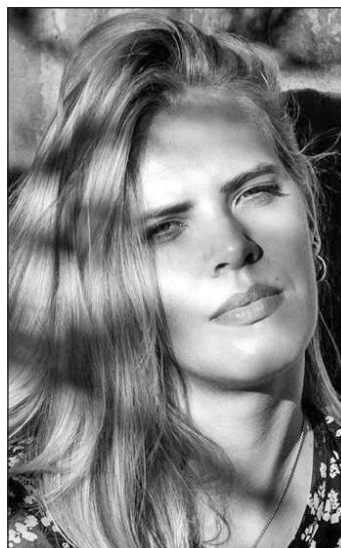
Ты мчишь по долине узкой,
я жду тебя резким спуском –
Становимся водопадом.



Яна
ОРЕХОВА

ПРОСТО ЖИТЬ

Пьеса



ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Артем – 35 лет, артист театра, участник СВО.

Николай Владимирович – 45 лет, глава семьи Журавлевых.

Данил – 16 лет, сын Николая Владимировича.

Жанна – 39 лет, жена Николая Владимировича.

Агриппина Станиславовна – 80 лет, домработница Журавлевых.

Катя – 34 года, жена Артема.

1.

Вечер 31 декабря. Квартира Журавлевых. Николай Владимирович сидит за столом. Из музыкальной колонки льются привычные новогодние хиты. Николай Владимирович невпопад подпевает отдельные слова. Бьет ложкой по столу.

Николай Владимирович. Жан! Жанна!

Тишина.

Николай Владимирович. Данил!

Тишина.

Николай Владимирович. Кто-нибудь вообще есть в этом доме?

Жанна. Что ты кричишь? У меня голова от тебя раскалывается! Выключи музыку.

Николай Владимирович. С Новым годом!

Николай Владимирович делает музыку громче.

Жанна подходит, выключает.

Жанна. У меня мигрень.

Николай Владимирович. Дать топор?

Жанна. Зачем?

Николай Владимирович. От головы. Говорят, помогает.

Жанна. Очень смешно.

Николай Владимирович. Мы, когда с дедом курей рубили, представляешь, им голову – раз! – а они дальше бегают, как одуревшие. Потом носишься по всему сараю, ловишь. Я так однажды на гвоздь наступил...

Жанна. Не поняла. Ты это к чему?

Николай Владимирович. В смысле?

Жанна. Ты меня с курицей сравнил?

Николай Владимирович. Нет.

Жанна. Я серьезно.

Николай Владимирович. Да нет же. Па-па-па-па, па-па-па-па! (Изображает курицу.) Да шучу я, шучу. Налей чего-нибудь?

Жанна. Нет. С тебя хватит уже. С Новым годом.

ОРЕХОВА Яна Эдуардовна родилась в г. Кемерово. Училась в КемГИК по направлению «режиссёр театральной студии». Выступила режиссером-постановщиком спектаклей: «Мой Цой», «Мой Есенин», «Пять стадий. Не молчи», «Белый стул» и др. Лауреат международного театрального фестиваля-конкурса «Рыжий клоун». Лауреат 1-й степени Международного театрального конкурса «Парад звёзд». Автор книги пьес «Мир, дружба и другие сказки». Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «Традиции и авангард» и альманахе «Образ». Член Союза писателей России. Живёт в г. Кемерово.

Жанна забирает графин со стола.

Жанна. И вообще, где Агриппина Станиславовна?

Николай Владимирович. Я ее отпустил. Новый год же.

Жанна. Что ты сделал?

Николай Владимирович. Я отпустил ее домой, праздновать Новый год.

Жанна. Прости, ты отпустил домработницу? И кто будет готовить праздничный ужин? Кто будет убирать за тобой этот балаган, который ты устроил?

Николай Владимирович. Ты.

Жанна. Нет уж, дорогой мой. Ты видел мой наряд? Я полдня потратила, чтобы так выглядеть.

Николай Владимирович. Как? Тебя только на елку вешать. Ты бы еще мишуру сверху напаяли. Или парик этот, из дождика. Это вообще что? Тебя можно вместо диско-шара вешать. Ну-ка, покрутись.

Жанна. Это пайетки.

Николай Владимирович. И кто их поел?

Жанна. Блестки. Или как тебе объяснить, чтобы понятнее было?

Николай Владимирович. Пайетки так пайетки. Выглядит чудовищно...

Жанна. Что?

Николай Владимирович. Чудовищно красиво. Я, кажется, даже ослеп. Ничего не вижу. Подай графинчик.

Жанна. Хватит с тебя. Ты к ребенку заходил? Он, между прочим, обижен.

Ходят вокруг стола, Николай Владимирович пытается забрать графин.

Николай Владимирович. Жан?

Жанна. Что?

Николай Владимирович. Ты, когда моргаешь, тоже темноту видишь?

Жанна. У тебя «белка»?

Николай Владимирович. Ну правда. Я, когда моргаю... Темно. Ты проверь!

Жанна. Не собираюсь я ничего проверять.

Николай Владимирович. Прямо совсем темно. Вот закрой глаза.

Жанна закрывает глаза. Николай Владимирович тянется к графину.

Жанна. Ты меня за дуру держишь? Я все слышу.

Николай Владимирович. А видишь?

Жанна. Так, все, хватит.

Убирает графин в шкаф.

Жанна. Ты заходил к Данилу?

Николай Владимирович. Так пусть выходит, общий праздник, все садятся за один стол. Хочет сидеть в комнате, пусть сидит.

Жанна. Он очень расстроился, что ты не пустил его отмечать Новый год с друзьями.

Николай Владимирович. Какие друзья, ему шестнадцать лет!

Жанна. Вот именно, ему шестнадцать лет.

Николай Владимирович. Я в шестнадцать лет еще с отцом деревянных солдатиков вырезал. Новый год отмечали все вместе, как положено. За одним столом. Да если бы я такое заявил, мне бы быстро рассказали, что да как!

Жанна. Где ты отмечал? В своей деревне? И как, нравилось?

Николай Владимирович. Да, в своей, как ты выразилась, деревне! Лучшее время в моей жизни.

Жанна. Ребенку друзья нужны. Он и так у нас как изгой. Из-за тебя, между прочим. То ему телефон слишком рано, то друзья его тебе по вкусу не пришлись. Поехали тогда в лес жить, молиться колесу. Будем еду добывать, лед топить. Вот это одухотворенная жизнь, да?

Звонок в дверь.

Жанна. Кого еще принесло?

Николай Владимирович. Деда Мороза.

Жанна. Я серьезно!

Николай Владимирович. Я тоже!

Жанна. Ты заказал Деда Мороза?

Николай Владимирович. Да, а что?

Жанна. Шестнадцатилетнему ребенку?

Николай Владимирович. Вот именно, ребенку!

Жанна. Ты с ума сошел? Ты точно не в себе! Скажи ему, что отменяешь заказ!

Николай Владимирович. Еще чего!

Стук в дверь. Жанна преграждает мужу путь.

Жанна. Я серьезно, Журавлев. Только через мой труп!

Николай Владимирович. Кажется, сигнализация шумит, слышишь?

Жанна. Где?

Николай Владимирович. В окно посмотри.

Жанна идет к окну.

Николай Владимирович. Здравствуй-те, проходите!
Жанна. Коля!

2.

Входит Артем. Он одет в костюм Деда Мороза.
Слегка растрепан.

Артем (безэмоционально). Хо-хо-хо. Я Дед Мороз – красный нос! Ждали меня? Я к вам пришел и подарочки принес. С Новым годом! Куда проходить?

Жанна. Никуда. Вы, верно, ошиблись адресом.

Николай Владимирович. Жанночка, как некрасиво! Дедушка Мороз верно пришел. А ты, похоже, в этом году не получишь подарков.

Жанна. Спасибо, мне твоих подарков в прошлом году хватило. (Артему.) Вы знаете, что он мне на прошлый Новый год подарил?

Николай Владимирович. А что? Я думал, хоть готовить начнешь. А нет, тебя не проймешь.

Артем. Я, наверное, пойду.

Николай Владимирович. Стоять. Куда же вы? Мы вас так долго ждали. Данил в комнате. Проходите.

Жанна. Может, вы хоть обувь снимете?

Николай Владимирович. Валенки он должен снять?

Жанна. А что? У нас вообще-то квартира, а не сарай.

Николай Владимирович. Ты опять начинаешь намекать?!

Артем. Я сниму.

Артем снимает валенки, остается в костюме Деда Мороза и в носках.

Николай Владимирович. Ну, и что это?

Жанна. Носки.

Артем. Мне туда?

Жанна. Нет.

Николай Владимирович. Да! Зовут – Данил! (Жанне.) Пошли давай, елка.

Жанна. Ты неисправим!

Николай Владимирович. Нормально все будет. Куда ты дела графин?

Жанна. Коля!

Артем заходит в комнату. За столом сидит Даня в наушниках. Не обращая внимания на Артема, что-то пишет в телефоне.

Артем (безэмоционально). Хо-хо-хо. Я Дед Мороз – красный нос! Ждал меня? А я тебе подарочки принес!

Тишина.

Артем. Письмо писал? Давай посмотрим, что там тебе дедушка приготовил?

Данил. Прикроешь меня?

Артем. Дедушка старенький, плохо слышит. Что говоришь, внучек?

Данил. Прикрой меня, говорю. Только громче говори эту чушь свою. А я через окно мигом выскользну. Скажешь им, что я от радости аж переутомился и спать бахнул. Типа, я попросил мне сказкичитать. Придумаешь что-нибудь. И все, отрубило. Не заходите до утра, дайте эмоции ребенку переработать. Вот, держи.

Кладет на стол 5 тысяч рублей.

Артем. Не, пацан. Это ты плохо придумал. Свои бумажки себе оставь. Вставай давай на стульчик, рассказывай стишок. Я вручаю подарок и иду спокойно домой. У меня последняя квартира, давай по-хорошему.

Данил. Понятно.

Параллельно Данилу на телефон приходят сообщения. Он кладет сверху еще 5 тысяч.

Данил. А так, Дедушка Мороз, борода из ваты?

Артем (громко). Хочешь, чтобы родители твой стишок послушали?

Данил бросается к Артему.

Данил. Тихо! Ты че, совсем?

Артем. Давай, внучек. Стих, подарок, я пошел!

Данил. Мне правда надо. Меня девчонка ждет. Может, единственный раз такой выпал. Друзья тоже. Я тебя прошу, ну правда. Очень надо!

Артем. Стих!

Данил. Да че ты заладил? Ты Дедушка Мороз или кто? Тебе отец заплатил, вот и исполняй мои желания.

Артем. Слышь, пацан, последний раз говорю: стих, подарок, и я ушел.

Данил. Стих, значит?

Артем (громко). Давай, внучек, расскажи дедушке стихотворение.

Данил показательно встает на стул. Декламирует стих.

Данил. Села муха на варенье, вот и все стихотворенье!.. А, подожди, у меня и бенгальский огонь есть! *(Достает, зажигает.)* У меня еще одно стихотворение для тебя! Здравствуй, Дедушка Мороз, борода из ваты! Ты подарки нам принес... – а дальше ты знаешь. Ну, как? Где мой подарок?

Артем смотрит на бенгальский огонь. Все вокруг кружится. Артем хватается за голову. Гаснет свет.

Флешбэк

Папа как-то молнию ловил. Была гроза низко. Молнии шарашат. Я был рядом. Стоим на лоджии, а он кричит: «Бейте в меня!»

Если человек выпивает, его личность меняется... Как альтер-эго просыпается. Просыпается все то, что подавляют или не вспоминают. Все вот эти травмы вылазят, и просыпается совершенно другой человек. Так-то он в жизни прекрасный, добрый, но есть и другая сторона. Моральный террор, слезы, агрессия. Качели. Непокойно. И постоянное чувство вины. Он больше молчал, чем говорил. Единственное, что он рассказал, после чего для него все изменилось. Они с товарищами как-то зашли пещеры заминировать. Отходят и вдруг видят, что туда возвращаются женщины и дети. То есть понятно. Понятно, что ты сделал! Получается, теперь ты убийца. Можно ли простить себе такие вещи? Это разъедает.

Я бы не хотел повторить такую участь...

Данил. Ау! С тобой все хорошо? Ты слышишь меня?

Машет рукой перед лицом Артема.

Данил. Ау? Вставай давай, а то родаки сейчас зайдут!

Артем. Все хорошо, хватит культяпкой махать. Все нормально! Жарко просто.

Данил. А я думал, что тебе от моего исполнения так хорошо стало. Точно нормально все?

Артем. Да говорю же! Окно открой лучше! Жанна (из-за двери). У вас все хорошо?

Данил быстро прячет телефон в карман.

Артем. Хо-хо-хо. Отличный стишок!

Данил. Спасибо... Тебя как зовут-то?

Артем. Артем.

Данил. Меня – Данил!

Артем. Да я уже понял.

Данилу на телефон приходят сообщения.

Артем. Девчонка?

Данил. Да не, друзья. Она бы мне никогда не написала. Просто она там будет, и все. Шанс типа. Подумала бы, что я не просто ботан какой-то. Да все там будут... Кроме меня.

Данил залезает на подоконник.

Данил. Я все равно сбегу сегодня. Ты вручай там свой подарок и иди. Разберемся.

Артем садится рядом.

Артем. Сколько времени?

Данил. Восемь доходит. А что?

Артем. Да ничего. Все нормально... Знаешь, у меня с родителями тоже отношения не ладились...

Данил. Решил психологом подработать? В советах не нуждаюсь.

Артем. Как знаешь. Тогда пора мне. Тебя тем более там ждет праздничный стол, родители, «Песня года» и...

Артем и Данил отвлекаются на шум за дверью.

Артем. Ну, так что, подарок?

Лезет в мешок.

Данил. Так и че с родителями-то?

Артем. Проехали уже.

Данил. Начинается. Начал уже – рассказывай.

Артем. Да просто я к тому, что можно не лезть в окно, а поговорить, например.

Данил. Ага, ты со своим говорил?

Артем *(смеется)*. Он бывший военный. Как-то, знаешь, особенно не поразглагольствуешь. Не принято было.

Данил. Да толку с ними говорить. Все время одно и то же. Как будто мне пять лет. Туда не ходи, это не делай. Что бы я ни говорил, ответ один.

Артем. Может, они просто переживают?

Данил. Ты в это веришь?

Артем. Ну, я бы переживал.

Данил. А у тебя есть дети?

Артем. Да, есть.

Данил. Серьезно? Ты их тоже заставляешь стихи на стульчике читать?

Артем. Нет, мой и без уговоров расскажет. С самого детства такое исполняет. Звезда любого праздника. Все бабушки плачут навзрыд и покупают все, что внук попросит.

Данил. Лайфхак. Может, надо было просто стих рассказать?

Артем. Не знаю. Попробуй.

Данил. А сейчас ему сколько?

Артем. Восемь.

Данил. И что? Ты бы пустил его с друзьями Новый год отмечать?

Артем. В восемь лет – нет. Но и в шестнадцать не знаю. Когда отцом становишься, много страхов появляется. Очень страшно осознать, что твой ребенок вырос уже. Ты представь, вот он вчера на руках лежал, не мог без тебя и шагу ступить. А тут такое. А время – раз! – и прошло. Глазом не успел моргнуть.

Из-за двери доносится шум.

Артем. Они там ругаются, что ли?

Данил. Да не, праздновать, наверное, начали. Ой, звучит это все клево, конечно. Но по факту очень трудно верится, что он о таком думает. Мне кажется, он просто хочет создать видимость, что все под его контролем. Потому что иначе получается, что отец из него так себе.

Артем. А как быть хорошим?

Данил. В смысле?

Артем. Ну, как быть хорошим отцом? Хороший отец! Ну, чтобы медаль «Лучший папа» на широкой красной ленте, слезы счастья на глазах, статья в газете. Это как?

Данил. Я откуда знаю? У меня детей нет.

Артем. И я не знаю... Может, и он не знает. Никто не знает.

Данил. А что детей тогда заводить, раз не знаете?

Артем. Знаешь, что вспомнил? Как рыбачил с отцом. Постоянно на рыбалку вместе ходили. Сидим, ниче не клюет. А если и клюет... Маме притащим этих десятка карасей несчастных, она полдня расхлебывает... Хорошо было.

Данил. О чем говорили?

Артем. Ни о чем. Молчали.

Молчат.

Опять доносится шум.

Артем. Может, все-таки проверим?

Данил. Да я тебе говорю: все нормально... Мы с отцом раньше из глины лепили.

Артем. И как?

Данил. Классно было. Он из деревни у меня. Там научился. Отец научил. Ну, лепили все подряд. Я даже какое-то место занял... Интересно было. Помню, как-то поставили глину запекаться и чуть полдома не сожгли. Вот мама ругала. Неделя еще квартиру проветривали.

Артем достает подарок.

Артем. Вот. Можешь больше не прятать. Не такой уж плохой батя у тебя, получается.

Данил. Телефон. Да ну?

Артем. Ну да. Причем довольно хороший для шестнадцати-то лет.

Данил. Офигеть. Серьезно? Это мне?

Артем. Иди, благодари отца. Ну, и я бы на твоём месте подумал насчет побега. Третий этаж все-таки. Не разобьёшься, но ноги сломаешь. А то, что ты тут из простыней навязал, Рапунцель... Так узлы не вяжутся, не смеши мою бабушку.

Данил. А ты что, лучше умеешь?

Артем. Да уж поди.

Данил. А где научился?

Звук сигнализации. Артем трет виски.

Артем. Чет гарью воняет.

Данил. И как-то тихо...

Артем. Ну-ка, пошли!

3.

Артем и Данил заходят в комнату. Пахнет горелым.

Жанна сидит за столом, на столе графин.

Данил. Мам, все хорошо?

Артем. У вас что-то сгорело, кажется?

Жанна. Жизнь моя сгорела.

Артем. Может, печку выключим?

Данил выключает печку.

Данил. Да что случилось-то? Где отец?

Жанна. Все. Нет отца.

Данил. В смысле – нет?

Артем смотрит в духовку.

Артем. Вроде курица.

Жанна. Вот именно! Это я курица. Что вообще за него замуж согласилась выйти? Отец еще: «Выходи за него, парень перспективный, работает». Тьфу!

Жанна достает бутылку шампанского. Открывает.

Артем закрывает глаза. Темно.

Флешбэк

Первый день. Грязь. Мокрый снег. Мне выдали оружие и поставили на точку посреди контрольно-наблюдательного пункта. Я закрепил пулемет. Нужно смотреть в небо! Если какие-то беспилотники – кричать или подавать сигналы! Тогда все бегут в бомбарь, а ты фигачишь по беспилоту, который, возможно, будет работать по тебе. Глаз не сомкнуть. Если не ты, то кто-то другой. Сам сдохнешь, и товарищей под плитку. Я ребенку обещал вернуться! Такая дрожь берет. Подумать тошно... Вот так стоишь, небо черное.

А потом – раз! – огонек вылез. Ты из всех сил: бах, бах, бах! Да что такое? Кто успел до убежища добежать, кто попадал прям тут, друг на друга, как куски мяса. А это звезды были! Звезды... Пацаны, желание загадывайте...

Данил. Вы мне объясните, что здесь происходит?

Артем. Мне пора идти.

Жанна. Давайте, конечно. Сегодня все из этого дома куда-то уходят. (Данилу.) Может, и ты куда-то собираешься? Я здесь одна как-нибудь. Чудесного Нового года!

Делает глоток из бутылки. Захлебывается пеной. Данил беспомощно смотрит на Артема. Артем подходит, легонько стучит Жанну по спине.

Артем. Вы можете объяснить, что произошло?

Жанна (сквозь кашель). Нет.

Данил. Почему?

Жанна. Потому что я не могу дышать.

Артем. Так кто пьет шампанское из бутылки?

Жанна. Откуда я знала?

Данил. Воды, может?

Артем. Давай, неси уже.

Жанна пьет воду. Все молча ждут.

Данил. Ну?

Жанна. Да подождите вы! Я чуть не умерла. Я могу отдышаться?

Артем садится за стол.

Артем. Так куда делся... (Данилу.) Как его?

Данил. Папа.

Жанна. Николай Владимирович.

Артем. Хорошо. Николай Владимирович.

Жанна. Он ушел.

Артем. Без вещей?

Жанна. В смысле?

Артем. Ну, ушел совсем или вышел просто?

Жанна. Что за глупые вопросы? Конечно, совсем. (Начинает плакать.)

Артем садится за стол.

Жанна. Вам плохо? Вы бледный какой-то. Данил, принеси воды.

Данил. Бред какой-то!

Жанна. Может, шампанского?

Артем. У меня все хорошо!

Данил. Короче, я пошел к отцу.

Жанна. Не получится, он нас закрыл.

Артем. В смысле?

Жанна. В прямом. Чтобы мы никуда не выходили. Потому что я сказала, что уйду из семьи.

Артем. Так он ушел или вы?

Жанна. Он, а хотела я.

Данил. Мама?

Жанна. Что – мама? Я устала! Просто надоело уже. Я что ему – домработница какая-то? Я, между прочим, в театре могла играть. А не вот это вот все! Я вон и платье, и то, и се. А он! Дальше графина своего... Говорит, сельдь под шубой сделай. А знаете, чего стоит отмыть от рук селедку? Селедку!

Данил. В смысле: «закрыв дверь»?

Данил уходит.

Артем. Походу, все-таки связанные простыни – неплохой план.

Жанна. Что?

Артем. Ничего. Ну, и что в вашей жизни не так?

Жанна. Да все так... вроде.

Артем. Сын у вас хороший.

Жанна. Да...

Артем. Дома очень уютно.

Жанна. Спасибо.

Артем. Так что вы плачете?

Жанна. Коля ушел.

Артем. И Колю своего вы, походу, любите.

Артем снимает бороду, шапку.

Артем. Извините, очень жарко. Не знаю... Не понимаю. Когда для тебя до недавнего времени самое большое счастье – помыться, поспать да без обуви посидеть. Странно это все. Как будто другой мир. Так и хочется глаза открыть и проснуться. Голова кувырком. У вас есть что-нибудь от головы?

Жанна. Топор?

Артем. Шутка?

Жанна. Ага. Цитрамон подойдет?

Артем. Подойдет.

Жанна. Вы бездомный?

Артем. В смысле? Почему такой вопрос?

Жанна. Не знаю. Просто «помыться», «поспать»... Больно уж сходится.

Артем. Спасибо!

Жанна. Просто предположила. Военный?

Артем. Участник боевых действий... Спасибо. Мне, пожалуй, пора.

Жанна. Я по взгляду поняла. Ага, ну и по рукам. Я вообще очень проницательная. Говорили даже, что от бабки дар унаследовала.

Ну, там вещие сны и все такое. А у вас взгляд такой холодный. Помню...

Данил возвращается.

Данил. Я все испробовал. Не открывается.

Артем. Так, спасибо...

Жанна. Представляешь, Дань, Дедушка Мороз наш – военный.

Артем. Участник боевых действий.

Данил. Seriously? Круто!

Артем. Ничего крутого.

Данил. У меня одноклассник реконструкцией занимается. Ну, настоящих боев, поняли? Вообще круто!

Артем. Игры – одно, война – другое.

Высовывается в окно.

Артем. Как там?

Данил. Что?

Артем. Отца зовут.

Жанна. Николай Владимирович.

Артем. Николай Владимирович! Николай Владимирович!

Жанна. Да ушел он уже.

Артем. А телефон?

Жанна. Звонила, выключен.

Артем. Служба спасения, соседи?

Жанна. Сегодня Новый год! Я позвонила домработнице, сейчас она придет.

Артем. Сколько времени?

Данил. Девять тридцать.

Жанна. Давайте чай пока согрею.

Данил. Ты людей убивал, да?

Молчат.

Артем. Да, возможно... Возможно, и нет. Не все так однозначно. Только если кого-то задело во время стрелкотни... Думаешь, откуда прилетит, и бьешь в ответ. В любой момент можешь потерять свою жизнь и остаться просто там навсегда. Это сложно объяснить. Да и зачем?

Жанна. То есть, убивали? Вы извините, просто не каждый день окажешься закрытым в квартире с...

Артем. С Дедом Морозом?

Жанна. Данил, попробуй-ка папе еще раз дозвониться.

Данил. А ты давно вернулся?

Артем. Нет, недавно. Несколько месяцев назад.

Жанна. Так недавно. Пьете?

Артем. Нет. Никогда не пил. Отец бывший военный. Насмотрелся в детстве, хватило. Я могу задавать вопросы в ответ, я так понимаю?

Жанна. Да, конечно. Данил, я тебя попросила.

Артем. Вы в театре работали?

Жанна. Да. Недолго. Отучилась на актрису. Год в театре, а потом семья – и закрутилось. Так в театр и не вернулась... А вы? Жалеете?

Артем. Жалею о чем?

Жанна. Ну, что занялись таким делом, например?

Артем. Сейчас играть все сложнее, но больше ничего делать не умею, к сожалению...

Жанна. Сложнее?

Артем. По здоровью.

Данил. Не понимаю. Так вы военный или актер?

Артем. Участник боевых действий. Одно другому не мешает, как оказалось.

Данил. Так... Как так-то?

Артем. Ну, вот так. Мобилизовали.

Данил. И сбежать не хотелось?

Артем. А куда бежать? Зачем бежать? От себя не убежишь. Как потом дальше-то с этим? Ведь в мою семью придут, постучатся. А защищать-то – кто? Нет. Я бы так не сделал. Я бы себе не простил. Но жить хочется, да.

Данил. Так и что? Ты говорил, у тебя сын есть! Он как?

Жанна. А это-то когда вы успели обсудить?

Данил. Ма, не мешай, а!

Артем. Пообещал ему вернуться. Через пару дней, максимум через неделю. Вот, через почти два года вернулся. Все время думал, какое же ужасное у него будет воспоминание обо мне, если что.

Выбивает пробки. Гаснет свет. Артем падает на пол.

Флешбэк

Первый обстрел. «Градами» обкладывают. Посередине КНП бугор, а под ним тот самый бомбарь, ну, бомбоубежище. Мы все туда залетаем, выбивает нахрен свет. Все! Везде! Полная темнота и примерно по колено воды. Конец февраля. И там человек 40, плечом к плечу. Шесть часов по колено в воде, в полной темноте. Куча людей, и по нам бьют. Иду по ступенькам, выглядываю. Выходы! Снова иду. Раз, два. Выходы! Стоим. Дым. Кто-то закуривает. Воздуха и так мало. Все на пределе. Какой-то чувак решил позвонить. У нас телефоны забрали, даже кнопки. Все пеленгуется. «Слышь, друг, я не знаю, как здесь кто, а мое единственное желание – вернуться домой, к семье. А ты, если хочешь позвонить, выйди туда через забор и

* Здесь: выстрелы, звуки выхода снарядов.

иди в сторону вражеских. Если не веришь! Пожалуйста! Только других не подставляй!»

...Темно. Глаза открыты или закрыты – не имеет разницы. Разговариваю с товарищем. Он мне вопросы задает, я отвечаю. Потом он спрашивает: «А что ты молчишь?» А я помню, что я ему ответил. Уснул просто-напросто, облокотился на что-то и уснул, а во сне продолжил с ним разговаривать. Реальность, безумие, нереальность и сон начали совмещаться в этом месте. Параллельно медики рассказывают, как накладывать шины, если тебе оторвало ногу. Мрачно все это...

Жанна. Похоже, пробки выбило!

Данил щелкает зажигалкой. Подсвечивает пространство. Упирается в домработницу, пугается.

Агриппина Станиславовна. А вы чего в темноте сидите?

4.

Жанна. Данил, откуда у тебя зажигалка?!

Агриппина Станиславовна. А это моя. Спасибо. Подсвети.

Данил. Зажигалку?

Агриппина Станиславовна. Телефон! Фонарик включи. Как в каменном веке, ей-богу. Может, еще свечу достать?

Данил. Так у меня в комнате!

Жанна. Я не знаю, где мой!

Агриппина Станиславовна (Артему). А вы чего разлеглись?

Артем. Телефон свой ищу.

Агриппина Станиславовна. Проводку чинить умеете?

Артем. Умею.

Агриппина Станиславовна. Так, пойдете смотреть!

Жанна. Агриппина Станиславовна, я так рада, что вы пришли.

Агриппина Станиславовна. Рады они. Конечно, рады. Так и знала, что у вас тут черт знает что.

Агриппина Станиславовна и Артем уходят.

Жанна. Ай, запнулась! Ничего не видно. Подсвети.

Данил. Так нечем.

Жанна. Это ты?

Данил. Я, я!

Жанна. Вот это Новый год!

Загорается свет.

Агриппина Станиславовна. Ну вот, делов-то. Настоящий Дедушка Мороз. Это вы так на «елочка зажгись» натренировались?

Артем. Ага, типа того.

Данил. Он просто военный.

Артем. Участник боевых действий. Это никак не связано.

Агриппина Станиславовна. Да вы что? Такой молодой. Где воевали?

Артем. СВО.

Агриппина Станиславовна. Ой-ой-ой. Вы голодный, наверное? Что встали-то все? Садитесь. Так и знала. Хорошо, с собой догадалась прихватить. На столе шаром покати.

Агриппина Станиславовна приносит огромные пакеты, выкладывает все на стол.

Артем. Давайте помогу?

Агриппина Станиславовна. Сядьте уже. Садитесь все.

Артем. Мне бы уже идти пора.

Агриппина Станиславовна. Поедите и пойдете. Не убудет. Садитесь-садитесь. Неужели я, женщина в возрасте, должна вас уговаривать? Садитесь. Данилка, доставай тарелки.

Жанна. Может, Дедушка Мороз торопится!

Агриппина Станиславовна. Ничего, от пяти минут не убудет. Садитесь. У меня тоже отец воевал... Да мало говорил об этом. Как спросишь, а он будто воды в рот набрал. Да мы особо и не задавались вопросами. Тяжелое время было. Хорошо, что ты вон целехонький, да вернулся. Бог отвел. Охраняет, значит, кто! Это хорошо. Папка там ноги оставил. Так с ними до самой смерти и прощался. Царствие небесное. Все переживал, что он нам в тягость упал. А мы его любили страшно. Какой в тягость, без папки расти в тягость! А когда есть он! Все хорошо было. И руки золотые, такие скульптуры из дерева делал. Батюшки, все соседи в очередь стояли. Вот такой мужик... Станислав Григоричем звали...

Артем. Был у меня тоже товарищ хороший... Станислав Григорич...

Данил. Расскажи!

Агриппина Станиславовна. Что за товарищ?

Артем. Ну, как – товарищ. Командир. Позывной Медведь. Постоянно как-то отличался. Вел нас как-то до КНП. Лес. Идем все окольными путями. Ходим-ходим. Уже напряжение такое стоит. Думаем, заблудились, а он дальше нас гонит. Все переглядываются, но молчат. Некоторые посмеиваются. Потом кто-то даже зацепиться с ним попытался, но его быстро осадил. Командир проверенный, не просто так его Медведем звали, лес знал, как дом родной. В итоге оказалось, что не просто так он нас кругами

водил. Один из товарищей психанул и в сторону двинул. Чуть не подорвался. Даже как-то стыдно стало. Он нас таким образом от мин спасал. Все живые вернулись. Вот такой товарищ.

Агриппина Станиславовна. За товарища?

Артем. Я...

Данил. Чаем. Вот, с лимоном и чабрецом.

Артем. Спасибо!

Жанна. Просто даже представить не могу. Артист, и вдруг на войне. Играть на сцене-то про войну тяжело, ну, это я по себе сужу, конечно. А уж оказаться...

Артем. Все быстро затягивается, как петля. И вот уже то, что казалось тяжелым, становится обычным. Все настолько привыкают. Обстрел, мины летят, пули свистят, а люди продолжают заниматься обычными вещами, спать, есть, разговаривать. Обычная жизнь.

Жанна. Вам бы книгу написать. Так интересно вы рассказываете. Большая редкость.

Агриппина Станиславовна. Я, кстати, писала когда-то! Даже пару книг изданных было.

Данил. Серьезно? Почему вы об этом не рассказывали?

Агриппина Станиславовна. Как не рассказывала-то? Тебе, оболтусу, все детство сказки рассказывала. Думал, я их на ходу сочиняю?

Данил. Так это ваши, что ли?

Жанна. Почти двадцать лет с нами живете, а мы ничего друг про друга не знаем.

Агриппина Станиславовна. Да что там. Сказки обычные. Давно это было, не упоминать уж. Вы себе салатика-то подкладываете, не поели ничего. И снимите вы уже эту шубу.

Артем снимает халат Деда Мороза.

Артем. Спасибо, жарковато.

Кто-то долбится в дверь.

Флешбэк

Холодно. Стоим в нескольких километрах от города. Снаряды летят. А что делаю я в этот момент? Просто стою и наблюдаю. Связи нет. К горлу подкатывает какой-то комок. Такое чувство, что у меня разорвется сердце. Чувство беспомощности. Ты ничего не можешь сделать, только наблюдать. Кто живет в этом городе? Не хотелось бы знать... Так только хуже. Все это какая-то петля. Она затягивается все туже и туже. Все стоят окаменевшие от чувства вины и страха. Ты словно камень, и вокруг камня. Я открываю глаза и закрываю вновь...

Агриппина Станиславовна. Господи, кого это принесло? Иду!

Заходит Николай Владимирович.

Жанна. Ну, и зачем ты нас закрыл?

Николай Владимирович. Чтобы вы никуда не ушли.

Жанна. А сам куда пошел?

Николай Владимирович. На кудыкину гору!

Жанна. Очень смешно!

Николай Владимирович. А нет? (Артему.) Вам не смешно?

Жанна. Ты выпил?

Николай Владимирович (дышит на Жанну). Не пил. Ездил.

Жанна. Куда? С кем?

Николай Владимирович (Артему). Поговорить надо!

Артем. Походу, я никогда не уйду.

Николай Владимирович. Очень надо.

Артем. Пойдемте.

Агриппина Станиславовна. Да мы оставим вас. (Всем.) Правда же?

Жанна. Мы не договорили!

Данил. Пойдем, мам.

Все кроме Артема и Владимира Николаевича уходят.

Николай Владимирович. В общем, у меня просьба есть. Вы можете мне подыграть? Ну, как положено! Чтобы ей понравилось. А то она, вы видели, женщина с характером.

Артем. Я и так очень у вас задержался. Честно говоря...

Николай Владимирович. За деньгами вопрос не станет. Я оплачу все ваши неудобства, все понимаю. Вы извините за этот новогодний сумбур. Чуть вспылел. На большое, так сказать...

Артем. Да... дело не в деньгах. На самом деле... Я не совсем понимаю. Я думал, надо просто поздравить пацана с Новым годом и вручить подарок.

Николай Владимирович. Так и есть. Но – непредвиденные обстоятельства. Я вас очень прошу. Я рад, что обратился именно к вам. Сами понимаете, подростки. Не знаешь, как к ним пристроиться. У вас дети есть?

Артем. Да, сын... Восемь лет. Но...

Николай Владимирович. Тогда вы как никто должны меня понимать. Теперь еще эта ссора. Не хотелось бы остаться без семьи в Новый год.

Артем. Понимаю.

Николай Владимирович. Дело буквально двадцати минут. Ничего сложного!

Артем. Что нужно делать?

Николай Владимирович. Я начну, вы подхватывайте. Она же актрисой мечтала стать. Ну, я и договорился там с одним товарищем. Скажу ей об этом, ну, только в праздничной форме.

Артем. Так, а мне-то что делать?

Николай Владимирович. Просто подхватывайте! Все, пойдемте.

Артем. Так...

Николай Владимирович. Да не волнуйтесь вы так!

Николай Владимирович подает костюм Артему, они уходят.

5.

Агриппина Станиславовна. Ну, наконец-то! Мы тут уже успели заскучать.

Жанна. Ну, кто как!

Николай Владимирович. Жанночка, милая. Очаровательное платье, правда. Выходи к нам!

Жанна. Зачем?

Николай Владимирович. Предлагаю тебе выполнить задания. А в конце тебя ждет подарок от Дедушки Мороза. Уверен, тебе он понравится.

Жанна. Сомнительно. Давай свое задание.

Николай Владимирович. Сначала...

А что нужно сделать сначала, Дедушка Мороз?

Артем. Ну, расскажите стишок.

Жанна. Стишок?

Николай Владимирович. Да, почему бы и нет. Ты же актриса, справишься, поди?

Жанна. Стишок, значит?

Николай Владимирович. Да.

Жанна. А где стул?

Николай Владимирович. Данил? Дай-ка маме стульчик.

Жанна стоит на месте.

Николай Владимирович. Итак, барабанная дробь! (Артему.) На, поддержи пока!

Дает Артему хлопушку.

Николай Владимирович. Ну же! Ты же хотела выступать! Данил, Агриппина Станиславовна, поддержите аплодисментами!

Все начинают хлопать.

Николай Владимирович. Просим, просим, просим!

Жанна. Ты издеваешься?

Николай Владимирович. В смысле? А что тут такого? Ты же хочешь подарок, дедушка хочет стихотворение. Да, дедушка?

Жанна. Да плевала я, что вы хотите. Не нужен мне твой подарок. Где ты был?

Николай Владимирович. Тут дети!

Агриппина Станиславовна. Может, чаю?

Жанна. Какие дети? Ему шестнадцать лет. Может, наконец-то заметишь? И перестанешь нам разыгрывать детский сад. На стульчик встань... Деда Мороза позвал... Ты в своем уме?

Николай Владимирович. А ты? Ты в своем уме? Нарядилась, как на «Голубой огонек». Лучше бы вон что-то полезное сделала.

Жанна. Полезное – это что? Борщ тебе сварить? Или в деревню уехать?

Данил. Все, короче. Я к друзьям.

Николай Владимирович. Стоять.

Агриппина Станиславовна. Да успокойтесь же вы.

Николай Владимирович. Никуда ты не пойдешь, я тебе уже сказал.

Жанна. Иди, сынок. Может, хоть там нормальные люди, нормально отмечают праздники. А не устраивают всем игры, чтобы хоть как-то выкрутиться и сделать несчастным не только себя, но и всех вокруг.

Данил. Понятно, короче.

Николай Владимирович. Стой, я сказал, это мое последнее слово!

Артем. Может, стоит...

Жанна. Это и мой сын, и я разрешаю ему идти! И я пойду! Я ухожу! Я собираю свои вещи!

Агриппина Станиславовна. Да что ж такое!

Николай Владимирович. Нет уж, дорогая моя. Поставь мамину вазу, я тебе сказал.

Жанна. Вот эту?

Николай Владимирович. Значит, так? Вот здесь это все у меня сидит!

Агриппина Станиславовна. Да положите вы на место вещи! Данил, иди сюда.

Артем взрывает хлопушку.

Флешбэк

Дежурства в критическом состоянии и боязнь покинуть пост. Солдат не прибавится, твои часы передадут и потихоньку убьют другого. Другого такого же невыносимо изможденного человека. Кажется, сердце все же решило меня покинуть...

Госпиталь. Было уже так невыносимо плохо, что я перестал замечать время... Последние дни выпали из головы. Вышел покурить. И тут такой оглушительный свист. Бах! Ровно в то место, где я только что занимал койко-место. Первая мысль: «Бейте в меня!»

...Как альтер-эго просыпается. Просыпается все то, что подавляют или не вспоминают. Все вот эти травмы вылазят, и просыпается совершенно другой человек. Так-то он в жизни прекрасный, добрый, но есть и другая сторона. Моральный террор, слезы, агрессия. Качели. Непокойно. И постоянное чувство вины. Можно ли простить себе такие вещи? Это разъедает.

Я не хочу повторять такую участь!
А что ты хочешь?
Просто жить...

Жанна что-то кричит, Николай Владимирович, не слушая ее, кричит в ответ. Оба собирают вещи по залу.

Артем. Да что с вами не так? Да вы... Вы же любите друг друга. Что вы все дурью маетесь? Вам не стыдно вообще? Он же смотрит на вас! (Показывает на Даню.) Потом будет полжизни думать, почему так да эдак. Вы ему сейчас нужны, а не потом когда-нибудь. Счастливые и ценящие то, что имеете. У меня родители – вот так и разошлись. Просто. Оттого, что поговорить нормально – это же не про нас. А потом мама сидела, колечко на каждую годовщину тряпочкой протирала и в коробочку обратно складывала. Потому что любит. Во как! А сынок от каждого вашего звонка будет шарахаться, потому что вы ему продыху не даете. Все давите и давите, давите и давите. Да оставьте вы уже его в покое! Своих шишек набьет. Все с ним хорошо будет. Друг друга испытываете. Потому что боитесь, боитесь жить! И другим не даете... Можно водички?

Агриппина Станиславовна. Да, конечно!

Дает Артему стакан воды, гладит по плечу.

Агриппина Станиславовна (тихо). Спасибо!

Во дворе раздаются звуки салюта.

Жанна. Салют! Новый год начался. Пойдемте, посмотрим?

Николай Владимирович. Ого, двенадцать уже. Точно. Давайте скорее!

Артем стоит в оцепенении.

Данил. Да пошли давай уже, пошли.

Тянет его за руки к окну.

Жанна. Как красиво! (Кричит в окно.) С Новым годом!

Данил (присоединяется). С Новым годом! Николай Владимирович. Дедушку пропустите! Кричи!

Артем (тихо). С Новым годом! Агриппина Станиславовна. Ну, что как неродной?

Николай Владимирович. Громче!

Артем. С Новым годом!

Мужской голос. И тебя, брат!

Удары салюта. Все смотрят в небо.

Артем. Как красиво.

Данил. Что?

Артем. Как красиво! Красиво, да? Обалдеть. Вот это да! (Трясет Данила за плечи.) Ты видишь, да? Вы видите это?

Артем закрывает и открывает глаза. И ничего не происходит. Только фейерверк. Только Новый год.

Агриппина Станиславовна. Всех приглашаю к столу. Я уже тут быстренько и салатики достала.

Артем. Мне пора! Мне нужно к семье. Я не успеваю поздравить их с Новым годом.

Жанна. Так вы позвоните им, мы их тоже поздравим!

Артем шарит по карманам.

Артем. Так, я ж его потерял. Куда же он делся-то?

Агриппина Станиславовна. Не он? Я на кухне подобрала.

Телефон Артема звонит. Он торопливо нажимает кнопки, включает громкую связь.

Катя. Тем, ты где? Мы тебя заждались уже! Мирон под елкой сидит, выходить не хочет!

Артем. Все хорошо! Я бегу, я лечу. Тебе тут привет передают!

Жанна. Здравствуйте! Поздравляем вас с Новым годом!

Все машут.

Николай Владимирович. У вас отличный Дед Мороз!

Катя. Спасибо! Мы его очень ждем, отправьте его к нам, пожалуйста. У нас тут уже северные олени выходят из-под контроля.

Данил. Доставка оформлена!

Все смеются.

Артем. Я побежал!

Николай Владимирович. Спасибо!

Артем выбегает.

Жанна (Николаю Владимировичу). Тебе салатику подложить?

Николай Владимирович. Спасибо! (Данилу.) Ты еще успеваешь к друзьям?

Данил. Да не. Завтра схожу. По поводу подарка, кстати. Не ожидал от тебя такого. Спасибо...

Николай Владимирович. О, точно, подарки! Я совсем забыл. (Достает конверт.) Вам же просили вручить!

Жанна. Мне?

Николай Владимирович. Да!

Жанна. Это что? (Читает.) Да ну, что удумал-то? Куда мне... Придумал тоже!

Николай Владимирович. Поучись, вспомнишь, а потом и на кастинг какой. А что? Ты у меня барышня красивая. В самой, так сказать, лучшей форме. А что стих-то не рассказала?

Жанна. Да я не вспомнила никакой.

Николай Владимирович. Дай поцелую, что ли, двоюродница.

Агриппина Станиславовна. Ну, тост. Все. С Новым годом! Ура-а-а-а!

Конец



Людмила ЯКОВЛЕВА

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ МОЙ ДЕД

(Документально-художественная история)

Самыми любимыми учебными предметами у меня были литература и история. Но и математику я тоже любила. По окончании средней школы в моем «аттестате зрелости» по всем разделам математики – алгебре, геометрии и тригонометрии – стояли твердые пятерки. Наш учитель Иосиф Борисович Рабинович настоятельно советовал мне поступать именно на физмат. Но «русачка» Клавдия Ивановна, погрозив мне пальцем, сказала: «Запомни, Людмила, только на филфак поступай! Смотри, не оплошай, чтобы потом локти не кусать». Я улыбнулась любимой учительнице, согласно кивнула. Ведь и сама мечтала об историко-филологическом факультете. И, без сомнения, поступила бы. Но документы подала в коммунально-строительный техникум, который первым попался мне на глаза по приезду в Томск. Почему? Да чтобы поскорее отучиться, получить любую (если уж не «литературную») профессию и начать самой зарабатывать деньги.

Брат Евгений тоже тем летом стал студентом. Помощи нам ждать было не от кого. Наша мама осталась в Колпашево, работала учетчиком тарного цеха при комбинате бытового обслуживания и получала жалкие гроши, на которые с горем пополам перебивалась с двумя малолетними младшими дочками. Родились те от второго недолговечного маминного брака. Но это отдельная история. А нам с братом предстояло во время студенческого периода жизни рассчитывать только на себя. В институте пришлось бы учиться пять лет. В техникуме же – вдвое меньше, всего два с половиной года. Логика предельно простая...

Шел тогда 1957 год. Последствия войны до сих пор ощущались. Жилось еще очень трудно. И дома – впроголодь, а что уж говорить о «чужбине»? Отца у нас, по существу, не было. Он бросил на произвол судьбы и нашу маму, и нас с братом в кон-

це войны, которую прошел с боями с сорок первого по сорок пятый год. Был на фронте командиром минометного дивизиона – трех батарей тех самых знаменитых «катюш». Воевал гвардии капитан героически, был трижды ранен, после госпиталей возвращался в свою часть. Удостоен многих боевых наград, достаточно сказать, что одних только медалей «За отвагу» у него было три! Но, как потом выяснилось, мой родитель «везде поспел», в том числе и на «фронте любовном». В мае сорок пятого, когда улеглось немного ликование, связанное с Великой Победой, когда трепетно ждали мы возвращения нашего дорогого воина домой, от него пришло маме страшное письмо:

«Вера, прости меня, если сможешь. Во всем виновата война. Если бы не она, все было бы по-другому. А эти четыре года, когда вокруг бесконечный грохот орудий, адский дым и огонь, кровь и тысячи смертей на твоих глазах, горы трупов – не только вражеских, но и своих друзей-товарищей, и бесконечные бои. И перед каждым из них – мысли, от которых никуда не деться: «Что будет завтра? Не последний ли это бой?» Прости, Вера. Я любил тебя, но это было в другой жизни, до Войны. Я встретил девушку, без которой не мыслю своего существования. К тому же она носит сейчас моего ребенка. Месяцев через пять я стану в третий раз отцом. Нашим детям, Евгению и Люсе, я буду помогать всегда, не беспокоясь на этот счет. Но нам с тобой надо срочно развестись. Моя Наташа нервничает по тому поводу, что нет у нее твердой уверенности в моих уверениях в любви к ней. А нервничать ей сейчас никак нельзя. Для ребенка вредно. Как видишь, на конверте обратным адресом значится город Москва. Наташа коренная москвичка. Мы уже находимся в Москве, пока в квартире ее родителей. Но после регистрации нашего с ней брака надеюсь добиться получения жилплощади на свое имя. Неужели я, прошедший всю войну, командир-орденоносец, не заслужил такой малости – хотя бы одной комнаты в московской коммуналке?! На этом свое письмо заканчиваю. Скоро нагряну в Тайгу. Хочу увидеть детей и тебя. Долгое время я так тосковал по своему дому, который когда-то построил мой дорогой отец. И по вам я тосковал тоже. Этого не забыть. Но так уж случилось. Извини. Михаил. 17 июня 1945 года».

В феврале 1957-го, когда я еще училась в десятом классе и мне исполнилось 18 лет, алименты на меня от отца приходиться перестали. После этого связь с ним оборвалась окончательно. Ни копейки не прислал он нам с братом за все время нашей учебы в Томске. Это было вторым его предательством по отношению к нам. Простить такого я не смогла, даже когда отца не стало (прожил он после войны еще 27 лет, похоронен в Москве).

Наша мама в сорок восьмом году второй раз вышла замуж – за человека, которого знала еще в юности по совместной работе в комсомоле на одном заводе. Мама возглавляла ячейку своего цеха, инструментального, а Андрей – своего. Потом они как-то потеряли друг друга из вида. Он был старше нашей мамы на шесть лет, раньше тоже имел другую семью, успел до тридцать седьмого, рокового для всей страны года, стать отцом двух сыновей. А в 1938-м «загребел» наш активист-комсомолец и передовик производства прямиком на Колыму, как тогда говорили, «по линии НКВД», а точнее – как «враг народа». В то время, наверное, чуть не четверть населения страны под такое определение попала.

Пятнадцать лет заключения в колымских лагерях (десять из них без права переписки) получил бедолага ни за что ни про что. Жена его очень скоро вышла замуж: молодая была, красивая. Но Андрей об этом не знал. Надеялся, что жена ждет его не дожидается. Ну и точно, не дождалась. Через десять лет отсидки разрешили, наконец, «врагу народа» писать родным письма. Первое он написал жене Татьяне. Второе, после выяснения отношений с ней, – нашей маме. Потом полгода длилась переписка двух этих несчастных, с поломанными судьбами людей. Как-то договорились, решили соединиться, создать семью. Пришел маме от Андрея Прома (фамилия у него была такая, латышская) вызов с разрешением на въезд в Колымский край. А еще – денежный перевод на сумму, какой маме, по ее словам, никогда в жизни не доводилось держать в руках. И поехали мы на край земли... Вскоре после регистрации брака с мамой Андрей Венедиктович привел нас в большой, красивый, только что построенный дом, в котором ему дали просторную трехкомнатную квартиру. Мы с братом Женей бегали по ней, радостно смеялись и поверить не могли, что нам теперь здесь жить!

Пром был к тому времени расконвоирован. То есть за хорошее поведение, высокие показатели в труде получил наш «зэк» положительную характеристику и большое послабление в отбывании наказания. Этот «расконвой» позволял ему определиться по своему усмотрению с жильем, а также вызвать родных «с материка». И даже – обзавестись новой семьей, что он и сделал. Но при этом выезд с Колымы был для него пока невозможен.

Работал Пром последние три года бригадиром золотодобытчиков на странной громадине – драге. «Откуда такое название?» – думала я. Потом догадалась: «А, понятно: «драга» – от слова «драгоценность»! От золота, которое намывала эта драга, без конца перелопачивая дно реки Берелех». Еще меня очень удивляло, что машина эта ползала почти всегда по одному и тому же небольшому участку

реки, а золото никак не кончалось. Сколько же его там? За день добыча драгметалла составляла, как говорил Пром, всего четыреста-семьсот граммов. Такая малость?

На Колыме мы прожили четыре года, учились с Женей в приисковой школе, в маленьких классах по восемь-десять учеников. Но зато – как дружны были ребята меж собой! С каким удовольствием выступали мы на сцене поселкового клуба, пели, азартно отплясывали под аккомпанемент еще одного расконвоированного, замечательного баяниста дяди Вани. И фамилия у него была не менее замечательная – Чайка.

Именно на Колыме посмотрели мы раз по пять все серии лучшего в мире, как казалось нам тогда, кинофильма «Тарзан»! Короткое, но такое теплое, даже знойное порой колымское лето дарило много радости и острых ощущений. Дружной ватагой мы без усталости лазали по окружающим сопкам, собирали разноцветные камни. Иногда даже находили сверкающие на солнце, изысканной красоты, шестигранные пирамидки горного хрусталя. Я держала это чудо на ладони, не могла налюбоваться и думала: «Если это сотворено не человеком, то кем?» И сама себе отвечала: «Только Богом! Но говорят, что его нет. Тогда – кем?!»

А еще на Колыме мы очень скоро забыли, что такое голод. Здесь перепробовали столько всяких деликатесов – таким незнакомым словом назвала мама продукты, о каких мы раньше и понятия не имели. Это были консервированные анчоусы, морские гребешки, крабовое мясо, красная и черная икра, сочащиеся жиром балыки... На такие продукты, а также на различные сушеные фрукты, овощи и очень вкусное, заграничное почему-то сливочное масло, сухие сливки и молоко, мясные консервы, крупы, сахар и прочее нашей семье выдавали раз в месяц, но в приличном количестве, талоны «спецобеспечения». Мама спросила Прома, что это значит. Он ответил с довольным видом:

– Это значит, что не зря мы тут каждый год пудами намываем золото. Отправляет его правительство за рубеж, в основном – в Америку, а оттуда получает Советский Союз дорогое оборудование, станки – по заказу, разные вещи, одежду, автомобили, много чего. Ну, вот и продукты, как видите. Консервы. Видели вы когда-нибудь такие баночки? – Андрей Венедиктович погладил блестящую баночку овальной формы с яркой глянцевой наклейкой. – Так, что тут у нас? Шпроты. Не только очень вкусно, но и красиво. Согласны?

Вместо того, чтобы ответить на этот вопрос, мама с улыбкой произнесла:

– Ну, вот. А мы там, дома, переживали за вас, что голодаете на Колы... – и вдруг смолкла, оборвав себя на полуслове.

Увидела, наверно, как и мы с Женей, что как-то дернулся Пром при ее последних словах, сжал до скрипа зубы, болезненно скривив рот. И сказал, сдерживая ярость:

– Никогда, ты слышишь?! Никогда не болтай о том, чего не знаешь! У нас тут девятьсот человек на тысячу передохли от голода... Это после войны, после заключения договора с Америкой о продаже, поставке им золота, добытого кровью и жизнями советских людей, стали мы получать эти подачки! Пока выгодно это американцам... Ты думаешь, – наседа на маму, – что все колымчане вот так питаются? Шалишь! Только единицы – те, кто в шахтах, штреках погибают. Или, как мы, на драгах этих гребаных – мерзнем, морды, руки обмораживаем, чахнем, подышаем раньше времени...

Мама коснулась руки мужа, умоляюще глядя на него, сказала:

– Прости, Андрюша, я ведь пошутить хотела, не подумав ляпнула!

Но Пром отдернул руку, повернулся и быстрыми шагами бросился к двери.

– О, Господи! – только и произнесла потерянно мама.

Я, даже когда легла в кровать, долго не могла заснуть, снова и снова перебирала слова, фразы – злые, жестокие, брошенные отчимом в лицо нашей маме. «Зря мы к нему приехали, – думала я. – Чужой он. Не нужны мы ему. Мама не нужна. А уж мы с Женей тем более. У мамы, между прочим, стал большим животик. Значит, скоро родится ребеночек? А он будет нужен Прому? Вот мама еще не знает, как он зыркнул на меня злыми глазами, когда я, забежав в дом, два рубля у него попросила нам с Женей на кино, на Тарзана. Он скривился, полез в карман, швырнул мне под ноги мятую трехрублевку и прошипел:

– Замотали вы уже со своим Тарзаном! Сколько можно смотреть эту белиберду?! А ты спросила, есть ли у папы деньги? Они что, мне с неба сыпятся?

Я с трудом сдержала слезы, выкрикнула, с ненавистью глядя в его глаза:

– Никакой ты нам не папа, а просто бродяга-проходимец!

И выбежала из дома, не подняв его трешки. Он распахнул дверь, крикнул мне вслед:

– Что не взяла-то? Деньги, говорю, возьми!

«Да пошел ты к черту! – думала я. – Чтоб ты подавился ими! «Деньги»... Какие это деньги, три рубля?! Три коробки спичек? Постеснялся бы, золотишко добыть! Никогда больше в жизни не попрошу и не возьму у него ни копейки! Только маме бы не проговориться... Нет, ничего не расскажу ни ей, ни брату. Скажу Жене, что мелких у «папочки» не было, одни сотенные. А на Тарзана потом еще не раз сходим».

Крутят и крутят здесь на нашу радость одни и те же фильмы про Тарзана, Джейн и обезьянку Читу. Новые киноленты редко завозят на Колыму, особенно зимой. Ну и пусть, ну и хорошо... А про Прома... «Про Прома, – подумала со злорадством, – я в своих книгах напишу, когда вырасту. Надо только все запомнить, ничего не забыть. Может быть, его когда-нибудь не будет с нами? Хорошо бы. Противный такой. Как только мама терпит его? Не было, и ничего, как-то жили... Интересно, пожалуется он маме на меня или нет? Не хотелось бы этого». Нет, сдержался, промолчал отчим в тот раз о моем сумасбродном поступке.

Очень жалела я, когда Прому разрешили выезд «на материк». Еще около двух лет полагалось жить ему на Колыме «на поселении», но начальство хлопотало о досрочном его освобождении. Мне было жаль расставаться с полюбившейся школой, с хорошими друзьями, с клубом, дядей Ваней Чайкой и его баяном. Со снабжением колымским – тоже. Что нас ждет дома? Опять голодовка? Вспоминать страшно. И самое главное, я не представляла, как можно будет жить без сопок. Столько радости, столько ярких впечатлений дарили они нам за короткое, но такое прекрасное северное лето. Нет, без походов в сопки жизнь будет просто невыносимой! От таких мыслей хотелось плакать.

Мы подзадержались с отъездом. Могли сделать это и раньше. Пром заметно нервничал, ему, конечно, не терпелось поскорей покинуть этот опостылевший «рай». А задержались мы из-за мамы. Сначала ждали, когда она родит второго колымского ребенка, потом ждали, чтобы вторая наша сестренка хоть немного подросла. Только когда Алечке пошел второй месяц, мы отправились в долгий путь на «материк».

До родимой Тайги добрались лишь через полмесяца. Это потому, что целую неделю в числе тысячи будущих пассажиров огромного парохода «Азия» провели на морском «пляже» Магадана. Разместили всех в старых тюремных, опустевших теперь, бараках. Обновили их, конечно, побелили, покрасили, чистые матрасы на нары положили, одеяла, подушки и простыни кинули. Остановку такую под названием «карантин» для всех отъезжающих с Колымы для того устроили, чтобы произвести проверку документов и содержимого багажа: чемоданов, сумок и узлов. Чтобы ничего противозаконного не провезли пассажиры.

– Какого противозаконного? – спросила мама Прома.

– Одно оно тут у нас, – ответил он со своей обычной ядовитой усмешкой. – Золотом называется. А проверку эту эки-урки шмоном зовут.

Почему-то моя малая родина, по которой в первое время на Колыме я очень скучала, не доставила

мне большой радости. Во-первых, потому, что записали нас с Женей в Тайге не в нашу любимую 34-ю школу, в которую мы надеялись вернуться, а в чужую, под номером 2. Маме объяснили, что 34-я переполнена, а во второй недобор учащихся... И еще домишко наш, в котором жили во время нашего отсутствия квартиранты, пожилые родители с взрослой дочерью, сильно разочаровал меня. Состоял домик из одной комнатки, кухни и закутка за печкой, где раньше стояла кровать Жени. Нас тогда было трое, и все вроде было нормально. Но теперь-то наша семья увеличилась еще на трех человек. И ни в какое сравнение не шел наш убогий домишко с оставленной вместе с мебелью «за просто так» шикарной колымской квартирой. Мне было больно видеть, как в те хоромы, не дождавшись нашего отъезда, стали заносить свои вещи новые жильцы...

Пром зашел в наш домик в Тайге, пригнув голову в дверном проеме, огляделся и присвистнул разочарованно. Мама поняла его без слов: жить здесь не получится. Так прошло три дня. Спали вповалку на полу мама, Женя и я. «Андрюшу» мама устроила на односпальную бывшую нашу с ней кровать, малышек Лорочку и Алё – на бывшую Женину, «вале-том», по разным концам у металлических спинок.

– Нет, – возмутился Пром, – это не жизнь, а вторая тюрьма. Поеду-ка я в Семипалатинск (там жила с семьей его двоюродная сестра Клавдия), поспрашиваю про работу. Могу на стройку пойти, да и кузнечное дело не забыл, поди. Слесарить могу, да много чего могу. Может быть, и с квартирой что-то получится. Все же Семипалатинск большой город, не такой, как эта Тайга – дыра непроходимая. Немного денег на первое время тебе дам, – сказал маме, – остальные с собой возьму. Может, на небольшой дом хватит. Не на такой, конечно, как у тебя, получше. Потом заберу и вас.

Я просто задыхнулась от ненависти к отчиму. «Да и какой он мне отчим? Слово какое-то дурацкое. Просто мужик чужой, арестант несчастный!»

После отъезда прислал нам «кормилец» два или три раза по триста рублей. Писал, что пока «в поиске». На работу временно устроился – путевым рабочим на железную дорогу. А вот с покупкой дома ничего не получается. Потом написал, что все деньги, какие от «колымских» остались, десять тысяч рублей, сестра Клава попросила одолжить ей на год с рассрочкой. Сказала, что даже больше потом отдаст, с процентами. Мама с сомнением покачала головой.

Бабушка, Марья Архиповна, мачеха нашего с братом отца, с годами заметно подобрела. Стала изредка навещать нас. Приносила то с десяток яиц от своих курочек, то большой пирог – с капустой или каким-нибудь вареньем. Усаживала рядом с собой Женю, если он был дома, обнимала его одной

рукой, другой гладила по голове. Говорила, вздыхая: «Вот каким уже большим стал милый мой внучек. Красавец, весь в отца Мишу и в деда Степана. Учись, детка, старайся. Они оба умные были, грамотные. Ну, и тебя, мать говорит, хвалят учителя. Молодцом!»

Женя стеснялся бабкиных ласк и слов, бросал на меня короткие взгляды и корчил смешные рожицы. Баба Марья этого не замечала, а я-то напротив сидела, все видела. Глядя на брата, едва сдерживала смех.

– Ой, ладно! – Женя придумывал какое-нибудь неотложное дело и выскальзывал из-под бабушкиной руки.

Потом говорил мне, недовольно сдвигая брови:

– Что за привычка у старушки – обнимать, целовать? Того и гляди, на коленочки к себе усадит и засунет мне соску в рот. Что я ей, действительно деточка, что ли?

Мы смеялись с братом. Жене шел шестнадцатый год.

А я, оставшись одна, часто думала о том, почему Маслиха (так называли Марью Архиповну все соседи) Женю любит, а меня – нисколько? Мне не очень-то это и надо. Но – почему?!

– Вера, – говорила баба Марья маме, – что-то совсем перестали мы родниться. А я по-прежнему тебя невесткой считаю, а не ту московскую кралю Мишкину. Простить не могу, что продал Михаил, не посоветовавшись с нами, половину Степанова дома. Степа очень гордился этим домом, говорил, что для сынов построил. Леню жалко, такого парня ладного убили. Может, он бы держался за отцов дом? А этому, видишь, Москва понадобилась. Тайга нехороша стала... И тот дом, который вы с Мишей покупали, на Озерной, шибко мне жалко. Щас бы так пригодился. Зря ты его продала, поменяла на эту халабуду.

– Вы же знаете, почему, – говорила мама. – Дом на Озерной с виду был хорош, а внутри осиновые бревна истлели, в труху превратились. Иван Спиридонов по моей просьбе смотрел дом. Постучал поленом по нижнему бревну, а оно пустое, бухает, как барабан. Ткнул большой отверткой в стену снаружи, она по рукоятку провалилась в пустоту. Сказал Иван: «Ох, соседка, продавай эту рухлядь, пока не поздно. Был бы у тебя мужик, хозяин рукастый, может, и подладил бы как-то домишко. А тебе уходить из него с ребятами надо, не то обвалятся балки, стропила, и хана всем, задавить вас может, не приведи бог!»

В другой раз пришла баба Маслиха, опять разговор о жилье завела. Но сначала про Прому спросила:

– Часто пишет тебе Андрей твой? Совсем редко? Этого я и опасалась. Как бы он вас не бросил.

С Мишей не повезло. С этим повезет ли? Деньги еще, говорит, в рассрочку отдал сестре... Ты веришь ему, Вера? Я – не шибко. Мудрует он чего-то. Обещал через месяц-два уладить дела, а уж четвертый месяц ни мычит ни телится. Шас вот Капитолина, которая в вашей бывшей половине живет, собирается продавать ее. Я поспросила, она сказала, что уже почти договорилась с приезжими какими-то молодоженами, за семь тысяч вроде. А твой Андрей этот дурной десять тыщ, говоришь, просрал, прости, Господи, меня, грешницу. За такие деньги можно было взять назад нашу половинку. И еще бы тысячи три осталось. Две комнаты все ж, кухня, прихожая. Веранда, кладовка, двор крытый, огороδικ ухоженный. И мы с Никитичем за стенкой. Может, сгодились бы когда на что-то, по надобности домашней.

Мама срочно отправила Прому письмо, в котором написала, что есть хорошая возможность решить в Тайге вопрос с жильем. «Эти супруги Устиновы, – писала мама, – которые с дочерью три года прожили в нашем домике, пока мы находились на Колыме, хотят выкупить его у меня за четыре с половиной тысячи. Это неплохие деньги. Достаточно добавить всего две с половиной, и прекрасная половина Никитинского дома будет нашей».

Мы с Женей очень обрадовались возможности поселиться в дедушкином доме. Ведь с раннего детства обожали этот дом и огород, на краю которого все еще стояла небольшая дедушкина конюшня. Лучшего места для отдыха и игр и придумать было нельзя. И эта огромная, уходящая верхушкой в небо ель, под которой иногда летом вырастали съедобные грибы настоящего леса: грузди, волнушки, белянки. Правда, для этого их нужно было изредка «высевать». Дедушка Маслов для этого все обрезки от принесенных из леса грибов разбрасывал по траве вокруг елки. На следующий год только не прозевать, говорила бабушка, чтобы чужаки не заметили, не опередили, а грибы уродятся обязательно. Иногда баба Мария набирала их по целой корзине. Можно и в лес не ходить. Но дедушка Иван был страстным грибником, лес любил всей душой. А грибы под елью разве что для веселья выращивал да для бабы Мани.

Что-то подзатынул тогда наш Пром с ответным письмом. Бабушка Мария недобро поджимала губы и с презрительной усмешкой говорила маме:

– Ну, понятное дело, деньги твой добытчик на дом собирает. Свои-то колымские профукал, небось. Да и какая там сестра у него, неизвестно. Может, все про деньги наврал, чтобы с тобой не делиться. Может, и вправду дал ей в долг. А вот получит ли когда денежки назад, неведомо. Хоть бы весточку прислал!

Мама надеялась на лучшее. Решила, что нена-

вистный Андрею наш домишко следует продать в любом случае. Даже если с половиной любимого дома ничего не получится, другое жилье подыскивать все равно придется.

Опасения насчет половины лиственничного дома зародились у бабы Марии неспроста. Она сказала маме, что зачастили к соседке за стенкой какие-то люди, по виду муж и жена. Однажды бабушка Маслиха заметила, как эта парочка вместе с Капитолиной обходили дом по кругу, внимательно рассматривая стены, окна, поглядывали, задрав головы, на крышу.

– Неспроста это, – с тревогой в голосе сказала нашей маме бабушка. – Чего доброго, продаст Капа половину вашу этим осмотрщикам. – И еще добавила: – Ты, если что, Вера, не тушуйся. Не пропадешь и без этого сибулонца. Небольшая от него корысть. Вот если продашь свой курятник, собирай детвору и барахлишко и поезжайте вы к Валентине, в Колпашево. Дочка моя не нахвалится тамошним житьем. И работа, говорит, там есть приезжим людям, и жилье вроде подешевле, чем в Тайге. Край нарымский глуховатый, дороги туда железной, как у нас, нету. Но зато стоит Колпашево на богатой реке Оби. Дичи там всякой, пишет Валентинка, не меряно, не считано. Охотники на базаре дешево продают, чего мы и не видали: зайчатину, уток диких оципанных, медвежатину, мясо лося. А про рыбу и говорить нечего. Этого добра столько рыбаки налавливают, что за бесценок отдать готовы, лишь бы сплавить, чтобы не залеживалась, в летнее время особенно. А грибов, говорит Валя, хоть завались, возами вывозят грибки. И ягоды по лесам и болотам – россыпи необъятные. И брусники, черники, и клюквы, и морошки какой-то, о которой я знать не знаю, там полным-полно. Я как раздумаюсь про этот благословенный край, самой туда хочется податься. Но куда нам с Иваном такое переселение, в наши-то годы. А ты еще молодая, тебе еще жизнь свою перестроить можно хоть так, хоть этак. Если твой этот Гром или, как его, Пром, не вернется с этого Семипалатинска, так, может, в Колпашеве какой охотник-рыбак подвернется, и будешь за ним, как у Христа за пазухой жить, медвежатину с осетриной трескать...

Мама слушает все это и смеется.

А меня произнесенное бабушкой Марией слово «морошка» за живое зацепило. Сладко заныло от него в груди. Это же колымская необыкновенная ягода, крупная, оранжевого цвета, полупрозрачная, строением своим на малину смахивает, из таких же крупинчатых долек состоит, только они раза в два крупнее малиновых. Растет на Колыме морошка между сопок и на малых участках, и большими плантациями в низинах, пропитанных водой. Ковром стелется по мхам, ягоды блестят янтарными бусинами. На вкус приятная, не очень сладкая. Но это

такое спасение в летнюю жару, когда хочется пить! Набрал горсть морошки, закинул в рот – и жажда как не бывало. Будто стакан холодной газировки выпил. Но морошка-то, говорили колымчане, во сто раз полезнее какой-то газировки... Ах, Колыма, Колыма! Неужели мы никогда не сможем побывать там еще хотя бы один разочек? А может, это Колпашево похоже на Колыму, если там морошка растет?

– Ну, вы мне, Мария Архиповна, как про рай какой-то наговорили, – сказала мама бабушке. – Вот и думаю теперь: не махнуть ли с моим табором, и правда, в нарымские края? И есть где остановиться, пока с жильем решим дело. Валя, поди, приютит нас на короткое время. Она мне сама об этом в письме писала. Только надо с Андреем посоветоваться, он глава семьи как-никак.

Мама, наверно, не обратила внимания на то, как недобро усмехнулась бабушка Маслиха при упоминании Прома, как недоверчиво покачала головой. Зато я все заметила, все поняла: не верила баба Мария в хорошее, связанное с Промом. А я не верила с первых дней знакомства с ним. Только молчала, чтобы, не дай Бог, маму не огорчить.

С отчимом повторилась у нас та же история, что и с отцом Михаилом в сорок пятом году. Прислал Пром маме письмо, в котором написал: «Вера, сильно я виноват перед тобой, извини и прости, если сможешь. Так получилось, какой с меня спрос? Я простой мужик. Хочу пожить по-человечески после проклятой Колымы. Согласись, что нормальной жизни и семьи с тобой, вернее – с твоими детьми, у меня не получилось и не получится. Женька еще ничего, нормальный пацан. Какой-то весь в себе, я его часто просто не замечал, живет рядом, и ладно, никакого напряжения от него. А вот о Люсе твоей этого не скажешь. У нее же глаза, как у дикой кошки, особенно, когда злится. Ты не замечала? Когда-то я нечаянно, не подумав, немного обидел ее. Видела бы ты, как она смотрела на меня и чего наговорила, наорала вернее твоя тихоня. Тогда я понял, что она ненавидит меня, хуже некуда. И никогда не стану я ей отцом. Да и Женьке тоже, хоть он молчит и ничем не проявил пока никакой ненависти ко мне. Но кто его знает, как дальше будет. А мои эти две малышки... Зря ты, Вера, с ними поспешила. Понимаешь, я ничего к ним не чувствую, как будто и они мне чужие, как эти, твои. Я тут с женщиной одинокой сблизился, с сестрой хозяйки, у которой комнату снимаю. Вообще-то думал, что вернусь к тебе, совесть мучила. Но тут Катя моя сказала, что у нас ребенок будет. Я с ней останусь, Вера, прости. И не тяни время, подавай на меня на алименты на девочек. Высылать тебе деньги добровольно не могу и не хочу. Какой жене это понравится? А так все будет по закону, по совести. Да, а еще нам с тобой надо

срочно развестись. Мы с Катериной зарегистрироваться решили».

После этого письма мама развила бурную деятельность, за один день переписала наш домик на Почтовой улице на квартирантов Устиновых. А они почему-то (скорее всего, по договоренности с ней) добавили к сумме в четыре с половиной тысячи еще и козий полушубочек для меня. Симпатичный такой, мехом наружу. Я недавно видела, как дочка наших постояльцев Надежда пыталась надеть его, одну руку в рукав засунула, а другую не смогла. И расстроено отбросила желтоватую, почти беленькую эту пушистую шубейку на кровать:

– Нет, все, мала она мне. Продавать ее, мама, придется. Вообще не налазит. В чем ходить теперь буду?

Про себя я подумала тогда с тоской: «Вот бы мне такую шубейку. Но откуда маме взять деньги? Нам ведь еще дом покупать придется в этом Колпашеве». Однако случилось! Три зимы отходила я потом в этой прекрасной, хоть и потертой по краю рукавов и у пуговиц шубке. Мне даже некоторые колпашевские подружки завидовали, говорили:

– Ну, ты ваще, Никитина, богачка. В такой шубе как какая-нибудь москвичка смотришься!

– А у меня папа москвич, – зачем-то ляпнула я. Девчонки приняли мои слова за шутку, рассмеялись.

В этой любимой шубейке я проходила в школу в седьмом, восьмом и девятом классах. А в десятом стала она мне маловата, как когда-то первой ее хозяйке, Наде. Да и протерлась еще за три года изрядно. Мама показала шубку местной портнихе, тете Поле. Та посоветовала переделать ее для нашей средней сестренки Лариски. Сказала, что аккуратно срежет проплешины на рукавах и животе, и будет выглядеть вещица, как новенькая. И послужит Лорочке еще не один год. «Ну и хорошо», – подумала я.

Так вот, перебрались мы, значит, в прославленное тетей Валею Масловой Колпашево. Мама быстро нашла по нашим деньгам домик. Был он старым и маленьким, таким же, как бывший в Тайге. Но с продуктами на новом месте было действительно намного легче. Очень сильно выручала нас Женина рыбалка. Пристрастился мой брат к ней не на шутку. За два-три часа мог выудить на Оби ведро разной рыбы: ельцов, красноперок, лещей, язей, щук, налимов. Чистить добычу брата приходилось чаще всего мне. И жарить, и вялить, и солить – тоже мне. Но делала я эту работу с удовольствием, потому что за обеды рыбные хвалила мама и брата, и меня. «Что бы я делала без вас, милые вы мои!» – говорила она с ласковой улыбкой.

А еще выручал нас в течение нескольких лет большущий огород в 18 соток. По осени мы собирали с него столько картошки и всяких овощей, что

больше половины урожая мама сдавала за небольшие деньги в местную столовую. В этом была заслуга тети Вали: это она договорилась обо всем со своей подругой, заведующей столовой. Ну, и еще от Прома каждый месяц приходили небольшие деньги в виде алиментов на своих маленьких дочек. А как-то он прислал в конверте фотографию милого малыша в белой рубашечке и таких же ползунках. На обороте снимка сделал надпись: «Сестричкам Лорочке и Але на память от братика Виталика». Больше от Андрея Венедиктовича не пришло ни одной весточки.

По окончании школы я решила продолжить учебу в Томске. К этому времени вернулся из армии мой дорогой брат Женя. Отслужил он около двух лет полевым связистом в Группе советских войск в Германии. Почему не два года, как полагалось, а «около»? Потому что в том 1957 году у нашей страны возникла какая-то конфликтная ситуация с ГДР. И, видимо, для смягчения отношений с этой страной часть наших воинских подразделений стали возвращать в Советский Союз. Солдатам, которым оставалось служить в армии менее полугода, «скостили» этот срок, их отпустили домой. Вся наша семья и сам Евгений, конечно, были очень рады.

В 1957 году мы с братом стали томскими студентами. На помощь из дома не только не рассчитывали, но и решительно отказывались от нее, когда мама писала в письмах: «Милые мои деточки, не представляю, как вы выживаете там. Если будет совсем трудно, не скрывайте, пишите, я хоть немного денег найду, в крайнем случае, в долг возьму, но вышлю вам. Мы все-таки не голодаем, хоть картошка, капуста своя. Плохо, что половина моей зарплаты уходит на дрова. А зима такая длинная».

В общем, я как-то ухитрилась жить на одну свою стипендию. А вот брату таких денег не хватало. Ко всему прочему он еще начал курить, и на папиросы приходилось тратить дополнительно. Я пыталась «воспитывать» Женю, говорила о вреде курения. Он слушал мои горячие речи, улыбался, кивал головой и говорил: «Умница ты моя. Все правильно, согласен с тобой на сто процентов. Но курить не брошу, извини. Все курят, и я втянулся в это грязное дело». Приходилось Евгению ради приработка хотя бы раз в месяц разгружать на станции вагоны с углем. Ходил он на эту работу с двумя своими однокурсниками. Возвращались ребята в «общагу» такими усталыми, что едва не валились с ног. А надо было еще идти в баню, отмываться от угольной черноты и стирать испачканную одежду. Зато их заработок за один такой день почти равнялся месячной стипендии.

Одним словом, на самое необходимое нам с Женей денег с трудом, но хватало. А вот, скажем, поесть домой, к маме на зимние каникулы мы не мог-

ли. Приходилось проводить их в своих опустевших общежитиях. Летом до Колпашева ходили по Оби пассажирские пароходы, и проезд на них стоил недорого. А зимой была только одна дорога домой – по воздуху. И авиабилеты были нам не по карману.

С наступлением долгожданных каникул делать было нечего, и я надеялась хотя бы отоспаться после напряженной сдачи экзаменов. «Каждый день буду валяться на кровати до обеда», – решила я. Но под вечер, когда получала в техникумовской раздевалке пальто, гардеробщица тетя Нюра протянула мне конверт. Я подумала – от мамы, а письмо, оказалось, пришло из Тайги, от Ивана Никитича Маслова, мужа мачехи нашего с Женей отца. Дедушка настойчиво звал меня и брата на время каникул к себе, чтобы мы пожили у него в гостях и хоть немного отъелись. «Знаю я этих студентов, – писал Иван Никитич, – племян мой Костя тоже в Томске в техникуме на электрика учился почти три года. Отощал за это время до невозможности, кожа да кости остались. Потом-то, конечно, поправился, ничего. Так что ждем вас с моей старушкой. Приезжайте».

Мы очень обрадовались приглашению дедушки Маслова. И уже утром следующего дня покатили в Тайгу, хоть и чувствовали себя не очень уверенно. Старушкой дедушки была теперь малознакомая нам бабушка Дуня. Но мы ведь не напрашивались к ней в гости, дедушка сам нас позвал...

Иван Никитич не был нам родным, однако всегда любил нас и поддерживал. О родном нашем дедушке Степане Ивановиче Никитине мы знали только понаслышке. Даже наш отец Михаил Степанович очень смутно помнил своего родного отца, ушедшего из жизни, когда папе едва исполнилось четыре года. Умер Степан Иванович не от болезни. Был он, как рассказывали те, кто его знал, крепким человеком, настоящим богатырем. Побеждал в уличных кулачных боях всех своих соперников. Был он купцом или лавочником – то так, то этак называли его мама и бабушка. Но, опять же, это для нас она была бабушка, а для нашего отца – мачеха, которую, впрочем, он звал мамой и в детстве, и в зрелом своем возрасте.

Я с самого раннего детства жалела, что не знали мы с Женей бабушек и дедушек ни с маминой, ни с папиной стороны. О своих родителях охотно рассказывала нам мама. Ее отца, нашего деда Захария, в революцию замучили насмерть жандармы в царской охранке. А мамина мама, наша с Женей бабушка Варя, умерла в возрасте тридцати девяти лет в очень голодном и холодном тридцать первом году.

В начале марта мороз тогда держался на отметке тридцать градусов. В доме Варвары Лаврентьевны и двух ее дочек не осталось ни крошки хлеба. Собрала несчастная женщина в узел кое-что из по-

следней одежды и отправилась пешком в деревню Бобровку, что находилась в девяти километрах от Тайги. Прошлым летом она уже проделала этот путь, и ничего, дошла без особого труда. Отнесла тогда в Бобровку детские вещи, из которых выросли ее дочери. Обменяла платья и сарафанчики на полпуда пшеничной крупчатки. Правда, тогда стоял конец июля, было тепло и светло. А теперь дороги сковала наледь, дул колючий восточный ветер. И мороз днем держался около двадцати пяти градусов. Но добралась все же Варвара до Бобровки. Устала до изнеможения, перемерзла так, что, как говорится, зуб на зуб не попадал. Шла по единственной улице вдоль деревни, в одну избу ткнулась, в другую, третью – нигде не предложили ей войти, хоть немного обогреться. Дошла наконец до дома тех добрых людей, которые в прошлом году за поношенные детские вещи ей столько крупчатки в мешок отсыпали, что удалось семье чуть не до осени дотянуть, до нового урожая. То оладушки пополам с тертой картошкой пекла мать с дочками из той крупчатки, то затируху готовила – и вкусно было, и сытно.

Постучалась Варвара в ту же памятную избу. И как же обрадовалась, когда пожилая хозяйка, отворившая дверь, узнала вошедшую, всплеснула руками, позвала мужа:

– Федюня, ты погляди, кто к нам пришел! Подь сюда, погляди, узнаешь или нет? Я вот признала.

Хозяин вышел из глубины жарко натопленной избы, остановился перед гостьей, склонив сивую от седины лохматую голову, пожал плечами и пробормотал вполголоса:

– Как я могу узнать барышню, ежели впервой ее вижу?

– А-а, где тебе такое упомнить? Портки на ночь скинешь с себя, а поутру найти не можешь, шарь: «Куда подевались?»

Варвара Лаврентьевна, с улыбкой наблюдавшая эту сцену, решила прийти мужчине на помощь:

– Да разве можно запомнить человека с одного короткого взгляда? Я вот ни за что и сама не узнала бы, если б случайно встретила вас или хозяйку вашу. Полгода прошло...

– А-а, – радостно воскликнул мужчина, – погодите-погодите! А это не вы прошлым летом наших внушек нарядили в такие красивые обновки? А мне мужской пинжак пожаловали почти за так. Из Тайги ведь? – и обернулся к жене: – Ты, Дарья, чем языком чесать почем зря, человека разула бы, раздела, за стол усадила. Такой путь по морозу одолела молодница. Как же можно одной, пешей?

– Ничего, – махнула рукой Варвара, – я к ходьбе привычная. Шесть годков на железной дороге проработала, осмотрщицей вагонов. Там знаете сколько за смену верст наматывала, по любой непогоде.

– Да, жизнь у вас, видать, не мед. Немало вынесли и сейчас несете на своих плечах нужду тяжкую, коли на такую прогулку отважились. А вы, простите, какого роду-племени будете? Сдается мне, что не здешней, не сибирской вы породы.

– Правда ваша, – ответила незваная гостья. – Из Белоруссии мои родители лет сорок назад переселились в Сибирь. От голода бежали тогда. А теперь и тут не слаще.

– Вот! – рубанул Федор рукой воздух. – Я что-то такое почуял, что одной мы с вами крови. Мы ведь с жинкой тоже белорусы бывшие... А вы, я думаю, опять с вещичками к нам пожаловали? Если правду сказать, нет у нас уже особой нужды в них. Дочка с зятем и внучками на станцию к вам перебралась. Нечасто теперь к нам заглядывают, безлошадные. И вроде не бедствуют, на транспорте работают. Там внимания к людям от властей побольше. Не сравнить с деревней. А мы со старушкой обходимся тем, что есть, старое штопаем да донашиваем... Для кого тут наряжаться?

Хозяин смолк, заметив, как поднялась Варвара с лавки и протянула руку к своей жакетке.

– Нет, погодите-ка, куда вы наладились? – И тут же окликнул жену: – Даша, скоро ты там? Стол заждался уже.

– Несу, несу. Подогреть же надо было.

Женщина засеменила от кухни к столу и обратно. Миски с варевом поставила, тарелку с нарезанным черным хлебом домашней выпечки.

– Давайте, садитесь, – позвала хозяйка Варвару к столу. – Мы с Федором как раз обедать собирались. Еда сегодня самая белорусская – клецки из натертой бульбочки с салом внутри. Делаете их, наверно, если сами с Беларуси?

– Делаем, – отозвалась Варвара Лаврентьевна, – только без сала. Давно уже не видели его... Спасибо, неловко как-то. Вы кушайте, я подожду.

– Ну уж нет! – нарочито грубовато заявил хозяин. – Никогда ни один гость голодным от нас не уходил. Сидайте.

Показались Варваре эти клецки с салом каким-то просто райским блюдом. Давно не пробовала ничего подобного. А потом еще кружкой медового чая угостилась. Окончательно согрелась, и на душе стало легче. Есть все-таки на свете добрые люди!

– Теперь можно и на ваш товар посмотреть, – сказал с улыбкой хозяин.

– Какой уж там товар, – застеснялась бедная женщина. – Никогда не думала, что доживу до такого позора – ходить с мешком по дворам, как будто милостыню кланчить. Но выхода нет. Сама бы ладно, но дома две дочери голодные. Старшая студентка, на врача в Томске учится. Там впроголодь живет, и домой на выходной на товарняке приехала, чтобы без билета. А дома – шаром покати. И ника-

кого просвета... Простите! – Варвара опустила голову, чтобы хозяева не увидели ее слез, и начала вытирать их ладонью.

– Ну-ну, перестаньте, – засуетился Федор, – надо жить. Есть для кого: для дочерей ваших, для самой себя... Мы вот что сделаем, – решительно заявил он. – Я даже разглядывать не буду, с чем вы пожаловали. Принесли, значит – вещи стоящие, по вам видно.

– Как не посмотреть? – робко возразила Варвара. – Вдруг не подойдет что-то. Куда вы с этим потом?

Дарья в это время стояла рядом, сложив руки на груди, слушала разговор мужа с гостьей и украдкой поглядывала на Варин мешок, лежавший у порога. Уж ей-то очень хотелось посмотреть на предлагаемые вещи. Женщина, что тут поделаешь.

– Будь по-вашему, – молвил Федор, принес мешок и стал доставать из него по одному предмету.

– Ого! – воскликнул он радостно. – Ничего себе – прорезиненный дождевик! Целенький, новый почти. Да ему цены нет. Хоть по грибы в пасмурную погоду, хоть по дрова, я уж не говорю про рыбалку. Там без такого плаща делать нечего. А это что? Зонт! В Бобровке у нас его растопыркою зовут. Ну, это вообще вещь. Из-за него наши девки точно передерутся, каждой захочется заиметь такое. А полушалонок шерстяной вязаный зачем же? Вам самой его носить бы и носить.

– Обойдусь, – коротко махнула рукой Варя. – Хожу вот в байковом платке, нормально.

– Ладно, я вам в этот ваш мешок отсыплю полпуда ржи. Из круп у нас есть только ячмень нелущеный, овес да вот рожь обмолоченная. Это для вас, я думаю, самое подходящее будет. Можно ее в ступе потолочь, дробленку сделать для каши. И для супа, если водицы поболее налить. Можно и целиком варить, только при этом следует замочить, залить водой с вечера, до утра продержать. Ну, и проварить потом хорошо, лучше всего в русской печи потомить часа два. Печь-то русская у вас имеется?

– Как же без нее, родимой? Имеется.

– Вот и славно... Я вот думаю, как вы тяжесть такую потащите до Тайги? Неблизкий путь. Эх, жаль, коня у меня теперь нет. Шестнадцать лет лошадку держали, было такое золотое времячко в нашей жизни, а потом... А, что былое вспоминать. Было и сплыло. Я бы помог вам, да что-то ноги стали болеть. Не могу теперь далеко ходить. Так, по двору с метлой и лопатой пройду, дровишек там занести, по воду на прорубь и обратно. Вот и вся моя ходьба теперь. Да и у Дарьи с ногами не много лучше. Пожили мы, походили за свою жизнь, побегали. Бог даст, как-нибудь еще походим... А вы, голубушка, можете и ночь переночевать у нас. Сейчас смеркается рано, да и похолодает к вечеру еще сильнее. Оставляйтесь.

– Нет-нет, что вы. Меня дочки потеряют, с ума начнут сходить. Да и голодные сидят, надо спешить. Спасибо вам, хорошие вы люди!

– К добрым и мы по-доброму. А к иным – не шибко, – ответил хозяин.

Закинула за плечо драгоценный груз Варвара Лаврентьевна и отправилась в неблизкий путь домой.

Часа полтора прошло, а дед Федор все места себе не находил, курил одну самокрутку за другой, вздыхал и, мотая головой, твердил под нос:

– Неспокойно мне чего-то. Не вышло бы беды. Как она, бедолага, чуть не десять верст пешая, да еще с мешком этим? Худенькая, хлипкая на вид. Ох, надо было мне у Барановичей попросить лошадку да отвезти жинку до города!

– Надо было, – согласилась бабушка Дарья. – Чего ж теперь сердце себе рвать? Поди, добралась уже она до своего дома, или во всяком разе поблизости от него... И лошадку, говоришь, попросил бы у соседа. Еще неизвестно, дал бы тебе ее Баранович, или нет. Глядя с какой ноги встал он утром.

– А вот пойду и узнаю, с какой!

Федор решительно загасил недокуренную самокрутку и начал одеваться, обуваться.

Не с большой охотой, но одолжил сосед Федору на время свою любимую рыжую кобылку. Наказал при этом строго:

– Не гони шибко-то, не то наглотается животная ледяного духу, нутро застудит.

– Понятное дело, – браво отрапортовал Федор, а про себя подумал, усмехнувшись в усы: «Вот никак не обойдется Баран без назидания, всех всегда учит. А ученого учить – только портить, известное дело. Ну да Господь ему судья. Одолжил упряжку, и на том спасибо».

Хоть и пообещал Федор соседу не гнать «шибко» конягу, но время от времени все ж приходилось слегка подбадривать ее кнутом, потому как, почуяв слабину, она бессовестным образом сбавляла шаг. Через полчаса, наверно, замаячили в поле зрения ездока первые постройки Тайги. Он с облегчением вздохнул. Добралась, значит, Варвара до дома, зря переживал за нее. Уже собирался развернуться в обратный путь, в свою Бобровку, как заметил в вечерних сумерках невдалеке уже, на снегу обочь дороги, большое темное пятно. Нехорошее предчувствие сжало сердце Федора Андроновича, и он подхлестнул сивку-бурку кнутом. Возле зловещего пятна остановил сани. Путаясь в поводьях, слез в снег. И, уже не сомневаясь, понял: перед ним на обочине лежала Варя.

Трясущимися руками повернул женщину с бока на спину, наклонился к ней послушать – дышит ли, жива ли. И услышал слабый стон... Слава Богу!

Успел. Все будет хорошо. Проехал по поселению, спрашивая у редких прохожих про Варвару и ее домовладенье. Последний из троих встреченных опознал несчастную и согласился проехать с Федором в сани до Вариного дома.

Занесли женщину в избу, немало напугав ее заплаканных дочек. Старшая сразу бросилась к матери, принялась расстегивать пуговицы на промерзшей насквозь жакетке, стягивать с ног большие, неуклюже подшитые валенки. Мужчины уложили Варвару, с трудом приоткрывшую глаза, на кровать. Одна дочка (будущий доктор, как догадался Федор) принялась хлопотать возле матери. И при этом давала указания младшей сестре: поставить чайник на плиту, достать засушенные травы для заварки...

– Там у порога я мешок положил, – сказал девушкам Федор. – В нем зерно ржаное. Его ваша мама выменяла в деревне на вещицы. Несла на себе пешим ходом. Не донесла маленько, сил не хватило... Говорила, что вы тут голодные сидите. Я вот еще краюху хлеба вам прихватил. Старушка моя его стряпает. Подкрепитесь маленько. А зерно, эту рожь, хорошо бы раздробить. Есть у вас ступка с пестиком? Вот и ладно. Знаете, стало быть, как это делается. Измельчите зерна, как сможете, и поставьте на плиту или в печь. Хорошо бы подольше поварить, потомить кашу, чтобы размякла крупа. И кушайте на здоровье. Мамку берегите. Доктора к ней поутру пригласите. Пусть поправляется поскорее. Золотой она человек. А мне к старухе своей поспешать надо. Поди, уже со скалкой в руке поджидает меня, – попробовал пошутить старик. И ушел умиротворенный, тихо и крепко притворив за собой дверь.

Не смогла справиться Варвара Лаврентьевна с жесточайшим двусторонним воспалением легких, развившемся стремительно. Слишком сильно промерзла она тем морозным мартовским вечером, слишком ослаблен был организм. И доктор не сумел помочь. За пять дней сгорела тридцатидевятилетняя женщина, как свечечка. И остались две ее дочки круглыми сиротами. Тине было в ту пору двадцать, а Вере – семнадцать лет.

Об этой трагедии, случившейся с бабушкой Варварой, мне не единожды рассказывала ее младшая дочь, моя мама. И я каждый раз с большим волнением слушала эту и другие ее истории о прошлом нашей семьи. Многие картины из этого прошлого описала потом в своих книгах. И очень благодарна маме за такие беседы на протяжении всех лет моего детства и юности.

Брат Евгений, уже будучи семейным человеком, отцом двух сыновей, прочитав мою рукопись об истории нашего рода, спросил удивленно:

– Откуда ты все это знаешь? Я ни о чем таком никогда не слышал.

– Мама мне рассказывала, – просто ответила я.

Итак, о предках по линии маминого рода я многое узнала от мамы. Но хотелось мне побольше узнать и о родственниках отца, о нем самом. Маму дополнительно расспрашивать о Никитинских корнях не имело смысла, она и так рассказала мне все, что помнила. Как-то вскользь поведала и о том, что мой дедушка, папин отец Степан Иванович, ушел из жизни по своей воле, покончил с собой... Меня это потрясло. Попыталась я выведать у мамы, как и почему такое случилось. Но она, я чувствовала, уже раскаивалась в том, что сорвалось с ее уст такое признание. Обняла меня, прижала к себе и проговорила мягко: «Ох, доченька, прости. Зачем я тебе болтаю лишнее? Не переживай, это случилось очень-очень давно. Все прошло, все забыли. И ты забудь, не думай об этом».

А я не могла забыть и не хотела забывать. Нередко думала о дедушке Степане, жалела его, часто до слез. Жалела, что не было меня рядом с ним в то тяжелое для него время. Я бы удержала его от страшного поступка, отговорила бы, спасла бы...

Про нашего с Женей отца мама рассказывала больше. Познакомились они, когда Мише было восемь, ей – девять, пришли оба в школу, в первый класс. Молодая учительница предложила ребятам самим выбрать себе товарища по парте. Моя будущая мама Вера быстро села за понравившуюся ей парту в первом от учителя ряду. Другие дети не спешили, осматривались, выбирая себе места. Рядом с Верой не очень уверенно устроилась незнакомая девочка. И в тот же миг подошел к ним крепкий мальчишка с веснушками на лице и рыжими волосами. Бесцеремонно потянул за руку Верину соседку и сказал:

– Иди отсюда, здесь я буду сидеть!

Тихая девочка послушно пересела за другую свободную парту. Вера с интересом посмотрела на наглого мальчишку, вжала голову в плечики и тихонько рассмеялась. Рыжий широко улыбнулся ей в ответ и подмигнул. С тех пор Мишка Никитин и Вера Ус стали неразлучной парочкой.

В следующих классах менялись только места, на которых они сидели, вместе с учениками увеличивались в размерах парты. Но одно оставалось неизменным – дружба этих двоих. Все учителя и ученики привыкли к тому, что Мишка и Вера всегда – с первого класса до окончания седьмого – занимали одну парту. А после занятий в школе Рыжий – это прозвище приклеилось к Мишке, стало как бы вторым его именем – неизменно провожал подружку до дома и нес ее сумку с книгами и тетрадками.

По окончании семилетки многие ребята поступили в тайгинское фабрично-заводское училище. Кто на слесаря учиться пошел, кто на сварщика. Михаил выбрал профессию токаря-станочника. И Веру, конечно, с собой на токарное отделение потянул.

Она согласилась без споров, потому что и выбирать особо не приходилось, и Мишка ее попросил.

После двух лет учебы оба устроились на работу в паровозное депо. Через год стали мужем и женой. Еще через год родился у них сын Евгений. Через два года появилась на свет и дочь – я собственной персоной...

Мама рассказывала, как после женитьбы поселились они с Михаилом в его половине лиственничного дома, который построил наш с Женей дед – бывший купец Степан Иванович Никитин. Накануне моего рождения отец настоял на продаже их половины и покупке другого дома – большей площади, с большим по сравнению с бабушкиным огородом. И подальше от мачехи. Надоело, видно, Михаилу более двадцати лет жить под бдительным оком строгой Марьи Архиповны.

Но из роддома мама с папой принесли меня по февральской метели все же в дедов дом на улице Карла Маркса. И несколько первых дней жизни мне довелось провести в легендарном доме из сибирской лиственницы. Может, поэтому так тянуло меня к нему в годы детства. И потом, когда повзрослела, часто хотелось если не внутрь дома попасть, то хотя бы пройти мимо, вновь увидеть ладные стены и окна со ставнями, полюбоваться высокой елью во дворе...

И вот во время наших с братом каникул, в свои девятнадцать лет, я получила возможность разузнать поподробнее о жизни и трагическом уходе из нее деда Степана Ивановича. Несколько дней предстояло мне провести под крышей дома, который построил он своими руками! Наверняка я смогу поговорить по душам с умным и добрым дедушкой Иваном Никитичем Масловым, который полтора десятка лет служил у моего родного деда приказчиком. Надеюсь, что Никитич даже с удовольствием расскажет мне о бывшем хозяине и товарище. И не ошиблась. Все так и произошло.

Итак, сижу я и слушаю деда Ивана. Нет при мне ни тетради, ни ручки или хотя бы карандаша для записи нашей беседы. Не хочу смущать, отвлекать рассказчика посторонними предметами, какими-то, может быть, непонятными ему действиями. Полагаюсь на свою надежную память.

Не буду воспроизводить здесь абсолютно точно, слово в слово прямую речь собеседника. Но и «отсебятину» нести не хочу. Изложу суть рассказа Ивана Никитича, как запомнилась она мне на долгие годы. А потом всплыла в памяти, как взгляд со стороны, когда захотелось мне вернуться к этой теме через десятки лет.

В шестидесятых годах девятнадцатого века семья Никитиных прибыла на жительство в Сибирь

из центральной России. Много тогда разного люда устремилось в эти края, спасаясь от голода. Разлетелись по всей Руси вести о сытой жизни за Уральскими горами. О землях плодородных, которых не касались никогда ни плуг, ни борона. О лесах дремучих, богатых ягодой разной с целебными свойствами, орехом кедровым – эликсиром жизни, дичью пернатой и зверьем мясным да пушным. И с постройкой изб в Сибири – никаких забот. Только не ленись, все под руками: дерево, песок, глина...

В числе других переселенцев семья Никитиных (отец, мать и двое малолетних сыновей – Иван и Поликарп) выбрала место для строительства жилья на первое время на краю кедрового бора, поблизости от полноводной реки Томи. За считанные дни соорудили новоселы, объединившись в бригады, добротные землянки – с рублеными из осинника стенами, наполовину утопленными в землю. С крышами-накатами из жердей, заваленных дерном, скрепленным цепкими корнями растений. Потом принялись мужики за повал леса для постройки домов. В ход пошли молодые, стройные, податливые для пилы и топора сосны и ели. К зимним холодам, управившись с работами по дереву, принялись мастерить глинобитные, с добавкой речного песка, печи.

К весне за зиму лодок долбленных с веслами на-мастерили переселенцы. Неводов для рыбалок наплели. Снег сошел, солнышко пригрело, принялись готовить пашни под огороды и хлебные злаки. Как у нас исстари говорят на Руси: «Глаза боятся, а руки дело делают». Это святая правда. Поселение свое из восемнадцати дворов новые сибиряки сразу Кедровкой назвали. Самое подходящее, красивое название. Только позже, когда власти стали регистрировать, переписывать возникшие поселения, выяснилось, что Кедровок в округе оказалось около десятка. Пришлось многим придумывать на сборах жителей новые названия. Зачастую за основу брали фамилию чем-то отличившегося земляка. Или – первопоселенца. Отсюда и вошли в обиход названия именные: Константиновка, Яшкино, Пашково, Марьевка, Варюхино. Но наши кедровчане заартачились, свое название отстояли.

Через год-другой выбрали себе братья Никитины невест из ближней деревни, детей завели. У Поликарпа дочка родилась, Настя, у Ивана – сын Степка. За три года разрослась Кедровка, за сотню дворов в ней перевалило. С работой дело наладилось. Рыбный промысел поселенцев хорошо выручал. Солили рыбу, вялили, зимой намораживали. На лошадях по две-три подводы увозили по санному пути на продажу в крупные села. Везли на деревенские ярмарки и в город Томск ту же рыбу, а еще замороженную клюкву и бруснику, соленые грибы, кедро-

вые орехи, поделки разные из кедра: ложки, плошки, скалки, толкушки, плетеные корзины и лапти из лыка. Все разбирал работный люд.

Когда подошла пора подростовой поселенческой ребятне грамоте обучаться, учителку из Томска привезли, избу для школы до ее приезда подготовили, заодно с жилой половиной для городской барышни. И сделали школу не двухлетней, как у соседей в двадцати верстах от Кедровки, а четырехлетней. По окончании ее выдавали на руки выпускникам «Диплом высшего начального обучения». (Именно такое свидетельство, полученное моей бабушкой Варварой после окончания тайгинской школы № 32 в 1913 году, более полувека хранила моя мама в коробке с другими документами. В конце шестидесятых она подарила этот диплом со сплошными пятерками (!) областному музею в городе Кемерово).

Интересно, что в «первую группу» (а не «класс», как сказали бы в наше время) открывшейся Кедровской школы в первый раз поступили ребяташки самого разного возраста, от восьми-десяти лет, родившиеся в Кедровке, до двенадцати-пятнадцатилетних, прибывших на новое место жительства вместе с родителями в младенчестве. Набралось всего учеников-первоклассников четырнадцать душ. В основном это были мальчишки. Девочек отдавали родители в школу неохотно, считали, что ни к чему тем грамота. Коров доить, с огородом, детьми будущими да с горшками на кухне управляться – ума большого не надобно, считали многие отцы и матери.

Старший из братьев Никитиных, Поликарп, проявил большой интерес к торговому делу. Когда увозил на ярмарки наловленную рыбу и поделки собственноручной работы, домой возвращался обычно не только с деньгами и нужными вещами. На половину выручки закупал, тайком от односельчан, разного городского товара: нитки, иголки, спицы вязальные, платки женские головные узорчатые, пудру, румяна для девиц и иные мелочи. По зиме, когда заваливало снегом «стежки-дорожки» до деревни, хитроумный Поликарп открывал свою торговлю на дому. До весны сбывал весь привозной товар. Деньжат при этом Поликарп Иванович выручал вдвое больше, чем заплатил за покупки летом. А тратить капитал не спешил. Копил средства для будущей жизни. Задумал верное дело. И брату Ивану открыл задумку свою. Не век же, объяснил, прозябать им в этом медвежьем углу. Когда-то выбираться надо на простор, в город какой-нибудь. Самим мир посмотреть и ребятам своим показать жизнь поинтереснее таежной. Ничего ведь дети не знают, не ведают о том, что за лесами-долами творится, какие люди и как там живут. Уходить отсюда надо в большой мир.

А деньги там, в миру-то, очень даже пригодятся.

И мечта у Поликарпа такая – наладить свое торговое дело, чтобы продавать покупателям товары разные в собственном городском магазине. Поразмыслив, Иван согласился: стоящее дело задумал Поликарп. Младший брат и сам нередко в последнее время, особенно длинными зимними вечерами, под завывание голодных волков и ветра, думал о том же: пора, ох пора выбираться куда-то из Кедровки. Она, конечно, любимая, но уж больно в глухом месте затерялась...

Сын Ивана Степан, окончив четырехклассную школу, в которой учился с одиннадцати до пятнадцати лет, во всех трудах стал помогать отцу и матери. Несколькими профессиями овладел не хуже взрослых работников. Еще будучи совсем мальцом, крутился постоянно Степка возле отца. Перенимал от него, умельца на все руки, всякие приемы трудовые во всех мужицких делах. Особливо – в работе с древесиной. Рано сроднились его не по возрасту сильные и ловкие руки с разным инструментом: с молотком, рубанком, плотничьим топором и пилой. В летнюю страду мог уже с двенадцати лет от роду управляться и в огороде, и в поле с конными граблями, плугом, бороной. Стал Степанка родителю своему незаменимым помощником. И силушку добрую в трудах таких нагулял парнишка на зависть многим своим приятелям-одногодкам. В уличных шутейных боях почти всегда выходил победителем.

29

А в 22 года выбрал для себя молодой человек дело торговое. К тому времени обе семьи братьев Никитиных перебрались для жительства на новую железнодорожную станцию под названием Тайга. Брат отца Степана, Поликарп, стал, как и мечтал смолodu, владельцем хозяйственной лавки с товарами для дома, двора, огорода, для содержания в здравии скота и домашней птицы. Степан готов был целыми днями пропадать в дядиной лавке, любые поручения выполнял, словом, освоил специальность самого широкого профиля «подай-поднеси».

Поначалу назначил дядя племяннику жалованье вдвое ниже, чем двум другим своим работникам с приличным стажем. Но вскоре молодой и деятельный Степан стал правой рукой хозяина. И оплата его труда заметно выросла. За три года работы на дядю племянник накопил приличную сумму денег и решил открыть собственную лавку. Да такую, чтоб помещение было просторнее, количество и качество товаров – выше, а ассортимент – шире. С большим сожалением расстался Поликарп Петрович с активным и хватким, на все руки ловким помощником. А когда развернул Степа свое дело, понял дядя, кого вырастил, выучил на свою голову. Повалил теперь народец молодой Тайги за желанными покупками в лавку Степана – прямого конкурента Поликарпа.

Скорее по необходимости, чем по любви, в те же

22 года Степан женился. Нужна была помощница по дому, чтобы могла взять в свои руки все женские дела. А в свободное от них время, как подсказал сыну отец, сможет супружница управляться еще и в лавке. Чистоту блюсти, раскладкой товара заниматься, за покупателями приглядывать, чтобы те ненароком не стащили чего-нибудь без оплаты. И при этом грамотной хозяйка быть должна, чтобы журналы учета вести, за счетами, доходами-расходами строго следить. А вот красота для лавочницы совсем не обязательна. Лишь бы в меру умна была, прилежна да исполнительна. Такую невесту для сына отец сам и выбрал – Анфису, дочку пчеловода из соседнего села. Присмотрелся Степан к Фиске и перечить отцу не стал. Не красotka она, конечно, но и не страхолюдина. Нормальная деревенская девка. Пошел, даже как-то весело, с ней под венец. Отцу-то виднее. Он дурного не присоветует.

Бойко пошло у молодого лавочника собственное дело. Приобрел за недолгое время дом для себя и молодой жены, отделился от родителей. Тесно стало в одной лавке торговать – построил недалеко от нее новый магазин. Рядом – просторные склады с ларями и крепкими полками да вешалами. Магазин замыслил, в отличие от лавки, продуктовым, и не только хлебом единым собрался в нем торговать, но и мукой, солью, сахаром, мясом, маслом да крупами разными. Чтобы не приходилось землякам за продуктами ездить за тридевять земель.

Так и проходили, пролетали в заботах и трудах 100 годы и годы. И все бы хорошо, только одно обстоятельство не давало удачливому купцу Степану Никитину покоя: не смогла родить ему жена ни одного ребятенка. Видно, и саму Анфису это тоже угнетало. Занемогла крепкая по молодости женщина. Сперва местный лекарь определил у нее нервную болезнь. К ней добавились боли в желудке, а после то на головную боль начала жаловаться Анфиса, то на сердечную. Так все время от чего-то да страдала. И в юности красотой бедняжка не блистала, а как за сорок ей перевалило, почти в старуху превратилась – тощую, беззубую, страшноватую. Едва выносил Степан присутствие супруги, но терпел до самой ее кончины. Ушла Анфиса из жизни в свои сорок лет тихо и буднично. Пролежала недели три в постели, совсем не поднимаясь. А в одно раннее утро заглянул в горницу болящей Степан и нашел ее уже скончавшейся. Кроме пустоты в сердце ничего не почувствовал...

Около полугода прожил Степан Иванович бобылем, ни на одну девку, бабу ли глаза не положил. А немало одиноких женщин в округе мечтали занять место покойной Анфисы. Но ни одна из них не затронула сердца купца, знающего себе цену. Теперь-то не покорная помощница в делах была ему нужна.

Тосковала душа, казалось, загрузевшая с годами, по доселе неведомой девице-красавице – с глазами ясными и чистыми, с речами умными, с губами нежными... «Или упустил я свое счастье навсегда? – думал с горечью Степан. – Не поздно ли спохватился, размышчался?»

В начале июня 1912 года отправился купец на трех подводах аж под Урал, за товарами для торговли. Прихватил с собой верного друга и помощника – приказчика Ивана Маслова. Да еще двух молодых парней-работников – крепких грузчиков и надежных защитников. Снабдил ребят охотничьими двустолками с запасом патронов. В общем, к долгому и опасному пути подготовились сибиряки основательно. И до назначенного места добрались без особых приключений.

Остановился Степан в добром гостинном дворе у обрусевшего немца. Российские чиновники когда-то, при регистрации его на новом месте, переделали немецкие имя и отчество на наш манер. Вместо Теодора стал переселенец Петром, а отчество его – Дитрихович – переименовано было на более понятное: Дмитриевич. Заодно и фамилию немцу поменяли. Прежняя была такая, что ее ни за что не вымолвишь, а новая запоминалась легко и просто: Скоробогатов. И подошла эта фамилия человеку как нельзя лучше. Скоро пустил чужак цепкие корни на сибирской земле, дело свое умело наладил и уж если не шибко богатым, то вполне обеспеченным стал.

Разогрелись гость с хозяином за одним столом после немецкого шнапса. Расслабились, подобрались. Вспомнил Степан о друге своем и первом помощнике Иване Маслове. Попросил Петра Дмитрича позволить пригласить купеческого приказчика к столу. Хозяин без лишних слов уважил просьбу гостя. Хорошо скоротали вдвоем долгий летний вечер. Наговорили друг другу много разного, даже такого, о чем в другое время, скорее всего, и не заикнулись бы. Но особо запомнились Степану слова Петра Дмитрича о дочери своей единственной, то, как душевно отец о ней рассказывал. Даже имя ее необычное, но приятное слуху купец запомнил: Марта.

На другой день познакомил хозяин постоянного двора Степана Ивановича и с женой, и с дочерью. Глянул заезжий гость на барышню, и дух у него перехватило. В жизни не встречал он такой красавицы! А еще и скромна, и мила улыбкой застенчивой, взглядом блестящих глаз голубых. Да к тому же по неторопливой ее плавной речи, по словам грамотным понял Степан, что Марта образованна и хорошо воспитана. В общем, именно о такой девице и мечтал он все последнее время.

Когда обоз Степана с товаром уже готов был к отправке в обратный путь, собрал купец волю в ку-

лак и пошел на поклон к Петру Дмитриевичу. Упал перед изумленным хозяином на колени, схватил его руку, поцеловал, а потом прохрипел осевшим от волнения голосом:

– Мил человек, Христом Богом тебя прошу, отдай в жены за меня дочь твою ненаглядную – Марточку! Чую, не будет мне жизни без нее. Окажи милость Божескую!

– Что ты говоришь, Степан Иванович? В здравом ли ты уме? Три дня всего дочь мою видел и уже такие речи ведешь. Ты ее-то спросил, пойдет ли она за тебя? По возрасту ведь ты в отцы ей разве что годишься!

– Да я еще, я... – засуетился Степан.

– Сейчас, погоди, – остановил гостя хозяин. И, выглянув за дверь, крикнул: – Марта! Поди-ка сюда!

Вошла красавица, с любопытством глянула на отца, на взволнованного чем-то гостя.

– Вот что, дочь. Скажи, готова ли ты пойти за этого господина замуж? Говорит, не жить ему без тебя. Хотя для жениха не в том он, думается мне, возрасте. Сорок четвертый годок ему. Вот и ответь: готова ли пойти за него? – слегка усмехнулся отец, предвидя негодование девушки и решительный отказ.

А та обернулась к купцу: здоровый, сильный перед ней человек, лицо молодое еще, хоть и напряженное. Зубы стиснул, смотрит на нее светлыми чистыми очами, а в них такая тоска, такая боль. Прижала барышня руки к груди, повернулась к отцу раскрасневшимся лицом и произнесла негромко:

– Готова, папенька.

– К чему готова? – спросил растерянно отец.

– Ну, ты же спросил, готова ли я пойти замуж за этого господина. Я и говорю: готова, папенька.

– Тьфу ты! – сплюнул по-русски на пол немец. – Сколько молодых парней ей в женихи набивались – не готова была. А тут... – Потом повернулся к Степану: – Так и будешь на карачках торчать? Воля ваша. Я дочери не указчик. По правде сказать, засиделась в девках. Двадцать третий год пошел. Но такого я от нее не ожидал. Она готова... А я что же? Иди, Степа, обнимемся, раз такое дело...

...И товар, закупленный для лавки, в Тайгу купец доставил, и невесту в дом свой привез. Вскоре в Божьей церкви Ильинской молодые наши обвенчались. Только священник, отец Николай, по своему хотению имя Марты на Матрену заменил. Так и в свидетельстве о браке записали. Перечить отцу святому Степан не решился. Но после женушку любимую только Марточкой называл, не иначе. И уже через десять месяцев после свадьбы подарила она супругу милому сына – первенца Леонида.

Появление молодой красавицы жены всю жизнь Степана Ивановича изменило. Расправил купец по-

никшие было плечи, за работу ухватился пуще прежнего. Окреп, помолодел душой и телом. Заметно подобрел к соседям, к людям своим рабочим. Да еще стали одолевать Степана мысли о новом доме для своей любовашки. О достойном ее доме! С высокими потолками, большими светлыми окнами, просторной верандой, на которой было бы приятно посидеть летним вечером с добрыми друзьями или родственниками. Причем должен этот дом состоять из двух разделенных капитальной стеной половин. Одна – для него и Марточки, другая – для наследника или наследников, если не одного Бог даст. А главное, мечтал Степан Иванович построить новый дом целиком – от фундамента до мельчайших деталей отделки, из самой ценной в Сибири породы дерева – лиственницы.

Сдерживала претворение замысла купца в жизнь не только дороговизна этой древесины. По его подсчетам, наем рабочей силы при возведении такого дома раза в три, а то и в четыре превысит оплату обычного труда вальщиков деревьев, распиловщиков, плотников, отделочников, строящих из древесины других пород. Сам Степан не раз на деле испытывал немыслимую крепость лиственницы. Пока распилят здоровые мужики надвое бревно привычной ручной пилой, семь потов прольют. Обыкновенный гвоздь вбить в лиственничную доску не у каждого враз получится. Под ударами молотка и топора звенит порой, как металл, деревянная заготовка, пропитанная чудесной смолой, превращающей древесину в монолит...

Начать стройку быстрее купца заставило важное известие. Когда его первенцу пошел второй год, Марта сообщила, что беременна вторым ребенком. «Девочку хочу», – промолвила женщина, застенчиво потупившись. «А я бы и против второго сына не возражал!» – весело воскликнул Степан, обнимая и целуя женушку.

И незамедлительно приступил к заготовке, отбору и доставке материала для дома своей мечты. Так все рассчитал, чтобы заселение в новое жилище совпало с появлением на свет второго малыша. Сам с удвоенной энергией впрягся в работу и наемным работникам спуска не давал. Подгонял, если надо – подсказывал, помогал мужикам и парням не только словом, но и делом. Особо старательных хвалил принародно и денежной добавкой награждал. По завершении важных этапов работ накрывал во дворе большой стол с умеренной выпивкой и обильной закуской. За все это работный люд ценил и уважал своего нанимателя, выкладывался на стройке по полной.

Завершено возведение дома было к середине сентября 1914 года, по бумагам – двенадцатого числа. А через неделю, 19 сентября, громким плачем заявил о своем появлении на свет второй сын

Степана – богатырь весом в четыре килограмма, с рыжеватой шапочкой курчавых волос. И спустя еще одну неделю наконец-то огласил мой будущий отец своим победным ревом новый гулкий лиственный дом.

Степан Иванович подхватил сверток с новорожденным, поднял его над головой и, не скрывая счастливых слез, громко расхохотался, выкрикивая отрывисто:

– Ух, какой! Смотрите все! Мой, весь в батьку! Никитинская порода! У, какой тяжеленький, как медвежонок малой. Молодец! Быть сынку Мишкой, Мишаилом Степанычем!

Заселить-то одну половину дома счастливые хозяева заселили, но еще долго купец самолично доводил новостройку «до ума». Навешивал снаружи на окна надежные ставни. Прилаживал к ним стальные полосы с мудреными тонкими болтами для закрытия ставен на ночь. Мало ли малолетних да и взрослых хулиганов, желающих с помощью увесистого камня проверить на прочность новенькие стекла – очень недешевые в те годы. Днем шпана остерегалась «шалить», а по ночам все смелые. И те, которые самые трусоватые, даже в первую очередь на пакости горазды...

Дом построил Степан Иванович пятистенком, то есть состоящим из двух половин. Наружные стены рубились из бревен, и та, по счету пятая, что надвое дом делила, тоже капитальной была, бревенчатой. С дальним прицелом хозяин соорудил дом. Занял с женой и новорожденным Мишуткой половину попросторнее, а в меньшую решил пока поселить соседскую девушку Клавдию, шестнадцати лет от роду, из многодетной бедняцкой семьи. Наняли ее супруги Никитины в няньки к старшему сынишке, тогда двухгодовалому Лене. Для этой парочки и жилье подготовили соответственно: нянюшке широкую деревянную кровать поставили, малышу – маленькую качалку-кроватьку рядом приспособили.

Потом, как вырастут дети, рассуждал глава семьи, да надумает старший, Леонид, жениться, достанется ему старый дом его, Степана, родителей на Третьей улице, что рядом с их магазином. А в этой половине второй ребенок станет жить, кто бы ни родился – сын или дочка. Будет под боком у отца и матери опора и подмога, ежели понадобится им это когда-то. А дому этому, даст Бог, сто лет стоять, а может, и поболее.

Но счастье с любимой супругой продлилось для Степана недолго. Когда младшему сыну исполнилось два года, сразила Марту страшная, в те времена неизлечимая болезнь – скоротечная чахотка.

(Мама пояснила мне, что так называли в народе двустороннее воспаление легких. «А пенициллин

тогда еще не изобрели, – с сожалением говорила она. – Столько людей из-за этого раньше времени ушли из жизни! Даже, говорят, сам хороший доктор и замечательный человек, писатель Антон Павлович Чехов молодым еще умер от этой же болезни. Не смогли его спасти». «Писатель? Умер? – дрожащим голосом произнесла я, тогда восьмилетняя. – Это неправильно!» «Кто-кто, а писатели, да еще и хорошие, не должны умирать! Я ведь тоже буду писателем, – мысленно напомнила я себе. – И что, я тоже... умру? Ни за что, никогда! Вот возьму и не умру! Назло всем врагам!»).

Похоронили Марту в марте 1917 года. Затих, осиротел любимый дом Степана Ивановича. Слово рухнул в какую-то бездну весь мир. Даже сыночки родные, любимые не радовали отца, а рвали его истерзанную душу своим плачем и вопросами. «Папа, где мама? Где наша мамочка?» – то и дело спрашивал, обливаясь слезами, четырехлетний Леня.

Пробедовал Степан с мальцами неделю-другую, и привел в дом местную же, с Забура, одинокую бабу Марию – не замужнюю, не рожавшую, тридцати пяти лет от роду. Здоровая, сильная, работающая, чистоплотная – такая ходила о ней молва. Не супругу выбирал наш купец, а только ради сынков принудил он себя пригласить в дом чужую женщину.

При старательной и умелой помощнице изменилась обстановка в доме купеческом. Цветы на окнах, что совсем захирели в последнее время, ожили, зазеленели, иные и зацвели. Все в доме заблестело от чистоты, запахло в нем борщом и сдобными пирогами. А еще, это самое главное, оба мальчика, Леня и Мишутка, перестали при появлении отца забиваться куда-нибудь в угол и пощечны скуливать, доводя этим Степана до белого каленья. Стали сыновья заметно спокойнее и уже не со страхом, а с любопытством, что ли, с ожиданием чего-то хорошего поглядывали на него. И Степан, наконец, в каком-то новом для себя душевном порыве, шагнул к мальчонкам, обнял обоих сразу, прижал к груди... Ткнулся лицом в головки и вдруг, сам того не ожидая, заплакал. Потекли по его лицу давно застоявшиеся, горячие слезы.

– Папочка, ты что? Не надо... Мы же с Мишей с тобой. Мы уже не плачем! – затараторил Леня. И тут же захлопал носом Мишка.

– Ну, все, все! – встряхнул слегка сыновей отец. – Все. Никто больше не плачет. Договорились?

И мальчишки молча закивали в знак согласия.

Наутро, когда Мария пришла на работу, Степан Иванович, хмуро сдвинув брови, сказал ей глуховатым голосом:

– Если ты не против, давай перебирайся ко мне

со всеми манатками из своей развалюхи. Чего каждый день таскаться туда-сюда... Чего молчишь? Согласна? Нет?

– И кем я тут при тебе буду? – смело спросила Мария, глядя прямо в глаза хозяина дома.

– А чего ты хочешь? – неласково спросил Степан. – Хозяйкой стать? Милости просим. Мне уже все едино. Марту мою мне никто никогда не заменит. А детям моим достойный догляд нужен. По закону расписаться желаешь? С этим обожду пока. Присмотрюсь к тебе повнимательней, чтобы оплошки не вышло. А там поглядим, как сложится.

А вскоре обрушилась нежданно-негаданно на страну большая беда – революция какая-то. Разнесся по осени слух, что с Питера вся неразбериха началась. Чего им там не хватало? Жили себе и жили люди нормально. Кто не ленился, не пил, не гулял, работал по мере сил, тот и не бедствовал. А лодырей и охотников до чужого добра на Руси всегда хватало. Теперь их большевиками прозвали. Неужто их больше, чем нормальных, порядочных людей? Мысли такие нарушали покой купца, спать по ночам не давали.

«Ладно я, считай, уже старик. Пожил на свете, повидал многое, – думал этот сильный человек. – И меду попил, и горького нахлебался, все испытал, все перенес... А что с детенками моими будет, ежели власть эти антихристы захватят? Неужели Руси не станет? Один хаос и «конец света», которым извечно сильные слабых пугали? Мне вот, к примеру, за какие грехи такое? За что наказание такое всем людям, которые жили мирно, пить-есть ни у кого не просили, все нужное трудом честным добывали? По привычной поговорке жили: «Как потопоешь, так и полопаешь».

Но кому-то такая участь не по нраву пришлась, таким, кто много «топать» не хотел. А «лопать» пожирнее да послаще им хотелось. Вот и пришли они однажды, это уже в девятнадцатом году было, в дом купца Степана Ивановича. Описали все его имущество, ничего не упустили: магазин, лавку, склады с товарами, конюшню с парой гнедых, двух коров-кормилиц и бычка-трехлетку, поросят и даже кур. Сперва и домишко, что по соседству с новым домом стоял (проживал в нем приказчик Иван Маслов) тоже в список изъятия внесли. Однако, подумав, вычеркнули: неказистым, незавидным выглядел «пожилой» флигелек. Да и обитатель его под «уплотнение» не подпадал. Повезло мужику, пусть себе живет, радуется этой развалюхе.

А Степану Ивановичу предписание на бумаге с печатью вручили – с требованием через три дня покинуть жилье. Крепко задумался бывший купец, а ныне – кулак Степан Никитин. Под вечер уединился в своей любимой комнатке-боковушке на одно

окно, запер на защелку дверь, наказав Марье, чтобы не беспокоил его никто. Засел за стол. Лист чистой бумаги перед собой положил, ручку с чернильницей приготовил, что-то писать начал. Спустя какое-то время зашел в горницу, отворил шкаф, звякнул стеклом. Мария подняла голову с подушки, глянула на Степана вопрошающе.

– Спи, спи, – сказал он ей, доставая бутылку и стакан. Пошел к двери, но остановился на полпути. Обернулся к женщине, закрывшей было глаза, проговорил: – Там, на столе, я бумагу написал, не трогай ее, не затеряй. Это шибко нужная и важная для тебя бумага. Если придут люди, будут спрашивать меня, эту записку им отдашь. Не забудь.

– Степан Иванович, про что ты говоришь? Ничего не пойму. О чем ты? Какие люди? Куда ты на ночь глядя собрался идти? Или молодцу взамен мне нашел? Так бы и сказал. Не такая женщина, как я, тебе нужна. Я всегда знала, думала про такое.

– Кончай глупости городить. Спи, сказал!

Говорят: утро вечера мудренее. Но такой мудрости, какая поутру обрушилась на несчастную Марию, не зная бы ей вовек. И врагу такого не пожелаешь. Однако от назначенного судьбой не убежишь. Понимала Мария Архиповна, что нечего ей ждать счастья в замужестве с таким мужчиной, каким был Степан Никитин. Но надеялась все-таки в глубине души, что с годами, может быть, «стерпится и слюбится». Не случилось.

Ранним утром, не найдя кормильца своего в доме, обнаружила его Мария Архиповна, когда вышла во двор. Осмотрев стойки и конюшню, заглянула в складское помещение. Там, недалеко от двери, висел ее любимый мужчина с веревочной петлей на шее, немного не касаясь ногами пола. Рядом валялась низкая табуретка, сработанная когда-то молодыми еще руками самого купца.

Охнув, кинулась Мария к Степану, упала на колени, обхватила его холодные, уже затвердевшие ноги и рухнула в беспамятстве рядом с табуреткой...

Пришли потом к ней люди, о которых Степан говорил. Опросили ее (или допросили), затем во флигеле приказчика Ивана Маслова навестили. Долго писали, заставляли что-то подписывать. Отдала им Мария Архиповна записку, написанную Степаном Ивановичем. Читала ее вслух женщина, а мужчины, их двое было, молча слушали. И Мария вместе с ними слушала слезное прошение покойного к представителям новой власти.

Умолял «товарищей» Степан не сдавать его сыночков в приют, а доверить воспитание малолетних братьев вдове невенчанной – Марии Архиповне. И при этом не забирать у сирот их отчий дом, который возвел родитель своими руками именно для своих сыновей. Попросил назначить мачеху опеку-

шей мальцов и разъяснить ей одно условие. В доме этом, если решит власть по совести, мачеха Мария может оставаться пожизненно, но при этом должна будет заботиться о мальчонках-сиротах, как о собственных детях.

Удивительным и невероятным представляется мне, что тайгинские начальники того грозного времени (если верить разным свидетельствам о бесчинствах большевиков) учли пожелания отца малышей. Вынесли действительно такое решение: назначить Марию опекуной пасынков и исключить из «акта изъятия» купеческого добра этот новый дом. По достижении детьми совершеннолетия и после считать именно их полноправными собственниками жилья.

При этом посоветовали Марии срочно обзавестись законным мужем, так как отдавать детей в неполную семью, считали представители власти, нежелательно. Мария Архиповна, закаленная разными невзгодами, обладающая сильным характером (да и физической силой немалой), после недолгого раздумья решительным шагом направилась к флигелю, в котором все так же в одиночестве проживал Иван Маслов. Без лишних церемоний взяла его Марья в оборот и повела в загс заключать фиктивный, как говорят нынче, брак.

...Потеряв работу у купца, бывший приказчик Степана Ивановича пообивал пороги нескольких ведомств. И, наконец, принял предложение, которое ему сделали в паровозном депо. Там не имеющему специального образования, но, судя по отзывам о нем, деятельному, мастеровитому человеку решили доверить должность машиниста... Маслов от неожиданности вздрогнул и на мгновение даже зажмурился. Он с детства завидовал машинистам и мечтал водить поезд.

– Но я ведь не обучен! – пролепетал Иван. – Водить поезд – не барану чихнуть...

– Какие поезд? – рассмеялся начальник кадров. – Ты же не дослушал меня. Будешь машинистом водонапорной башни. Она, слава Богу, у нас куда не ездит. Придешь, покажут тебе башню изнутри, трубы, вентили, краны... Что там еще. Инструктаж прослушаешь. Грамоте ведь обучен? Читать, писать умеешь?

– Четыре группы образования имею, – с достоинством произнес мой «двоюродный» дед. – Я, между прочим, без газет и литературных книг ни дня не живу.

– Вот и славно, – посерьезнел кадровик.

Забегая вперед, скажу: Иван Никитич проработал на одной из трех тайгинских водонапорных башен 36 лет, до самой своей смерти. В 1924 году он вступил в ряды Коммунистической партии. Очень любил Владимира Ильича Ленина. Потом – дорогого Иосифа Виссарионовича. А Никите Хрущеву долго не мог простить обид, нанесенных им покойному вождю – великому Сталину.

А тогда, в 1919 году, Мария сгребла Ивана Маслова в охапку и потащила в загс оформлять брак «по любви и обоюдному согласию». Жених был моложе невесты на пять лет (и на пять сантиметров ниже ее ростом). Но любви, как известно, «все возрасты покорны». Со временем Иван да Марья очень хорошо поладили друг с дружкой. И брак, поначалу фиктивный, принес свои плоды. Благодаря ему лиственничный дом перешел по закону к сыновьям Степана. А еще в этом браке Мария почти в сорок лет родила единственное свое дитя – дочку Валентину.

Брак супругов Масловых продлился 34 года, с 1919-го по 1953-й, когда Марии Архиповне исполнилось 67 лет. Ничем серьезным в жизни она не болела. А скончалась скоропостижно от инсульта, когда услышала по радио сообщение о смерти Сталина. Странно это. Ведь она ненавидела «отца народов», проклинала его за потерю самого дорогого для нее человека – Степана Ивановича. Может быть, от большой радости этот инсульт с бабой Марией случился?

А вот дед Иван Никитич пережил смерть Сталина спокойно. Хотя в молодые годы любил его безмерно. И ведь не сразу начали открыто писать в газетах страшное об Иосифе Сталине, а только после хрущевских разоблачений. О «культе личности» вождя, о зверских пытках политзаключенных в застенках ГУЛАГа, о массовых расстрелах по его указке честных, ни в чем не повинных людей. В общем, окончательно перевоспитала пресса нашего русского Ивана. Но охладел он к «отцу народов» еще раньше.

Мы с братом Женей любили дедушку Маслова сильнее, чем мачеху нашего отца Михаила Степановича. Если честно, бабу Марию я вообще не любила, как и своего папу, который выжил на войне, но к нам не вернулся. И наш несчастный дед Степан рано радовался, когда построил для сыновей дом «на века». Тихий, добрый, похожий на свою маму Марту, одаренный баянист и красивый юноша Леня погиб совсем молодым, в 20 лет. Зарезал его ножом в пьяном угаре сосед по Забуру по фамилии Насонов.

Тогда восемнадцатилетний Михаил, обезумев от горя и выпив полный стакан самогона, кинулся на поиски убийцы. Ломился в дверь его дома, колотил по ней руками и ногами. Не дождавшись ответа, разбил стекла в двух окнах, выходящих на улицу, хотел разбить и последнее третье. Но его скрутили прибежавшие на шум мужики – соседи Насонова, и уволокли в милицию. К тому времени там, в соседней темнушке с зарешеченным оконцем, храпел на лавке уже задержанный пьяный убийца Леонида.

Осудили Насонова на восемь лет. Но отсидел он только два из них. А потом убили его сокамерники.

Говорили, что был он зарезан ножом или «заточкой» по причине «плохого, неуживчивого характера». И папа мой был тут ни при чем. Ему, к слову, за угрозу убийством в день гибели брата вынесли совсем мягкий «приговор»: обязали за свой счет застеклить выбитые окна в насоновском доме. И все. Но деньги на стекло пришлось Мише просить в долг у соседей и приятелей. Мачеха Марья Архиповна не дала ему ни гроша.

Прожил Михаил в отцовском лиственничном доме до двадцати четырех лет. Женился на моей будущей маме, стал отцом Жени, потом и моим. Был призван в армию, направлен на учебу в артиллерийское училище. Выпустился в звании младшего лейтенанта. И его, отца двоих детей, даже без предоставления хотя бы краткосрочного отпуска сразу отправили на фронт, в самое пекло войны.

Было у нашего папы много боевых наград – и медалей, и орденов. Трижды он был ранен. Последнее ранение оказалось очень тяжелым. Случилось это уже в конце войны. Самолетом из Пруссии едва живого отца доставили в московский военный госпиталь. Там ему провели две сложнейшие операции – удаляли мелкие осколки, поранившие шею, и один крупнее, засевший в позвоночнике.

И в то же самое время наш папа стал отцом третьего ребенка. В Москве у него от «фронтовой» жены – коренной москвички Наташи, санитарки госпиталя – родилась еще одна дочка. Назвали ее Таней. А наш папа тоже стал москвичом.

В Тайгу он приехал только однажды, поздней осенью сорок шестого года. Провел в родительском доме в компании с супругами Масловыми всего одну неделю. Приезжал на малую родину с единственной целью – оформить развод с нашей мамой. Заглянул на полчаса и в наш дом на улице Озерной. Я разглядывала отца молча, с явной неприязнью. Как мама могла полюбить такого противного, рыжего, с волосатыми руками и рыжими же веснушками на них? Он шагнул из прихожей в комнату, увидел меня, семилетнюю девочку, подхватил под мышки своими сильными лапами и, оторвав от пола, поднял над головой. Я возмущенно засопела и что было сил саданула его коленкой в грудь, куда уж получилось. Отец охнул и быстро опустил меня на пол. У него сильно покраснели лицо и шея.

– Дикарка какая-то! – громко произнес он. И, повернувшись к маме, спросил напряженным голосом: – Ты кого воспитала?! Сын, слава Богу, кажется, не такой. Так ты и его испортишь. А знаешь что? Заберу я, наверно, Женю с собой в Москву. Хоть он пусть нормальным человеком вырастет. Поедешь, сын? Москва – это тебе не Тайга. Это не город, а мечта. Школу в столице закончишь, потом институт, человеком будешь... – Только тут он глянул на свою Наташу, споткнулся на слове. И добавил

уже совсем другим, жестким голосом: – Но у меня в доме будет воинская дисциплина. Там ты у меня по одной плашке пройдешь, на другую – не глянешь!

Женя все время, пока отец говорил, слушал его молча. Я смотрела на брата и не могла понять: почему он молчит? Неужели и он хочет бросить нас с мамой и жить с этими – с Рыжим, Наташей и ее дочкой?! Но в тот же миг брат выскочил из-за стола, кинулся к маме, обхватил ее руками и закричал пронзительным голосом:

– Мамочка, не отдавай меня им! Я прошу тебя, мамочка! Не отдавай!

– Да ты что, сыночек?! – воскликнула мама. – Ты что? Никогда, ни за что, никому в жизни я вас не отдам... Успокойся, родной, они уже уходят.

Отец большими шагами двинулся к двери. Наташа, придерживая увеличенный живот, засеменила за ним. У порога она задержалась, сунула руку в свою облезлую лаковую сумочку, вынула из нее голубую тонкую пачку печенья, оглянулась по сторонам: куда ее положить? К столу подойти не решилась, наклонилась, положила пачечку на пол, сказала, ни к кому конкретно не обращаясь: «Это детям. Поделите поровну...» – и упорхнула.

– Бедный Михаил! – промолвила мама грустно. Но от этих слов мне стало жалко ее саму.

«Как хорошо, – подумала я об отце, – что он укатит в свою Москву с этой чертовой Наташей и ее противной, без конца орущей белобрысой дочкой... И папочка противный. О чем только мама думала, когда выходила за такого замуж? О будущих детях не подумала, которые родятся и будут похожими на отца, и будут так же переживать, как я, глядя на себя в зеркало? У меня ведь в него на лице эти гадкие веснушки. А у него на лице их теперь нет, но все руки до плеч ими усыпаны. И на плечах, как говорила бабушка Мария, и даже на спине они тоже имеются. Бр-р-р!»

Спустя какое-то время пришло нам письмо от Наташи с радостным сообщением: у нас с Женей в Москве родился еще и братик – Геночка. Его родители решили, что он стопроцентная копия Жени. «Ну щас, обрадовались! – молча возмутилась я. – Не может быть никакой копии у моего любимого брата!»

Помню, как бабушка Мария Архиповна в моем присутствии со злостью сказала тогда маме:

– Эта холера Наташка специально мальчонку родила, чтобы тебе на Женю и Люду меньше алиментов с Михаила высчитывали. Теперь будет половина денег уходить на тех двоих. Опять тебя обобрали!

Мама нетерпеливо резко махнула рукой. Баба Маня смолкла и засобиравлась уходить.

В раннем детстве мы с Женей нередко наведы-

вались в дедушкин дом. Хотя дорога туда, особенно мне, трех-четырёхлетней, давалась очень нелегко. Дело в том, что мама весь день, с раннего утра до позднего вечера, пропадала на своей работе в паровозном депо. И чаще всего мы покорно ждали ее возвращения. Но иногда становилось нам совсем невмоготу от тоски и голода. У обоих противно урчало в животах, у меня начинала кружиться голова, и хотелось завывать в голос. Я крепилась, как могла, только молча начинала лить слезы. Тогда брат с суровым выражением лица выводил меня из дома на крыльцо. Там он, уже большой, семилетний, закрывал ключом тяжелый железный замок на двери. Прятал ключ, как научила его мама, под веник, прислоненный к стене. И, взяв меня за руку, вел к Масловым.

Долго плелись мы по покато́й, с затяжным подъемом дороге. С нетерпением поглядывали на край неба впереди, ждали, когда покажется на его фоне верхушка высоченной ели, которую дедушка Степан, как говорила мама, посадил возле своего будущего дома малюсеньким саженцем. Тогда только начиналось строительство, и дедушка огородил эту елочку крепкими, вбитыми в землю приметными столбиками, чтобы кто-нибудь случайно не затоптал, не загубил саженец. А теперь превратился он в могучее дерево с густой вечнозеленой кроной – от земли до самого неба. «Это памятник вашему дедушке Степану», – говорила нам мама о красавице ели. И мы с Женей снова и снова с почтением разглядывали удивительное дерево.

Когда добирались мы, наконец, до долгожданного порога и случалось, что бабы Мани не было дома, я радовалась. Но не замечала, чтобы и брат разделял эту радость со мной. Он относился к бабе Мане хорошо. А я видела, как всегда искренне радовалась Марья Архиповна приходу Жени. Обнимала, трепала ласково его «золотые» волосы на макушке. Со мной она редко заговаривала и ни разу не приласкала. «Ну и не надо, – думала я (все-таки с обидой). – Как-нибудь обойдусь. Меня мама любит. Мне этого хватит». Но кормила нас Марья Архиповна всегда одинаково. А если ее не оказывалось дома, дедушка старался еще лучше угостить нас чем-нибудь вкусным, что было в доме. Помню, как один раз он украдкой достал два ржаных пряника с розовой глазурью из потайной бабушкиной «зачки», как выразился сам дед. И приказал нам: «Давайте, быстро съедайте или прячьте по карманам, если они есть». – «У меня есть», – сказал Женя и с трудом затолкал в узкие кармашки штанишек редкое для нас лакомство. Я поняла: дома брат будет делить два пряника на троих, чтобы маме тоже досталось. Молодец Женя!

«Наш» дом казался мне самым лучшим по сравнению с другими. Нравилась его большие окна, го-

лубые наличники на них и белые ставни. Железная крыша, окрашенная в красновато-коричневый цвет, тоже очень нравилась, как и просторная крытая веранда с двумя крылечками – каждое у своей половины дома. Очень нравился мне ухоженный бабушкин огород, на котором росло все, что знала я из овощей. Это в первую очередь картошка и капуста. А еще – помидоры, огурцы, крупнущая морковка с ярко-зелеными «косами», свекла, репа, брюква. Огромный, сочный и вкусный, хоть и с легкой горчинкой турнепс – знаменитый своей урожайностью овощ военной поры. И, конечно, зеленый горошек – настоящее лакомство для детей.

Да, на бабушкином огороде так много было всего соблазнительного, но это не значит, что нам оттуда перепало что-то в избытке. Очень редко баба Маня выдергивала для нас с Женей морковку, мыла ее, чистила ножом и разрезала вдоль на две половинки. Чаще угощала длинными раздутыми стручками сладкого гороха. И вот что еще странно: на нашем огороде возле дома все овощи были почему-то мельче и не такие вкусные. Как-то я вслух сказала об этом при маме. Та слегка нахмурилась и с горечью вымолвила:

– Бабушка Маслова не стоит по двенадцать часов в день за токарным станком, как ваша мама. У нее есть время для ухода за грядками.

Я пожалела, что нечаянно расстроила своими рассуждениями бедную мамочку. А брат Женя легонько ткнул меня в бок и прошептал мне на ухо: «Не в том дело, что времени у бабы Мани много. Ты вот не знаешь, а я слышал, как тетки бабушку нашу ведьмой называли. Сидят как-то на лавочке у Васюковых, сплетничают и говорят: «Маслиха – ведьма. У нее и корова больше наших молока дает, и куры яйца крупнее несут, часто даже по два желтка в яйце. У кого-то такое случалось? Ни разу. Вот так. И в огороде у нее все цветет и пышет. Она только выйдет в огород, дунет, плюнет – и пожалуйста!»

«Пра-а-вда?» – округлив глаза, спрашиваю я брата. «Правда-правда», – заверяет меня Женя. «Ну, все! – решаю я про себя. – Пойду одна в огород и все грядки заплюю. Посмотрим, поможет это или нет».

...Когда после долгой разлуки с родным городом я вернулась в Тайгу, первым делом решила проведать милый сердцу «дедушкин» дом. И испытала настоящее потрясение, не увидев рядом с ним заветного дерева. Упавшим голосом спросила про ель увстреченной возле соседнего дома незнакомой старушки.

– Ой, и не говори, милая! – сказала она со скорбным выражением лица. – Все мы, всей улицей вспоминаем и жалеем нашу елочку. Ее ведь первый настоящий хозяин, был такой купец в Тайге, Степан Ники-

тин, самолично вот такусенькой, – бабуля подняла указательный палец, – еще при царе посадил, когда этот дом начинал строить. Она же, елка эта, как талисман нашей улицы была. Ее, можно сказать, святыней считали... А потом какой-то из новых хозяев дома свалил сердешную бензопилой. Дров ему заготовленных, видите ли, до весны дотянуть не хватило. Я бы такого дурака собственными руками... Ох, прости меня, Господи! – и старушка истово перекрестилась...

Тоска поселилась в моем сердце после этого разговора. И сколько бы раз ни оказывалась я потом у листовенничного дома, начинала бередить душу грусть-тоска о великолепной дедовой ели...

В 1959-м на зимних каникулах мы с Женей снова приехали из Томска в Тайгу. Остановились на три или четыре дня у троюродной маминой сестры, нашей дорогой тети Дуси. Вот уж с кем была у нас настоящая, искренняя и обоюдная любовь! Была она к тому же моей крестной матерью.

Перед отъездом, конечно, надо было навестить дедушку Ивана Никитича и его новую бабушку, с которой познакомились в прошлом году. Да и любимого листовенничного дома я уже целый год не видела. Ему, кстати, исполнилось тогда 45 лет. «Ничего себе, – подумала я, – он ровесник моим родителям, а выглядит так, будто его совсем недавно построили. Стены у него, конечно, потемнели, но все равно светлее, чем у тех домов, которые простояли всего лет пятнадцать, двадцать. Может быть, потому, что дедушка Степан был очень хорошим человеком. Так всегда говорит о нем Иван Никитич.

Заходим с Женей в дом. Деда Ваня встречает нас радостно:

– Ах ты ж, Боже мой! Внучатки дорогие мои! Как я рад, Господи! Часто вспоминаю вас, а видимся – хорошо, если раз в год. Ну дак не до поездок частых вам, понимаю...

Наш Никитич откладывает в сторону газету, снимает очки с толстыми стеклами с большого, не по росту, носа. Над носом его многие потешались – и за глаза, и в глаза. А мне всегда было жалко дедушку в таких случаях. «Дураки! – думала я о шутниках. – Он же не виноват, если родился с таким носом. У меня вот – веснушки...»

– Дуня! – громко зовет дедушка свою бабушку. – Иди сюда, приехали мои дорогие внуки – Людочка, Женя. Какие красавцы, а! Ты только посмотри! На меня похожи. Правда, нет? – и весело смеется своей шутке.

В дверях появляется баба Дуня – маленькая, опрятная, в цветастом фартучке и белом в черных горошинках платочке. Для своего милого Вани так наряжается, не иначе. Сначала подошла к Евгению, приобняла его, немного смущенного, ласково хлопала по спине, заглянула в глаза, сказала:

– Красавец, антилигент. Но на Мишу не шибко похож.

– Похож, похож, – говорит наперекор ей дедушка.

– Ну и ладно, – соглашается старушка и направляется ко мне. Обнимает, целует в щеку. И, прикрыв глаза, чмокает губами: – Ой, сладкая какая!

Потом поворачивается к деду:

– Иван Никитич, ты сам с подпола банку с огурчиками достанешь, али мне лезть? И варенья полевой клубники надо к чаю достать.

– Знамо дело, сам, – отвечает дед. – А то шмякнешься с лесенки и рассыпешься в песок. Не молоденька ведь. На год старше меня, – объясняет с огорчением мне и Жене.

– Старше?! – возмущенно кричит тонким голосом баба Дуня. – Какой такой год?! – и оборачивается ко мне: – Вот старый брехун! На шесть годов я моложе его. Ну и что? Не стыдно врать-то?

Дед довольно улыбается. Разыграл перед внуками спектакль. Открывает люк подполья. Я заглядываю в него, стою-то рядом. Там такой же порядок, какой был при бабе Марии. На полках вдоль стены стоят банки рядочками, одна к одной, с разными заготовками. Слева вроде тот же старый ларь, заполненный отборной картошкой. Справа – ящик с семенной, помельче. Как и раньше было. Я втягиваю носом воздух и задерживаю дыхание. Из подполья слабее, чем в прежние времена, но ощутимо пахнет смолой.

– Что? – спрашивает дедушка, подавая мне банки с припасами. – Чего зажмурилась?

– Смолой пахнет до сих пор, – отвечаю с удивлением.

– Это на веки вечные, – произносит Никитич с каким-то благоговением. – Лиственница – благороднейшее дерево.

В ноябре 2023 года из любви к истории и своим «истокам» взялась я за описание нахлынувших воспоминаний, связанных со столетним юбилеем дорогого для меня дома. С новой силой, с новыми красками возник в моем воображении образ родного деда – Степана Ивановича. И чувство гордости за него стало острее, и чувство сострадания к этому неординарному человеку. Воспитал себя сам, вырос сильным, умным, закаленным многими жизненными испытаниями. И ремеслами разными овладел, и в торговом деле преуспел. И достойно, стойко переносил личную свою трагедию. Ведь не оставил первую законную жену Анфису, несмотря на ее болезненность и невозможность родить детей.

А потом все, казалось, наладилось, счастье привалило в лице любимой, как дар небес, Марточки, и деток долгожданных Господь послал. Ожил чело-

век, будто крылья за спиной расправил. Вот для кого жил не зря на земле. Есть теперь сыновья, наследники!

Но разом все светлое, что было, рухнуло – в какую-то темную бездну. Оголенные безбожники дорвались до власти, обезумевшие от вседозволенности, от пьянящего вида чьей-то безвинно пролитой крови, от алчности, с призывами: «Грабь награбленное!». Все важнейшие, самые необходимые для жизни понятия – честь, милосердие к людям, порядочность – оказались растоптаны, вытравлены, выжжены. И надолго поселился в каждом уцелевшем в той мясорубке революции и последующих лет «красного террора» необоримый страх...

Этот страх перед представителями даже мало-мальской власти вызывал у всякого гражданина Сталинского периода – например, при встрече с участковым милиционером – напряжение в области груди и сбой дыхания...

На всю жизнь запомнился мне случай из детства, когда наша семья в течение четырех лет жила на Колыме. Мне было одиннадцать. Пошла я по осени в четвертый класс. Выдали нам новые учебники. Вернулась я из школы домой и первым делом принялась их разглядывать. С математикой быстро управилась, там смотреть было нечего. Литературу – самое интересное – на потом отложила. А вот учебник по истории полистала. Здесь и картинки даже есть: татаро-монголы на конях скачут в боевых одеждах; русские воины с дубинками и щитами во всю грудь бегут куда-то по полю; государи, бояре-дворяне и прочие восседают на тронах и креслах, золотом расшитых. Все интересно. Но самый лучший рисунок в учебнике истории – портрет Иосифа Виссарионовича Сталина во всю первую, после обложки, страницу. Какой красивый, как я его люблю! Жаль только – не цветной портрет, черно-белый. «Сейчас это поправим!» – решаю я. Вооружилась набором цветных карандашей и принялась «живописать». За дверью послышались шаги. Первым в комнату, где я сидела за столом, вошел отчим Андрей Венедиктович. Вытянул шею, уперся взглядом в мою «Историю» и вдруг заорал прямо над моим ухом:

– Мать, иди сюда, скорей!

Я не поняла, в чем дело, чего Пром орет-то?

– Что случилось? – спросила встревоженно мама, войдя в комнату.

– Посмотри, что натворила твоя умница. Сталина изувечила! Ее за это из школы вышибут, и нам не отвертеться, если детки такие придурки!

Мама подошла к столу. Я с надеждой на помилование посмотрела на нее и несмело произнесла:

– Ну, посмотри, красиво же, мама.

– Зачем ты учебник новый испортила? – с укоризной сказала мама. – Только выдали тебе. Это же

не книжка-раскраска. Вообще нельзя ничего писать или рисовать в учебниках. А ты еще самого Сталина размалевала, как матрешку какую-нибудь. Не знаю даже, что теперь делать. И не сотрешь ведь резинкой. Ты еще карандаши-то, поди, слюнила?

«Слюнила, конечно, – проворчала я про себя. – Чтобы красивее получилось. Что, плохо, что ли, смотрится? Глаза у товарища Сталина вон какие синие, губы малиновые, щеки розовые, как яблочки. И костюм, или как там его мама называла, френч, что ли? Так вот, этот пиджак теперь ярко-голубой. Что им надо еще?»

– Чего молчишь? – уже потише прошипел надо мной Пром. – Поняла, что натворила, или нет? Не доходит до тебя, что за такие штучки мы с твоей мамочкой можем в тюрьму загреметь?! – в конце не выдержал и опять закричал отчим.

От противного надрывного голоса, от назиданий этих меня уже начало трясти. И я тоже заорала ему в лицо:

– Чего ты испугался?! Дальше Колымы тебя ведь не сошлют!

– Люда! – крикнула строго мама. – Прекрати немедленно! Как ты со взрослым человеком разговариваешь? Не стыдно тебе? Андрей столько для нас делает, а ты... – и обернулась к своему мужу со словами: – Андрюша, а может быть, заклеить вообще эту страницу наглухо, никто и не заметит ничего. Да и кто будет смотреть, кроме нас?

– Э-э-э! – произнес как-то презрительно отчим. – Смотреть за всеми тут найдется кому. Вдруг организуют проверку учебников в школе с целью посмотреть, нет ли каких пометок, слов запрещенных на полях листов или еще чего-то... И тут – нате вам! – карикатура на товарища Сталина...

– А мы проще поступим! – сказала решительно мама.

Она взяла мой новенький учебник, раскрыла на первой странице, с вождем, захватила ее цепкими пальцами, «под корень», и аккуратно вырвала. Даже следа от листа не осталось.

– Еще не лучше! – опять повысил голос Пром. – Раскроют те же проверяющие учебник, как и положено, с первой страницы. А там – опа! – нет портрета вождя. Определят, быстро определяют, не сомневайтесь, что выдрали снимок товарища Сталина, перед этим еще, как пить дать, наглумившись над ним!

Пром схватил мою новенькую, не прочитанную еще «Историю», побежал с ней на кухню, и мы с мамой услышали, как громко брякнула чугунная дверца печи.

Я бросилась на этот звук. Поняла, что моему новому учебнику пришел конец. Он уже корчился на раскаленных углях в топке печи.

– Че, совсем уже?! – крикнула я отчиму, обливаясь слезами.

Он, ни слова не говоря, направился в прихожку, натянул фуфайку, кепку и, хлопнув дверью, выскочил из квартиры.

Мы с мамой вышли из дома посмотреть, куда подался наш кормилец. Нигде его не было видно.

– Ну, все, – сказала мама. – Сдаваться пошел, не иначе.

Уловив насмешливые нотки в ее голосе, я маме подыграла:

– Чтобы меньше дали ему, да?

Мы обе тихонько рассмеялись и вернулись в дом.

Пром отсутствовал почти час. Пришел заметно успокоенным, скинул телогрейку, вошел в комнату и положил передо мной на стол точно такой же учебник истории, но с заметной потертостью на нижнем уголке обложки.

– Полпоселка обежал, пока нашел, – сказал он маме. – Вспомнил, что у Николая Нечаева девчонка в прошлом году вроде в четвертый класс ходила. И точно, не ошибся...

После этого склонился надо мной:

– Ну, давай, садись, где твои карандаши? Разрисовывай по новой товарища Сталина. Опыт у тебя уже есть. Еще посмотри внутри учебника. Петр Первый там должен быть. Хвост ему пририсуй, рога и копыта.

И этот, несчастный, туда же. Думает, что смешно шутит. Но что-то не смешно получается. Я даже спасибо ему не сказала. Мама за меня это сделала.

Повзрослев, я поняла: вот так боялась вся Страна Советов своего кумира, великого и ужасного Товарища Сталина... А, оказывается, неказистым он был при жизни, как после его кончины выяснилось. С лицом корявым, попорченным оспой, и ростом от горшка два вершка, точнее – полтора метра с кепкой... Вот так, значит, я о любимом некогда вожде? Ну, теперь-то чего ж, теперь-то мы все смелые...

К чему я это все – о трусости и смелости? Да просто задумалась сейчас на тему горбачевской «перестройки», о том, как по-разному относятся к ней мои соотечественники. Немало тех, кто «за», но больше, наверное, тех, кто «против». Я точно к разряду вторых отношусь. И все же, рассуждая о пресловутой свободе слова, которую якобы и внесла перестройка в нашу жизнь, теперь, на склоне лет, вдруг соглашаюсь: да, безо всякого «якобы» – внесла! Без этого явления не написать бы мне многого из того, что уже давно написано, и того, что пишет-ся теперь, даже эта история о дедушкином доме.

В последнее время я все чаще вспоминаю годы, проведенные на Колыме. Удивляюсь тому, как сразу, в свои десять лет, остро и безошибочно почувствовала «тюремную» атмосферу, царящую и среди несчастных «расконвоированных». Одинокие приятели Прома часто собирались в нашем доме

по праздникам. Думаю, просто тянуло на огонек, к теплу семейного очага этих истосковавшихся по своим семьям несчастных мужчин...

В ту пору на Колыме действовал «сухой закон». В торговых точках напрочь отсутствовали и крепкие напитки, и вино. Только раз в месяц получали работающие граждане мужского пола талоны на приобретение ста граммов чистого спирта. Такую же норму выдавали трудовому народу, включая и женщин, по большим праздникам. Неписаным правилом считалось у всех колымчан, приходя в гости, принести к общему столу в какой-то мелкой таре (или слитые вскладчину в одну большую бутылку) свои заветные сто граммов.

Среди заметно повеселевших после выпивки и закуски мужчин всякие велись разговоры. Иногда кто-нибудь из них расслаблялся до такой степени, что принимался травить анекдоты. Мастером по части этого устного народного творчества считался знаменитый приисковый «артист», классный баянист и певец с хрипловатым голосом, единственный, наверное, близкий друг нашего Прома – Иван Васильевич Чайка. Следует заметить, что «солёные» анекдоты в присутствии женщин (а тем более – детей) были у бывших политзаключенных под строжайшим запретом. Как и матерные слова вообще. Негласный этот закон соблюдался мужчинами неукоснительно. То же касалось и разговоров антиправительственного направления. Но вот именно обожаемого мной пожилого и доброго Чайку порой начинало «заносить». Принимался он рассказывать участникам застолья какие-то истории из числа запретных. Так, по-видимому, и случилось в один из праздничных вечеров, под Седьмое Ноября, «красный день календаря». Я сидела с книгой в соседней комнате и не очень прислушивалась к галдежу за столом, когда «слово взял» Чайка. Но голос отчима слышала сразу, потому что заорал он очень громко:

– Иван, опять ты за свое! Сколько можно говорить тебе, чтобы ты не разевал свой поганый рот против самого товарища Сталина! Тем более в моем доме! Или заткнись немедленно, или вообще катись отсюда к чертям собачьим!

«Ничего себе! – подумала я. – Ну и Пром, молодец-удалец. И как это он, такой рьяный защитник Вождя, угодил на Колыму? Его полагалось бы тюремщиком назначить, а не арестовывать!» (Замечу, что так я рассуждала уже не в десять, а в двенадцать лет, когда считала себя вполне взрослой).

Отложила книгу в сторону, осторожно выглянула в соседнюю комнату: как поступит дядя Ваня? А тот надел свой полушубок, схватил шапку и, пошатываясь, кинулся к двери. Его пытались удержать, слышались разрозненные голоса мужчин: «Ваня, ну брось, ты чего?», «Не обижайся на Андрея, он

прав. Уговор есть уговор – лишнее не болтать», «Вань, ты же нам на баяне-то так и не сыграл. Зачем мы его тащили?» Однако Чайка ни на кого не обратил внимания. Грохнул дверью и ушел.

Мне сделалось грустно. Я тоже очень хотела послушать игру баяниста дяди Вани. А Пром... Что, не видят все эти за столом, что он только притворяется защитником Сталина, а на самом деле ненавидит его, как и остальные отсидевшие в лагерях?! Ладно, проживем – увидим, кто есть кто... Пройдет время, перемрут сегодняшние правители, не вечные же они, и все будет по-другому. Я точно знаю! Я стану писателем и напишу в своих книгах про Колыму и про этих людей. Только надо мне все-все запоминать как следует. Не всегда будет так, как сейчас. Так нельзя жить. Люди должны перестать бояться говорить о том, что им интересно, о чем им хочется.

...Через год после того случая с Чайкой Сталин умрет. Вся (или почти вся) страна будет обливаться слезами. Пром где-то задержится до вечера, вернется домой пьяным. Скинув на пол телогрейку, подойдет к стене, на которой годами висел портрет Иосифа Виссарионовича, сорвет его с гвоздя и швырнет на пол. Разлетится вдребезги стекло, разломится от удара деревянная рамка. Я застыну в оцепенении, наблюдая за отчимом. А он громко расхохочется, плюнет себе под ноги на осколки стекла и, склонив, как бык, голову, с ненавистью прохрипит: «Ну, вот и все, товарищ Сталин. Все, о чем я мечтал, свершилось... И никто никому ничего не должен!»

А что я говорила?! Мне-то давно все про отчима было ясно. Знала я, что не от любви к вождю «защищал» Пром Сталина, а потому только, что боялся его!

Начав писать про дедушкин дом, я должна была позаботиться о том, чтобы читатели не приняли всю эту историю за пустое и праздное сочинительство. Чего только ни нагородят сегодняшние писатели (особенно – писательницы)! В своем художественно-документальном повествовании, решила я, буду приводить только реальные, проверенные факты. Вот и отправилась за ними в Бюро технической инвентаризации города Тайги. Там, надеясь я, должны находиться сведения обо всех зданиях города – как административных, промышленных, торговых, так и жилых домах. Одно меня беспокоило: сохранились ли в архивах БТИ объекты дореволюционного периода? Ведь потом в стране прошла гражданская война, и сопутствовали ей разруха и хаос.

Каково же было мое изумление, когда работница этого почтенного заведения очень уверенно направила к внушительным стеллажам, протянула руку к одной из полок и без колебаний выбрала пап-

ку. «Как это? – поразила я. – Так легко и просто? Да это же настоящий второй музей в городе. Хвала и честь за примерный труд труженицам этого бюро!»

Еще сильнее я была поражена, когда женщина раскрыла папку, и нашим взорам предстали документы на дом деда. Находились они в идеальном состоянии. Я-то представляла себе пожелтевшие листы с вылинявшими, трудно читаемыми чернильными записями... И вдруг – эта плотная белоснежная бумага, чертежи дома и флигеля, который соседствовал когда-то с домом (я успела застать его в раннем детстве). Чертежи, кстати, были выполнены высокопрофессионально. В этом деле я знаю толк. Самой довелось несколько лет работать проектировщицей домов и других зданий и сооружений. Столько их на ватмане тушью «настроила»! Так что теперь я держала в руках этот документ с огромным уважением к его создателю.

Да, подтвердили старинные бумаги мою правоту: лиственничный дом Степана Никитина действительно был построен в 1914 году. Сотрудница бюро уже начала собирать документы обратно в папку, как вдруг мелькнул среди прочих исписанный чернилами листок, почерк на котором показался мне до боли знакомым. Рука моей мамы?!

Я попросила позволить мне глянуть на это письмо. Женщина на мгновение смешалась, придержала папку, потом с едва заметной улыбкой сказала:

– Несколько лет назад я не дала бы вам ничего в руки, даже не показала бы. Хранились у нас все эти документы почему-то под грифом «секретно». Теперь запрет сняли. Можно и показать.

И она протянула мне исписанный листок.

Я не ошиблась, это действительно был почерк моей мамы, Веры Захаровны Никитиной – супруги Михаила, сына первого владельца этого дома Степана Ивановича Никитина. Меня опять поразило то, как отменно сохранилось заявление мамы. Строчки, написанные ее ровным, четким, красивым почерком, видны были отчетливо и читались легко.

Подано это заявление в горжилотдел было 22 февраля 1937 года. От лица мужа Михаила мама просила снять обязанность опекунов с супругов Масловых, так как опекаемому, младшему сыну покойного Степана Ивановича, исполнилось уже 22 года, и ни в какой опеке он не нуждается. Тем более, что сотрудник горвоенкомата предупредил Никитина М. С. о том, что решается вопрос о снятии с него брони, предусматривающей отсрочку призыва на военную службу. Скорее всего, Михаил в самое ближайшее время будет мобилизован в ряды Красной Армии. Так что ни о какой опеке над ним речи быть не может. Содержалась в мамином заявлении и еще одна просьба к руководству горжилотдела: Михаил Никитин просит переписать принадлежа-

щую ему часть дома № 108 (ныне – 168) по улице Карла Маркса на опекунов – Марию Архиповну и Ивана Никитовича Масловых.

Эта просьба молодых супругов Никитиных была, конечно, удовлетворена. Так полноправными хозяевами половины дома, который построил мой дед, стали Масловы. И это было правильным решением. Дед Иван и баба Мария давно уже сроднились с листовничным домом и содержали его в образцовом порядке: своевременно чистили печные трубы, произвели смену металлической кровли и по мере надобности покрывали ее свежей краской. Были, одним словом, хорошими хозяевами жилища.

А мои родители, как я уже упоминала, спустя два года переселились с двумя детьми на улицу Озерную.

Однажды, погрузившись в размышления о загубленной дедушкиной ели, я с тревогой подумала о том, что приду когда-нибудь к заветному дому, а его самого вдруг не окажется на месте. Раскатает дом по бревнышку какой-нибудь новый недалекий умом владелец. А у меня даже фотоизображения его на память потомкам не останется – так же, как снимка погибшей елки. И в один солнечный зимний день далекого уже 2007 года, прихватив с собой новенький фотоаппарат, я пошла и наконец-то сфотографировала любимый дом. Увеличила кадр, поместила его в самодельной рамочке на стену в большой комнате своей квартиры, на самом видном месте, над рабочим письменным столом. Поэтому часто теперь могу смотреть на снимок. На нем темный, но все такой же крепкий, надежный, будто неподвластный времени дом и розовый под ярким зимним солнцем сугроб снега. Такая красота!

Спустя полтора десятка лет, уже в 2022-м, руководитель городского музея Тайги Ольга Коврова по моей подсказке тоже запечатлела дедушкин дом – для экспозиции в своем музее. Но и этот снимок, к сожалению, был сделан зимой. Ничего, решила я, настанет лето – пойду и сделаю хорошее фото на фоне синего неба и яркой зелени. Дом к тому же будет выглядеть более высоким. А то утонул он наполовину в снегу на зимних пейзажах.

Только к концу лета того же года смогла я приехать к месту встречи с милым моему сердцу домом. Свернула с переулка Савиновского на улицу Карла Маркса и оцепенела от неожиданности. Не увидела дедушкиного дома. На его месте находилось совсем другое строение. Лишь спустя минуту-другую я поняла: нет, дом Степана Никитина где стоял, там и стоит. Только навсегда, наверное, потерял он свое «лицо». Свой подлинный облик, а с ним и будто свою историческую ценность.

И еще, испугалась я, эта моя история о листов-

ничном доме отчасти потеряла достоверность. Ведь после прочтения этой повести у кого-то, возможно, появится желание своими глазами взглянуть на памятный дом. Адрес известен: улица Маркса, 168. Придет человек сюда и увидит обычную, примелькавшуюся в последнее время картину: дом, обшитый светлыми пластинами сайдинга – вроде и симпатичным для глаз, но таким непрочным, казенным, стандартно-безликим стройматериалом. Я неуважительно называю его «яичной скорлупой». При этом материал-то довольно дорогостоящий!

Всем тайгинцам, должно быть, памятна история наружной отделки сайдингом другого обновленного нашего исторического памятника, называемого ранее клубом имени Ленина, а ныне – Дворцом культуры. И сколько продержалась эта влетевшая в копеечку «красота»? Совсем недолго. Во время первого же шквалистого ветра с треском отвалились от стен, особенно в верхней части здания, многие эти «скорлупки». Неудивительно, что руководители администрации города и представители стройуправления, производившего ремонт здания ДК, приняли единственно верное решение: снять с фасадов сайдинговую отделку и заменить ее качественной штукатуркой с последующей окраской. Что и было сделано.

Не желаю я такой же участи дому, давным-давно построенному моим дедом. И, надеюсь, подобного конфуза с ним не произойдет. На зданиях небольшого размера сайдинг держится довольно долго, лишь бы дом не «водило». А этот, о котором веду речь, «водить», я уверена, не будет...

Стоп! А с какой я вообще стати цепляюсь к людям – нынешним хозяевам дома? Мне бы сказать им спасибо за то, что именно этот дом выбрали они для своего проживания. Привели, скорее всего, его и внутри в порядок. Наверняка продлили почтенному ветерану жизнь. Так что делать какие-то критические замечания в их адрес я не должна. Хозяин – барин. И этим все сказано. А славному дому желаю дальнейшей счастливой жизни. И его сегодняшним хозяевам от всей души желаю того же.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Нередко вспоминаю я интересный случай, происшедший со мной в 1989 году. Тогда на три дня из своей Якутии приехал провести меня и сестру Альбину брат Евгений. Не один приехал, с женой Галиной и внучкой Юлей. В нашей Тайге они приобрели билеты на поезд до города Анапы, в котором уже немало лет жила тетка Галины. Там они решили провести отпуск, а перед дальней дорогой «на юга» заодно поведались с нами.

Евгению на ту пору было 52 года, мне и Галине по 50. И внучки – наша Ирочка и их Юля – были одноклассниками, шел им обоим восьмой год. В Тайге все

были заняты «по интересам»: девочки возились с кошками, их было у нас две, качались на качели, которую соорудил для Ирочки во дворе дома любящий дед Валентин. Мы, взрослые, проводили время в основном за оживленными беседами. Вспоминали любимый город Томск, ведь все трое в одно время жили и учились в нем. Евгений по моей просьбе рассказал о рыбалке на реках Якутии. Слушать его было одно удовольствие, оставалось только восхищаться и завидовать. Мне-то ни за что не поймать шестикилограммового тайменя или почти пудового лосося, каких, если верить брату, лавливал он на Севере...

Стремительно пролетели два дня. А на третий день Женя запланировал посещение могилы нашей мамы, где она покоилась уже 14 лет. Ушла из жизни в шестьдесят. На кладбище мы отправились вчетвером: брат, сестра Альбина, я и внучка Ирочка. Посидели на лавочке за оградкой у могилы, помянули маму добрыми словами, взгрустнули, но уже без слез. Отплакали свое. Говорят, что время лечит. Я думаю, это не совсем так. Оно только притупляет боль, это правда.

Наш брат – поэт и журналист – не удержался и произнес короткую, но душевную речь:

– Второго такого человека, какой была наша мама, мне встретить не довелось. Ведь она всю свою жизнь нам, детям, отдала. Не досыпала, не доедала. Жалкий кусок хлеба, который в деповской столовой на обед выдавали, прятала в карман и нам приносила... Худенькая была, слабая. Откуда тут быть здоровью? И чужим людям всегда приходила на помощь. Письма всю войну за неграмотных старушек на фронт сыновьям их писала. Заявления с просьбами, жалобами начальникам каким-то безотказно строчила. Грамотная была, умная. И шли к ней люди со своими бедами потому, что именно ее прошения помогали жалобщикам решить их проблемы. Ей на адвоката надо было выучиться, на защитника...

А еще, помнишь, Люда, как мама в наш дом привела грязного, голодного-холодного мальчишку моего возраста, лет восьми-девяти? Сразу после Победы это было. Мама его в магазине заметила: стоял, прижавшись к стене, смотрел на покупателей голодными глазами. Ничего ни у кого не просил, и внимания на него никто не обращал. А наша мама подошла к ребенку, отломил кусочек купленного хлеба, дала ему. Потом взяла за руку и повела с собой. Дома отмыла мальчишку, Витей его звали, накормила сваренной картошкой, морковным компотом угостила. Тем, что ели и мы. Потом расспросила, что да как. Оказалось, что пока отец Витьки на фронте воевал, мать вышла за другого замуж. Отчим часто напивался, начинал орать на Витькину мать и на него заодно. И до побоев дело доходило

не раз. Не вытерпел пацаненок и сбежал из дома. Пробрался в вагон, до Тайги доехал. Когда поезд остановился, вошли два милиционера, а паренек метнулся к другому тамбуру и спрыгнул на перрон. Наша мама не стала сдавать его в милицию, как большинство знакомых ей советовало. Решила, что не стоит отправлять ребенка к матери и отчиму. Обратилась в военкомат с просьбой найти отца мальчика. Витя прожил у нас целый месяц. И случилось чудо: за ним приехал его родной отец. Ну, все мамы хорошие дела не перечислить... Царство ей небесное. Она теперь в раю. По-другому быть не может!

Евгений умолк. Какое-то время мы провели в тишине, склонив печально головы. Потом брат распрямил плечи, заглянул в мои глаза и спросил:

– Люда, а ты помнишь, где находится могила дедушки Маслова? Я-то вообще ни разу не побывал у него. Хороший был человек, как родной нам. Ты наверняка приходила к нему на могилку, в Тайге уже долго живешь.

Тут мне особо похвастать было нечем. Лишь однажды добралась я до дедушкиной могилки, в один из приездов к маме из Томска, где жила тогда и работала. Запомнила только, что находилась могила Ивана Никитича на краю, недалеко от входных ворот. В первом ряду у кладбищенской дороги, «на первой линии», как сказала мама.

Шло время, и кладбище очень быстро разрасталось, продвигаясь на восток. Появились дополнительные ворота и новые линии от них: вторая, третья, четвертая. Мы нашу маму в 1975 году хоронили на третьей. Сейчас, в 2024-м, линий этих уже семь. А население Тайги что-то не увеличивается. По сравнению с советским периодом сократилось количество жителей на четыре или пять тысяч человек...

Такое, впрочем, случилось не только с нашим городком. Из малых, так называемых бесперспективных населенных пунктов стремятся люди, особенно молодежь, перебраться в города большие. Я никого не осуждаю за это. Любовь к Родине – прекрасное чувство. Но хотелось бы, чтобы оно не было безответным, чтобы и Родина любила своих детей. А пока у нас – «куда ни кинь, всюду клин». С работой для души – туговато. С медициной, как говорят молодые, – полный отстой. Почти все врачи сбежали в частные клиники. И винить их не за что. Се ля ви...

Так вот, пошли мы, значит, по дороге первой линии вглубь кладбища. Идем, смотрим внимательно на захоронения по правую руку. Ничего похожего на дедушкину могилу не видим. У одних оградки деревянные, со следами облезлой краски. А есть и вовсе некрашенные, покрытые ржавчиной, – металлические. Из рифленой арматуры, из уголкового железа, из водопроводных труб... Много прошли мы

могил – сильно просевших, заросших бурьяном, без намека на оградки... Забрели так далеко от ворот, что и сами поняли: пропустили нужную могилу, не заметили ее. Повернули назад.

Вот уже и входные ворота замаячили вдали. Я, а за мной и остальные участники похода остановились.

– Насчет оградки лично я сомневаюсь, – сказал Евгений. – Говоришь, сестренка, что она деревянная у бабушки была? Скорее всего, давно уже подгнили в земле ее столбики, свалились вместе с прибитыми досками и пошли людям на дрова.

– Да, – согласилась я с братом. – Еще мама мне говорила, что жители ближайших домов не считали зазорным в лихую годину собирать топливо на кладбище. Не только оградки ломали, но и кресты деревянные утаскивали на растопку. Бога не боялись. Но у бабушки был не крест, а маленькая тумбочка из досок. Четырехгранная, зауженная сверху. А на ней крышечка из четырех треугольничков. И сверху звездочка железная, суриком покрашенная. Иван Никитич был коммунистом, а им товарищи крестов на могилы не ставили.

– Суриком, – повторил Евгений. – Узнаю в сестре мастера-строителя. От сурика твоего давно уже следа не осталось, а таких могил мы, наверно, с сотню прошли.

Мы двинулись дальше к воротам. И вдруг я замерла на месте. Оглянулась на одну заброшенную могилку, которую мы почти миновали, и сказала:

– А не это ли могила деда? Надо посмотреть, на той стороне должна быть медная пластинка с надписью. Такие знаки деповчане привинчивали шурупами к памятникам своим работникам, ушедшим навсегда.

Я сделала шаг в сторону от дороги, но наша внучка схватила меня за руку и остановила.

– Баба, можно я посмотрю? Я же теперь грамотная, умею читать.

– Ну, беги! – засмеялся Евгений и легонько подтолкнул Иришку ладонью. Та обогнула могилку, взобралась на зеленый холмик, присела на корточки перед вросшим в землю «памятником» и с расстановкой прочитала:

– Ма-слов... Иван... Ни-ки-тович. Ну, что, он?

Мы хором ахнули и закричали:

– Конечно, он! Здорово! Вот умница какая!

Все кинулись к Ирочке. Принялись руками выдергивать цепкую траву, расчищать могилку.

– Нет, – заявил недовольно Женя, – так дело не пойдет! Нужна лопата. Сорняк нужно выкапывать с корнями. Могилку – обложить дерном по краям, серединку выровнять, перекопать землю. Весной можно будет и цветы посадить. И памятник не мешало бы заменить, крест новый поставить, или такую же тумбочку смастерить. Жаль, что мы вечером

уже уезжаем. Я бы помог. С досками и молотком обращаться умею. Говорила вам Галя или нет? Я ведь в Якутии все инструменты по работе с древесиной приобрел, верстак классный в сарае соорудил. Настоящую мастерскую столярную устроил. С мебелью в Хандыге было плоховато. Я с годами всю ее – от простейшей табуретки до этажерок, полок, столов и шкафов для отборных Галиных сервизов и ваз хрустальных – самолично изготовил. Друзья, знакомые приходили к нам, смотрели и не верили, что это самоделки. Шкафы даже за импортные приняли. А может, хохмили или приятное мне сделать хотели приятели... Так Галя тебе про мое увлечение столярным делом ничего не говорила, не писала вам? – явно смущенно закончил брат свою речь.

Мне стало очень жалко его. И в который раз подумалось: «Нет, не пара они с Галиной. Но что поделаешь? Так уж сложилось. А семью Женя никогда не оставит. Не в отца он уродился. И слава Богу... Не в отца, а в кого? В деда Степана! Точно! В знатного столяра-краснодеревщика, по словам всех, кто его знал».

Укатили наши гости в свою Анапу. Там уже много лет жила с мужем и сыном Галина тетя. К ней, по ее предложению, и ездили раз пять уже, не меньше, наши северяне. А внучка Ира уже на следующий день начала тянуть меня на кладбище:

– Баба, надо немедленно идти, ты же обещала! А то пройдет немного времени, ты и успокоишься, забудешь про несчастного дедушку, вообще тогда не сходишь.

Доконала меня своим нытьем. Взяли мы с собой бутылку лимонада, немного еды для перекуса. А главное – лопату, банку масляной краски, две малярные кисточки. И отправились на автобусную остановку.

Почти четыре часа провозились на могилке деда Маслова, но сделали все, что задумали. Я перекопала землю, а Ирочка в это время одна, самостоятельно покрасила темно-коричневой краской памятник-тумбочку. Потом мы выбрали все корни от сорняков. Я разровняла земельку, лопатой прихлопала. И обложила, как Евгений советовал, края могилки ровными кубиками дерна. Его я тут же, поближе к дороге накопала.

Посидели с внучкой на лавочке у соседней могилы, пообедали вчерашними пирожками с творогом. Они такими вкусными показались. Запили еду немного нагретым под солнцем лимонадом и отправились на автобус. Ира деловито заметила:

– Баба, надо обязательно бабушке цветы посадить. А то скучно как-то, голая земля.

– Обязательно посадим, – пообещала я. – Только сделаем это после зимы, когда весна придет. Как дядя Женя посоветовал.

Я часто вспоминаю тот загадочный случай, когда какая-то Высшая Сила заставила меня остановиться именно у дедушкиной могилы. Что это было? Господь Бог подсказал? Или Иван Никитич позвал меня: «Здесь я, внученька, подойди ко мне». Я всегда при встречах с дедом Ваней чувствовала: он любил нас с братом, как родных. И то, что произошло со мной, – самое настоящее чудо.

И еще несколько слов о загадочном и чудесном. Я уже заканчивала дописывать эту историю о любимом доме и его обитателях, когда мне вдруг захотелось перелистать альбом со старыми фотоснимками. Давненько этим не занималась. Листала и листала, особо не присматриваясь: изучила все карточки досконально за многочисленные просмотры. Но вдруг неожиданно для себя задержала взгляд на одной старой фотографии. Мой отец. Смешно и грустно. Отцу этому на довоенном фото двадцать два года. А мне, его «доченьке», сейчас восемьдесят пять! И восемьдесят из них, начиная с пятилетнего возраста, после того, как пришло

маме от отца письмо со словами: «прости, я полюбил другую...», я его ненавидела. Во всяком случае, при взгляде на фото папы я всегда произносила с ненавистью: «Какой противный!»

И вот смотрю на отца сейчас. Какой же он противный? Очень даже симпатичный. У него приятное лицо с тонкими правильными чертами, внимательный, умный и добрый взгляд красивых, открытых людям и окружающему миру, светлых, как у моего любимого брата Женечки, глаз. Голубые глаза, в отца, у его сына. И у меня – тоже. Жаль, что по старым черно-белым фотографиям этого не понять, не разглядеть.

Я вдруг ощущаю, что пришло время отпустить, простить отцу его грех за давнее «предательство» по отношению к маме и нам, его детям. Пусть покоится его душа с миром на Том Свете, если не знала она мира в полной мере на этом.

Прощаю. Прощаю. Аминь.

г. Тайга



Сергей ЧЕРНОПЯТОВ

ДАЛЬШЕ ПЕРСИИ НЕ ПОШЛЮТ

Так сказал Александр Сергеевич Грибоедов после дуэли на Кавказе. Поединки в России карались строго, но дипломат о последствиях не волновался... Но этот нелепый эпизод в жизни гения случился позже, а пока о его предках и родителях.

По преданию, род Грибоедовых пошел от шляхтичей братьев Гржибовских, пришедших в Москву со свитой самозванного царя Лжедмитрия I.

Мать Александра Настасья Федоровна, урожденная Грибоедова, выросла в богатом доме. Красивую, своенравную Настасью родители отдали за их дальнего родственника, тридцатилетнего Сергея Грибоедова, который отличался буйным характером и склонностью к азартным играм.

В конце июня 1792 года у Грибоедовых родилась дочь Мария, а 4 января 1795 года появился на свет сын Александр.

Московский дом Грибоедовых был вполне просторен, чтобы принять с полсотни человек родни, друзей и знакомых. С трех сторон окружал его сад; во дворе теснились хозяйственные постройки – конюшня, каретный сарай, людская изба с многочисленными дворовыми.

На широкой площади перед домом в празднества Святой недели устраивались балаганы, проезжали раззолоченные кареты, фланировал праздный народ. В хорошую погоду дети ходили гулять под присмотром гувернантки и гувернера. Рядом громоздились развалины Грузинского дворца, которые неудержимо притягивали воображение Саши, населявшего полуразрушенный замок привидениями и разбойниками.

Учиться грамоте маленькие Грибоедовы начали рано. Маша читала вслух, а Саша сидел рядом и только заглядывал в книжку, но прилежно слушал.

Принятый в дом молодой немец Иоганн-Бернард Петрозилиус преподавал Саше немецкий язык, латынь. Французскую речь дети учили с Машиной гувернанткой мадемуазель Гез. Кроме обязательных предметов, малыши обучались музыке. Наряду с фортепиано в доме звучали арфа, флейта, скрипка.

С наступлением лета Грибоедовы выезжали в деревню Хмелита в тридцати верстах от Вязьмы.

Двое суток по смоленской дороге – и поместье. Проселочная дорога шла меж прудов, взбиралась на пригорок, и наконец дети выскакивали из карет перед барским домом с колоннами, со шпилем и длинной аллеей, ведущей к живописному водоему с небольшим островом у самого берега.

Лето в этом раю проходило весело. Развлечений хватало и детям, и взрослым. Ребятишки соседей составляли компанию Грибоедовым, где заводилой становился Александр, неистощимый выдумщик на розыгрыши.

Главным развлечением в Хмелитах считался театр. Дядя Алексей Федорович организовывал представления, приглашая настоящий цыганский хор. Саша, слишком маленький, чтобы принимать участие в спектаклях, неизменно присутствовал на каждой репетиции. Уже вошли в театральный быт комедии Фонвизина, баснописца Крылова, начинал создавать пьесы ироничный Шаховской, с которым в скором времени тесно сблизится юный Грибоедов, чтобы оттолкнуться к своему гениальному «Горю от ума».

В 1803 году Грибоедовы возвратились из деревни пораньше, чтобы записать Сашу в благородный пансион при Московском университете, куда набирали мальчиков от восьми до тринадцати лет.

Московский пансион переживал расцвет, заслуженно гордясь своим воспитанником Василием Андреевичем Жуковским, уже достигшим настоящей славы. В конце декабря, перед Рождеством, в пансионе устраивалось торжество, на которое съезжалась вся Москва. Родители, родственники воспитанников, генерал-губернатор, митрополит, бывшие ученики, среди них лучшие пансионные поэты. Воспитанники показывали свои таланты. Александр Грибоедов снискал аплодисменты виртуозной игрой на фортепиано, на скрипке и на флейте.

30 января 1806 года Грибоедов был зачислен в студенты словесного факультета Московского университета.

Преподаватели университета – это особая тема. Одним из выдающихся профессоров считался Иоганн Феофил Буле. Он мог бы один заменить половину наставников. Ученый с мировым именем. Воспитатель ганноверских и английских принцев, знаток античной философии и культуры, историк, правовед, психолог, он возглавлял кафедру теории и истории изящных искусств на словесном факультете и одновременно кафедру естественного права на этико-политическом, читал публичные лекции по философии, литературе, метафизике, логике, праву, истории культуры России, издавал журнал и многочисленные сочинения во славу Московского университета.

У такого преподавателя можно было учиться! И Грибоедов учился, не пропуская занятий, вместе

с братьями Чаадаевыми, Михаилом и Петром и их кузеном князем Иваном Щербатовым. В этой замечательной компании Александр стал первым в проказах, хотя во всем остальном не выделялся. Как многие молодые люди тех лет, писал стихи, но кроме сестры их никому не показывал.

Предметы, посещаемые Грибоедовым:

История красноречия

Эстетика

Теория поэзии

Всеобщая история

Критическое чтение сочинений в стихах и прозе

Статистика главнейших государств и Российской империи

Философия и антропология

Мифология и археология

История древнейшей живописи, скульптуры и архитектуры

Теория и история законов

Римское право

Логика, метафизика и эмпирическая психология

Элементы политики и политическая экономия

Практическая философия и этика

Естественное право

Критическая метафизика

Разбор философских систем Канта, Фихте и Шеллинга

Теория и история изящных искусств

Греческая и римская литература

История европейских государств (на немецком языке)

История XVII века (на французском языке)

Чистая математика

Приложение алгебры к геометрии

Высокая геометрия

Естественная история и анатомия

Химия

Физика и ботаника

Нравственная философия

Латынь

Музыка

Рисование

Танцы

Фехтование

Верховая езда

Сельское домоводство

В университете будущий драматург проучился долее своих однокашников – Чаадаева, Муравьева, Тургенева. Вначале Александр окончил словесный, затем юридический и после физико-математический факультеты. И если бы не война, учеба продолжалась бы, хотя куда уж больше?

В июне 1812 года Наполеон перешел границу. Грибоедов продолжал грызть гранит науки, когда однокашники братья Чаадаевы и Щербатов покинули заведение, уехав в Семеновский полк. Грибое-

дов порывается в армию вслед за друзьями, но матушка Настасья Федоровна жестко осаживает сына.

С опубликованием высочайшего манифеста и воззванием Синода с призывом защитить Отечество многие знатные вельможи поспешили сформировать свои личные полки. Так, граф Петр Иванович Салтыков собрал полк воинов от двадцати до сорока пяти лет, в который втайне от матушки сбежал и Александр, прибавив себе годков.

Петр Иванович был уже человеком пожилым, характер имел решительный и независимый, он принял юношу с распростертыми объятиями, зачислив его к себе корнетом. Новобранец щеголял в яркой гусарской форме и казался себе самому и соседским барышням интереснее прежнего. Между тем война всюду гремела, а полк оставался на бумаге.

И вот главнокомандующий Кутузов дает приказ покинуть Москву. Экипажи, кибитки, кареты тянулись по Владимирскому тракту. Но молодые гусары ничуть не ощущали трагичности московского исхода. Командиров над новобранцами не нашлось, и новоиспеченные воины даже не пытались держать строй... А по прибытии во Владимир Грибоедов свалился с ног в тяжелой простуде.

Болезнь длилась долго, но наконец Александр оправился, распрощался с родными и поскакал на розыски места службы. Ехал через город по улицам из одних печных труб, потрясенный выжженным Замоскворечьем. Чувство стыда обжигало сердце за оставленную на поругание Москву, за то, что так и не принял участия в боях.

Свой полк Грибоедов нашел в заштатном польском городишке Кобрин. Старые знакомые по московскому полку приняли Александра как родного. Юноши, не понюхавшие пороха, чувствовали себя здесь неуверенно рядом с боевыми офицерами, сражавшимися при Бородине и Малоярославце. Драгуны ими пренебрегали, а местные жители не навидели вообще всех русских.

Их встретили не как освободителей, а как завоевателей, и, чтобы обезопасить тыл от враждебного населения, приходилось держать здесь резервные войска. Приезд Грибоедова несколько сгладил ситуацию. Как человек, имевший польские корни и немного знавший язык, он стал желанным гостем в домах дворян.

Однажды Александр отвозил письма в штаб, где встретил двух молодых людей, братьев Дмитрия и Степана Бегичевых. Нельзя было вообразить людей более несхожих, чем Грибоедов и Бегичевы. Александр – импульсивный, порывный в движениях, с активной мимикой и ускользающим близоруким взглядом. Характеры Бегичевых полностью соответствовали их добродушной, сдержанной наружности. Степан станет для Александра близким и за-

душевным другом, с которым можно будет делиться самым сокровенным.

Служившие при штабе Бегичевы порекомендовали Грибоедова командующему резервами Андрею Семеновичу Кологривову. Грибоедов взял на себя важнейшую обязанность по налаживанию дружественных связей с поляками и сопровождал Кологривова во время переговоров в качестве адъютанта и переводчика, улаживал недоразумения с панами, возмущенными поборами, и всегда чувствовал, где надо проявить твердость, а где нельзя.

Грибоедов избавлял генерала от дополнительных расходов, проявляя врожденное умение находить общий язык с людьми, месяц за месяцем улаживая конфликты между армией и населением, старался не задевать гордость польских вельмож и шляхтичей, не разорять страну, но и не наносить ущерб интересам воюющей России. При этом молодой человек не избегал балов и других забав.

Вскоре вместе со Степаном адъютант укатил в Петербург в отпуск.

Они въехали в город через Нарвские ворота. Утром отправились на Невский проспект, прошли до Казанского собора. Невский поразил Грибоедова обилием экипажей и людей. Его путь лежал в театр, но сначала к драматургу князю Александру Александровичу Шаховскому. Этот человек господствовал в театре безраздельно. Шаховской снимал второй этаж небольшого двухэтажного домишки на одной из Подъяческих. «Чердак» князя никогда не пустовал. Сюда после спектаклей стекались и актеры, и театралы, и светская молодежь. Здесь было порой тесно, но никогда – скучно. Приходили без доклада.

Шаховской мог быть смешон, несправедлив, кое-когда и груб, но в глазах Грибоедова все это искупала его бескорыстная преданность театру. Шаховской не скрывал восторга от пьесы Грибоедова «Молодые супруги». Здесь, на чердаке, Шаховской представил Александру Катенина Павла Александровича.

– Рекомендую – наша живая энциклопедия.

Катенин действительно помнил все, что было напечатано на французском, английском, немецком, итальянском, латинском, греческом, не говоря уж о русском.

Друзей Грибоедов имел множество, но среди близких, кроме Степана, нельзя не упомянуть Андрея Андреевича Жандра. Другом Жандра был Александр Иванович Чипягов.

Катенин, Жандр, Чипягов составляли всегдашнее общество Грибоедову и Бегичеву, и эта неразлучная компания до трех часов ночи засиживалась на «чердаке» у Шаховского.

В июне 1817 года будущего автора «Горя от ума» приняли в Коллегию иностранных дел. Среди вновь

зачисленных на службу он почувствовал себя стариком. Его окружали мальчишки, только что закончившие царскосельский лицей. С Александром Пушкиным он встречался в детстве, посещая танцы. Но молодые люди не помнили друг друга.

12 апреля 1818 года Грибоедов получил приглашение министра иностранных дел Нессельроде явиться к нему. Александр излагает в письме Бегичеву: «Представь себе, что меня непременно хотят послать. Куда бы ты думал? В Персию, и чтоб жил там. Как я ни отнекиваюсь, ничего не помогает; однако я объявил, что не решусь иначе (и то не наверное), как если мне дадут два чина, тотчас при назначении меня в Тегеран. Он поморщился, а я представлял ему со всевозможным французским красноречием, что жестоко бы было мне цветущие лета свои провести между дикообразными азиатцами, в добровольной ссылке, на долгое время отлучиться от друзей, от родных, отказаться от литературных успехов, которых я здесь вправе ожидать, от всякого общения с просвещенными людьми, с приятными женщинами, которым я сам могу быть приятен. Словом, невозможно мне собою пожертвовать без хотя несколько соразмерного возмездия.

– Вы в уединении усовершенствуете ваши дарования.

– Нисколько, ваше сиятельство. Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели; их нет в Персии...

Мы еще с ним кое о чем поговорили; всего забавнее, что я ему твердил о том, как сроду не имел ни малейших видов честолюбия, а между тем за два чина предлагал себя в полное его распоряжение».

Придя домой, Грибоедов погрузился в раздумье. Представлялась возможность покончить с приевшейся уже праздной рассеянностью и начать новую жизнь.

И Грибоедов движется обычным по тем временам маршрутом – из Петербурга через Новгород, Старую Руссу, Валдай, Вышний Волочек и Тверь до Москвы. Оттуда через Тулу и Липецк до Воронежа. Из Воронежа до Моздока еще можно ехать на перекладных, а уж потом до Тифлиса надо пересаживаться в седло.

Нессельроде, святая Грибоедову Персию, приводил одну выгоду за другой. И одна из них – в Персии над ним будет лишь Симон Мазарович, поэтому Александр получит по прибытии на место поощрения и знаки отличия. Мазарович – по образованию врач, родом из Венеции. Подданный Австрии, он служил России, хотя даже не приносил ей присягу.

Врача назначили в дипломаты не случайно. Важные дела в Персии решались не в приемных, а в гаремах, куда имели доступ только европейские медики. Англичане, издавна работавшие на Востоке, первыми освоили правила гаремной дипломатии и часто направляли посланниками врачей. Нессельроде решил воспользоваться чужим опытом.

Мазарович показался Александру умным и веселым человеком, что в немалой степени ободрило секретаря русской миссии. Большие надежды возлагал путешественник и на своего друга фортепиано, бережно упакованного в ящик и отправленного в Персию через горы. Лишь бы не сломали в пути, вот что беспокоило Александра Сергеевича. Кстати, в эпоху Грибоедова фортепиано было не «оно», как сейчас, а «он».

В начале октября Грибоедов прибыл в Моздок. Главнокомандующий русской армией Ермолов встретил его очень приветливо.

В Тифлисе русской миссии пришлось задержаться, поскольку Грибоедов был там ранен на дуэли, от которой не мог отказаться. Дипломат обжился в Тифлисе. Он соскучился по музыке, а в семье генерал-майора Федора Исаевича Ахвердова, начальника артиллерии Кавказской армии, и в семействе князя Александра Чавчавадзе нашлись хорошие рояли. Дом Чавчавадзе полнился детьми, и восторгу их не было предела, когда Грибоедов импровизировал и грустные, и веселые мелодии. Он освоил технику игры с надетым на раненый палец кожаным чехольчиком. Но вскоре музыканту-виртуозу следовало превратиться в дипломата и покинуть гостеприимный Тифлис.

В Персии все пестро: природа, одежда, базары и особенно состав населения: гебры, гелаки, курды, луры, турки, сирийцы, аравитяне, белуджи, армяне, иудеи, не говоря уже о самих персах. А веры две – шииты и сунниты, враждующие между собой.

Грибоедов вел переговоры с Аббаком-Мирзой, добиваясь соблюдения Персией условий Гюлистанского мира 1813 года, ради чего и прислали русскую миссию. Среди важнейших для России условий договора, кроме территориальных приращений и выплаты контрибуции, стоял возврат русских плененных солдат и дезертиров.

Пленных набралось полторы сотни, и через месяц Грибоедов с невероятными усилиями привел их в Тифлис. Ермолов написал представление к награде, на что из Петербурга пришел ответ: «Отказать!», поразивший всех на Кавказе своим объяснением, что «дипломатическому чиновнику так не следовало поступать».

Грибоедов даже не удивился: чего ждать от петербургских мыслителей! Они не представляли, какой ущерб нанесли российской политике на Кавказе и как порадовали англичан, порицая дипломата за поступок, который Англию нервировал.

Неудивительно, что Александр Сергеевич впал в депрессию, и Ермолов дал ему отпуск.

В середине марта Грибоедов приехал в Москву. Столица мало изменилась за прошедшие пять лет, и в родном доме все осталось по-прежнему, как в детстве. Деревья, посаженные после пожара две-

надцатого года, выросли. Сестра Маша встретила любимого брата с восторгом.

С радостью он поехал к своему другу Степану Бегичеву, который, женившись, приобрел имение в дне пути от Липецка. Вот где Александр отдохнул душой и где замечательный посол обратился в великого писателя.

Он вставал с рассветом, уходил в конец сада, в деревянную беседку, облюбовав ее для себя одного, и просил его не беспокоить. Друзей видел только за обедом и за вечерним чаем, прочитывая им написанные сцены.

Летний вечер – очаровательное время, пока, увы, не появлялись комары, заставлявшие бросать перо и садиться за фортепиано. До глубокой ночи Грибоедов играл, в то же время намечая в голове все, что нужно еще сказать в пьесе «Горе от ума».

В Москву Грибоедов и молодожены вернулись в конце сентября, и Александр напросился пожить у друга, который просьбе обрадовался. Степан нанял отличного французского повара, накупил дорогих вин и завел для друзей открытый и изысканный стол. За ним никому не давали скучать Вяземский и Денис Давыдов, не говоря о Грибоедове, которого Вяземский называл за глаза «Грибоедов Персидский».

Вскоре была дорога в Петербург, где Александра застало наводнение, это случилось 7 ноября. Грибоедов спокойно спал, а камердинер Сашка тряс его за плечо, крича, что пушки в Петропавловке уже трижды палили. Ураганный западный ветер гнал морские волны навстречу Неве, река вздыбилась и бросилась на город.

Грибоедов выглянул в окно: по улице несли бурный поток. Мимо дома мчались по воде обломки строений, дрова, доски. Первые этажи затопило. Пришлось ждать, когда стихия отступит...

Через неделю с чувством законной гордости Булгарин сообщил, что пробил для своего альманаха «Русская Талия» публикацию нескольких сцен из «Горя от ума». Грибоедов обрадовался этому первому приятному известию за много месяцев. Хотя пьеса давно уже жила своей собственной жизнью, тысячи раз переписанная от руки и разошедшаяся по России. Фамусовы, Скалозубы, Молчалины узнавали в ней себя...

И снова в путь, на Кавказ. 22 ноября Грибоедов нашел Ермолова в станице Екатериноградской. До генерала дошел слух о кончине императора Александра I в Таганроге.

И, наконец, до Кавказа докатилось известие о событиях 14 декабря в Петербурге: сообщалось, что там поднялись какие-то войска, были рассеяны картечь, и начались повальные аресты зачинщиков.

Прошло ровно два месяца после прибытия Грибоедова к месту службы в Грозный, когда туда при-

скакал фельдъегерь и, зайдя в комнату, произнес: «Александр Сергеевич, воля Государя императора, чтобы вас арестовал. Где ваши вещи и бумаги?» Александр спокойно указал на чемодан, его открыли. Кроме рукописи «Горя от ума» там ничего не обнаружилось.

В феврале Грибоедов прибыл в Петербург и сидел на гауптвахте Главного штаба в ожидании допросов. Узнав о том, Настасья Федоровна впала в истерику, ругая сына-карбонария на чем свет стоит. Дядю Алексея Федоровича не интересовало, виновен племянник или нет. Он в нем видел продолжение рода, поэтому написал своей дочери – жене генерала Паскевича, чтобы зять походатайствовал. Но Паскевича и не надо было просить, он сам относился к Александру с дружеской теплотой и скрытно посодействовал через членов Следственного комитета, всемерно сдерживая их рвение относительно его родственника.

Надо сказать, что Грибоедову на гауптвахте Главного штаба жилось полегче, чем арестантам Петропавловской крепости, скованным по рукам и ногам и содержащимся на хлебе и воде.

Выгораживал Грибоедова на следствии Ивановский А. А., делопроизводитель военной судной комиссии. На первом же допросе Грибоедов начал было писать: «В заговоре я не участвовал, но заговорщиков всех знал и умысел их был мне известен...» и прочее в таком роде. Ивановский, видя, что Грибоедов сам роет себе яму, подошел к столу и, перебирая бумаги, как будто что-то ища, наклонился к Грибоедову и сказал тихо: «Александр Сергеевич, что вы такое пишете! Пишите: знать не знаю, ведать не ведаю!» Грибоедов послушался.

В итоге Николай I написал на ходатайстве о нем резолюцию: «Выпустить с очистительным аттестатом» и велел дать следующий чин и годовое жалование не в зачет.

9 июня ему выдали под расписку этот очистительный аттестат: «По высочайшему Его императорского величества по велению комиссии для изыскания о злоумышленном обществе, сим свидетельствует, что коллежский асессор Александр Сергеев сын Грибоедов, как по изысканию найдено, членом того общества не был, и в злонамеренной цели оного участия не принимал». 10 июня Грибоедов получил у военного министра подорожную и прогонные деньги до Тифлиса.

И вновь Тифлис, вновь война, и Грибоедов бросает упреки Булгарину: «Отчего вы так мало пишете о сражении при Елисаветполе, где 7000 русских разбили 35000 персиян? Самое дерзкое то, что мы врезались и учредили наши батареи за 300 сажень от неприятеля и, по превосходству его, были им обхвачены с обоих флангов, а самое умное, что пехота наша за бугром была удачно поставлена вне пушеч-

ных выстрелов, но это обстоятельство нигде не выставлено в описании сражения».

15 января Паскевич, сменивший на посту Ермолова, взял местечко Мирне на самых подступах к Тегерану. Несмотря на мороз, сильнейший ветер и гололед в горах, солдаты не жаловались: что ни говори, легче воевать в зимних снегах, чем в раскаленном летнем мареве безводной полупустыни.

Персы сдались 6 февраля в местечке Туркманчай.

Россия получила земли до Аракса и часть его правого берега, исключительное право держать военный флот на Каспийском море и привилегии торговли с Ираном. По настойчивому требованию Грибоедова Персия обещала возврат всех пленных, полное и безоговорочное прощение жителям Азербайджана и полную свободу для желающих переселиться на русские территории.

Англичане с ужасом читали договор: Россия не просто перешла через Аракс – она добилась для себя режима наибольшего благоприятствования в политическом и экономическом отношении.

И снова Грибоедов направлялся на родину, но ехал не в отпуск и не на допрос по делу декабристов. Он мчался посланником победоносного генерала, с известием императору о триумфальном завершении первой войны его царствования.

14 марта 1828 года грохот двухсот залпов Петропавловской крепости возвестил о мире с Персией. В роскошном экипаже и в парадном мундире Грибоедов прибыл в Зимний дворец, поднялся сквозь ряды лакеев по главной лестнице. Перед входом в тронный зал шла длинная галерея, все стены которой были увешаны портретами генералов 1812 года – Кутузов, Багратион, Барклай-де-Толли, Раевский, Дохтуров, Тормасов, Платов, Уваров, Воронцов, Неверовский, Аракчеев, Давыдов...

Александр Сергеевич вручил императору экземпляр Туркманчайского договора. Необыкновенно милостивый государь расспросил его об Иване Паскевиче. Все восхищались Паскевичем, которому император пожаловал титул графа Эриванского и миллион рублей ассигнациями.

Грибоедова также не обделили наградами. Он получил чин статского советника, Анну второй степени с бриллиантами на шею и 4000 золотых червонцев.

Встречаясь со старыми приятелями Вяземским и Одоевским, Грибоедов близко сошелся и с Пушкиным, они наконец-то по-настоящему узнали друг друга. Оба Александра Сергеевича – горячие, ветреные, склонные к сарказму, обоим не повезло с родителями и оба любили своих сестер. Обоих дядя гулять водил, и оба были невыездыми.

Фаддей Булгарин не выходил от Грибоедова, наслаждаясь грудой золота, небрежно лежавшей на

столе. Попросил выделить ему кое-какую сумму, чтобы протолкнуть «Горе от ума» через цензуру, и потребовал себе письменные полномочия. Грибоедов походя написал: «Горе мое поручаю Булгарину, верный друг Грибоедов».

Нессельроде пытался ускорить отъезд дипломата, но Александр сослался на разлитие желчи, выдавая за признак нездоровья южный загар, резко контрастирующий с бледностью петербуржцев. Да и на сборы требовалось время: книги собрать, новый мундир заказать. Рояль упаковать. А попристывать на чтении Пушкиным еще запрещенного «Бориса Годунова»? Тоже необходимо!

Грибоедов покинул северную столицу 6 июня 1828 года. Накануне Жандр устроил прощальный ужин, где собрались все друзья Александра. Веселья не получилось. Пушкин написал стихотворение «Предчувствие».

*Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?*

Утром Жандр и братья Всеволожские проводили Александра, как водилось, до Ижор.

В первых двух числах июля Грибоедов добрался до Тифлиса и сразу же отправился к Ахвердовым. Проверенное средство – как воздухом, жил роялем, наслаждаясь мелодиями.

А потом рассказал в письме Булгарину о чуде, происшедшем с ним: «Намедни я обедал у старой моей приятельницы Ахвердовой. За столом сидел против Нины Чавчавадзе. Все на нее глядел, задумался, сердце забилося, не знаю, беспокойство ли другого рода, по службе теперь необыкновенно важной, или что другое придало мне решительность необычайную, выходя из стола, я взял ее за руку и сказал ей: «Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать вам». Она меня послушалась, как и всегда, верно, думала, что я ее усажу за фортепьяно, вышло не то, дом ее матери возле, мы туда уклонились, взошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыханье занялось, я не помню, что я начал ей бормотать, и все живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом к матушке ее, к бабушке, к ее второй матери Прасковье Николаевне Ахвердовой, нас благословили, я повис у нее на губах во всю ночь и весь день, отправил курьера к ее отцу в Эривань с письмами от нас обоих и от родных».

От будущего тестя пришло благословение. Нине шили свадебное платье. Александр слег с лихорад-

кой, но заставил себя выдержать церемонию, ничего не забыв из событий того вечера, потому что приступ перенес на ногах.

Следующие полмесяца он то болел, то праздновал вступление в брак. Но служба заставляла собираться в дорогу, ехать в Персию принуждал долг.

Спустя десять дней добрались до Эривани. После приветствовали встречной дикой скачкой и стрельбой, это страшно напугало дам. Приехал князь Чавчавадзе, в восторге от зятя и дочери. Князь знал интерес зятя к персидским древностям и порадовал его множеством завоеванных манускриптов.

В Тавриз, столицу Аббас-Мирзы, Грибоедов приехал в начале октября.

Он пишет в письме к Ахвердовой, что никак не может полностью вытянуть от персов проклятую контрибуцию. «Тут еще море бездонное всяких хлопот. Кажется мне, что я не очень гожусь для моего поста. Здесь нужно больше умения, больше хладнокровия, дела приводят меня в дурное расположение духа. Я делаюсь угрюм.

Иногда хочется покончить со всем и тогда становлюсь уж вовсе глуп. Я не уверен, что сумею выпутаться из всех дел, которые мне поручены. Одна моя надежда на Бога».

Но самая главная и деликатная дипломатическая задача стояла в обеспечении возврата в Россию всех пленных и перебежчиков. Тут, как и десять лет назад, Аббас-Мирза был непреклонен. Он не желал распускать свою личную гвардию из пленных русских. Хуже того, к пленным относилось немало женщин, захваченных персами и запертых в гаремах. Миссия могла быть невыполнима.

Настала пора уезжать в Тегеран, Грибоедов оставил жену в Тавризе на попечение давних добрых друзей, англичанок леди Макдональд и миссис Кэмпбелл. Дамы искренне полюбили юную Нину, оставшуюся в полнейшем одиночестве посреди пугающих ее персиян. Завершив свои дела в Тегеране, Грибоедов собирался уезжать. Он рвался к любимой жене, без которой не мог жить.

За два дня до отъезда глубокой ночью Александр разбудил слуга, сообщив, что в ворота стучится второй евнух шахского гарема (второе лицо в канцелярии) Мирза-Якуб, прося взять его в Эривань, ибо он прирожденный армянин Якуб Маркарян, в свое время плененный персами. Посол велел передать просителю, что ночью прибежища ищут только воры.

На следующий день с рассветом Мирза-Якуб вновь явился в посольство. Грибоедов понимал, что, если он возьмет под покровительство русского флага значимое для шаха лицо, то окажется в тяжелом положении. Ему не хотелось ввязываться в гаремные интриги.

Но ведь он собственноручно внес в Туркманчайский договор статью о возвращении пленных. Его отказ одному просителю позволит персам не выдавать никого и унизит Россию как государство, неспособное выполнять данные обещания.

Он принял Мирзу-Якуба в доме посольства, хотя 29 января получил от своих осведомителей сообщение, что муллы тревожат город, и посланник окажется в величайшей опасности, если не выдаст Мирзу-Якуба. Грибоедов оставил совет без внимания.

На другой день он проснулся поздно. Ему доложили, что базар закрыт, а народ собрался в мечетях, что муллы поднимают толпы людей, которые уже двигаются к русскому посольству, чтобы вырвать неверного Мирзу-Якуба.

Александр Сергеевич велел подать парадный мундир: возможно, вид посольских регалий напугает нападающих о дипломатической неприкосновенности членов миссии. Потом он приказал запечатать ворота и поставил казаков у передней двери. Караул, данный ему шахом, при первых признаках волнения тихонько исчез. Ворота затрещали под градом камней. Грохот – разрушали второй двор,

топорами раскачивали балки. Проникли в третий двор, лезли на крышу.

Упал замертво камердинер Сашка. Вот и доктор повалился. Известка посыпалась Грибоедову на голову. Балки рухнули, люди прыгнули сверху, кто-то ударил кривой саблей в грудь раз и два. Спасаю один его помощник Мальцов, который позже описывал эту ужасную резню.

Последнее слово Грибоедова.

«Душенька! Завтра мы отправляемся в Тегеран. Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя, как нельзя больше. Потерпим еще, Ангел мой, и будем молиться Богу, чтобы нам после того никогда больше не разлучаться.

Давеча я осматривал здешний город, богатые мечети, базар, караван-сарай, но все в развалинах.

На будущий год, вероятно, мы эти места вместе будем проезжать, и тогда все мне покажется в лучшем виде. Прощай, Ниночка, Ангелы мой.

Прощай, бесценный друг мой.

Целую тебя в губки, ручки, ножки и всю тебя от головы до ног. Грустно.

Весь твой

А. Гр.»



Александра САЛАГАЕВА

ПЕЙЗАЖИ ДУШИ: АНАТОЛИЙ ХУТОРНОЙ

Искусство Кузбасса богато разнообразными талантами, которые внесли значительный вклад в развитие региональной культуры. Одним из таких выдающихся художников является Анатолий Павлович Хуторной. Его творчество стало ярким примером того, как местные традиции могут соединяться с современными тенденциями, рождая узнаваемый стиль.

Анатолий Павлович родился и вырос в Кузбассе, и его привязанность к родному краю нашла отражение в его творчестве. Основы профессионального образования художник приобрел в Кемеровском художественном училище. Период учебы (1972–1976 гг.) заложил фундамент его технического мастерства, однако настоящий расцвет его таланта произошел позже, когда художник начал активно экспериментировать с различными техниками и подходами. Художник не боялся рисковать, пробуя самые разные техники и стили, комбинируя их и адаптируя под собственные идеи. Он глубоко изучал работы других мастеров, черпал вдохновение из окружающего мира, но всегда стремился создать что-то свое, что бы отличало его творчество от остальных. Именно этот постоянный поиск привел его к формированию собственного, неповторимого языка выражения. А.П. Хуторной не ограничивал себя рамками одного стиля или направления, он смело пробовал новое, вдохновляясь работами классиков и одновременно находя собственное видение.

Постепенно у него сформировался индивидуальный почерк, отличающий его работы от многих других. Картины мастера наполнены глубоким содержанием и эмоциональной выразительностью, они приглашают зрителя задуматься над тем, что лежит за пределами видимого. Творческий путь Анатолия Павловича был непростым, но его упорство и страсть к искусству позволили ему достичь значительных высот. Сегодня его работы занимают достойное место в коллекциях музеев и частных собраний, а имя Анатолия Павловича Хуторного известно далеко за пределами Кузбасса.

Рассматривая творчество Анатолия Павловича, хочется сказать, что это художник, способный ви-

деть красоту в простых вещах. Его работы наполнены светом и теплом, они передают ту неповторимую атмосферу, которая царит в родных для него местах. Его художественный мир – это не грандиозные полотна, изображающие переустройство мира, а тонкая, лирическая передача повседневной красоты. Кроме того, Анатолий Павлович часто обращался к теме сельской жизни, изображая деревенские дома, поля и леса. Картины автора отличаются вниманием к деталям и точностью передачи фактуры различных материалов, будь то дерево, камень или вода. Художник в каждом произведении разный: лирические пейзажи, метафорические портреты, неоархаические образы – все это Анатолий Павлович смог объединить в своем творчестве. Здесь прослеживается глубоко личное восприятие природы, пропущенное через призму его индивидуального опыта и эмоционального настроения. Он не просто показывает знакомые и любимые мотивы; он передает их настроение, их душу, их «серебряную тишину» – состояние умиротворения и гармонии с окружающим миром.

Одна из недавних серий картин Анатолия Павловича «Лес», «Дом», «Река» не просто визуализирует природу и любимый дом художника, но и представляет зрителю философское исследование сущности человеческого бытия, выраженное через язык символов и метафор. Первой из работ является графический лист под названием «Лес». При рассмотрении мы сталкиваемся с загадочной сетью линий, символизирующих бесконечное переплетение судеб и жизненных путей. Лес, представленный в виде лабиринта из тонких, словно сплетенных, нитей, воплощает идею сложности человеческого существования, полного тайн и неожиданных поворотов. При более внимательном изучении в каждой линии можно увидеть узнаваемые образы, здесь и автопортрет художника с супругой, и родные сердцу автора люди, конечно же, обитатели леса деревни Ивановки, а самое главное – дорога, ведущая к дому. Здесь каждый контур воспринимается как отдельная жизнь, стремящаяся к свету сквозь плотную завесу накрепко переплетенных судеб, обстоятельств и времени.

Следующий лист под названием «Дом» также несет в себе глубокий символизм. Это не просто изображение Ивановки и обитателей дома, а целый мир, наполненный мифологическими образами. Линейный рисунок, выполненный с невероятным вниманием к деталям, создает атмосферу волшебства и тайны. Вокруг дома, словно охраняя его обитателей, прячут ангелы-хранители, их крылья едва заметны среди тонких линий, но их присутствие ощущается почти физически. Они символизируют защиту и заботу, напоминая нам о высших силах, которые всегда рядом. Но и это еще не все. Если

внимательно присмотреться, можно заметить очертания русалок, грациозно скользящих вдоль края картины. Их плавные движения добавляют картине элемент сказочности и загадочности. Русалки, традиционно ассоциирующиеся с водой и природой, привносят в работу чувство связи с окружающим миром, подчеркивая гармонию между домом и окружающей средой. Центром композиции является семейный дом, и все элементы выстраиваются вокруг него. Силуэт, обрамленный замысловатыми узорами, кажется одновременно реальным и эфемерным, находящимся будто на границе двух миров – материального и духовного. Именно этот элемент картины объединяет в себе мудрость и опыт, накопленный годами, он же служит и объединяющим звеном между всеми элементами композиции. В работе автор придает дому особое значение – это не просто жилище, а место силы и уюта, в котором царит гармония и покой.

Завершающим является графический лист «Река». Извилистая река, словно пульсирующая артерия земли, занимает центральное место в композиции. Ее плавные линии, выполненные с изысканной точностью, создают иллюзию движения, передавая ритм течения воды. Эта река – не просто водный поток, но символ жизни, вечно меняющейся и обновляющейся, это путь, который невозможно остановить, он течет вперед, унося с собой все старое и ненужное, оставляя место новому. Это образ постоянного поиска и трансформации, отражающий суть человеческого духа. Однако внимание привлекает не только сама река, но и ее обитатели. Среди линий, обозначающих берега и воду, можно разглядеть образы различных существ, населяющих этот подводный мир. Каждое существо добавляет свою ноту в общую симфонию природы, подчеркивая ее многообразие и гармонию. Эти образы неслучайны. Они символизируют связь всех живых существ с великой рекой жизни, которая питает и поддерживает их существование. Рыбы, стремительно движущиеся вперед, могут олицетворять стремление к цели, а стрекозы, парящие над водой, – свободу и духовное возвышение. Вместе они создают целостную картину мира, где каждое создание имеет свое место и предназначение, напоминая о том, что мы являемся частью этого великого потока жизни, и наша задача – найти свое место в нем, сохраняя гармонию и уважение ко всему окружающему.

Каждая картина этой серии – это приглашение к медитации и самопознанию. Через простые, но мощные символы Анатолий Хуторной раскрывает перед нами глубинные аспекты нашего существования, предлагая задуматься о том, что действительно важно в этом мире. В целом, каждая работа Анатолия Павловича – это поэтическое осмысление окру-

жающего мира, мифологизация знакомых мест, превращение обыденного в необыкновенное, полное скрытого смысла и очарования.

Работы, созданные в Ивановке, наполнены особой лиричностью, нежностью и глубоким чувством привязанности к родной земле. Там и находится та самая «серебряная тишина», с которой так старается нас познакомить художник. Его работы завораживают простотой и в то же время глубиной выражения. Они говорят о связи художника с природой, о его способности видеть красоту в обыденном и передавать ее с помощью своего особенного художественного языка. Автор показывает ту Сибирь, которую давно знает и любит, таинственную природу которой он стремится наделить лирическим настроением с помощью карандаша, почти мифологизируя привычный для нас местный ландшафт. И на городской набережной, и в удаленной от цивилизации Ивановке художник постоянно ищет ту «серебряную тишину», которая подвластна его карандашу, настраивая человека на общую с окружающей природой тональность.

Произведения А.П. Хуторного стали отражением красоты родной земли и душевных переживаний. Каждая работа наполнена светом, теплом и глубоким пониманием природы, что делает их неповторимыми. Его мастерство в передаче света и тени, умение уловить настроение момента и передать его с помощью творческого метода – все это делает его одним из значимых художников своего времени. Среди кузбасских художников Анатолий Павлович Хуторной – единственный, кто с особенной серьезностью и уважением относится к графитному материалу, показывая всю красоту мира, используя богатые возможности простого карандаша. В своих работах художник представляет сочетание реалистической традиции и тонкого лиризма, это можно наблюдать в графическом листе «Действие жизни. Умножение». Картина представляет собой многослойное произведение. На первый план выходит центральная фигура – внучка автора, стоящая на фоне деревенского дома. Ее образ символизирует молодость, чистоту и начало нового жизненного пути. Девочка, окруженная животными, олицетворяет единство человека с природой и его гармоничное сосуществование с окружающим миром.

Детали в картине имеют важное значение. Так, образ бабушки, виднеющейся в доме, подчеркивает преемственность поколений и связь прошлого с настоящим. Бабушка – символ мудрости и опыта, передаваемых от старших к младшим. Деревенский дом, в котором она находится, символизирует уют, тепло домашнего очага и семейные традиции. Важное место занимают и животные, которые населяют композицию. Собака, верный спутник человека, символизирует преданность и любовь. Она стоит

рядом с девочкой, показывая готовность защищать и поддерживать своего хозяина в любых обстоятельствах. Она также может олицетворять верность семейным традициям и привязанности, которые передаются из поколения в поколение. Лошадь, мощное и благородное животное, ассоциируется с силой, трудолюбием и свободой. В контексте картины лошадь символизирует жизненные усилия и путь, который предстоит пройти каждому человеку. Она также намекает на физическую и духовную выносливость, необходимые для достижения целей.

Еще один персонаж картины – черепаха. На первый взгляд, это медлительное животное, но в контексте оно символизирует медленное, но уверенное продвижение к целям, а также способность сохранять спокойствие даже в самых сложных ситуациях.

Особое внимание заслуживает гнездо птиц, расположенное на голове девочки. Птицы традиционно ассоциируются со свободой, духом и небом. Гнездо же символизирует безопасность, уют и продолжение рода. Таким образом, эта деталь указывает на будущее поколение, которое будет расти и развиваться под защитой и покровительством предков.

Вся композиция картины пропитана чувством тепла, любви и заботы. Художник мастерски использует символы и метафоры, чтобы передать глубокие мысли о жизни, семье и природе родного края. Картина «Действие жизни. Умножение» призывает зрителей задуматься о своих корнях, ценностях и своем месте в этом мире.

Как отмечает искусствовед Александр Клушин: «Он (А.П. Хуторной) много экспериментировал в искусстве, пока не открыл в себе простого рисовальщика, для которого точность линии и штриховки

графитного карандаша дороже преимуществ живописного решения образа». Это говорит о том, что Анатолий Павлович глубоко понимает возможности графики и умеет тонко передавать световые переходы, теневые нюансы, фактуру материалов и настроение природы, используя лишь карандаш и бумагу. Более того, стиль А.П. Хуторного характеризуется не только точностью линии и штриховки, но и тонкой игрой света и тени, способностью передать атмосферу времени года, особое настроение природы.

Анатолий Павлович – мастер, который умеет видеть красоту в простых вещах. Его творчество отличается глубиной мысли, вниманием к деталям и умением передавать через метафорические образы сложные философские концепции. Его работы заставляют зрителя задуматься о смысле жизни, о своем месте в мире и о том, что действительно важно в этом быстротекущем существовании. Его графика наполнена светом и воздухом, что создает ощущение присутствия зрителя внутри изображенного мира. В своих работах художник стремится передать не просто образы природы и повседневной жизни, но и глубинные смыслы, скрытые за этими образами. Анатолий Павлович видит свою задачу не в изображении мира таким, каким он есть в объективной реальности, а в передаче своих чувств и эмоций, связанных с ним. Каждое произведение Анатолия Павловича Хуторного – лирическая поэма, пронизанная глубоким чувством и нежностью, это отражение его души и любви ко всему, что его окружает. Мы видим, как художник своим творчеством беседует со зрителем о своей жизни, здесь его дом, семья – все, что так дорого человеку. Это истории, рассказанные художником через призму его мироощущения.



**Елена
УСАЧЁВА**

СОВСЕМ ОДНА

Рассказ



Лена рыдала в раздевалке. Тяжело рыдала, с всхлипыванием. Слезы лились. Нос заложило. Лена провела ладонью по лицу и тут увидела Федину. Она стояла с курткой в руках и смотрела.

– Измайлова, ты чего?

– Ничего, – шмыгнула носом Лена и отвернулась к окну.

Чем ей может помочь Катя Федина, если даже она уговорила маму подрезать волосы и теперь вместо тугой косички носила хвост. Недлинный такой, по лопатки. И челку реденькую.

Скрипнула секция вешалки – Федина ушла. Лена вытерла лицо, сквозь слезную муть увидела в окно, как Федина бежит через двор. Она высоко поднимала колени, забрасывая руки то направо, то налево.

Могла бы и нормально бежать. Как раньше. Но теперь так не бегают никто. Потому что теперь есть Анька Плотникова. И все за ней повторяют. А она бежит, забрасывая руки.

Лена тяжело выдохнула и прислушалась к себе. Слезы прошли, обида осталась. Она ковыряла в груди пальцем и делала больно-больно. Особенно больно, когда вздыхаешь. Вздыхаешь и чувствуешь – одна. НА-ВСЕ-ГДА.

– Третий класс долго будет тянуться? – позвала Мария Сергеевна, и Лена, как всегда, подчинилась голосу и пошла на выход. Этот голос постоянно куда-то звал, и лучше было идти, чем задумываться, куда и зачем зовут, а тем более хочется ей этого или не хочется.

От одного вида улицы стало скучно. Все было знакомо – площадка, кусты, памятник героям войны, березы. Лена прошла по дорожке, постучала по заборчику палисадника ботинком, послушала, как гудит железо. Обыкновенно, ничего особенного. Поискала взглядом Киру. Она вместе с девчонками бродила между кустами.

Листья собирают. В другое время в другом месте Лена тоже бы порадовалась огромному кленовому листу. Но не теперь.

– Измайлова! Что сидим? Гуляй! В школе не насиделась?

Лена встала с заборчика, дошла до площадки и полезла на лестницу. Она стояла треугольничком – можно было забраться до верха, перекинуть ноги, развернуться и спуститься по другой стороне. Но спускаться просто так было скучно, и Лена, ухватившись за специальную боковую трубу, съехала на землю. Ладони чуть горели. Лена полезла обратно.

УСАЧЁВА Елена Александровна родилась в Москве. Окончила МПГУ им. Ленина и Литературный институт. Детский писатель. Работала сценаристом на детской телепередаче «Спокойной ночи, малыши!», писала сценарии анимационного сериала «Фиксики», публиковалась в газете «Пионерская правда», журналах: «Новая Юность», «Дружба народов», «Октябрь». Автор более восьмидесяти книг для детей и подростков, вышедших в издательствах: «Полиформ», «Эксмо», «Росмэн», «Клевер», «Питер», «АСТ», «Малыш», «Антология» и других. Книги переведены на испанский и эстонский языки. Лауреат литературных премий им. Ершова, им. Искандера и Национальной литературной премии «Золотое перо». Член Московской городской организации Союза писателей России с 2002 года.

– Измайлова! Голову расшибешь! – напомнил строгий голос Марии Сергеевны.

Лена бодрее начала переставлять ноги и перебирать руками. Раз, два, три... Перекинула ногу на отвесную трубу, съехала. Вспыхнули ладони.

Секунды три, не больше. А если быстрее? Бросилась к лесенке. Полезла. Сбилась, ударилась коленкой. По инерции сделала еще два шага. Но ладони уже стали влажными, лезть стало неудобно. Наверху просто села.

Спортивная площадка была огорожена высокой зеленой сеткой. С левой стороны у баскетбольного щита мальчишки бросали оранжевый мяч в кольцо. Мяч тяжело валился из рук. Потревоженное кольцо гудело. За площадкой девчонки сгрудились около прореженного куста сирени, что-то выискивая. Вон Кира Курбатова, еще недавно они дружили. Пока не пришла Плотникова. Вон Федина. Чуть дальше на деревянном бревне сидела Катька Павлова с книжкой. За черным школьным забором стоял желтый высокий дом. На фоне голубого неба он был какой-то совсем уж желтый. Над ним в вышине клином летела стая птиц. Утки? Надо Кире показать.

– Измайлова, ну сколько тебе говорить? Слезь с железа, попу отморозишь.

Лена сползла с лесенки, пнула опавшие листья. Мимо пробежали девчонки. Впереди новенькая Плотникова. Крепенькая и круглолицая, волосы собраны в хвост, при беге он метет между лопаток. Бежит она, смешно закидывая руки направо-налево, высоко поднимая колени. Лена поймала взгляд бывшей подруги. Кира на мгновение остановилась, выпадая из толпы. Лена улыбнулась, показала наверх, где еще можно было разглядеть клин.

– Видела?

Кира побежала догонять остальных. Лена побрела к кустам. Земля под ними была взрыта, валялись палочки. Знала она, что девчонки здесь делали. Сразу после урока Плотникова предложила на прогулке закопать секреттики. Но такие, чтобы весной найти. Кира еще ахнула – как здорово придумано. Лена дернула подружку за юбку и сказала, что идея глупая. Никто по весне никакие секреттики проверять не будет. Лучше в салочки побегать. Но Кира уперлась – Плотникова ее позвала и отказывать неудобно.

– А ты откажись, – потребовала Лена.

– Я с ней поговорю, – пообещала Кира, отво-

дя глаза. – Подожди меня в раздевалке.

Лена помчалась вниз. И там, стоя среди скрипящих секций, увидела, как Кира прошла мимо. Вместе с Плотниковой. Держа ее за руку.

Да в этой новенькой нет ничего. Ну из Питера, ну дядя военный, ну рисует. Мягкие движения, осторожная улыбка, тихий уверенный голос, челка, волосы, собранные в хвост, когда бежит, забрасывает руки на бок. Так хочется за ней повторять...

Лена пнула землю. Еще и еще раз. Загребла листья, бросила. Через ветки куста заметила движение. Там стояла Подгорнова. Смотрела. Лене показалось, что Машка Подгорнова все знает. Про Киру. Что они с Леной больше не подружки. Что Кира ее предала и теперь ходит с Плотниковой. А Лена навсегда-навсегда одна.

Лена почувствовала зажатые в руке листья и бросила их сквозь ветки.

– Ты что? – крикнула Подгорнова и, набрав листья, тоже бросила.

– Ах ты! – Лена загребла побольше листьев с землей и побежала вокруг куста. Машка, взвизгнув, рванула прочь. Они подхватывали и бросали друг в друга листья, палочки, землю. Лена жмурилась, отворачиваясь. Врезалась в березу. Смеясь, Машка высыпала на голову Лене мусор из рук, толкнула. Лена тоже засмеялась.

– Измайлова, ты у меня сегодня допрыгаешься!

От неожиданности Лена прижала к себе набранные листья. Машка Подгорнова хихикнула, показывая свои перепачканные руки. Но Лена уже забыла про нее, потому что перед школой показалась процессия.

– Третий класс! Все в школу, – звала Мария Сергеевна. – Девочки! Это что?

Плотникова с компанией остановились перед учительницей, у каждой в руке были листья.

– Вы эту грязь в школу не понесете! – покраснела от негодования Мария Сергеевна.

Плотникова что-то тихо говорила. Учительница качала головой.

Лена вдруг почувствовала, что рада. Очень-очень рада, что стоит здесь, а не там. Что рядом Машка Подгорнова.

– Мы же, правда, так сделаем? – долетели до нее слова Плотниковой – та повернулась к девчонкам, и они разом согласно опустили головы. Ленка заметила высокий рыжий хвост Кирры.

– Ну ладно, – сдалась Мария Сергеевна. – Но только чтобы ни одного листочка на полу я не видела!

Плотникова коснулась локтя учительницы, и, пока они так стояли, девчонки убежали в школу, а потом и она ушла своей мягкой походкой, со своим бьющим по лопаткам хвостом.

– Чего? Пошли? – позвала Подгорнова.

– Пошли! – Лена отпихнула Подгорнову и побежала.

Очень хотелось в раздевалке столкнуться с Кирой, вдруг она передумала и снова решит с ней дружить. Не успела. Все уже поднялись в класс, и около вешалок опять стояла одна Федина.

– У тебя лист в капюшоне, – сказала она, выходя из раздевалки. – Мы решили листья засу-

шить. Ты тоже?

Лена вытряхнула лист на пол, задвинула его ногой под батарею. Делать ей больше нечего, как повторять за Плотниковой и Фединой.

– А ты мне поможешь с математикой? – спросила остановившаяся рядом Машка Подгорнова, зачем-то снова показала свои грязные руки и хихикнула.

– Мария Сергеевна не разрешит сесть рядом. – Лена взглядела в круглое веснушчатое лицо Подгорновой, и ей вдруг тоже стало весело.

– А мы не спросим, – лукаво произнесла Подгорнова. – Сядем в конце и учебниками загородимся. Хорошо?

– Хорошо, – быстро ответила Ленка.

Все это было очень хорошо.



**Ирина
ИВАННИКОВА**

КЕФИР-БРОДЯГА



ТОПОЛИНЫЙ ПУХОПАД

Старый тополь – белый пух,
А под тополем – лопух.
Тополь рад и рад лопух:
Кружит, вьюжит снегопух.

Тополь стелет лопуху
Одеяло на пуху.
Рад лопух и тополь рад:
Тополиный пухопад!

Под зонтом стоял укроп,
Над зонтом теперь – сугроб.
Одуванчик молодой –
Раньше времени седой.

Валит много дней подряд
Тополиный пухопад.
И, пушинками кружа,
Пух ложится на ежа,

На скамейку у ворот,
Залетает в нос и в рот.
Так и тянется рука
Вылепить... пуховика!

КЛУБНИЧНОЕ МОРЕ

Клубника растёт
На лугу островками.
Я в море клубники
Ныряю руками:

Плыву по оврагу,
На горку, под горку.
Достанется ягод
И мне, и ведёрку!

ВОРОБЕЙ

Летать учился воробей,
Неопытный птенец.
– Держи осанку, не робей! –
Внушал ему отец.

– Закружит мир со всех сторон!
Ты должен быть готов,
Летая, не считать ворон,
А примечать котов.

ЧИБИС

Дружелюбный, с хохолком,
Чибис каждому знаком.
«Чи вы, чи вы?» – спросит снова.
Любопытный. Что такого?

ОБЕД

Испытание – обед!
Наблюдает мама строго.
Аппетита нет как нет:
Я один, а супа много!

КЕФИР-БРОДЯГА

Кефир бродил в коробке.
Искал дороги, тропки.

И раскисал ужасно:
Куда брести – неясно!

Надулся от обиды
Кефир, выдавший виды:

«В коробке мало места,
Скорей плесните в тесто!

За это – между нами –
Я угощу блинами!»

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Ранней весной,
Только утро проглянет,
Солнечный зайчик
Метнётся к поляне.
Ляжет проталиной
Заячий след,
Чтобы подснежники
Вышли на свет!

НА СКЛОНЕ АВГУСТА

На солнце выгорело лето.
Уткнулся в небо сухостой,
А бальзамин у речки где-то
Благоухает над водой.

Цветут вразвалочку цикорий,
Иван-да-Марья и кипрей.
Так много день вершит историй,
Что к ночи клонится быстрей.

Завечереет, и в потёмках
Увидишь, если подождёшь,
Как лист кленовый на иголках
Уносит вместе с летом ёж.

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

Намылились в небо
Лететь пузыри.
Их радостно воздух
Щекочет внутри.

И переливаются
Ярко бока.
Летят пузыри
Покорять облака!

Летят и не знают,
Что время – вода,
А лопнуть от счастья –
Совсем не беда.

К НАМ НА УРОК ПРИГЛАСИЛИ ПОЭТА

К нам на урок пригласили поэта.
Ахнули все: «Не с того ли он света?!»
Просто поэт никто не привык
Видеть живым, за пределами книг.
Так бы и жил он себе в переплёте,
Но оказался улыбчивой тётей!

ТИК-ТАК

Тихонько тикают часы:
«Тик-так, тик-так, тик-так!»
Две длинных тени-полосы
Крадутся на чердак.

Тайком выходит на балкон
Сквозняк из-за угла.
И темнота со всех сторон
Меня подстерегла.

Тик-так... Теперь не до игры,
Погашен в доме свет.
«Ты спишь?» – спрошу я у сестры.
Она ответит: «Нет».



ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ «БАЛТИКА-КАЛИНИНГРАД»

В 2025 году журнал региональной культуры Калининградской области «Балтика» отметит свое 25-летие.

Журнал выходит один раз в квартал, выпускается за счет средств издательства и издательской программы правительства Калининградской области. За эти годы выпущено 77 номеров. Учредителями журнала стали издатель Лидия Анатольевна Фролова, писатель и художник Владимир Павлович Лебедев-Шапранов. Более двадцати лет главным редактором журнала была Лидия Фролова, последние три года – Борис Бартфельд.

Журнал отличают качественная полиграфия, цветная четырехстраничная вставка и красочная обложка. Он содержит материалы по следующим рубрикам: литература, публицистика, изобразительное искусство, музыка, театр, музей, самодеятельное и детское творчество, краеведение, эстетическое, патриотическое и экологическое воспитание, духовное и историческое наследие.

Кроме литературных произведений, которые занимают большую часть журнала, на страницах «Балтики» публикуются очерки и иллюстрации о культурной жизни области, об эстетическом и патриотическом воспитании подрастающего поколения, рассказывается об экологических проектах. Большой объем материалов посвящен истории янтарного края и его культурному наследию. Каждый номер журнала знакомит читателей с одним из местных художников или коллективом народных студий. На его страницах всегда есть место для новостей музыки и театра. С большим интересом читатели журнала узнают о крупных и небольших музеях нашей области. Не забыты и писатели, что жили и творили на нашей земле в прошлом, и юбиляры. Богата палитра литературных жанров – от стихов, очерков и рассказов до поэм, повестей, пьес и романов.

Страницы журнала предоставляются искусствоведам, учителям, деятелям культуры и искус-

ства, библиотекарям, выступающим с обзорными, аналитическими и критическими статьями. По материалам журнала в школах проводятся уроки по искусству и литературе, конкурсы по истории и краеведению. Журнал открывает новые имена, вовлекает в творчество детей и юношество. Кроме региональных писателей журнал активно печатает российских авторов в рубриках «Литературная Россия» и «Гость номера». В журнале печатались крупнейшие русские писатели, среди которых: Евгений Рейн, Игорь Волгин, Владислав Бахревский, Светлана Василенко, Валерий Попов, Максим Замшев, Геннадий Калашников и другие авторы.

Одной из основных своих задач редколлегия журнала считает воспитание молодежи на образцах хорошей литературы, борьбу за чистоту русского языка, утверждение в нашем крае русских народных и патриотических традиций.

Взяв курс на поддержку местных талантливых авторов, популяризацию творчества профессиональных и самодеятельных литераторов, художников, артистов, краеведов и т.д., журнал, благодаря энергии и мастерству коллектива редакции, быстро завоевал широкую читательскую аудиторию, симпатии самых разных слоев общества. Он известен за пределами нашей области, получил одобрение Федеральных Союзов писателей, Пушкинского дома и других известных учреждений культуры России.

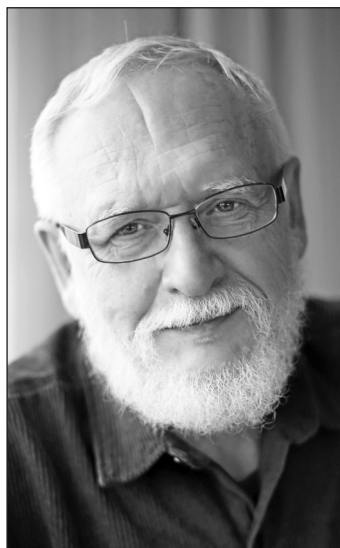
Наш регион является местом пересечения многих культур, и журнал культуры и истории – один из факторов, способствующий взаимопониманию народов.

Большой вклад журнала в развитие литературы и искусства нашей области, плодотворная последовательная работа по патриотическому и эстетическому воспитанию детей и подростков не позволяют представить духовную жизнь региона без журнала «Балтика», ставшего лауреатом главной премии региона в области культуры «Признание».

Главный редактор журнала «Балтика»
Л. Фролова



Борис БАРТФЕЛЬД РАССКАЗЫ



ФИРС

Супружеская пара сидела за угловым столиком в ресторане гостиницы. Мужчина был молоджав, и все-таки явно старше спутницы. Полумрак скрадывал их лица, но скрыть волнения не мог. Женщина молчала, мужчина что-то говорил ей по-немецки. За этой сценой безмолвно наблюдал сторонний, но неслучайный персонаж Григорий. В зале висело напряжение, и все ощущали его.

«Бог с ним, с этим волнением, меня это не особо касается. Я всего лишь зритель, даже не свидетель» – с таким чувством Григорий подошел к столику и перекинулся с немцами парой слов.

Отвечал мужчина. Скорее угадав, чем разобрав из немецких фраз, что сегодня у них случилось нечто необыкновенное, Григорий сходил за бутылкой коньяка, взял в баре три рюмки, плеснул в них солнечного света. Выпив, немец заговорил быстрее. Удавалось выхватывать из рассказа только отдельные слова, чаще всего: голод и смерть, смерть и голод, голод, голод, голод.

Мальчишки десяти и одиннадцати лет с матерью в конце войны не успели эвакуироваться вглубь Германии и два года выживали в маленьком домике за городком Лабиау, нынешним Полесском. Голод, голод, голод. Жизнь – поиск еды,

любой еды. Иногда воровство, редко неожиданная помощь случайно встреченных русских. Зимой голод становился нестерпимым, весна и лето приносили только временное облегчение.

Мать отдавала еду детям, пытаясь их спасти, и умерла от голода в начале лета 1947 года, не дожив пары месяцев до отправки в Германию. Сын тайно схоронил ее во дворе дома, под приметным деревом. Сегодня они с женой целый день безуспешно искали дом на окраине поселка и к вечеру все-таки опознали это место. Старого приметного дерева уже не осталось, и они, попросив разрешения у нынешних хозяев, посадили вечнозеленый кустарник прямо над могилой матери. Вся история предстала в своей трагической обыденности в безыскусном рассказе немца, спутница за все время разговора не произнесла ни слова.

Мать этого немца умерла, а он, совсем мальчишка, выжил, вернулся в Германию, стал известным актером и режиссером. И сейчас, уже постарев, в театре Мюнхена играл всего одну роль – роль старика в знаменитой русской пьесе. Совершенно седой и прозрачный от худобы, он так и остался в том своем голоде, голоде детства.

Обычная история, житейская. Из тех, что происходят будто сами по себе, без автора и режиссуры, если таковыми не считать собственно

131

БАРТФЕЛЬД Борис Нухимович родился 17.01.1956 г. в пос. Новостроево Калининградской области. Председатель Калининградской писательской организации. Стихи и рассказы печатались в литературных журналах, переводились на европейские языки. Автор шестнадцати книг прозы и стихов. Организатор литературных конкурсов и фестивалей. Главный редактор журнала «Балтика», альманахов и антологий. Лауреат главных региональных премий в области литературы и культуры и всероссийской премии «Гипертекст» за 2024 год. Живёт в Калининграде.

Провидение. История эта могла случиться в нашем приморском крае в любой день через пятьдесят лет после войны, но началась в июле 2012 года.

Через два года эта пара вновь приехала в Калининград. Они представили книгу о судьбе спасшегося мальчишки. Вечно молчаливая спутница оказалась писательницей. Она всегда молчала, только глаза, не поглощающие, а излучающие свет, выдавали ее необычную открытость миру. Может, писатель и должен молчать, чтобы не растратить мысли и эмоции, так и не успев донести их до бумаги. Через год книгу перевели на русский язык, и Григорий прочел ее. В книге снова – голод, голод, благодарность матери и неизбежная вина перед ней, поиск следов отца, тайна гибели его, члена национал-социалистической партии, и чувство вины за него, и снова голод, голод без конца.

Григорий размышлял о том, что заставило молчаливую фрау потратить два года на описание этого частного случая. Надежда на то, что в книге он приобретет общечеловеческое звучание? Ни на деньги, ни на славу она рассчитывать не могла. Что двигало ею, какая воля или долг заставили ее проделать столь большую работу? Она шагнула из своей молчаливой тени немного свидетеля на звучащую, освещенную

сцену, выносив в себе книгу о двух голодных первых послевоенных годах в Восточной Пруссии. Русские виноваты в этом голоде? Прямо об этом не написано. Но это вытекало из текста, точнее, было подтекстом. Мог ли немецкий мальчишка, оказавшийся в трагической ситуации, не ожесточиться, не возненавидеть русских? Но те ведь и сами голодали, и единственно, чем их жизнь отличалась от жизни немцев, так только тем, что русские могли уехать из этого голодного места в другое. Когда люди страдают, всегда кто-то виноват, боль и обида сами находят виновных...

Какое впечатление производили страдания немцев на русских? Не самое сильное, ведь все зависит от того, с чем сравнивать. А русским, белорусам, евреям и украинцам, жившим теперь рядом с немцами, было, с чем сравнить. И на первом плане в личном опыте немецкой оккупации у них были смерть и истязания, а голод маячил где-то дальше, до него еще надо было дожить. Так было везде, за исключением Ленинграда и лагерей. Но в послевоенной Восточной Пруссии подавляющее большинство немцев выжило, и легче – те, кто был ближе к заливу, к ре-

кам, к озерам. Рыбу, в отличие от зверей, можно было ловить, и этим спастись. Сушеный снеток был весьма ходовой валютой... Так почему же этот старый немец, в детстве претерпевший и потерявший все, дружелюбен к русским? Он как-то сумел изжить ожесточение войны, голода и изгнания.

Вскоре Григория по делам занесло за Полесск и дальше за Дейму, в старую немецкую школу-музей Вальдвинкель, где уже явственно ощутимо дыхание Куршского залива. Там в маленьком частном музее собрали рассказы стариков из окрестных поселков о жизни переселенцев в самые первые годы после приезда. И в них главное место занимал тот же голод, голод и русских, и немцев. В одном из рассказов теперь уже пожилая женщина вспоминала о своем ровеснике, тринадцатилетнем Матвее из Разино* – лесной деревушки, стоящей на канале неподалеку от залива. Матвей этот наловчился не только искусно ловить рыбу (это умели многие), но и каким-то тайным, хитрым способом быстро сушить ее для длительного хранения. И всю зиму, даже весну маленькими порциями он раздавал драгоценную еду окрестной малышне без разбора – и русским, и немцам.

Григорий надумал доехать до канала и осмотреть эту деревушку. Дорога к ней шла на север, сначала асфальтовая, затем грунтовая и, наконец, лесная. Деревья со всех сторон хлестали машину ветками по кузову. Несколько раз казалось, что надо поворачивать назад, дальше проехать невозможно, но деревья расступались, и вновь открывалась дорога. Вскоре впереди показались дома. Некоторые из них были полуразрушены и уже оккупированы буйной природой, ее передовые части – кустарники, осины и березы – заплотили дворы, взобрались на стены и остатки крыш. Метров через двести машина застряла в глубокой колее, разбитой тракторными колесами. Попытки вырваться из колеи на обочину не удалось, надо было подложить под колеса доски или какой-нибудь другой подручный материал. Пришлось пойти к ближайшему дому за инструментами.

Живой забор вокруг участка превратился в высокий лес, но дом стоял крепко, и на двухскатной островерхой крыше его лежала родная красная черепица, да и деревянные рамы окон

* Поселок Полесского (Лабиау) района, бывший Ювендт (Мевенорт).

были еще немецкими. А вот сад у дома совсем состарился, немецкие яблони доживали последние годы, только стайка молодых вишен-костянок весело перешептывалась мелкими листьями. Во дворе никого не было, оставалось открыть дверь самому и зайти в дом. Из маленькой прихожей коридор вел к кухне, где на табуретке сидел старик в фуфайке, на его ногах, обернутых фланелевыми портянками, чернели резиновые калоши.

— Отец, машина моя застряла неподалеку, дай топор кустов нарубить!

Старик, казалось, ничего не слышал. Григорий подошел ближе, тронул его за плечо. И тогда старик рассмеялся:

— Я все слышу, не беспокойся. Иди в сарай, топор у стены лежит. Нарубишь кустов, возвращайся. Только елочки и березы не руби, там полно сорной поросли.

— Спасибо, отец. Я недолго.

Топор, воткнутый в край аккуратного чурбачка, нашелся сразу. Все в сарае выглядело обычным для села, но под самой крышей были натянуты десятки лесок, на которых рядами, как нотки на нотном стане, висели сотни рыбин, и все одна к одной, весом граммов под триста. Запах этой рыбы и ее цвет были необычными, будто кто-то смазал ее особенным маслом. Да еще на веревках под потолком висели холщовые мешки, заполненные высушенной рыбой.

Поблизости от дороги в изобилии росли са-мосевные клены, осинки. Они и пошли под колеса автомобиля. Дернувшись несколько раз вперед-назад, машина с трудом, но выбралась из глубокой колеи на твердую поверхность дороги. Когда Григорий вернулся с топором к сараю, старик стоял на чурбачке у стены, кряхтя, снимал рыбу с лесок и складывал ее в мешок.

— Ну что, вылез из ямы? Куда нелегкая тебя несет, вроде ты не из наших, да и не рыбак?

— Просто путешествую, вот хочу до канала доехать, на залив посмотреть.

— Каналов здесь полно, со всей округи воду собирают, а то затопило бы давно поля и лес. Я тут каждую тропинку, каждую канавку знаю, где какую траву собирать. Вот валерьяну — ближе к поселку Красное, а тмин — тот на дамбе растет. Помню времена, когда все здесь работало, и симменсовские насосы еще пятьдесят лет после войны перекачивали воду из канальчиков в каналы и, в конце концов, в Куршский залив.

— А когда вы сюда приехали?

— Мальцом приехал из Мордовии. В последний день лета на следующий год, как война с германцем кончилась, наш эшелон пришел на станцию Тапиау, Гвардейск нынешний. Здесь всю жизнь и прожил, а что мне еще нужно? Люблю я воду. Родился на речке Мокше, с ранних лет рыбалил и здесь к месту пришелся.

— Отец, а что в первые годы с вами тут и немцы жили, небось, и не помните уже?

— Чего ж не помнить. Все помню: и русских, и немцев. Как играли вместе и дрались. И как увозили их на грузовиках, помню. После возле калитки в лопухах нашел два тюка с посудой, кто из них мне оставил, не знаю. Так всю жизнь с этой немецкой посуды и ели, ни разу не покупали.

— Правда, так голодали, что всех крыс поели?

— Голодно было, но крысами не спасешься. Хитрые они бестии, чувствуют свою погибель и уходят подальше от крысоедов. Вот рыба — та другое дело. Она здесь беззаботна и всегда под рукой. Она спасительница. Держи мешок, повесишь дома на крюк под потолок и ешь по рыбине хоть целый год, она только вкусней будет.

— Так кухня вся провоняет рыбой.

— Не бойсь, не провоняет кухня твоя. Рыбка-то моя высушена особым образом. И сохнет быстро, и хранится долго, и не пахнет почти. Секрет был у старых мокшан, дед мне его еще в мальчишестве открыл. Из-за рыбы я в этом поселке и оказался. Сперва нас в другом месте поселили, в местечке Келладен*. Немцы и русские жили здесь тогда по разным поселкам. В первый год немцев было раза в два больше. Мы приехали в осень, а ни огородов своих, ни животные на забой нет. Немецкие запасы по подвалам да полевым буртам подъели быстро. Осень кончалась, а голод только начался. Лошадей стали есть, паслись здесь без присмотра по лугам табуны. Но за это сажали. А я лошадей и без этого есть не мог, для меня это, что друга схарчить. За рыбой я стал ходить на канал, но идти надо было далеко. Так я и перебрался сюда, поближе к рыбе. Здесь жили сплошь немцы. Но ничего, сначала грызлись, а потом сжились друг с другом. Подкармливал я их, да и научил кое-чему. Два года с залива и канала не вылезал.

— Зачем же, отец, ты взвалил на себя эти заботы? Любви-то между вами и немцами особой

* Ныне поселок Ильичево Полесского (Лабиау) района.

не водилось.

– Не знаю, как тебе и объяснить. Просто не могу, а мудро не умею. Разные люди здесь спасались. Кто имел неукротимую волю к жизни, те и сами выживали, а вот кто терял ее, – тем беда. Ведь голодала здесь еще и малышня. Воля к жизни у детей природная, а умения прокормиться нет. Им-то я и помогал. Голод и холод подавляют волю к жизни. А зачем мне это нужно было, я ни тогда не знал, ни сейчас не знаю. То же, видать, воля какая-то мною двигала. Не мог я смотреть, как они тощат с каждым днем, а потом угасают за ночь, как тонкая лучина в руках.

– Как случилось, что ты остался здесь в одиночестве?

– Так уехали все. И сыновья, и дочери, и невестки, и внуки – все разъехались по городам. А меня забыли, никто не позвал с собой, вот так. Да я бы и не поехал. Ничего, я здесь посижу. Жизнь-то прошла, словно и не жил. Но это ладно, вот старуха моя и соседи все перемерли, так это жаль.

– А мешки с рыбой зачем на подвесе под потолком держишь?

– Известное дело, те же крысы и мыши за месяц сгрызут всю рыбу. А ее сохранить надо для людей до самой весны. Почти семьдесят лет прошло, а я все еще продолжаю свое дело – заготавливаю рыбу впрок. Главным это стало для меня, а в чем смысл всех этих забот, голода-то нынче нет... Но все равно ловлю рыбу, а потом раздаю, только теперь старикам. Брошенные, они нынче беспомощней детей.

Он попрощался и направился было в дом.

– Как звать-то тебя, отец? Может, через месяц заеду к тебе еще разок.

– Дедом Матвеем кличут, знаешь, что значит мое имя? Вижу, что не знаешь, дар Божий означает. А в чем дар тот, в чем мой дар, предназначение мое? Так и не знаю, не открыл в себе. Ну, заезжай, встречу, коли жив буду. До заморозков ноябрьских собираюсь дожить. А там и помру, засну на морозе. Тихая смерть.

– Ты тут один. Помрешь, тебя и похоронить некому, будешь вонять.

– Нет, паря, не буду. И здесь мне мой секрет поможет, высохну, как мумия. Жизнь моя здесь закончится так, как и начиналась. В холоде и голоде. Круг должен замкнуться. Вот никому не говорил, а тебе, незнакомцу, скажу. Мне иногда кажется, что те самые первые два голодных года на этой земле

и есть самые главные в моей жизни.

Григорий достал прихваченную из машины поллитровку и с благодарностью отдал деду. Тот явно обрадовался:

– Придут морозы, буду ей согреваться, по семьдесят грамм утром и вечером. Глядишь, недельку на ней протяну. Топить-то печку сил уже не будет. Вот через недельку вишни поспеют, радость у меня будет, три года, как посадил их. Может, последняя радость. Варенье бы из вишни наварить в зиму с косточками, да уж не смогу.

Он повернулся, медленно зашел в дом. Дверь закрывалась за ним сама – долго, с пронзительным скрипом, будто лесная птица кричала во весь голос свою прощальную песню. Григорий завел машину, дальше дорога была твердой, через несколько минут открылся вид на канал.

Про деда Матвея вспомнил Григорий только в следующем году на майские праздники. После обеда направился к нему в поселок. По знакомой дороге ехалось легко, и яму перед поселком объехать не забыл. На участке перед домом никого не было. Незапертая дверь болталась от порывов ветра, на кухне, опершись спиной о стену, сидел дед. Одетый так же, как в прошлую встречу, только на голову была глубоко, по самые брови надвинута шапка. Лицо его было спокойным, только цвет кожи стал коричневым, как у дехканина. Он спал, но сон его был вечным. На столе стояла ребристая немецкая рюмка из толстого синего стекла и та самая дареная бутылка водки, теперь уже пустая.

Делать Григорий ничего не стал, в полицию не сообщил, в конце концов, он даже не свидетель, только зритель. И ничего не тронул, лишь слегка поправил шапку, пусть дед сидит в своем доме и встречает редких гостей. Прикрыл дверь, которая свою печальную песню на этот раз пропела коротко. В сарае все было по-прежнему, только с лесок сняли всю рыбу. На полу валялся тетрадный листок, сброшенный сквозняком с подоконника. На нем корявым почерком кто-то написал: «Матвей, спасибо тебе за рыбу». Затем слово «рыбу» было зачеркнуто и выше размашисто выведено: «ЖИЗНЬ».

Григорий поднял листок, разгладил его ладонью, аккуратно насадил на гвоздь, торчащий из стены. Так, чтобы каждому входящему слово «ЖИЗНЬ» бросалось в глаза.

«Видно, дед прав, невозможно всегда оставаться только наблюдателем, только зрителем.

Может, эта история – от встречи с пожилым немцем, который ребенком так тяжело боролся за жизнь, до встречи с русским дедом, который мальчишкой помогал выживать и русским, и немецким пацанам – потому со мной и произошла, чтобы я осознал (вернее, ощутил в себе) волю к действию». С такими мыслями Григорий вышел из сарая и плотно прикрыл за собой дверь.

Старый сад медлил с цветением. Немецкие яблони, не выходя из зимнего сна, засыхали. От прошлого не остается ничего: ни деревьев, ни других жизненных декораций, разве что память, да и она уходит вместе с людьми, только вот книги – они сохраняют память. Но в углу сада, охваченные белым пламенем, трепетали молодые вишенки. Те самые вишни-костянки, первые плоды которых так хотел попробовать дед прошлым летом. Случилось ли ему их поесть, или расторопные скворцы склевали раньше первый урожай вишен, теперь не узнать.

В этот же вечер в мюнхенском театре ровесник деда Матвея играл свою единственную роль. В конце пьесы он остался на сцене в одиночестве. И, пытаясь понять, отчего его герой, старик, брошенный всеми в притихшем доме посреди гибнущего вишневого сада, все еще живет, лег на лавку и повторил в мертвой тишине зала слова деда Матвея:

– Mich haben sie vergessen. Tut nichts, ich bleib' hier sitzen*. Жизнь-то прошла, словно и не жил.

ЙОСЬКА-ПЕЧНИК

Дзинь, дзинь, дзик – Вовка проснулся. Из соседней комнаты доносилось постукивание и шкрябанье металла о камень. Вошла мама, включила репродуктор, потрепала сонного сына по волосам и ушла на работу в школу. Вовка потянулся, за окном моросило. По радио говорили о прошедшем пленуме партии, где генеральный секретарь ушел в отставку в связи с состоянием здоровья и преклонным возрастом. Десятилетнего мальчишку это не волновало, и хотя все его лицо, грудь и плечи покрывали пятнышки зеленки, он радовался свободным от учебы дням. Вовка оделся, накинул на плечи телогрейку, побежал под дождем за сарай в дощатый туалет, который летом смастерил с отцом. Вернувшись, умылся, намазал на ломоть черного хлеба гу-

стую сметану и быстро съел, запив сладким чаем.

В родительской комнате кто-то тяжело вышагивал. Вовка осторожно приоткрыл дверь. Мебель была сдвинута, половики свернуты, а у разобранный наполовину печки возился коренастый кривоногий дедок, заросший седой щетиной.

– Заходи, заходи, кнабенис**. Будешь мне печь помогать ладить, – печник рукой указал на аккуратно сложенные кафельные изразцы и кирпичи.

Вовка не заробел, осмотрел изразцы, подошел к печке со стороны топки. О том, что печь надо ремонтировать, говорили еще год назад. А в начале осени при растопке она стала дымить так отчаянно, что тянуть с ремонтом дальше было нельзя. Накануне за ужином отец сказал, что в соседнем поселке нашел хорошего печника – старого литовца, который сможет перебрать печь. Местные мастера за работу не брались, особая сложность была в этой немецкой печке – хитро вделанная в нее чудо-духовка с бронзовой дверцей. Отец называл мастера полным именем, но Вовка запомнил только первую часть – Йоська, уж больно необычным оно было.

Пока печник снимал очередной ряд изразцов, мальчишка складывал в отдельную стопку огнеупорные кирпичи.

– Был бы ты постарше годка на три, обучил бы тебя ремеслу печному. А то помру, и некому будет в округе толковую печь сложить. Сложить-то сложат, но или все тепло в трубу уходить будет, или дымить печка станет, как оглашенная. Толку никакого – один перевод дров. А печь с духовкой – и вовсе вещь особая, тут так надо дымоходом обвить духовку, чтобы горячий воздух равномерно со всех сторон ее обволакивал. Держи крепче изразцы, не побей.

Йоська начал ловко вынимать кирпичи из чрева печки и передавать Вовке. Тот пыхтел, старался, но едва успевал их раскладывать. Вскоре в четыре руки печь разобрали до фундамента. Печник оглядел его, остался доволен. Пошел во двор за глиной и песком, привезенными отцом накануне. А вернулся, сокрушаясь:

– Не та глина, совсем не та! Здесь нужна особая глина, огнеупорная, вязкая. Знаю я, где такая есть. Завтра с утра поеду, накопаю и привезу. Ты пока очисти кирпичи и кафель от старой глины.

* Про меня забыли... Ничего... я тут посижу...

** Литуванизированное от немецкого «Кнабен» – мальчик.

Будешь молодцом, так покажу тебе ту самую особую глину. Место это единственное в округе, мой папаша нашел его при последнем кайзере. Доводилось ему в этих краях батрачить, и тогда печи здесь ставил, еще до Великой войны. В каждой местности печки на свой манер кладут, это как местный говор. Везде какие-то свои особые словечки, свои предания и названия озер и холмов. Или взять борщ, вроде борщ он и есть борщ, обыкновенная свекла да морковь, а попробуешь, так в каждом месте свой вкус. А сало? Свинки везде одинаковые, соль вроде обычная, а в каждой деревне, у каждого хозяина свой вкус. Или копчение рыбы: в этом деле от щепы вкус больше зависит, чем от рыбы. Хочешь, возьми хоть яблоневую щепу, хоть от груши или вишни, но никак нельзя щепу сосновую или другую хвойную. Так и печи: каждая на особый лад. Вот мать твоя из брянских краев, там у них главное место в доме – русская печь, огромная, с плитой на несколько чугунков и лежанкой наверху. Можно и варить, и жарить, и томить на долгом тепле, и спать в тепле на печке. Трое суток такая печь тепло держит, терпеливая. Оттого эта печь у мастеров и называется «русской». Только в вашей квартире на втором этаже такую не поставит, тяжела она. Фундамент под нее специальный нужен, а то пол провалит. Но ничего, я вам духовку

– Дядя Йоська, а возьми меня завтра с собой. Я помогать тебе буду.

– Чего же не взять, парень ты справный. Только у отца разрешение испроси, да и встань пораньше, поутру за тобой заеду.

Йоська сложил инструмент в сумку и, громко стуча кирзовыми сапогами по ступеням деревянной лестницы, спустился во двор. Вывел из сарая старый проржавевший велосипед, закрепил на багажнике сумку и покатыл домой, со зверским скрипом крутя педали.

Вовка чистил кирпичи от глины до прихода родителей. Мать нажарила рыбы, отец частенько ловил линей и щук в озере за холмами. Позвала обедать. Отец сидел за столом всегда на одном и том же месте, Вовка от него по левую руку.

– Как день прошел, сынок? Смотрел, как печь

перекладывают? – в глазах отца вспыхнули насмешливые искорки. – Или испугался печника?

– Совсем не испугался. И не смотрел я, как он работает, а помогал! – сказал Вовка и увидел, как улыбнулась мать. – Пап, а почему ты позвал работать этого Йоську, он же старый уже, хромет...

– Да, сынок, стар он уже. Время не щадит никого. И я постарею, а когда-то даже и ты. А дедок этот остается лучшим мастером в округе, да, может, и во всей области. Я его с 54 года знаю, в пасторском доме, где начальная школа у нас, он печи перекладывал. Я думал, что уехал он давно в Литву, а оказывается, здесь остался. Великое мастерство в любой профессии – важнейшее дело. Мы все больше знаем артистов, вот Михаил Жаров – народный артист. А дедок этот – народный печник страны. Хорошо бы и тебе стать таким мастером в своем деле.

– Пап, отпусти меня завтра с Йоськой за глиной. Он утром заедет к нам. Ему для печи какая-то особая глина нужна, огнеупорная.

– Хорошо. Оденься для работы да поезжай. Поможешь печнику.

На следующее утро Йоська въехал во двор на лошадке, запряженной в старую телегу. Вовка, обутой в резиновые сапоги, уже нетерпеливо выхаживал вдоль сарая. Печник кивнул ему, и Вовка запрыгнул на телегу. Сзади раздалось приглушенное рычание. Вовка оглянулся: на другом конце телеги лежал большой рыжеватый пес. Йоська цыкнул на пса, передернул вожжи, и телега выкатилась на улицу Вокзальную. Называлась она так, потому что в конце ее стояло краснокирпичное здание вокзала, за ним был Станцевский пруд, из которого когда-то заправляли водой паровозы. А вот самой железной дороги не было. Вернее, она когда-то была, немецкая узкоколейка, но к середине пятидесятых годов ее разобрали. Вовка уже не видел ни шпал, ни рельсов, осталась лишь насыпь, уходившая куда-то далеко, за таинственное Центральное имение, в лес, на юго-запад, к большому железнодорожному разъезду.

За зданием бывшего вокзала телега свернула на проселочную дорогу, и лошадка затрусила вдоль насыпи к Центральному имению. Октябрь был в разгаре, ветер еще не обнажил деревья, и, пышные, они полыхали вдоль дороги всеми оттенками живого огня. Вскоре проселочная дорога сменилась брусчаткой, и телега вкатилась

на территорию Центрального имения. Пес, недовольный тряской, прыгнул с телеги и лениво побегал позади. По левую сторону дороги тянулся старинный заросший парк с каскадами прудов. По другой стороне стояли сараи и три громадных двухэтажных коровника из красного кирпича под остроконечной черепичной крышей. Распахнутые настежь ворота открывали пустоту, коровы еще паслись в поле, а здесь от них остались лишь огромные кучи навоза. За имением показалось зеркало озера, в народе его называли Киш-озеро. А следом и деревенька Варшава из трех каменных домов-бараков, будто в насмешку названная по имени польской столицы. За околицей лошадка свернула к лесу, дорога снова пошла вдоль старой насыпи. Вскоре подъехали к ветхому мосту через небольшую речку.

Печник по-стариковски аккуратно слез с телеги, велел Вовке взять вожжи и ждать, сам пошел осматривать мост. Собака увязалась за ним. Вовка никогда до этого места не доходил и на велосипеде с друзьями не доезжал, хотя слышал от старших, что здесь работал большой молоко-завод. До войны сюда по узкоколейке привозили рабочих из их поселка. Молодой ельник скрывал остатки большого здания из красного кирпича. Вовка хотел осмотреть развалины, но оставить лошадь без присмотра опасался. Однако лошадка стояла спокойно, и, осмелев, мальчишка привязал вожжи к дереву, а сам отправился к руинам.

Это был большой цех завода. Крыша давно рухнула, стены стояли наполовину разобранные. Всюду валялись кирпичи и куски бетона. Остатки оборудования и металлических конструкций уже вывезли, сдали на лом. Вовка пролез через дыру в тыльной стене здания и оказался на склоне глубокого речного ущелья, хотя внизу бежал всего лишь какой-то ручей. Спуститься к нему мальчишка не решился, двинулся вдоль склона к мосту. Тропинки не было, он шел по траве, засыпанной толстым слоем листьев, мелких веток и хвои.

— Ой, е-о-о! — что-то под ногами Вовки подломилось, он провалился в широкий люк. Успел только зацепиться за край бетонного кольца, висел теперь на руках, беспомощно болтая ногами, не находя им опоры. Пытался кричать, но голос его сел, и хрип глухо оседал лишь поблизости. Пальцы затекли, сил держаться уже не оставалось...

И вдруг в последний момент кто-то сзади за-

сопел, схватил Вовку за воротник куртки и потащил из колодца. Мальчишка подтянулся, оперся локтями о землю, затем спиной навалился на край колодца, с трудом вылез из ловушки. Рыжий пес, вывалив красный язык, насмешливо заглянул ему в глаза, затем неожиданно звонко залаял. Вскоре на лай пришел печник. Потряс Вовку за плечи, спросил, все ли в порядке. Мальчишка кивнул, хотя внутри у него все дрожало. Печник опустился на колени, заглянул в колодец, чертыхнулся. На самом дне лежали мины, рыжеватая вода их едва покрывала.

— Ну, парень, свезло тебе сегодня. Кто знает, чем бы дело закончилось, если бы свалился ты на дно. Мины-то снаряженные. Рыжика благодарю. Где он? — Пес, уловив, что говорят о нем, тут же прижался к ногам хозяина. — Завтра заеду в сельсовет, расскажу про мины в колодце.

Йоська подошел к лошади, взял ее под уздцы, осторожно перевел через мост. Вовка и пес шагали следом. За мостом уселись на телегу и еще долго ехали по сосняку. Наконец оказались у старого заброшенного карьера на опушке леса. Печник провел лошадь по дну карьера в дальний угол. Вместе с Вовкой они сняли лопатами верхний слой дерна, под ним оказалась вязкая тяжелая глина. Настолько вязкая и тяжелая, что Вовка, набрав полную лопату, не смог поднять ее. А вот старый печник ловко грузил глину на телегу. Вовку, чтобы не путался под ногами, отправил собирать черные грузди по склонам карьера. Когда мальчишка вернулся с матерчатой котомкой, полной грибов, ярко-желтый песок и коричневатая глина уже занимали половину телеги.

— Хорошо, что вовремя вернулся, — обрадовался печник. — Я уже Рыжика хотел за тобой отправлять. Запомни это место, нигде в округе такой глины нет, ее и обжигать можно, и красить под обжиг. А теперь живо по местам.

Втроем они расселись на телеге, лошадка тронулась к дому. Обратный путь всегда короче, порой казалось, что печник задремал, вожжи держит только для вида, а лошадь сама знает дорогу и бежит, куда надо, по доброй воле. Уже в поселке Йоська потрепал собаку по загривку и, ни к кому не обращаясь, выдохнул в воздух:

— Моя последняя собака. Ему шесть годков, мне шестьдесят, кто первый из нас уйдет? Кто знает? Живи дольше, Рудый, и я с тобой.

Во дворе дома Йоська подогнал телегу по-

ближе к крыльцу, велел перетаскать ведрами глину и песок к печке. Целый час Вовка носил ведра на второй этаж, упарился, пока печник не сказал: довольно. Тем временем печь росла на глазах. Йоська ловко клал кирпичи, будто помнил, какой на каком месте стоял. Обкладывал их кафелем, приделав между кирпичами и изразцами крючки из проволоки. Встраивал топку, затем тщательно выкладывал духовку. К вечеру дело дошло и до трубы, которая отводила дым в дымоход.

– Осталось нам завершить печки выставить, но на сегодня хватит работать. Пусть печь подышит и подсохнет, – Йоська влажной тряпкой вытер тяжелые, мозолистые руки. – Ты, мальчик, меня с утра жди, закончим завтра печку.

А Вовке на завтра назначено в школу, закончился его карантин. Но посмотреть, как печку первый раз затопят, хочется пуще неволи. Вовка натер до красноты уже подсохшие прыщики на груди. Показал маме. Та забеспокоилась и оставила сына дома еще на один день.

Утром Йоська приехал пораньше. Явился к печке, как на свидание, в чистых хромовых сапогах, гладко выбритым. Первым делом влез на стремянку и ощупал печь изнутри.

– Сохнет хорошо, равномерно. Теперь можно закрывать ее сверху, завершить поставим да красоту наведем. Великое дело – печь в доме. Человек стал человеком, когда огонь в костре научился поддерживать, а через тысячи лет и печь придумал, которая огонь укрощает, а тепло сутками держит. Запомни, Вовка, тепло в доме – важнейшее дело.

Печник устанавливал изразцы часа три да еще час кружил вокруг печи, правя и подделывая всяческие мелочи. Вовка все это время работал при нем: то инструмент подаст, то изразцы, то детали для крепления трубы. Наконец Йоська оглазил печь со всех сторон, отошел к окну, полюбовался своим произведением.

– Ну, вот и все, Вовка, закончили мы работу. Дobre греть печка будет и долго. Меня пережи-

вет и век этот тяжкий. Печь – самая крепкая часть дома. Стены и крыши рушатся, а печь остается. В сожженных деревнях после войны на месте домов только печи с трубами стояли. Так что через печь эту будет тебе память обо мне. Поминайте меня добрым словом, пока здесь живете. Неси газету или бересты на растопку, да полешек чуть. Затопим печь по первой.

Вовка стремглав кинулся в дровяной сарай, принес бересты да охапку еловых поленьев. Йоська аккуратно заложил дрова в топку, достал спички.

– Давай, малец, открой дымоход да запаливай бересту, поддувало не забудь приоткрыть.

Чиркнула спичка, береста вспыхнула. Следом дружно взялись поленья, печь загудела, запела веселым баском. Йоська потрепал Вовку по плечу, обнял печь, будто прощаясь, и двинулся из комнаты.

– Отца ждать не стану, не забудь дрова подкладывать. Да только полегоньку, не перекали, печь силу набирает постепенно. За деньгами приду через неделю, к тому времени и с печкой сроднитесь. Держи хвост трубой. Все течет, все меняется, а хорошее помнится лучше, чем плохое.

138

Больше Вовка Йоську-печника не видел, слышал только лет через пять от отца, что умер он в соседнем поселке. Где жил Йоська, там и похоронили его. А рыжий пес, как привидение, месяцами кружил по деревенскому кладбищу, покуда не сгинул.

Высокая печь в убранстве черного кафеля продолжала надежно служить и оберегать семью, пока через тридцать лет не умер отец Вовки, а еще через десять лет братья не забрали мать в город. В квартиру въехала семья из Казахстана. И согреваются они по сию пору у печи, где теплится Йоськина душа. Печь и нынешний век переживет, а вот уцелеет ли дом, наш большой дом?



**Ксения
АВГУСТ**

ОСТОРОЖНО СТУПАЮЩИЙ ЗВУК...



Заклей на зиму окна, занавесь
и вспомни, то ли вправду, то ли в шутку,
как приходила мама, точно весть,
отряхивая небо с полушубка,

как небо тихо падало с гардин
в ладони мне, струилось и дышало,
как папа, точно солнце приходил,
и небо на усах его лежало,

а руки пахли морем и сосной,
как день был недослушан, но непрожит,
как бабушка сбивала небо с ног
о старенький истоптанный порожек,

как было много времени и сил,
и было слово каждое распето,
как дед ковры с мороза приносил,
и в доме пахло небом до рассвета,

мы пахли небом, души и тела,
неспящие, уснувшие под паром,
и небо сквозь бумагу проступало
у мёрзлого оконного угла.

Перелей из пустого в порожнее,
и с порога пылинку смахни,
и раскроется лист подорожника,
заслоняя земные огни,

и в груди запульсирует зарево,
и затихнет синица в руках,
и начнётся как будто бы заново
эта осень и эта строка.

Вспыхнет небо ольхой и каштанами
и утопнет в закатной крови,
не молчи, в тишине мандельштамовой
есть сокрытая нота любви,

есть открытая нота, остатняя,
осторожно ступающий звук,
пробивается свет между ставнями
плотно сомкнутых строчек и рук,

и листва облетает аккордами
и ложится единым мазком,
мы плывём, мы клубимся над городом
афродитовой пеной морской.

АВГУСТ Ксения родилась в Калининграде. Лауреат международных и всероссийских литературных конкурсов и фестивалей. Обладатель специального приза от журнала «Юность», финалист премии «Гипертекст» (2024), премии А.И. Казинцева (2024), дипломант всероссийской премии Андрея Дементьева (2024). Автор публикаций в областной и российской периодике, в том числе в журналах: «Юность», «Наш современник», «Фома», «Prosodia и других. Автор книг «Преображение» (Калининград, 2019), «Солнечный бумеранг» (Москва, 2021), «Всё будет свет» (Калининград, 2022). Член Союза российских писателей. Живёт в Калининграде.

Пыли дорожной пугливая стая,
туч золочёных дымы,
плачет малыш, над собой вырастая,
требуется счастья взаимы.

первая горечь рябиновых ягод,
тленом нетронутый лист,
чёрную пасть разевает дворняга
дальней погостной земли.

Небо закатное ходит по водам
окон и посуху дней,
время — стакан с тамарисковым звоном,
бабочкой солнца на дне.

ласточка звука трепещет под небом,
небо идёт на покой,
плачет малыш, и стакан обронённый
ловит окрепшей рукой.

В тёплой корзинке снедь,
на голове косынка,
знай, как приходит смерть,
как провожает сытно.

всё твоё существо,
празднует поражение,
чувствуешь торжество
в каждом её движении?

Лёгком, как эта плоть
и огненным, как кремь,
словно грядёт Господь
и застывает время,

вслед за живой листвою
смертный впуская холод.
Или же Рождество,
ночь, и звезда восходит.

Век мой, родная кровинка,
вот обнялись и лежим,
спичкой, камешком, травинкой —
всем, чем в детстве дорожим,

век мой, горестный и манкий,
замани меня к себе,
внутри детского кармашка
под подкладку-колыбель,

укачай меня бесчестно,
убаюкай, унеси,
в глубь небесного свечения,
в снег, вернувшийся без сил,

в лес у неба в изголовье,
спящий в утреннюю тишь,
оборви на полуслове,
оброни на полпути,

а потом найди, попробуй
в полутьме своей души,
век мой страшный, век мой родный,
сколько здесь нас всех лежит?

Меня ты будишь, Господи, зачем?
То плачем детским, то случайным словом,
я спать хочу, незрим и нецелован
тобою, под крылом твоих ночей.

Меня ты будишь, Господи, когда
я мёртво сплю, я сплю без сновидений,
так спят не люди, а людские тени,
насквозь, до дна промёрзшая вода.

170

Я застываю, как живу с листа,
я пью с листа, как буква прописная,
меня ты будишь, Господи, я знаю,
а я уже давно не в силах встать,

я снег лежалый, долгий сон лесов,
ослепшее гнездо под мёрзлой крышей,
меня ты будишь, Господи, я слышу,
и я встаю, и я иду на зов.

Выходи, если снег застилает глаза,
и шиповник обуглен и дик,
выходи, если ветер, и вечер, и сад,
и бескровная птица в груди,

выходи, если речи разломленный клюв
наполняется талой водой,
выходи, если небо закрыто на ключ
на один оборот холодов,

выходи, если время крадётся, как вор,
выползает из тёмных углов,
выходи, если выход походит на звон
золочёных сосновых стволов,

если выхода нет, только пляска теней,
только рокот воздушных кровей,
выходи, если тень на кирпичной стене,
сохранившись, не стала твоей.

Хочется быть ближе и родней
белого дыхания зимних дней,
красного дыхания заката,
влажного дыхания теплотрасс,
хочется быть ближе в первый раз,
прямо здесь, не выходя из кадра,

не входя, но ближе быть ещё,
там, где фокус чуть-чуть смещён,
смешаны дыхания и краски,
топок сон и тонок лёд витрин,
там, где снег снаружи и внутри,
первый снег, стремительный и краткий.

Ты знаешь, какая-то мука
терзает меня изнутри,
но я весела почему-то,
как воздух под сердцем ветрил,

но я холодна отчего-то,
идя от строки до строки,
жива, как балтийские воды,
песчаники и маяки,

и стих мой волною намолен,
и путь мой изъеден волной,
любовь моя – чайка над морем
с простреленной грудью стальной,

чем ближе закат, тем багровей
её поднебесные сны,
любовь моя дремлет во гробе,
на ветках янтарной сосны,

где ветер неиствует ночью,
и звёзды оходит бичом,
где сломан сосны позвоночник,
и небо вдоль слома течёт.

Море, отпусти мне все стихи,
слёзы мне подаждь и память смертну,
если я однажды не померкну,
гул мне свой под ноги постели,

и мою склонённую главу
ты покрой волны епитрахилью,
чтобы не упомнить ни строки мне
в час, когда к душе моей взовут.

Слышишь, как слова во мне тихи,
сны легки, как ласточки над молом,
просто отпусти стихи мне, море,
тяжкие и страшные стихи,

солью умасти моё чело,
сердца разруши глухие стены,
в руцех у тебя мой дух и тело,
что не весит больше ничего,

не даруй мне вечного тепла,
если я теперь твоя частица,
только дай мне небом причаститься
с чаячьего белого крыла.



Евгений ЖУРАВЛИ

РАССКАЗЫ



СЕМЬ НОТ ПЕРЕД КАНОНАДОЙ

В этой истории нет ничего особенного. Странно, что она так впечаталась в память. Когда меня спрашивают, что самое запоминающееся видел «там», неизменно предстает перед глазами именно эта картина. Иногда смутно чувствую, что в ней скрыто что-то большее, но, наверное, боюсь поверить, что такое большое вместило в столь малом.

В тот вечер я въезжал в Сватово со стороны Купянска. Падали первые осенние листья, поля чернели неубранным подсолнечником, жители притихших поселков стояли у калиток, провожая тревожными взглядами проезжающие авто. В воздухе висел немой вопрос: «Что будет дальше?» В те дни русская армия «организованно передислоцировалась, занимая более выгодные позиции». Тяжелые воды Северского Донца позволили армии задержаться на левом берегу хотя бы ненадолго, и если б вскоре противник не уперся в непрогибаемую смоленскую пехоту, еще неизвестно, где прошел бы рубеж новых «оптимальных позиций». Население не было готово к столь резкой перемене, в оставленном правобережном Купянске начался массовый исход. Слухи летели впереди наступающей армии, было известно, как освободители отнеслись

к оставшимся жителям Балаклеи, Шевченково и Изюма. Бросая вещи, народ устремился к многочисленным переправам. На этом берегу кое-как успели организовать желтые школьные автобусы, когда их не хватило, – бортовые грузовики. Но всегда и везде остаются самые незащищенные.

В моей «газельке» в пассажирском отсеке пребывало сейчас двое таких: ветхий дедколясочник и молчаливая немобильная пенсионерка, выглядящая очень аккуратно и собранно. Девяностолетний дед оказался шумным неугомонным оптимистом, без конца рассказывал какие-то истории, не забывая подкидывать игривые комплименты соседке; правда, иногда он переходил в режим энергосбережения и на полуслове вдруг надолго замолкал. Его воспоминания выхватывались из разных отрезков большой жизни, в какой-то момент я решил, что он либо жуткий лгун, либо от стресса «поехала кукуха». За сюжетом, где наши бойцы со стрельбой отступали перед нацистами, следовал рассказ, как он, не теряя духа, собрал с друзьями оставшееся оружие и схоронил в лесу, надеясь, что рано или поздно здесь будут действовать партизаны. Я переспросил. Дед божился, что так и было. Не сразу я понял, что эта история из прошлой войны, которую он встретил еще подростком.

ЖУРАВЛИ Евгений Вячеславович родился в 1979 г. в г. Ярцево Смоленской обл. В 2000 г. окончил Калининградский госуниверситет («Технология и предпринимательство»), в 2020 г. – аспирантуру БФУ им. Канта («История философии»). Предприниматель, исследователь, путешественник (Кавказ, Балканы, Афганистан, Иран). Тексты опубликованы в печатных журналах: «Нева», «Дружба Народов», «Нижний Новгород», «Сибирские огни», «Алтай» и других, а также в сетевых: «Полутона», «Литература», «ФормаСлов». С 2022 г. – волонтер. Живет в Калининграде.

Поэтому теперь я иногда прерывал его, чтоб узнать, кто так сделал: «те» фашисты или «эти». Получается, натерпелся он от обоих.

Неходячая пенсионерка за всю поездку произнесла всего несколько слов. И то лишь «нет, спасибо», «хорошо», «конечно». Не старая еще, в принципе, женщина, управлялась с собой хорошо и ладно. Я не спрашивал ее о причинах недуга, как-то не хотелось беспокоить, подобное молчание человека обычно объясняется некой жизненной драмой. Бегство в неизвестность из своего дома в преклонном возрасте – само по себе катастрофа. Но, видимо, мое восприятие здесь уже замылилось, у многих кто-то погиб, разрушен дом или произошел какой-то другой ужас, и эвакуация видится благоприятным положением дел. В общем, казалось, что за молчанием этой женщины стоит что-то еще, не хотелось быть назойливым. В ней чувствовался некий покой, отсутствие беспомощности, даже несмотря на неспособность ходить. Подумалось: наверняка она со всеми на «вы», но не из-за утонченности или гордыни, а ради независимого равного положения по отношению к собеседнику. Порой она поглядывала на попутчика, он явно ее томил, однако не сказала ни слова, лишь куталась в большой узорчатый платок да поворачивалась к окну, провожая взглядом дорожные указатели и знаки с названиями поселков, что-то вспоминая.

Объединяло моих пассажиров то, что они не просили об эвакуации. Не отказались, а в нужное время просто не стали просить. У старика где-то на Белгородчине есть родственники, женщина, как я понял, одна. Конечно, дело добровольное, но с отбытием соцработников, которые их навещали, им пришлось бы совсем туго. Тот факт, что сейчас они сидели рядом в автомобиле, – случайное стечение обстоятельств. Когда три часа назад я вошел в хату к старику, он сказал, уже много лет мечтает подорвать фашистскую власть, и все, что ему надо, – десять кило тротила, больше трудно везти с собой в коляске. Насилу уговорил буйного партизана поехать со мной. Женщина же не стала спорить, просто позволила забрать, не особо интересуясь подробностями. Кажется, ее волновало что-то намного более серьезное, чем собственное благополучие.

Путь наш лежал в тихий уездный Старобельск, прообраз ильф-петровского Старгорода, не особо изменившийся с тех пор, но наверняка напуганный недавним точным и прямым, как

гвоздь, ударом «хаймарса». Был поражен штаб оперативного управления войсками, что обеспечило дезорганизацию и начальный успех злощастного наступления. По пути в этот милый городок, где моих беспомощных пассажиров должны были принять в специализированные учреждения, нужно было заехать в Сватово. Там уже работали наши ребята, возможно, ко мне подсадят еще кого-то. Начинало темнеть, броник лежал на пассажирском сиденье, рация ни разу не потревожила. Все спокойно, до комендантского часа вполне успеваем.

Сватово – ничем не примечательный городок, глазу не за что зацепиться. Советское наследие в виде просторно расставленных панелей, редко достигающих пяти этажей, фруктовая поросль и увитые плющом стены, крошечный вокзал, четырехгранные крыши частного сектора, прямоугольничек администрации – бывший райком – в окружении елей. Все серенько, убитые дороги, пыль. Однако еще несколько дней назад Сватово представлял собой реплику ветхозаветного Вавилона, кипение языков и народов. Не дожидаясь участия Купянска и Волчанска, город покидали жители. Ситуацию усугубило то, что в Сватово к этому времени уже стеклись беженцы из того же Купянска, Шевченково, Изюма, Балаклеи, Лимана, Кременной. Километровые пробки, панические слухи, вереницы людей и машин – военных в одну сторону, мирных – в другую. Библейская сцена.

Когда наша «газелька» миновала блокпосты и поднялась на высоты, оберегающие Сватово с запада, на землю уже сошла темнота. По светлomu времени мне должен был открыться насыпанный внизу город, линии дорог с горами домиков и яркая даль полей, расчерченных лесополками. Но открылось совсем иное. Внизу в черных ладонях темноты лежал граненый бриллиант. И ничего больше, ничего за пределами этого, только пустота космоса. Не сразу я вернул себя к реальности видимого, соображая, что передо мной и как это могло получиться. Бриллиант оказался вычерчен ровной геометрией ниток уличного освещения над абсолютно темными, безжизненными домами, покинутыми жителями. Никаких светящихся пригородов, никаких фар машин. Абсолютное холодное одиночество. Может, просто такой способ светомаскировки. Город был похож на мертвое тело в торжественном саване.

Почему-то вспомнилось отвердевшее лицо

бойца, случайно виденное в госпитале. Пожилая медсестра причитала: «Господи, красивый какой, а дочек бы ему, дочек. Дочек бы...» Я смотрел – вроде обычный парень, мир его праху, самые заурядные черты лица, какая красота? Но в черном обрамлении пластикового пакета была какая-то концентрация, подчеркивающая все-ленское одиночество и уникальность именно этого лица. Действительно, красивый человек.

Бриллиант, приближаясь, распадается на безликие фрагменты. Зашлепали ямы городского асфальта, выстроились по сторонам погасшие дома. Бросив взгляд назад, я вдруг увидел, что затихший было дедуля глухо сотрясается, прижав к лицу ладони. Ни плача, ни слов, лишь содрогания и сиплые вздохи, похожие на кашель кошки. Бесплотные сухие старческие слезы. Женщина осторожно держала руку на остром плече старика.

Наверное, она говорила ему что-то успокаивающее, я не расслышал, но понял: лезть сейчас к деду будет лишним. Бывает. Я потянул рацию, вызвал наших. Все норм, уже ждут в условленном месте. Протарахтел мимо армейский грузовик без света фар. Тут и там замелькали фигуры армейцев.

Точка была назначена у опустевшего Пункта временного размещения. Подъезжая, увидел силуэты, несколько сигаретных огоньков. Наши. Командирского уазика не видно. Запарковавшись, оставил пенсионеров, пошел сверять планы. Как оказалось, инвалидов в пустом городе немного, пассажиров ко мне не добавится. Желательно дождаться Юру и, если от него не поступит каких-либо еще указаний, можно двигаться дальше. Достал сигареты.

– У тебя как? – спросили меня.

– Нормально. Спокойные, вроде без закидываний.

Поделились впечатлениями. В Белокуракино, где скопилось много беженцев, раздавали хлеб и проднаборы, случилась потасовка. Кто-то обиделся, что выдают по одному набору, хотел взять больше «для того, кто не смог прийти». Когда показалось, что дары подходят к концу, толпа уплотнилась, задние начали выхватывать у передних. Насилу уgomонили. Другому экипажу попались капризные пенсионеры-супруги. Все им не то, подали не так, допытывались, что им гарантируют на новом месте да куда жаловаться. Такое бывает. Когда делаешь добро, произвольно верится, что и люди, которых выруча-

ешь, добры. Это ошибка.

– Слышите? – сказал кто-то. – Опять играет.

Затихнув, ребята прислушались. Ветер доносил обрывки мелодии. Я сразу узнал музыкальный инструмент. Это альт. Он поет человеческим голосом. Мелодии не было, скорее, проба, поиск каких-то тем.

Когда-то я пытался учиться играть: у мамы была мечта, чтоб сын играл на скрипке, а дочь на гитаре. Не вышло ни того, ни другого. А у меня остались лишь ощущение звука, проходящего через тело, ориентация в гаммах да память о боли натруженных подушечек пальцев. Учитель говорил, слишком зажимаю. Необходимо расслабиться, отдаться. Но я все вжимал и вжимал тугие струны болючей мозолью.

Этот скрипач играл легко. Где-то в районе центральной площади, звук долетал фрагментами. В опустевшем городе это воспринималось особенно странно. Возникло ощущение: происходит что-то очень важное, большое. Я сел в машину, ничего не говоря старикам, проехал два квартала и остановился за деревьями, обрамляющими площадь. Тихо открыл боковую дверь. Дедуля очередной раз пребывал в лимбе, поэтому я обратился к женщине:

– Там скрипка. Оставить открытой?

– Спасибо, – чуть удивленно взметнулись брови.

Альт гнусавит на высоких нотах, его лучший диапазон – первая-вторая октавы, здесь звук глубокий и мощный. Теперь его было слышно совершенно четко, будто прямо перед собой, хотя самого скрипача не видно. Фонари над площадью не горели. Тьма навалилась так, что было и непонятно, где находишься. Да, импровизирует. Пустой город, теплая осень. В душе что-то складывалось и раскладывалось, растворяясь в этой высоченной пустоте. А музыкант все играл. Где-то на другой стороне пыхнула сигаретка еще одного безмолвного слушателя. «Спасибо», – сказала женщина из моей «газели». Не «да» или «нет», «хорошо» или «как интересно». Просто «спасибо». Я обернулся. В темноте не было видно выражения ее лица. Что-то беззвучно сказали губы. Альт забирал все глубже и глубже, и правильным было остаться в этом месте, никуда больше не ехать, просто взять здесь и умереть.

ОДНАЖДЫ В ВЕГАСЕ

А все понял я вот как. Обычный день был. И вдруг во дворе стенка обвалилась. Я сам не видел, не слышал, в палате на кровати лежал, бездельничал, и кто-то сказал: смотри-ка, там стена упала, сейчас завхозу ректальные процедуры назначат. Мы к окну, смотрим: да, часть кирпичной ограды рухнула, ничего особенного, в целом стоит, просто один участок упал. Народ собрался, маленькое развлечение все-таки. Курят, обсуждают, кто-то бегаёт нервно, может, завхоз как раз. Я тоже взял сигареты, пошел с людьми постоять, с медсестрами парой шуток перекинуться. Меня вообще и выписывать можно, вполне двигаюсь, уже и не болит почти, просто ощущается, но док говорит, компрессионная травма – опасная штука, могут быть неоднозначные последствия, если не долечить. Хожу в корсете и с шиной, таким большим воротником под подбородок, почти испанский граф с картин Эль Греко. В общем, постоял с людьми, воздухом подышал. Обсудили – черт знает, почему именно здесь обвалилась, а вокруг стоит, может, где-то вода точит или корни толкают, но завхоз сказал: нет, просто от ветхости, это муравьи потихоньку кладку разобрали, какое-то у них тут место особенное, нужно просто сложить заново и соседние участки замазать цементом, еще на сто лет хватит. Потом, наверное, опять упадет, муравьи в переговоры не вступают, но что будет через сто лет, ему глубоко по барабану. Тут как раз женщины пошутили, что выгляжу я как эмблема покрышек, имели в виду «Мишлен», я на то и рассчитывал, ляпнул, что хорошая резина никогда не подведет, и на мне остались места, которые без поддержки функционируют. Но те говорят: пока тут найдешь, еще и не то окажется, даже возиться неохота. Ну, я отвечаю: назначьте парламентаря на перевязку, только помоложе, а то все старушки какие-то. Похихикали, еще пару острот прокинули, на том и порешали. Отвлекся хорошо, в общем.

Я не придал значения этому случаю. В тот же вечер в палате в темноте розетку ищу, не могу попасть, тут Бурый и говорит: слушай, ты долго там будешь тыкаться, так у тебя детей никогда не будет. Я ему: че ты придираешься, туда же не заглянешь, вот и пробую так или эдак. Он мне: ты рукой потрогай сначала, определись, как отверстия расположены, тогда уже и тыкай, вилка сама себе место найдет.

Ну ладно, не обижаться же на такую мелочь, человек совет дал. Просто у донецких так принято – с напором начинать разговор. Бывает, продавщица скажет: ну и долго будем стоять? Пошутит еще что-нибудь: мол, понятно, почему так долго войска вводили, раз помидоры выбирают по часу. А пока думаешь, что ответить, тут же говорит что-нибудь от души, например – вот эти берите, а то, что вы смотрите, полежало уже, не надо. То есть с ходу показывают, что доминировать над ними никак, но и следом дают сигнал, что видят в тебе равного и относятся хорошо. Ершистые, короче, но не злые. Бурый тоже такой. Он вовсе не бурый, кличка как-то с углем связана, с прошлой жизнью. Так он, как и все мужики здесь, невысокий, сухой и крепкий, сложных и каких-то рельефных черт лица, да и окрас – в целом темный, но где и светлый, а то и пегий, и седина местами, и брови лохматые, одним словом, матерый такой двортерьер. В детстве они все преимущественно светленькие, ровненькие, ангелы прям, а к сорока – будто лицом породу вырабатывали. Наверное, шахты так влияют, с женщинами такой метаморфозы не происходит.

175

Сейчас Бурый лежащий, неизвестно, будет ходить или нет. Он-то, конечно, говорит, пойдет обязательно, эти донецкие вообще упрямые ребята, но тут уж за медициной слово. Так вот, Бурый как-то признался, что самый счастливый день его жизни – это когда он свой дом развалил. Дом его на той стороне, в Новоселовке, рядом отсюда, но, понятно, фронт стоит уже много лет, не двигается. Он сам в разведке, среди прочего их задача артиллерию корректировать, бывает, выходят глубоко, а в обычные дни издалика с неба смотрят. Так вот, когда дроны смогли до Новоселовки долетать, он первым делом на свой дом навелся. Выглядывал-выглядывал, и точно: обосновались там небратья, дом ведь покинутый стоит с четырнадцатого. Не без гордости Бурый подчеркнул, что погреб у него большой и крепкий, самое то для ПВД*. С неделю наблюдал, определился, когда там личный состав собирается, и координаты подал. Сам сидел, корректировал, пока фундамент с землей не перемешал.

«Разве не жалко?» – спрашиваю его. Наоборот, говорит, удовлетворение, не представляешь какое, это ж, говорит, мой дом, про который гре-

* Пункт временной дислокации.

зишь, думаешь все – когда вернусь? Мне действительно трудно понять. Вот мечтаешь о нем, вспоминаешь. Ведь целый стоял, когда-нибудь вернуться получится, зачем разваливать? Он мне: ничего ты не понимаешь. Теперь меня ничего не держит, говорит. Теперь свободен. Я не уменьшился из-за потери дома, а наоборот, стал больше. Ничего не осталось за пределами меня, ничего не болит. Стал цельный. Могу хоть до Лас-Вегаса войной идти. Теперь я в полной силе. А сам вот лежит здесь, позвоночник перебит, недвижим.

Я говорю: какой тебе, блин, Лас-Вегас? Без обид, но тебе бы мечтать, как нужду справлять без посторонней помощи. Он помолчал и отвечает: ты просто молодой еще, не понимаешь, как жизнь устроена. Слушай и запоминай. Всегда, даже когда нереально, когда нет возможности и сил, надо гнуть свою линию, не отказываться от задуманного, переть вопреки всему. Напролом. Какие бы сложности ни встали перед тобой, что бы ни сдерживало сзади, продираться и продираться. Пусть сломаны ноги, но ползти, сломаны руки – пробивать головой, выгрызать зубами, если лежишь – криком, ногтями, слезами. Да хоть просто силой воли, взглядом, голым желанием, но толкать и толкать вперед. При любых обстоятельствах, невзирая на последствия. И тогда однажды случится чудо. Все, что препятствовало тебе, исчезнет, растворится. Рухнут стены и откроются все пути. Все произойдет само. Главное, не отказываться от начатого, что бы ни происходило.

Я говорю: может, ты и прав, но не всегда мы знаем, что нам надо. Жизнь сложна очень. Иногда проблема не в том, что что-то мешает и надо проламывать, как ты говоришь, а наоборот, смотришь, все пути верные, какой выбрать? Есть в физике так называемая многомировая интерпретация, когда миры умножаются, все равновероятные события реализуются. Жаль, что в жизни не так. Я бы даже не заглядывал в эти альтернативные миры, если б узнал, что они живут своей жизнью. Был бы рад за них. Потому что правильно было когда-то остаться с человеком, но ушел, правильно было вписаться в драку, но не вписался. И это тоже было правильно. Но просто какая-то хорошая возможность перестала существовать. Это обидно, несправедливо. А у меня только одна жизнь. В этом проблема. Как знать, куда идти?

Бурый усмехнулся. Верно, говорит, проблему

обозначил, лишь замечу, что все эти экзотические теории – просто красивые образы, которые знающие используют для удобства. То, как на самом деле там происходит, невозможно вообразить, сама частица – условность, у нее нет размера и места в пространстве. Авеста и Ригведа тоже образным языком писаны. То же самое – спутанность или кот, который ни жив ни мертв...

Тут я очередной раз поразился: каких только людей на войне не встретишь! Вроде все serene, одинаковые, но бац – кто-то о поэзии, бац – ученый, художник, бизнесмен, мэтр какой-нибудь. С другой стороны, рядом, в одном строю, и зэк, и юнец из глухомани, и алиментщик, и простой работяга, но каждый цельный, со своей философией, в каждом целый мир. И у всех настоящие судьбы. Вообще, такой наш народ, в каждом – вселенная, только копни. Мало человеку одного себя. Но редко выговариваемся: либо внезапно собеседнику один на один, либо по пьяни. Ну, и на войне. Тут только правда, на остальное времени нет. Короче, концентрация неординарных. Понтоваться беспонтово: всегда кто-то умней тебя. И Бурый не так прост.

В общем, говорит Бурый, не грехи поповскими теориями из кинофильмов, обратись к реальности. Правильно задачу поставил. Жизнь одна, а вариантов много. И все очень сложно. Только я тебе скажу, что все эти варианты – тоже неопределенность. Ты просто тратишь жизнь на сомнения. Если я иду слепо и по неверному пути, что-нибудь да получится. А если ты пробуешь то одно, то другое, – у тебя в конце ничего. Но главное, жизнь – это не «сколько» и даже не «что», а «как». Поэтому, говорит, парень, пока что ты в минусе. Не ты, а тебя.

Ну вот, опять донецкие постулаты. Кто кого, кто над кем. С садика их так, что ли, воспитывают? Или перфокарты вставляют, где запрограммировано: «никого над», «только ты, а не тебя» и еще что-нибудь сакральное вроде «сало употреблять только с белым хлебом».

А Бурый продолжает. Я, говорит, уважаю природу. Возьмем хоть траву. Не ту, которую дуем через горлышко иногда, а обычную, которая вокруг растет. Вот смотри, какое упорство. Не трогаешь год-два – прорастает везде, проламывает стены, асфальт. Уничтожишь ее, зальешь бетоном, но только отвернись, – уже снова растет, найдет щелочку и потихоньку раздвигает, разрушая камень. Ей плевать на гибель. Травы не зна-

ет страха. Просто знает свое дело и двигает. Убей ее – разве ты победил? Нет. Момент ее смерти просто показывает, чем была жизнь.

Я спрашиваю: даже если результат не достигнут?

Конечно, отвечает он. Видал, сколько людей приезжает сюда, чтоб умереть? Просто нормально умереть. А почему? Потому что не хотят незавершенной жизни. Или чужой жизни. Хотят стать собственником судьбы. Видал видос, где наш боец и их перекликаются? С той стороны тоже русский, кричит, такой: «Заходи, я здесь один». И наш говорит что-то вроде: «Чему быть, того не миновать, судьба» – и входит в ангар. И все. Гремит там у них долго, получается, даже гранаты сорвали, в общем, никто оттуда уже не вышел. Это не драма, а экстаз. Они прошарили: трусость не засчитывается в жизнь. Вот и все. А не эти твои сомнения. Сжечь за собой мосты – это как обнулиться. Невзирая на последствия. Нет счастливей дня.

Я в ту ночь долго лежал и смотрел в темноту потолка. Было тесно, не дернуться, скован бандажом, как младенец в пеленках. Представил себя фараоном в золотом саркофаге, стало чуть удобней, а потом спокойно и хорошо. До розетки так и не дотянулся, телефоном пользоваться – так до конца разрядить не хочется, а сон не шел, но и бодрствование было какое-то мутное. Как подумал про фараона, привиделось, что лежу на каменном постаменте посреди маленького квадратного водоема внутри гробницы. Елейный аромат бальзамированного тела. Чувствую, прям ощущаю, как в темноте надо мной дремлет каменная громада пирамиды, имя мое Хуфу, и я знаю: меня давно не могут найти. Смотрю сквозь немую толщу своей темницы, вижу яркие звезды в черном небе над бескрайней пустыней, но, к сожалению, не могу ни крикнуть, ни пошевелиться. Тревожный звон и шум расшатывают картинку, и вдруг я понимаю, что лежу вовсе не под небом Египта, а на другом континенте, это чужая пустыня, имя ей Невада, пирамида моя из стекла, потому и прозрачна, а я просто главный приз в огромном казино. Когда-нибудь Бурый доберется сюда, чтоб все разрушить, но сейчас звезды превращаются в блеск потолочных софитов, вокруг сальные рожи несчастных игроков, ловцов счастья. Они причмокивают языками, покачивают головами, но никому нет дела до моего имени, они оценивают мою тушку просто на вес. Да и взгляды направлены в основном не на меня,

а на крутящееся колесо, красное с черным, украшенное золотом. Наверное, вызывают к Амону-Ра, это его цвета. Но колесо испещрено числами, значит, это гончарный круг Хнумы, создавшего на нем людей. И колесо крутится и крутится. А дурачки и рады – бросают фишки, разочаровываются, долго выбирают, бросают снова. Ждут удачу. Надеются, что просто повезет. А я лежу. И поделать не могу ни-че-го.

Тут уж мне покрутиться захотелось, как-то избавиться от наваждения. Но заперт, прям личинка в коконе, только переродиться и осталось. Лишь покричать или пукнуть. Позориться не решился, засмеют потом. Эти донецкие вообще спят вполуха, а Бурый всегда разговор готов начать, скучно ему жить. Кое-как я заставил себя думать о семье, доме, о реальном мире. Но стало еще хуже. Стало страшно. Испугался.

Вспомнил, как катил на каталке ту, ее. Когда еще в эвакуации работал, забрал старушку обезвоженную и переохлажденную. Штурм пережила в подвале разваленной пятиэтажки, не пила, не ела долго, уже почти в анабиозе. Чудом нашел. Так-то они всегда, конечно, пишут снаружи на двери «ЛЮДИ», если там есть кто, но, бывает, подвалы уже опустевшие. Света, понятно, нет. Увидел надпись, дернул дверь, крикнул, фонариком по тьме пошоркал – тишина. Но запах слишком явный и живой. Старики вообще пахучие, а если лежат – беда дело, гнить начинают. Но когда из человека уже ничего не исходит, остается запах дыхания. И вот у иссушенных стариков оно какое-то мироточивое, напоминает церковный елей. Обычно уже при смерти.

Мягкий вощеный запах. Такой я и учуял. Прошел глубже, высветил груды хлама, не сразу понял, что это лежак из снятой двери на ящиках. Плед стягиваю – точно. В глаза фонариком – кряхтеть стала. Сразу понятно – серьезный случай, может, уже и все, срочно в госпиталь. Влили воды, она пила, Витек вколол дексаметазон, и в путь.

Когда из машины на носилки перекладывал, только тогда толком ее и увидел. Ожила. Что-то лепечет, приговаривает отчетливо: «Да ладно, да ладно». То глаза пучит, то морщится, то улыбается. Очень похоже, когда в роддоме впервые приносят ребенка, тот кряхтит, лицо лягушачье-старческое, морщинистое, но сильно вычерченное. И мимика вся бесконечно гоняется по кругу: радость, страх, что-то кислое, горькое, хмурость, удивление и много разных других эмоций. В об-

щем, было в старушке что-то младенческое, мне жалко стало, аж дыхание перехватывало. А она снова: «Да ладно, да ладно».

Потом начала шептать:

– Слезы... Это по-разному плакать... Жизнь большая. Теряла, тоже плакала... Когда молодая была, все сделала не так... Сомневалась... Сейчас не жалею, правда. Ох давно это... Однажды... Сидела на работе... Тут входит этот... Я посыльный, говорит, вам просили вот передать... Дает букет... Розы. Из кленовых листьев... Как же

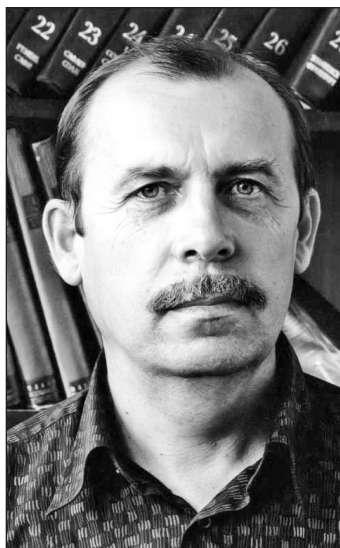
красиво... Спрашиваю, от кого. Но сама уже знаю. Посыльный говорит: неизвестно... А меня все больше и больше волнение... Сразу же поняла, от кого... Да... И увидела все. Как жизнь дальше будет... О чем буду плакать. Чему радоваться... В груди сжалось. И слезы... И потом так и было... Конечно, не так. Но все равно так... Просто еще глупая была, многого не знала... Но тогда уже. Все понять... Хотя и неправильно, но именно так и надо... Плакала. Ревела прям... Вот. Так... Надо. Плакать... Хотя раз.



**Дмитрий
ВОРОНИН**

БЕГ ПО СПИРАЛИ

Рассказы



ДУСЬКИНО СЧАСТЬЕ

Высокий и худой Андрей Андреевич встретил объятиями на вокзале низенького и худого Евгения Евгеньевича. Они числились друзьями, но давненько не виделись, и вот.

Низенький и худой Евгений Евгеньевич приехал в город X, где жил высокий и худой Андрей Андреевич, по делам крупного банка, в котором служил последние двадцать лет топовым менеджером. Андрей Андреевич, выведав планы друга детства, пригласил последнего к себе на службу, что проходила в бухгалтерии местного царства Мельпомены уже почти четверть века. То есть пригласил его вечером на спектакль.

Низенький и худой Евгений Евгеньевич театр не баловал из-за дефицита личного времени после работы: как бы до постели добраться. А потому ступил на порог дома с колоннами с некоторой робостью и каким-то душевным волнением. В голове постоянно крутилась мысль, что, может, и не ходить на этот спектакль от греха подальше. Ну его к черту, а то мало ли что, всякие там актриски ветреные...

— Я тебе все чин-чином устроил, — радостно упредил худого Евгения Евгеньевича худой Андрей Андреевич, встретив друга на крыльце театра. — Сидеть тебе в ложе, аккуратно у сцены,

как самому почетному гостю. Оттуда и любого актера без бинокля очень даже видно, и звук ушей достигает незамедлительно, без всяких там потерь по дороге. Вот на балконе, к примеру, и видно не так, и что там говорят на сцене, бес разберет. Одно мучение. А у тебя: сиди — не хочу.

— А сколько сидеть-то? — напрягся худой Евгений Евгеньевич.

— Да недолго сегодня, часа два с четвертью, — успокоил друга худой Андрей Андреевич. — А бывает, и по четыре люди отсиживают. Но не все, а те, кто фанатеет от какого актеришки или заснул случайно.

— Ладно уж, выдержу, наверное, — тяжело вздохнул худой Евгений Евгеньевич и направился к гардеробу. — Театр-то тут начинается вроде?

— Точно, у вешалки, — улыбнулся в ответ худой Андрей Андреевич. И добавил: — Если что, и поспать можешь, в ложе не видно. Только не храпи, актерам такое не нравится, ругаются сразу, бывает, и матом.

— Постараюсь. А что за спектакль хоть?

— «Касатка» по Толстому.

— Про акулу, что ли? — удивился худой Евгений Евгеньевич.

— Да нет, про любовь, — открыл двери в ложу худой Андрей Андреевич.

179

ВОРОНИН Дмитрий Павлович родился в 1961 г. в г. Клайпеда Литовской ССР. Сельский учитель. Член Союза писателей России. Автор четырёх книг прозы. Лауреат премии А.Куприна, губернаторской премии «Признание», издания «День Литературы», конкурса «Защитим правду о Победе» газеты «Литературная Россия». Публикации более чем в 60 «толстых» литературных журналах России и ближнего зарубежья. Участник более 70 альманахов и прозаических сборников в России и за рубежом. Проживает в п. Тишино Калининградской области.

Через пять минут в зале погас свет, поднялся занавес, и началось.

Под легкую нежную музыку из стога сена, стоявшего на сцене, вылезла дородная девица в холщовой домотканой рубаше до пят и с удовольствием потянулась, громко при этом зевнув. Была она босая, среднего роста, вся какая-то пышная, мягонькая, аппетитная, с растрепанными русыми волосами и огромной волнительной грудью, что колыхалась всею океанической мощью под ее незамысловатой одеждой. Низенький и худой Евгений Евгеньевич открыл в изумлении рот и моментально пропал в водовороте вскрывшихся чувств к восхитительной прелестнице, игравшей роль крестьянской девки Дуськи. Все было в Евдокии хорошо: и бархатистый голосок, и колокольчиковый смех, и розовые пяточки, и младенческие ямочки на щечках, и короткие пухлые пальчики без всякого там модного маникюра. Каждое ее появление в действии заставляло топового банкира судорожно сглатывать слюну и беспрерывно ерзать в кресле.

В антракте высокий и худой Андрей Андреевич остановил за руку мечущегося по фойе взволнованного худого Евгения Евгеньевича.

– Туалет ищешь?

– Дуську хочу! – ошарашил служителя Мельпомены любимчик Гермеса и, ухватившись за свитер, стал его трясти. – Она божественна, она волшебна, она невероятна, она идеальна, как доллар!

– Да кто – она? – недоуменно воззрился на друга худой Андрей Андреевич.

– Нефертити! – ожег того взглядом топовый банкир.

– Какая еще Нефертити? – подозрительно прищурил глаза театральный бухгалтер.

– Которая девку Дуську играет, – облизнул высохшие губы худой Евгений Евгеньевич.

– А-а, – расслабился худой Андрей Андреевич и принялся отцеплять пальцы худого Евгения Евгеньевича от своего свитера. – Дуняшку, что ли?

– Ага. Подведи меня к ней. Сможешь?

– Чего ж не смочь, очень даже просто смогу, только после спектакля.

– А сейчас?

– Не, сейчас нельзя, ты весь настрой ей собьешь, вон как горишь, будто Аполлон. А Дуняша еще второе отделение отыграть надо.

– Ну, тогда хоть бинокль дай, – несколько по-

грустнел худой Евгений Евгеньевич.

– Зачем он тебе? – удивился худой Андрей Андреевич. – Там же близко все.

– Хочу Дульсинею во всех подробностях лицезреть!

– Вот, бери, – протянул через минуту банкиру театральный бинокль бухгалтер. – Только смотри, не утони окончательно. Дуняша-то у нас и впрямь о-го-го! Всего при ней сполна и даже больше. Совладаешь ли, не по весу ведь?

– Ох, как сполна, ох, как! – сглотнул слюну худой Евгений Евгеньевич и убежал на свое место.

Во втором отделении дворовая девка Дуська два раза степенно выносила самовар на сцену со словами: «Чаю откушать не изволите, господа?», один раз дала ущипнуть себя за задницу какому-то деревенскому прохиндею (и при этом игриво взвизгнула) и один раз гордо пронесла корыто с помоями мимо барыни. И при каждом ее появлении из банкирской ложи раздавались громкие аплодисменты, а за ними следовали восторженные возгласы «Браво!» и «Бис!»

Низенький и худой банкир Евгений Евгеньевич Дуняше очень понравился, и уже через месяц она выносила его на руках из ЗАГСа.

– Ошибался я, – улыбался на свадьбе высокий и худой главный бухгалтер нового городского банка Андрей Андреевич. – Очень даже по весу оказалось Дуськино счастье.

ЭЙНШТЕЙН

Иосиф Сигизмундович Сиропчик актером в губернском театре числился замечательным, играл там с молодых времен и почти всегда с неизменным успехом. Аншлаги, букеты с признательными записочками, следы губных помад на щеках – все это каждодневно пребывало в жизни заслуженного лицедея. Исключения выпадали только на сроки болезней, отпусков и ремонта сцены.

Ролей всяческих за свою долгую творческую жизнь Иосиф Сигизмундович опробовал немалое – от героев-любовников до царей и богов Олимпа. Да как отыграл, шельмец! Поклонники дарили ему коньяк и водку, виски и портвейн. Поклонницы – что в партере, что на галерке – рыдали от восторга, всякий раз порываясь в конце представления забраться на подмостки и облобызать своего кумира или заключить его в объятия. Да и актриски особо не отставали. Как входили в раж, играя жен и любовниц героя в раз-

личных мелодрамах, так и после их окончания продолжали взапас целовать Сиропчика, закатывать ему скандалы, бить пощечины и пытаться уехать к нему домой.

Может, такую аферу кому-то и удалось бы в конечном итоге провернуть, если бы не Капа – законная супруга Иосифа Сигизмундовича. Капитолина слыла женщиной строгой, постоянной и решительной. К тому же и веса была солидного, не в пример всем этим комедианткам. Могла и прибить ненароком. Иосю Капа прибрала к рукам еще до его поступления в театр, забрав пьяненьким исхудавшим студентиком из привокзального кафе, где работала на тот момент поварихой, к себе домой. Иосифу у Капы понравилось настолько, что через неделю он сделал ей предложение. С того момента все бытовые заботы покинули Сиропчика раз и навсегда. Правда, вместе с ними исчезла и возможность крутить романы на стороне. Но с этой утратой Иосиф Сигизмундович быстро свыкся, предварительно получив от Капитолины несколько ударов скалкой по голове и заработав от нее же перелом носа и пару десятков фингалов.

Капитолина театр не любила, считала его рассадником разврата и являлась туда только по вечерам, чтобы отвезти своего благоверного в семейное гнездо, вырвав его из хищных когтей обожательниц.

– Ося! – грубо отталкивала она плечом очередную зазевавшуюся поклонницу – Опять?

– Что ты, Капушка, – пьяненько улыбался супруге Иосиф, – и даже в мыслях ни-ни.

– Знаю я, какое ни-ни, тебя и на минуту оставить без присмотра нельзя! – выдергивала Капитолина из рук триумфатора цветы и всучала ему взамен пару пакетов, наполненных продуктами, которые успевала купить в супермаркете напротив.

– Ты за своей Капой, как за китайской стеной, никакие цунами не страшны, – завидовали Сиропчику его сослуживцы-бобыли.

И все бы хорошо, да только вот...

Практически от всех дурных привычек отучила своего Осю Капа, но не от спиртного. Тут Сиропчик проявил упорное сопротивление.

– Что ты меня последней радости жизни пытаешься лишить! – огрызался каждый раз Иосиф Сигизмундович на попреки жены, что вечно у него по вечерам zenки залиты. – И так полностью под тобой хожу, оставь хоть тут кусочек свободы.

Я, к тому же, дома вообще ни грамульки в рот не беру без твоего разрешения. Только и отдыхаю, что на работе, где рюмочку-другую по ходу спектакля в себя опрокидываю. Вот и отстань хоть там.

Капитолина и отстала, махнув рукой на последнюю мужнину блажь.

Но вот в театре от такой блажи Сиропчика за многие годы откровенно устали. Иосиф Сигизмундович очень даже спокойно мог и на зрителей накинуться в середине последнего акта, находясь под парами водочки или портвейна:

– Чего приперлись? Сидите тут, глазеее. На Сиропчика посмотреть? Нравится вам Сиропчик? Ну, смотрите! Где вы еще такого гения увидите?!

После подобных отступлений от репертуара администрация впадала в истерику, грозились лишить Иосифа Сигизмундовича тринадцатой зарплаты, всех премий и бонусов, отстранить от спектаклей и вообще уволить по статье за профнепригодность. Сиропчик винулся, на неделю прекращал прикладываться к стакану, но потом все повторялось. Приходилось терпеть и дальше его выходки, понимая, что альтернативы герою-любовнику и царю-батюшке в труппе просто нет.

Однако, как только у бога Олимпа наступил пенсионный срок, директор театра Парнас Рожденович Бубашвили тут же пригласил его в свой кабинет и сходу объявил:

– Всю, Есиф Сыгизмундыч, твой служба артыста в нашым тэатрэ закончылся, хоть ты и гэний, канэчна. Но, зная тваи заслуги и любов народа, мы тэбя нэ виганяем. Мы тэбя просим пэрыйти в суфлоры. Ты взь рэпэртуар как сваи пят пальцев знаэш, будиш падсказыват из бутки. Нэ спорь, ми тэбэ чэст аказываем. Главным суфлором дэлаем. Согласэн?

– Согласен, – дал добро Сиропчик, представив себя, все время проводящим дома, полностью во власти Капитолины.

– Вот и замэчатэлно, – обрадовался Парнас Рожденович. – Праводым тэбя на пэнсию, как бога! Паздравым со всэм уважэнием. А чэрэз нэдэлю занымай бутку, она твая. Ужэ сэчас можэш сматрэт новая мэсто.

Иосиф Сигизмундович не стал оттягивать процесс освоения нового места работы. Отнес в суфлерскую кабину из своей гримерки любимый стул, подобрал удобную подушку и даже умудрился прикрепить к стене навесной столик

под графин с водой. В общем, создал себе максимально приемлемые условия для долгого малоподвижного нахождения в стесненном пространстве.

Поначалу за Иосифом Сигизмудовичем оставили почти такую же зарплату, что он получал в актерах, но с условием ежедневной озвучки текстов.

– Будешь начитывать все мои сложные пьесы, – наставлял его главреж Сакалаускас. – Но ничего, Есеф, ты – человек опытный, почти весь репертуар наизусть знаешь, справишься.

– Мишка, все будет нормалек с моей стороны, – чокнулся с Миндаугасом фужерами Сиропчик. – Главное, чтобы актеришки повторяли правильно, а так, ноу проблем.

– Особое внимание нашей приме Афродите Снежной.

– Фроське, что ли?

– Ну да, Афродите. Ты же понимаешь, за ней стоит Парнас Рожденович, поэтому сбоев быть не должно, от этого и наш гонорар зависит, и наше место. Память у нее короткая, роли не запоминает, что будешь ей в уши вдвухать, то и в зал улетит.

– Да знаю я эту Снежную, как облупленную, не раз вместе на сцену выходили. Мозгов никаких совершенно. Я этой дуре и во время спектакля постоянно ее текст наговаривал. Бездарная пустышка.

– Т-с-с! – опасливо покосился на дверь Сакалаускас. – Может, мозгов у Афродиты и нет, зато Парнас Рожденович есть, и формы какие! Пальчики оближешь. На нее мужики из прокуратуры и следственного комитета ходят. Сам губернатор букет присылает, так что...

– Это конечно, формы у нее волнительные, почти как у моей Капы, тут не поспоришь. Ей бы на рынке торговать, цены б бабе не было.

– На рынок ее нельзя, – улыбнулся главреж. – Складывает плохо, проторгуется.

– Судя по ору из бухгалтерии после выдачи зарплат, со счетом у нее все в порядке, – еще раз чокнулся с Сакалаускасом Иосиф Сигизмудович.

– Да ладно тебе, Есеф, пусть играет, жалко, что ли. Твое дело теперь – подсказать вовремя, а не рядом с ней на сцене прыгать, – закусил коньячок ломтиком лимона Сакалаускас.

Через пару месяцев Афродита Снежная ластилась к директору Бубашвили:

– Ой, Парнастик, какой ты шутник, оказываетс-ся. Сиропчика в конуру, как дворяну какую за-

гнал. Там ему самое место оказалось. Еще б на цепь посадил, вообще прикольно было б на него смотреть. Ав-ав.

– Гы-гы-гы! – заржал Парнас Рожденович. – И мыску пэрэд мордай поставит. Гы-гы-гы.

– И косточку туда положить.

– Гы-гы-гы.

– Люблю тебя, Парнастик, – чмокнула в щечку директору Афродита.

– И я тэбя, Арфочка, – расплылся довольной улыбкой Бубашвили.

– Знаешь, Парнастик, мне теперь в сто раз лучше играется, когда Сиропчик в будке сидит. Я и слова не зубрю, и перегар его не нюхаю.

– А я тэбэ, Арфочка, всэгда гаварыл, что Есиф – гэний. Он что на сцэнэ, что пад сцэнэй адынакава харош.

– Хи-хи-хи, шутничок ты мой.

– Шютка-шюткой, но тэбэ же лэгчэ стало, да?

– Легче, золотце мое, намного легче.

Спустя еще месяц прима-актриса жаловалась директору:

– Парнастик, Сиропчик пьет, паразит. Я к концу спектакля сегодня уже задохаться стала от его перегара. Сначала на партнера подумала, что он на грудь принял для смелости. Бойтс-ся меня обнимать на сцене. Но нет, не воняло от Безрукавкина. Подошла к будке специально, а оттуда разит, как из помойки, и глаза у Сиропчика красные.

– Харашо, пупсык, я с ным пагавару завтра, сдэлаю внушэний.

– Сыгызмундыч, нэ пэй, да? – выговаривал Бубашвили стоящему перед ним суфлеру, утопая в директорском кресле. – От тэбя пэрэгар на вэс тэатр, слюшай. Афрадыта задыхается уже савсэм, скоро отравится, ты этого хочеш?

– Я не пью, Афродита наговаривает.

– Э, Есиф, знаю тэбя, – развел руками Парнас Рожденович. – Прэмию нэ дам, оклад заныжу, еслэ паймаю.

Следующим вечером почти сразу после второго антракта из суфлерской будки раздался такой мощный храп, что актриса Снежная аж вскрикнула от испуга, а публика разразилась безудержным хохотом и устроила бурные овации.

– Сыропчык, ты алкач, да? – в ярости вышгивал вдоль своего стола Парнас Рожденович, злобно посматривая в сторону виновато сидящего на стуле Иосифа Сигизмундовича. – Ты нэ можеш бэз водки, да? Ты спэктэблю чут нэ

сорвал вчэра, храпэл на вэс зал! Чэго малчыш? На пэнсию савсэм захатэл? Гавары.

– Я не пил, – пробубнил в ответ Сиропчик. – Устал просто, постановка очень длинная, вот и уснул. С кем не бывает.

– Какой – устал проста? – поразился Бубашвили. – Какой – уснул? Какой эщо – с кэм нэ бывает? Са мной нэ бывает. Нэ пил он! Я сам лично графын твой нухал и стакан тожэ. Водку пил!

– Враги, – еще тише проговорил Сиропчик, – завистники. Они подлили.

– Какой – враги? – опешил Парнас Рожденович. – Какой – завистныки? Ты эщо скажи, что это Афрадита тэбэ водку налила.

– Не знаю, не видел, может, и она. Та еще штучка, – прошептал суфлер, упорно глядя под ноги.

– Ты что, савсэм идьет? – заорал Бубашвили на бедного Сиропчика. – Ты эщо скажи, что это я тэбе чачу наливал. Вот что, Есиф, эщо раз уснеш на работа, потом будэш дома досыпат вмэстэ с Капай навсэгда. Понэл мэня, да?

– Понял.

– Ну и атлычна. А пака за табой началнык пажарной службы Падкарытав прысмотрыт. Будэт пэрэд работай графын твой нухат и карманы сматрэт.

Месяц Сиропчик держался, ходил трезвым и хмурым. То ли жесткий контроль Подкорытова повлиял на суфлера, то ли перспектива остаток жизни провести исключительно в обществе Капы, но от Иосифа Сигизмундовича теперь совершенно не пахло алкоголем.

– Маладэц, Есиф, заслужыл прэмыю, – вручил персонально Сиропчику бонусный конверт Бубашвили.

Но уже через день раскрасневшаяся Афродита влетела в директорский кабинет и с ходу заорала:

– Парнастик, выгони немедленно эту дрянь из театра! Или он – или я!

– Что опят случился, дарагая?

– Эта скотина снова напилась и... – разрыдалась актриса, уронив голову на стол.

– Опят захрапэл? – нахмурился Парнас Рожденович.

– Хуже.

– Что эщо – хуже?

– Дурой меня обозвал безмозглой.

– И ты павэрила, голуб мая крылатая?

– О чем ты говоришь, Парнас? – слезы тут же исчезли на лице Снежной, превратив ее в холод-

ную королеву. – При чем тут – поверила? Он меня при всех актерах оскорбил, весь зал слышал, хохотал, хлопал, «браво» кричал. Выгони его!

– Успокойся, мой лубов, сэйчас выганю.

Разъяренный Парнас Рожденович бросился в суфлерскую. Виновника скандала на месте не оказалось, и директор накинулся на Подкорытова:

– Гдэ этот свыня?

– Домой убежал, как только закрыли занавес.

– Пяный? Как мог напытса! Ты куда сматрэл? Карманы провэрал? Графын нухал?

– И проверял, и нюхал, не было спиртного.

– В пэрэры в буфэт хадыл?

– Никуда не ходил, в будке сидел.

– Тагда как?

– Не знаю, – пожал плечами Подкорытов.

– Завтра все абыщи, провэр каждый щолка.

Глаза с нэго нэ пускай.

Вернувшись в кабинет, Бубашвили нашел там успокоившуюся Афродиту.

– Выгнал?

– Нэт. Нэ был его, дамой удрал.

– Завтра выгонишь?

– Сразу нэ магу, Арфочка, нада паймат, как на работэ пьет, – виновато поцеловал ручку своей пассии Парнас Рожденович. – Эсли бы на рынке работал у мэня, кагда я там дыректор биль, в одын сыкунд уволил би. И штраф эщо дал, и в морду. А тут нэ магу, интэлэгэнсыя, чорт ее.

Две недели кряду Сиропчик являлся в театр трезвым, а покидал его, что называется, на бровях, но обнаружить тару, из которой он пил, так и не удавалось. Его обыскивали, не пускали в буфет, отслеживали каждую его встречу с работниками театра, – все впустую. Результата по выявлению алкоголя не было, а перегар был.

– Назначаю прэмию, кто Сыропчыка с бутылкай паймаэт. Тры аклада и бонус, – пообещал Бубашвили.

Восьмого марта играли «Чайку». В финальной части Снежная в роли Нины Заречной эмоционально признавалась Константину Треплеву со слов Сиропчика, доносившихся из суфлерской:

– Я мелочная, ничтожная актриска, играю совершенно бессмысленно. Я не знаю, что делать с руками, они у меня, словно грабли, сами по себе. Так и не научилась стоять на сцене, владеть голосом, память никакая, все по подсказке.

Короче, полная бездарность! И, главное, ведь понимаю, что играю ужасно, а все равно прусь на сцену. Какая я чайка — я галка залетная. Нет, не то... Голова что-то совсем не варит. Одна пустота. О чем это я? А, о сцене... Я думала, что уже настоящая актриса, что я — чайка, но вы-то знаете, что это ложь. Мое истинное предназначение — у прилавка стоять. Это мой путь, это мой крест.

Треплев в изумлении отвечал Афродите, еле сдерживая хохот:

— Да, вы нашли свою дорогу, вы теперь знаете, куда вам идти. Может, и мне с вами?

— Я пойду одна. Я есть хочу. Прощайте.

Занавес дали раньше, не дожидаясь конца пьесы. Зал ревел от восторга и требовал на «бис», Снежная билась в истерике на руках Бубашвили, а Сиропчик, подняв воротник пальто, шел, пошатываясь, к метро и плотоядно улыбался.

— Я нашел, я нашел! — с победным криком ворвался в кабинет к Парнасу Рожденовичу Подкорытов. — Я вычислил и нашел!

— Что нашоль? — вонзил в «пожарника» суровый взгляд Бубашвили.

— Тайник Сиропчика нашел!

— Гдэ? Вэди, показывай, как нашоль!

— Да я тут случайно узнал, что Сиропчик, оказывается, два раза в день наведывается в театр. Вечером, понятное дело, на работу, а еще и утром является всего на полчаса, вахтер проболтался. Никуда не заглядывает, а напрямик на сцену. Походит туда-сюда, и назад. Мне это подозрительным показалось, чего утром-то шастать по пустому залу? Вот и решил проследить. Сегодня, как только рабочие пришли, спрятался в ложу. Сижу, жду. Появляется через какое-то время Сигизмундыч, ну, я в прореху подсматриваю, что делать станет. Он туда-сюда прошелся, остановился у занавеса, постоял пару минут, поправил там что-то и исчез. Я еще дождался для конспирации, и туда. И вот! — Подкорытов расправил занавес и гордо указал пальцем вниз.

На уровне колена Бубашвили к занавесу был пришит потайной карман из такого же материала, что делало его совершенно незаметным. Парнас Рожденович наклонился к накладке и засунул внутрь руку.

— Опа! — извлек он наружу поллитру водки, покрутил ее перед собой и непонимающе уставился на Подкорытова. — А как он пьет, если в бутке сэдит?

— Занавес прикажите закрыть.

— Закрывай, — скомандовал директор работнику сцены.

Огромное полотно бесшумно заскользило вдоль ramпы. Когда занавес остановился, потайной карман оказался ровно перед окошком суфлера.

— Вах! — изумленно выдохнул Парнас Рожденович. — Как в кино! Эщо павтари.

Занавес разъехался.

— Давай назад!

Полотно вернулось к будке.

— Вах! — восторженно хлопнул в ладоши директор. — Как в рэстаранэ, прама к сталу! Давай опят... Вах! Давай сначала... Вах!

Бубашвили спустился в будку и оттуда еще минут десять раздавалось:

— Закрывай! Вах! Открывай! Вах! Закрывай! Открывай! Вах...

При этом каждый раз звучал счастливый, почти детский смех.

— Наверное, уволите теперь Сиропчика, — сочувственно шмыгнул носом Подкорытов.

— Нэ в коэм случаэ! — энергично замотал головой Парнас Рожденович. — Нэ в коэм случаэ! Есиф — валшэбнык! Он — талант! Он настоящый Энштэйн! Сыропчык до самай смэрты в тэатрэ работат будэт, как Пушкин. Он — гэний!

БЕГ ПО СПИРАЛИ

Съемочная группа вошла во двор небольшого полуразрушенного замка и огляделась. Единственное уцелевшее крыло средневекового строения было заселено людьми, еще два представляли собой остатки древних стен, к которым примыкали скособооченные деревянные сарайчики и кирпичные гаражи, а четвертая сторона тевтонской цитадели и вовсе исчезла с лица земли, не выдержав испытания временем.

У жилого двухэтажного здания имелось два входа, один из которых скрывался за внушительной железной дверью с кодовым замком и охранялся цепной собакой породы алабай, а второй был просто обшарпанным темным провалом без какого-либо намека на защиту. Окна над этим мрачным порталом отличались разными конфигурациями, что указывало на наличие нескольких квартир, сверху которых на просевших стропилах громоздилась старая немецкая черепица, покрытая мхом и местами залатанная кусками шифера и жестяными листами. Второй подъезд

сиял белыми еврамами одинаковой величины, а оцинкованная крыша над ним ослепительно блестела на солнце.

Возле одного из сараев на куче песка сидела одинокая малышка лет пяти и играла с двумя куклами.

– Девочка, а ты тут живешь? – обратился к девушке режиссер.

– Ага, тута, – согласно кивнул ребенок, с любопытством оглядывая наведенную на нее фотокамеру.

– Прямо в этом замке?

– Ага, в замке.

– Тебя как зовут?

– Фея.

– Как-как, повтори, – удивленно переспросил киношник.

– Ну, Фея, – слегка нахмурилась девочка. – Фиона Зюкина.

– О! – улыбнулся режиссер. – Фиона Зюкина – это звучит, однако! Настоящая замковая принцесса. А скажи нам, Фиона Зюкина, взрослые дома есть? Можешь их позвать?

– Есть, – кивнула Фея, – только позвать не могу.

– Почему?

– Мамка обед готовит, и стирает, и гладит, а дед на рыбалке.

– Вот как, ну ладно, что уж теперь, – вздохнул киношник. – Может, тогда мы тебя для кино снимаем и порасспрашиваем о твоей жизни в замке, ты не против?

– Не-а, – растянула рот в беззубой улыбке Фея.

Режиссер прикрепил к платью Фионы микрофон и махнул рукой оператору:

– Снимаем.

Молодая девушка навела на девушку камеру.

– Как тебе, принцесса Фиона, живется в этом замке? Наверное, как в сказке?

– Плохо живется, – нахмурилась Фея. – И ни в какой не в сказке.

– А что так? – поднял брови режиссер. – Во всех сказках и мультиках принцессы счастливы в замках.

– А я несчастлива, – еще больше насупилась Фея.

– Расскажи, интересно даже.

– Ну, что тута интересного, ничего тута интересного. Все одно и то же всегда, – лицо девушки стало строгим. – Вот туристы замучили со-

всем, покою от них нет. Ходят и ходят тута каждый день ни свет ни заря, все истоптали кругом, как коровы, даже трава не растет. В подъезд заходят, и к нам в квартиру без стука. Мы им что, зоопарк, на нас смотреть? Бумажки от мороженого мусорят и фантики от конфет бросают где попало. Хоть бы меня когда угостили, так фигурки от них дождешься. И крышу нам от дождя не чинят, а она вся протекает каждый раз. Скоро нам на голову упадет, а дипупатам хоть пусть падает. Мы дипупатов выбираем, выбираем, а они все равно нас обманывают и воруют. Крышу у нас своровали уже столько раз, и еще воду. Вода в кране ржавая и плохая, а трубы не меняют, и колодец закрыли. Все лопухами заросло, а косить никто не идет, и песочницу мне не делают, и качелю. А мы пишем им и пишем, а все без толку. Тута нету счастья. Мы скоро в Славск переедем, а тута дача будет. Вот! – закончила монолог несчастная принцесса и перевела свое внимание на кукол.

– Здорово! Супер! – восхитился режиссер и повернулся к оператору. – Пошли, Маш, обойдем замок с внешней стороны, снимаем, может, кого еще встретим.

Кругом развалин все поросло крапивой и бузиной. Тут и там валялись пакеты с мусором, бутылки из-под дешевого вина, пустые пивные банки.

Через полчаса съемочная группа вернулась в замковый двор. Девчушки на куче песка уже не было, зато появилась молодая полноватая женщина, развешивающая стиранное белье на протянутые между вкопанными столбами веревки.

– Добрый день, – улыбнулся молодиче режиссер. – Вы в этом замке живете? Принцесса Фиона случаем не ваша дочка?

– Ну, тута мы с Фионой живем, а что? – подозрительно покосилась в сторону кинокамеры замковая королева.

– Мы фильм о здешней земле снимаем, с людьми разговариваем о том о сем. Не ответите ли и вы нам на несколько вопросов?

– Отвечу, чего ж не ответить, – прицепила на веревку бюстгальтер молодича и кокетливо поправила волосы. – Может, мне переодеться? А то я тут по-домашнему и не покрашена даже. Я скоренько, ладно?

– Не-не, – замахал руками киношник, – не стоит. Нам именно так и надо, по-простому, по-домашнему, без всяких каблучков и макияжей.

– Ну, тогда ладно, пусть так. Я и так не хуже,

чем в жизни, — стрельнула глазками замковая королевна. — Спрашивайте.

— Вас как зовут?

— Диана.

— О! У Фионы мама и должна быть именно с таким королевским именем! — вырвался восторженный комплимент у режиссера. — Но к делу. Диана, а как давно вы в этом замке живете?

— Да всегда. Я тут родилась даже и школу закончила.

— И как вам здесь?

— Плохо, — нахмурилась Диана.

— Почему?

— Ну, так чего тут хорошего, сами посмотрите, — указала в сторону крыши молодича. — Видите, просела совсем, того и гляди, на голову рухнет, а у меня ребенок, а начальству и дела нет до нашей трагедии. Навыбирали депутатов-болтунов, одни обещания. Только и делают, что воруют, а нам живи после этого, как хошь. И водопровод давно проржавел, вода коричневая, вся в железе, пить нельзя, рак подхватишь. Колодец был старый, еще рыцари копали, так наш сельский глава зарыть приказал. А чего зарыть, если там вода из родника текла? Вот все шиворот-навыворот делают, как вредители, чтобы мы поскорее сдохли. Я его спрашивала: зачем закапывать чистую воду? А он говорит, что это музейная старина с самой древности, которую сохранять надо. Чего-то я не пойму: как это сохранять, если они его зарыли? И вообще, старье, значит, берегут, а людей — не обязательно. Травитесь, значит. Вокруг вон, крапивой да лопухами все поросло, бузина до неба уже, скоро борщевик придет, ЖКХ даже и не дернется, задницами к стульям приросли, будто клеим «Момент» им намазали. Хоть самой коси. Так мне за это не платят, чего я забесплатно курочиться стану? Туристы тоже достали совсем, по двору с утра до вечера попусту шляются, как у себя дома. В квартиру стучат, а когда и без стука вламываются. Мы им что, зоопарк, на нас пялиться? Мусор после себя кругом оставляют, убрать некому, вон его сколько по двору валяется. Хоть бы Фионе кто когда шоколадку купил, так нет же, все жадные, фиг дожدهшься. Да вон батя мой с рыбалки пришел, он больше моего знает, расскажет вам еще, а мне некогда, борщ варю на обед.

И замковая королевна исчезла в черной дыре подъезда, оставив вместо себя подошедшего к съемочной группе пузатого мужика в вытянутом трико и серой застиранной майке с надпи-

сью «ЛДПР». На плече красномордого бугая лежала удочка, а в руке болтался целлофановый пакет с парой-тройкой мелких карасей.

— Вот рыбы кошкам наловил, одна мелочь в пруду, себе уж и не поймать, все потравили кругом своими пестицидами, — обдал перегаром стоящих киношников замковый король-отец. — А вы чего хотите? Может, рыбку купите? Котов моих покормите. Дешевле «китикэта» продам, за триста всего.

— Не, мы кино снимаем про жизнь простых людей в старинных замках и особняках. Может, расскажете чего, как вам тут живется, в старинном замке.

— А чего тут рассказывать, нечего тут рассказывать. Живем, хлеб жуем, — отер со лба пот пузан и слегка подтянул сползающее трико.

— Вас как величать? — обратился к нему режиссер.

— Самсон Панкратович, — важно почесал выпирающий из-под майки живот рыболов. А потом хитро сощурился: — А чего узнать хотите? Все расскажу, если заплатите.

— Сколько просишь? — перешел на «ты» режиссер, моментально уловив сущность хитроуна.

— Штуку, — выпалил в ответ замковый король.

— Много больно, Самсон. Две сотенных даю, и точка. Или уходим.

— Согласен. Сотню задатком, — протянул вперед руку рыболов.

— Не доверяешь?

— Береженого Бог бережет.

— Ну, и как ты тут в замке живешь? — подал мужику сотню киношник.

— Хреново. Не жизнь, а сплошные мучения.

— И что так? Ведь не каждому судьба определяет в графских хоромаш устроиться. Такой шанс один на миллион случается, а ты недоволен, — сыронизировал режиссер.

— Какой, нафиг, по-графски? Издеваешься, что ли? — раскраснелся еще больше замковый житель. — Живем тут, будто быдло какое, никому до нас и дела нет. На крышу глянь, вот-вот завалится, а этим хоть бы хны. Хотя б одно мурло к нам заглянуло когда, так нет, все мимо проезжают на своих джипах и мерсах. Мы их выбираем, выбираем, а они токо воруют и воруют. И каждый раз обещают: все, мол, тип-топ будет, рай у вас построим, как вишни в шоколаде жить станете, а крапива так и растет у подъезда. Не приедут, не скосят, мусор не вывезут. При Со-

ветах хоть штакетник бесплатно выписывали и воду провели к колонке, а теперь даже колодец засыпали, пьем отраву ржавую. Я уже и главе администрации жаловался, что живем в Европе, а газ не провели, углем да дровами топимся, как в дикие времена. Так он, как про Европу услышал, меня всего матюгами обложил с ног до головы. А уголек-то нынче ого-го в цене, одиннадцать штук за тонну. Мне квартиру протопить тонны четыре нужно, где эти тыщи взять, если, почитай, на мамкину пенсию тока живем, ну, и на детские для Фейки. Как тут жить? А им хоть бы и сдохли мы, все легче. У них все есть, носки за четыре штуки купляют, сам по телику слышал, а я в рваных хожу, — Самсон снял калошу и показал грязную голую пятку.

— А сам покосить вокруг не пробовал? — вкрадчиво поинтересовался киношник.

— Чаго? — вылупился на него пузан. — Я тебе что, лох какой? Косить! Пускай администрация косит, им за это деньги плотют. А мне кто заплотит? Еще и свои потратить. Мы их выбирали, пусть и отрабатывают доверие. Я чего, зря на выборы хожу? И крышу пускай перекроют, а то сколько живу с самого рождения, а ремонта цельного не видел отроду. Так, разок при коммунистах шифером залатали, и на том спасибо. А теперь никакой пользы нет. При Советах хоть руку жали, и колонка с водой исправно работала, а теперь? Тьфу! У нашего Нескромного, бывшего районного начальника, теперешнего депутата, дом в три этажа и золотые рыбы в пруду плавают. А еще, говорят, дача в Италии и квартира в Париже, Брежневу и не снилось. И другой, что сейчас командует в районе, тоже в Испании домик имеет. Начхать им на наши трагедии. Хоть бы внучке шоколадку на Новый год когда подарили, жмоты, или песочницу с качелями поставили.

— Так если они такие жлобы, выберите других.

— А кого — других? — удивленно развел руки Самсон. — Этих мы знаем, они наши, здешние, может, и сделают чего на пользу когда. А другого, который черт знает откель, выбери попробуй, так и вовсе без света оставят. Так хоть еще телевизор смотрим, знаем мировую обстановку, спасибо Соловьеву, мужик он правильный. А так вона мусора скоко накопилось, некому и вывезти, крысы совсем одолели, по квартире внаглую ходят, коты даже шарахаются, помойка кругом. И все из-за туристов: бросают еду где попало, пиво пьют, бычки кидают, за угол бегает, ну, про-

сто паразиты одни! Мне б кто вина поставил когда, я ж на их не ору даже. У меня мамка еще живая в доме есть, она сюда сразу после войны вселилась, много чего видела. Может, позвать?

— Конечно, позови, — обрадовался такой удаче режиссер.

— А сверху за это мне еще соточку накинете? — хитро прищурился обитатель средневекового замка.

— На.

— Счас приведу, — обрадовано поспешил в проем черной дыры пузан. И на ходу продолжал вещать: — Токо она старая совсем, со слухом не очень, вы ее прямо в ухо спрашивайте.

— Зовут ее как?

— Василиса Васильевна, — глухо донеслось из средневекового портала.

— Ого, прямо замковая царица! — восторженно воскликнул режиссер.

— Почему царица, а не королева? — спросила девушка-оператор.

— Потому что Василиса в переводе с греческого — царственная, а Василий — царь. Вот и получается, что перед нами сейчас возникнет полная царица этих владений. Учи языки, Маша, ну, или мифы читай на худой конец, — назидательно щелкнул по носу девушку режиссер.

— Вот еще, больно нужно! — обиженно фыркнула оператор.

Через семь минут Самсон под руку вывел во двор грузную старуху, одетую в утепленные калоши и вязаную серую кофту поверх цветастого фланелевого халата. Усадил ее на грубо сколоченную лавку возле подъезда.

— Василиса Васильевна, мы хотим задать вам несколько вопросов о вашей жизни в этом месте. Ответите? — присел к замковой царице киношник.

— А?

— Мама, тебя спрашивают! — прокричал в сторону матери Самсон.

— Ага, скажу.

— Как вы тут живете в замке? — повысил голос режиссер.

— А?

— Как ты тут живешь, спрашивают, в замке! — вновь пробасил Самсон.

— Ага, поняла, — кивнула старуха. — Живем, хлеб жуем. Плохо живем. Ничего нет, ни помощи, ни покоя. Я тут с сорок седьмого году всю жисть при детском саде нянечкой проработала, а когда надо было, то и колхозу в урожае помога-

ла, на ток зерно ворочать бегала, да картоху убирать, да свеклу. Сорок лет стажу натрудила, а пенсия назначена – ложись и помирай. Алкаши разны, что и дня не работали, больше маво получили. Чичас полегче чуток стало, по старости набавляют, но не накопишь ничего. Самсон, вона, без работы ходит, денег у него никогда нет, а корми.

– Ну ма, чего врать-то! – обиделся сынок. – Я, вона, рыбу ловлю, да грибы из лесу ношу, дрова колю, когда и подкалымлю чего.

– Что подкалымишь, то и пропьешь, – отмахнулась старуха. – Ему еще лет пять до пенсии, срок-то мужикам подняли, так они стоко и не живут, мрут раньше. Мой-то год всего пенсию получал. Мы с мужем ладно жили, детей тута народили. Панкрат все мог: и крышу когда сам латал, и огород сажил, и лавку, вот, еще он сработал. Мастеровитый был, Самсон не в его пошел.

– Ма, ну чего ты меня перед людьми позоришь? Я тоже все могу, тока не хочу, – вновь надулся пузан.

– Во-во, только и слышу: «не хочу» да «не хочу»! – нахмурилась замковая царица. – Огород бросили, курей не держут, поросенка не хотят, все в магазин бегает. Там теперь все есть, тока деньги имей. А их-то и нет для жисти. Купишь лекарства – на мяско уже не хватает. А еще за воду отдай, за свет заплати, за мусор вывезти. А воды нормальной нет, одна муть с-под крана бежит. И мусор никто не убирает, вона кругом валяется, а тожа плати. Где денег-то понабрать? И с потолка течет. Самсон уж на крышу не залезет, вона пузу какую отрастил на своем пиве, а энтих делегатов не дожدهшьси, тока обещают все. А как выбора пройдут, так и поминай их, как звали. Дом-то, глядели? Трескаться стал. Да береза, вона, на башне растет, и дела никому нету.

– А если спилить? – осторожно спросил режиссер.

– А?

– Спилить если! – выкрикнул матери Самсон.

– Так кто спилит? Мы уж скока жаловались и в поселение, и участковый приходил, и из собеса были. Толку-то. Посмотрели – не наше, говорят, дело, сами пилите. А мне уж не залезти, и Самсон не могит с пузой своей.

– А соседи что? Крыша-то общая.

– Не хочут, говорят, не их сторона. Да у их у самих на другой стороне тожа целое дерево торчит.

– Да, тяжело вам... – посочувствовал киношник.

– Тяжко, сынок, тяжело, – согласно закивала старуха. – Вот и энти туристы все ходют по двору, топчют все, как коровы, мусарют, за углом нужду справляют, а у меня тута правнуки. Хоть ба шоколадку им купили. Тока вред один. Ступени в подъезде рассохлись, а чинить не хочут. Я уж однажды провалилась, да ногу сломала, до сих пор хромая хожу, колено болит. И сосед Витька ругается, как выпьет, что власть – одни бездельники и дармоеды, деньги лопатами гребут, а мусор не убирают, все кругом заросло, и подъезд не покрасют, даже лампочку не заменют, так в потемках и ходим, ноги ломаем. Лампочка уж скока лет, как сгорела, убьемся скоро. А им что, тока воруют да об своих карманах думают, а об народе – хоть наплевать. Я уж и выбирать нынче никого не хотела, да вот Самсон пристал, как репей: голосуй да голосуй, двести рублей, мол, дадут. Даже показал за кого галку ставить. Ну, хоть деньги заплатили, не обманули, и то спасибо. Купила с их кой-чаго, с подругой праздник отметила, мы на выбора завсегда, как на Первомай. Жалко тока, что деньги не всегда дают, а то бы лучше было. Я сваво делегата и в глаза-то не видела, не приходит к нам. Хорошо хоть внучка у армяна в магазине работает, так зарплату плотят, и муж ейный тоже у армяна на скотобойне мясо носит подешевше, не умираем пока. Тока вот огород никто растить не хочет, жалко совсем, земля пырьем поросла, а так бы хоть огурчики свои, редисочка да картоха с укропцем. И яичек нет настоящих. В магазине внучка купляет, а оне без вкуса вовсе. Дальше тока хуже будет! – тяжело вздохнула царица замка. И повернулась к сыну: – Самсон, устала я, сведи меня на кровать.

После того, как замковый король с царицей растворились в темноте подъезда, режиссер решительно произнес:

– Надо немедленно разорвать этот ужасный бесконечный бег по спирали! Маша, сбегай в магазин, купи Фионе шоколадку, торт и еще каких сладостей, да побольше.

АРТУР АХМЕТШИН

РАССКАЗ О ДЕДУШКИНЫХ ЧАСАХ

Посвящается отцу.

Фитнес-браслет показывает, что пульс у меня 83 удара в минуту. Пойдет. Нужно, чтоб было поменьше, но так тоже неплохо. Я уже привык следить за пульсом. Жаль только, отец за ним никогда не следил. Наверное, тогда бы его ранее безобидная блокада правой ножки пучка Гиса не развилась и не привела к инфаркту, который у него случился несколько дней назад.

Еду в такси и везу отцу в больницу пакет с едой и книгами. Проезжаю по мосту и смотрю на заледеневшую реку. Она напоминает снежную пустыню на Северном полюсе – безмятежная, застывшая, уходящая за горизонт.

Доезжаю до больницы и захожу в стационар. Здесь располагаются магазинчики, гардероб и молельная комната, из которой выглядывают иконы. Возле магазинчиков – пластиковые столы, за ними обедают врачи, медсестры и посетители. Мы с отцом неподалеку. Он шутит, рассказывает о книге, которую читает, об идеях, которые ему приходят. Как будто и не было никакого инфаркта. Отец спокоен. Слушаю и тоже стараюсь быть таким же расслабленным и безмятежным. Не хочу перебивать.

Проверяю пульс – 98 ударов.

– Нет, ну это абсолютно банальный ход. Нельзя так книги писать! – заявляет отец, говоря о романе, который случайно оказался у него в больнице. Думаю: как же хорошо, что я привез ему Филипа Дика. Хоть нормальные вещи будет читать, а не то, что он мне описывает. Даже автора не могу вспомнить.

Поглядываю на молельную комнату, кто-то уже поставил свечи. Они одиноко горят в центре комнаты. Мимо нас беспокойно ходит медсестра, ищет какого-то Беляева, но никак не может найти. Отец продолжает описывать сюжет и то, как бы он его переделал, а потом спрашивает, смог ли я придумать применение карманным дедушкиным часам в своей прозе. Не зря же я их крутил у себя дома почти две недели.

– Смог.

– Я бы их превратил в машину времени, – делится отец.

– У меня есть идея получше.

– Какая?

– Пока не могу сказать, – отвечаю я, – сам потом увидишь.

Отец с улыбкой кивает.

– Браслет себе еще не заказал?

– Не нужны мне эти браслеты, – отвечает отец.

– А по-моему, удобно. Можно за пульсом следить.

– Я и так чувствую, что все хорошо, сынок. Сердцем чувствую, – посмеивается.

Улыбаюсь, стараясь скрыть беспокойство.

Еду обратно в такси и вспоминаю, как отец много лет назад катал меня на плечах. Его волосы тогда были черные, как уголь. Даже у меня они не настолько черные, а скорее темно-русые. Сейчас отец уже весь седой. Снова смотрю на снежную пустыню под мостом. Ветер поднимает в воздух снежинки, которые медленно опадают на белые дюны.

В руках я кручу те самые дедушкины карманные часы. Двадцать лет назад он умер от инфаркта ночью, когда спал. А ведь ничего беды не предвещало. Может, он просто не обращал внимания на проблемы с сердцем в течение всей жизни? Откуда-то же эти проблемы возникли и у отца, и у меня.

Часы уже давно в нерабочем состоянии. Если завести, они недолго, буквально полчаса, поработают, громко тикая, а затем остановятся вновь. Мне нравится слушать, как они тикают. Тогда время становится осязаемым, с этим повторяющимся вновь и вновь щелчком. Он звучит даже как-то остро: цик-цик-цик. Еще минуту послушать и можно порезать слух. Но не получится – часы остановятся.

Отец не знает, что я их разбираю и собираю время от времени. Ему бы это вряд ли понравилось. Дома я сажусь за стол, открываю заднюю крышку часов и начинаю откручивать болтики, чтобы вытащить каждую шестеренку. Вот она – пружина, из-за которой часы останавливаются раньше времени. Она уже слишком старая. Заказал две других из разных магазинов. На всякий случай – пружины ведь придут тоже советские, неизвестно, насколько они износились.

Измеряю пульс – 76 ударов.

Главное – верить, что одна пружина встанет в часах как надо и будет хорошего качества. Пускай даже обе будут хорошими. Странно только, что идут они в мой город уже целую неделю. Могли бы и побыстрее.

Незадолго до Нового года отцу разрешили находиться на дневном стационаре. Звоню по домофону. Долго не открывают.

– Кто? – голос матери.

– Артем, открывай.

Дверь устало стонет. Морозы ей явно не нравятся.

Дома все так же, как и раньше. Отец лежит на диване и смотрит телевизор, а мать на кухне ставит чайник.

Иду помогать матери накрывать на стол. В дверном проеме появляется отец.

– Ну что, как Новый год праздновать планируешь?

– Хотел у вас то же самое спросить, – наливаю чай, – планировал с вами.

– Было бы здорово! – отец радуется.

– Ты уже знаешь, что у Деда Мороза и Снегурочки попросить? – спрашивает мать, весело подмигивая. Конечно, я давно уже вырос из того возраста, но она всегда так говорит перед Новым годом.

– Ничего не надо мне от Деда Мороза и Снегурочки, – улыбаюсь.

Здоровья. Я хочу попросить здоровья, только и всего. Отцу, матери. Себе.

Измеряю пульс – 88 ударов.

Я не обращал на здоровье внимания, пока не упал в обморок летом. На велосипеде прокатился, слез с него, в глазах начало темнеть. Потом онемели руки, заломило шею. Велик упал рядом со мной, а затем свалился и я. Жильцы дома, напротив которого я упал в обморок, вызвали «скорую».

– Когда в последний раз делали ЭКГ?

– Да каждый год делаю.

– Вам говорили, что у вас блокада правой или левой ножки пучка Гиса?

– Нет, такого мне никто не говорил.

С тех пор я начал следить за здоровьем, прошелся по врачам, подтвердил блокаду левой ножки пучка Гиса. Это значило, что мне нужно следить за состоянием пульса (должен быть не больше 90 ударов в минуту), пить таблетки время от времени, сбросить лишний вес и вообще заняться здоровьем и пересмотреть что-то в жизни. А еще нельзя волноваться.

Спустя некоторое время у отца случился инфаркт.

Мать наливает еще одну кружку чая.

– А вы что хотите на Новый год? – спрашиваю у родителей.

– Чтобы ты пришел. Это уже будет подарок, – отвечает мать за обоих.

С тех пор, как я начал жить отдельно, ни один Новый год с родителями не отпраздновал. Уже

как три года подряд. Только с друзьями зависал и приходил к родителям первого или даже второго января.

– Я приду, обязательно приду.

Девушка в пункте выдачи заказов интернет-магазина не может найти мои часовые пружины. Что ж такое-то? Хоть самому эти пружины выплавляй.

– Они точно у вас пришли? – спрашивает.

– Да, – демонстрирую экран смартфона, на котором написано: «Товар пришел в пункт самовывоза».

Девушка закатывает глаза, тяжело вздыхает и снова отправляется на поиски.

– Там небольшая коробочка должна быть! – кричу ей вслед. – Ну, или пакетик...

Измеряю пульс – 102 удара в минуту.

– Нашла!

Наконец-то. Идет, отбивает товар и отдает мне совсем крохотный сверток. Неудивительно, что она не могла его найти. Не разворачивая покупку, отправляюсь домой. В пункте выдачи я боялся, что пружины потеряются где-нибудь на полу, если выпадут, и тогда я уйду не только с пустыми руками, но и без денег.

Дома я их осмотрел. Ничего особенного, пружины как пружины. Только более тугие и вычищенные. Выглядят как новые, хоть и советские. Разбираю часы, меняю пружину. Собираю вновь, кручу заводную головку на часах. Идет ту же, чем раньше. Надеюсь, к лучшему. Папа говорил, что, когда дедушке подарили эти часы, они могли идти без подзаводки два дня. Значит, запас хода у них не меньше полутора-двух суток. Остается только ждать и наблюдать. Подвожу стрелки на нужное время и кладу часы в карман.

Дома у родителей стоит настоящая елка. Пышной назвать ее никак не получается. Зато отец с матерью постарались ее украсить. Есть в этом что-то детское. Давно забытое. Простое и уютное.

Пока родители на кухне, кладу подарок под елку между другими такими же цветастыми коробочками разных размеров.

– Мам, тут, кажется, Дед Мороз заглядывал, подарочки оставил! – кричу из комнаты.

Из кухни доносится:

– Правда? Сейчас придем!

Судя по шагам, они не спешат. Наконец они оказываются в комнате. Отец деланно говорит:

– Ого! Сколько подарков! Давайте их откроем?

Киваю и подаю ему первый попавшийся под руку. Судя по подписи, это было ему от матери. Объемный. Отец открывает аккуратно, как привык.

– Это же домашний халат! Как я и хотел! Спасибо! – восклицает отец, целует мать в щеку и тут же накидывает халат на себя.

Передаю подарки дальше, этот уже для матери от отца. Она его открывает, разрезая оберточную бумагу ножницами. Внутри плед.

– Ох, ты не забыл! – мать обнимает отца.

В это время я распаковываю свой подарок от родителей. Это книга про писательство.

– Чтобы точно написал что-то большое и хорошее, – говорит отец, – может, Нобелевку потом получишь...

– Не, Нобелевка – мало. Сразу Пулитцер нужен, – говорю иронично.

Смеемся.

– Кстати, рассказ про часы написал? Ты же так хотел, – вспоминает отец.

Молча подаю отцу подарок от себя.

Он его раскрывает и достает дедушкины часы. Подносит их к уху.

– Тикают... Ты их починил?..

Я киваю.

Отец подзаводит часы.

– Как туго идут. Прямо как в детстве...

– Попробуй пульс измерить.

Отец засекает по часам время и кладет два пальца на запястье.

– Сколько?

– 83 удара.

– Это хорошо. Хотел сначала фитнес-браслет подарить, но ты от него постоянно отказывался.

Отец кладет часы в карман.

– А как же рассказ?

– Рассказ как-нибудь потом напишу. Еще успеешь почитать.



ЛИТО «ТВОРЧЕСКАЯ ШКАТУЛКА» – 15 ЛЕТ

Ушедший 2024 год стал юбилейным для литературного объединения «Творческая шкатулка». Пятнадцать лет пролетели как одно мгновение. За это время в «Шкатулочке» (так любовно называют ее участники) своим творчеством делились люди различных увлечений, молодые и зрелые, философы и романтики.

Александр Раевский предложил нам, самодеятельным новокузнецким поэтам, объединиться в литературный клуб. Придумали интересное название – «Творческая шкатулка». Дата рождения клуба, 25 мая 2009 года, совпала с Днем славянской письменности.

Первый год в клубе было всего несколько человек: Наталья Палаткина, Татьяна Цыганкова, Николай Скударнов, Николай Нагорнов. Потом в наши ряды вошли два неразлучных друга – Владимир Можайский и Николай Максимов. А затем присоединились поэты из клуба «Гармония слова».

В 2010 году состоялся первый городской фестиваль «Кузбасский зимородок», на который приехали поэты и барды из других городов области. Здесь впервые прозвучали стихи нашей поэтессы Ирины Воробьевой, песни Николая Нагорного, стихи молодых поэтов Димы Суйканена и Анечки Турбиной.

Началась работа со словом: разбор стихов, изучение основ стихосложения и оттачивание мастерства.

В 2022 году наше литературное объединение стало победителем областного конкурса «От ученичества – к творчеству».

Сейчас в «Творческой шкатулке» около двадцати человек.

Мы встречаемся с ветеранами, учащимися, студентами, читателями библиотек города и даже с воспитанниками детских садов.

Активно сотрудничаем с Новокузнецким художественным музеем, Научно-техническим музеем име-

ни акад. И.П. Бардина, Музеем истории достижений Запсиба, газетой «Новокузнецк» и новокузнецким телевидением.

Александр Колтаков, Нина Лучкина, Ирина Воробьева, Наталья Палаткина, Владимир Можайский и Николай Максимов отмечены общественными медалями от Кузбасского отделения партии «Справедливая Россия – Патриоты – За Правду». Его председатель Юрий Петрович Скворцов является организатором призового фонда межрегионального фестиваля-конкурса «Кузбасский зимородок» уже на протяжении четырнадцати лет.

В 2018 году авторы «Творческой шкатулки»: Ирина Воробьева, Наталья Палаткина, Владимир Можайский, Нина Лучкина стали лауреатами областного конкурса профессиональных писателей «С любовью к Кузбассу» в различных номинациях.

В наших рядах есть люди, награжденные областными медалями: Н.В. Палаткина, В.Д. Можайский, О.Л. Малюк. В 2024 году переводчик-полиглот, редактор наших коллективных сборников и личных изданий Н. В. Лучкина была удостоена международной награды – ордена «Звезда Достоевского».

В нашей «Шкатулочке» есть люди мужественных профессий. Бард Г.Л. Лузянин – полный кавалер трех орденов «Шахтерская слава» и монгольского ордена «Полярная звезда» – пишет музыку на стихи разных авторов. В Афганской войне принимал участие поэт, прозаик А. Н. Макатревич. О суровых буднях и романтике водных просторов пишет капитан второго ранга, подводник Ю. Н. Гамов.

Вот так, в «обоих направлениях, от ручейка до океана, качают волны вдохновения и откровенья, без обмана» (Ю. Гамов) поэтов «Творческой шкатулки». Надеемся, что искренние, наполненные яркими образами стихотворные строки наших авторов станут незримым связующим звеном всех любителей поэтического слова.

Председатель Лито «Творческая шкатулка»
Наталья Палаткина
г. Новокузнецк



ЮРИЙ ГАМОВ

ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СТИХАХ

Давайте говорить стихами.
Я Вам прочту, Вы мне прочтите...
Переплетутся между нами
Стихов невидимые нити.

Вы мне прочтёте. Я отвечу,
Что это чувство мне знакомо.
Как согревает в этот вечер
Стихов невидимое слово.

НАТАЛЬЯ ПАЛАТКИНА

ПТИЦА ВОЛЬНАЯ

Мне хотелось бы чайкою быть...
Любоваться лазурным простором.
Мне хотелось бы в небе парить,
Вниз срываться к песчаным узорам.

Мне б хотелось касаться волны,
Принимать грудью ветра упругость,
Рассмотреть восхождение зари,
Ощутив мира бренного хрупкость.

Мне б измерить небесную высь,
Искупаться в пурпуре заката
И, прочувствовав вольную жизнь,
Вновь родиться поэтом когда-то.

НИНА ЛУЧКИНА

На пяти языках я умею молчать.
Ну а русский, – звенящее солнце,
Извергает потоки любви, благодать,
Негодует, страдает, смеётся.

Из каких-то далёких, заветных глубин
Созидающий настроенье
Сей светилородный души властелин,
Дар богов и любовь от рожденья.

ИРИНА ВОРОБЬЁВА

ПРОЩАНИЕ С АВГУСТОМ

Дождь и август, плачет лето:
Так недолго миг цветенья,

Озаряет утро светом
Запоздалых астр свеченье.

Ярок ты и лучезарен,
У тебя тепла попросим,
Щедрый месяц, рыжий парень,
На плечах несущий осень.

Пусть уже желтеют листья,
И туманы стелют пряжу,
Но ещё рябины кисти
Не сладят, а губы вяжут.

Только пряно пахнут розы,
Флоксы красками играют,
И небес ворчанье – грозы –
По ночам детей пугают.

Мы прощаемся лишь на год,
Помашу – без сожаленья,
До свиданья, время ягод,
Месяц моего рожденья.

АЛЕКСАНДР МАКАТРЕВИЧ

ПЕРВАЯ РОТА

Ползком, перебежками, медленным шагом,
Минуя дороги, теряясь в оврагах,
Идёт поредевшая первая рота
Теньями неясными через болото.

Не дремлют, наевшись свинца, пулемёты
На дальних высотах, на ближних высотах.
Подстрелят, не спросят, откуда и кто
ты...

Осталось в альбоме лишь старое фото:

С друзьями мальчишка – сияет улыбка,
В пилотке, задорный, в руках его скрипка.
Вернуться домой обещал, обнимая:
«Ты жди, не волнуйся – я скоро, родная!»

Давно в вечность канули прошлые годы,
Всё так же шумят в реках быстрые воды.
Старушка в окошко глядит в ожиданье:
Ведь сын ей вернуться давал обещанье...

А там, за горами, у кромки болота
Лежит вся гвардейская первая рота...
Так молоды были, жить долго хотели,
Но белыми птицами в небо взлетели...

ТАТЬЯНА БЕЛОКУРОВА

ЕСЛИ Я ЗАМОЛЧУ

Отцветают тюльпаны, летают шмели.

И туманы ложатся до самой земли.

Если я замолчу, будто песенка спета,

Кто расскажет, каким ожидается лето?

Невоздержанно нежным, родным и горячим?

Если я замолчу – лето будет незрячим.

Ожидается лето... стрекошет сорока,

Городская давно, всё одно – белобока.

Неспокойные мысли, как волны и эхо,

Сотрясают орбиту на чью-то потеху.

Всё какие-то новости носит по свету.

Мне б его пережить – настоящее лето.





В ночь с 1 на 2 февраля не стало писателя

МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА ЩУКИНА,

произведения которого сибиряки запомнили и полюбили навсегда.

Михаил Николаевич с 17 лет погрузился в журналистику, объехав корреспондентом все уголки Сибири и получив ценнейший опыт и материал для будущих произведений.

Первая публикация – 1978 год, журнал «Литературная учеба». В 1980 году вышел первый сборник рассказов «Посидели, поговорили». Начиная с 1982 года было издано больше сорока книг, получивших заслуженное признание.

Будучи лауреатом многих литературных премий, Михаил Николаевич всегда больше ценил живой читательский интерес.

На протяжении 10 лет Михаил Николаевич работал главным редактором журнала «Сибирские огни», внося неоценимый вклад в развитие сибирской литературы.

Помним, любим, скорбим.

Писатели Кузбасса

26 января в память о мужестве защитников и жителей Ленинграда в КЦИ состоялось мероприятие «900 дней подвига» с участием поэта Б. Бурмистрова.

29 марта в рамках Недели детской книги в КЦИ прошел литературный семейный праздник «Книжкины именины», посвященный Году семьи, с участием В. Лавриной, Е. Тюниной, Т. Черемновой.

17 мая в КЦИ прошел литературный вечер В. Соколова в честь 75-летия поэта.

18 мая в рамках Всероссийской акции «Ночь музеев» в КЦИ состоялся перформанс-встреча «Простая нить» с участием поэтов Е. Черниковой (г. Каменск-Уральский); А. Рухлова (г. Курган); О. Дидух (г. Лесосибирск); И. Виноградова (г. Мурманск).

На базе КЦИ в течение 2024 года была организована работа литературных студий: детская студия «СтихиЯ» для детей 5–11 лет, руководитель – член Совета молодых литераторов Кузбасса Е. Андропова; молодежная студия «7 угол», руководитель – член Союза писателей России и Союза молодых литераторов Кузбасса Я. Орехова; литературная студия «Притомье», руководитель – член Союза писателей России, главный редактор журнала «Огни Кузбасса» Д. Мурзин; восстановлена работа творческой мастерской «Аз», координаторы – председатель Союза российских писателей г. Кемерово Н. Ибрагимов и ответственный секретарь журнала «Огни Кузбасса» А. Командин.

В 2024 году КЦИ появилась обновленная версия сайта журнала «Огни Кузбасса» и аккаунт в социальных сетях; получил поддержку новый сайт КОО «Союз писателей Кузбасса» ООО «Союз писателей России».

20 сентября в детском отделе Центральной библиотеки поселка Ясногорский состоялась творческая встреча с писателями Н. Дубровской и Е. Красновой.

7 ноября в библиотеке «Книгоград» состоялась творческая встреча с поэтами В. Киселевым, А. Пятаком, Е. Красновой и Н. Дубровской.

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Литература. Разговор за кружкой чая» вышел выпуск с В. Гуляевым (Ленинск-Кузнецкий).

На канале «Вести.Кузбасс» вышел эфир программы «Окультуримся» с А. Назаровым.

На сайте «Российский писатель» вышло интервью с Д. Филиппенко.

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Значение слова» вышли выпуски с О. Дидух (Лесосибирск) и Е. Скабардиной (Новосибирск).

Поэты Е. Гончарова и Д. Филиппенко приняли участие в проекте музея изобразительных искусств Кузбасса «Кузбасс глазами поколений».

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «За 60 секунд» вышли выпуски с В. Дорофеевым, К. Стафиевским, А. Пятаком, А. Назаровым (все – Кемерово), В. Гуляевым (Ленинск-Кузнецкий).

11 ноября в Кемерове в конференц-зале штаба общественной поддержки партии «Единая Россия» состоялся круглый стол Совета молодых литераторов Кузбасса Союза писателей России «Отражение СВО в молодежной литературе» с участием ветерана СВО, сопредседателя «Кузбасского союза ветеранов СВО» В. Дорофеева.

14 ноября в Кемеровском городском центре детско-юношеского туризма и экскурсий им. Ю. Двужильного состоялся городской конкурс туристско-краеведческой деятельности «Туризм – это здорово». В работе жюри литературной секции приняли участие поэты С. Донбай, Н. Мурзина, Е. Краснова.

18–24 ноября молодые писатели из Совета молодых литераторов Кузбасса Союза писателей России поддержали акцию «Неделя молодежной книги в Кузбассе»: в Центральной городской библиотеке г. Мыски провели творческую встречу А. Деркач-Полищук и Е. Клейменов; в ДИРЦ Открытая библиотека г. Калтана состоялась творческая встреча с А. Коржовой; в Центральной городской библиотеке им. Н.К. Крупской в Ленинске-Кузнецком О. Рокова представила свою книгу «Слушая сердцебиение дома».

19 ноября в рамках Всероссийского проекта «Классные встречи» на базе Моховской школы прошла встреча активистов Движения Первых с поэтом Д. Филиппенко.

19 ноября в г. Ленинске-Кузнецком в Центральной городской библиотеке им. Н.К. Крупской состоялась презентация альманаха «Кольчугинская осень» за 2024 год.

20–23 ноября в г. Калининграде состоялся всероссийский семинар «Мы выросли в России – Северо-Запад», в котором приняла участие заместитель председателя совета молодых литераторов Кузбасса О. Рокова (г. Березовский). По итогу драматургического семинара пьеса нашего автора была рекомендована к публикации в журнал для подростков «Серебряные сверчки».

28 ноября в детской библиотеке им. А. М. Береснева г. Кемерово прошла встреча старшеклассников с бойцами СВО и тружениками тыла «Мы вместе». В мероприятии приняла участие поэт Н. Мурзина.

5 декабря в Центральной детской библиотеке им. Э.Д. Гольцмана (Новокузнецк) на вечере памяти, посвященном 90-летию кузбасского детского поэта, названы имена победителей Литературного конкурса им. Э. Д. Гольцмана. Первое место – О. Лесовик (г. Воронеж), второе – А. Колтаков (г. Новокузнецк), третье – Е. Курина (г. Ростов-на-Дону). На мероприятии побывала Н. Дубровская, член Союза писателей России из Кемерово. Ее стихи опубликованы в книге «1000 стихов малышам» (Новокузнецк, 2024). В новую книгу отобраны стихи 50 вторых из 239 конкурсантов.

5–8 декабря в Химках Д. Мурзин, Я. Орехова (все – Кемерово) и Н. Шицкая (Новокузнецк) приняли участие в литературном форуме «Проводники культуры». По итогам Я. Орехова победила в номинации «Драматургия», а Н. Шицкая была рекомендована в Союз писателей России.

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Литеаратура. Разговор за кружкой чая» вышел выпуск с председателем Кемеровского областного отделения Союза писателей России В. Дорофеевым (Кемерово).

Д. Филиппенко вошел в короткий список претендентов Международной литературной премии им. Ю. Левитанского.

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Со-

вета молодых литераторов Кузбасса «Значение слова» вышли выпуски с К. Стафиевским и А. Пятаком (Кемерово).

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «За 60 секунд» вышли выпуски с Т. Перевезенцевым (Кемерово), А. Ахметшиным (Кемерово), М. Мусаем (Махачкала).

6 декабря в Тисульской центральной библиотеке состоялись три встречи (дошкольники, школьники 3-х и 4-х классов) с членом Союза писателей России З. Козловой (пгт Ижморский).

12 – 15 декабря в г. Химки молодые поэты из Междуреченска А. Деркач-Полищук и С. Сорокин приняли участие в фестивале «Молодой Пушкин». По итогам А. Деркач-Полищук была рекомендована без отбора к участию в совещании молодых писателей в г. Челябинске.

13–16 декабря в г. Москве Д. Филиппенко (г. Ленинск-Кузнецкий) и Т. Прокопьева (пгт Тисуль) в качестве экспертов приняли участие в форуме Национальной премии «Слово».

17 декабря члены редколлегии журнала «Огни Кузбасса», поэты Н. и Д. Мурзины провели две творческих встречи в пгт Тисуль в Центральной районной библиотеке и Детской художественной школе №14 им. А. Леонова. Разговор шел о журнале «Огни Кузбасса», писательском волонтерском движении, истории создания песни «Тыловая».

22 декабря в Центральной библиотеке г. Белово прошло представление 5-го номера журнала «Огни Кузбасса». На вечере выступила автор номера, прозаик Т. Маркинова. Вел встречу главный редактор журнала Д. Мурзин.

26 декабря состоялось заседание правления Кемеровского областного отделения Союза писателей России.

Члены жюри – представители Литературно-мемориального музея

Ф. М. Достоевского, Комитета образования и науки администрации г. Новокузнецка, МАО ДО «Дом детского творчества № 1» (Новокузнецк) – подвели итоги XII городского конкурса детского творчества «На утренней зорьке», посвященного литературной деятельности бра-

тьев-писателей В. и Г. Неунывахиных. Конкурс 2024 года прошел в дистанционном формате. В нем приняли участие почти 200 детей трех возрастных категорий (7–10, 11–14 и 15–18 лет). Жюри определило лучших в номинациях: «Литературное творчество», «Литературное чтение», «Изобразительное искусство», «Фотография», «Декоративно-прикладное творчество». В номинации «Литературное творчество» лучшими стали прозаики. Дипломы I степени получили К. Романов (МБОУ «СОШ № 8») за рассказ «Счастливы вместе», Н. Родионов (МБОУ «Гимназия № 10 имени Ф. М. Достоевского») за рассказ «Путешествие к водопаду», П. Быкова (МБОУ «ООШ № 100 имени С. Е. Цветкова») за рассказ «Счастливый случай». В номинации «Литературное чтение»: Д. Осипов (МБОУ «Лицей № 104»), А. Кустова (МБОУ «СОШ № 67»), И. Атобуллоев (МБОУ «ООШ № 43»). В их исполнении прозвучали произведения В. М. Неунывахины.

8 января в библиотеке им. В. Д. Федорова прошла праздничная встреча «Рождества волшебные мгновенья», в которой приняли участие писатели Н. Дубровская, Е. Краснова и Е. Тюшина. Авторы прочитали стихи, рассказы и сказки, связанные с Новым Годом, Рождеством, Святками.

В рамках проекта Кемеровского областного отделения Союза писателей России, Совета молодых литераторов Кузбасса и Ассоциации ветеранов СВО «СВОи ВОВеки» вышло три выпуска с Д. Филипповым и Я. Ореховой, Д. Филиппенко и О. Роковой, С. Лобановым и Е. Гончаровой. Были прочитаны авторские стихи, а также стихи Е. Буравлева, Н. Мурзиной и В. Измайлова.

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Литература. Разговор за кружкой чая» вышел выпуск с членом Союза писателей России Д. Клестовым (Гурьевск).

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Значение слова» вышли выпуски с Н. Шицкой (Новокузнецк) и Е. Чириковым (Кемерово).

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «За 60 се-

кунд» вышли выпуски с Ю. Михайловым (Березовский), Е. Кононенко (Гурьевск), И. Надиновой (Ленинск-Кузнецкий), Е. Огаревой (Санкт-Петербург).

Д. Филиппенко стал дипломантом литературной премии им. Антона Дельвига.

Кемеровское областное отделение Союза писателей России и Совет молодых литераторов Кузбасса победили в конкурсе грантовых проектов Фонда президентских грантов с образовательно-просветительским проектом «Пророк в своем Отечестве». Цель проекта: развитие интереса к изучению родного края, воспитание положительного эмоционально-ценностного отношения к себе и жителям своего края. Для реализации решено взять за основу творчество и биографии Е. Буравлева, В. Чивилихина, А. Волошина, В. Баянова, В. Федорова, В. Коврижных, И. Киселева, А. Бельмасова, Л. Никоновой, Л. Гержидовича, М. Небогатова. В рамках проекта с марта 2025 г. по март 2026 г. на двадцати территориях Кемеровской области: Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Белово, Березовский, Мыски, Калтан, Мариинск, Тисуль, Топки, Гурьевск, Юрга, Тяжин, Таштагол, Новокузнецк, Прокопьевск, Киселевск, Верх-Чебула, Тайга, Салаир, Междуреченск пройдут 22 мероприятия различных форматов: лекции, показы видеороликов, литературно-интеллектуальные игры, конференции, презентации журнала писателей России «Огни Кузбасса» для школьников, студентов и работников учреждений культуры. Руководитель и автор проекта Д. Филиппенко. Команда проекта: В. Дорофеев, О. Рокова, Я. Орехова, А. Смолина, Д. Мурзин, П. Балуев, С. Пономарев.

Губернатор Кузбасса И. Середюк провел рабочую встречу с председателем Кемеровского отделения Союза писателей РФ, участником СВО В. Дорофеевым и кузбасским поэтом Б. Бурмистровым. Обсуждались перспективы работы литературного сообщества региона в Год Защитника Отечества и 80-летия Победы. Литераторы презентовали сборник произведений кузбасских авторов, работа над которым шла более трех лет. В пяти томах собраны стихи и проза, в том числе – о подвигах кузбассовцев. «Дух времени сегодня подсказывает, что как можно больше внимания нужно уделять героическим поступкам наших современников. Это востребовано и необходимо для воспитания подрастающего поколения. Наши литераторы доработают сборник и включают в него поэзию и прозу, посвященные героям СВО. Чтобы

как можно больше кузбассовцев смогли прочитать наших лучших авторов, мы рассмотрим возможность тиражирования сборника», – сказал губернатор. Писатели вышли с инициативой объявить 2025 год для литераторов Кузбасса Годом Е. С. Буравлева – кузбасского писателя, ветерана Великой Отечественной войны, который участвовал в Параде Победы в Москве. Е.С. Буравлев был основателем писательской организации Кузбасса, занимался литературной работой с детьми и молодежью. Областное отделение Союза писателей РФ совместно с Советом молодых литераторов союза писателей Кузбасса при участии региональной общественной организации «Кузбасский союз ветеранов СВО» и молодежного совета при Уполномоченном по правам человека выходит с инициативой этот год отработать под именем Е. Буравлева. Присвоить Государственной библиотеке Кузбасса для детей и молодежи его имя, провести Всероссийскую писательскую конференцию «Буравлев – строфы войны и Победы», – рассказал В. Дорофеев. Также литераторы предложили учредить региональную премию и региональную медаль имени Е. Буравлева для чествования выдающихся заслуг поэтов, писателей, журналистов и деятелей культуры. Реализация предложенных инициатив, по мнению литераторов Кузбасса, станет значимым культурным событием в год 80-летия Великой Победы: позволит отдать дань уважения великому земляку и станет ярким символом сохранения памяти героя – дважды Победителя. Кроме того, на рабочей встрече обсудили возрождение в регионе литературных конкурсов для детей 7–18 лет «Свой голос», для авторов 18–35 лет – «Говорит XXI век». На базе Союза писателей Кузбасса предлагается возродить «Бюро Пропаганды Художественной Литературы». Губернатор поддержал идею кузбасских писателей по созданию литературно-исторического музея в Кемерове по адресу пр. Советский, 40. В помещениях, где с 60-х годов работает Союз писателей, проведут ремонт и оборудуют экспозицию с использованием современных технологий. И. Середюк поручил региональному Министерству культуры и национальной политики детально изучить и проработать все предложения литераторов.

В СОШ №11 Кировского района г. Кемерово состоялось мероприятие, посвященное полному прорыву блокады Ленинграда. С учениками школы встретились член Союза писателей России, участница литературной студии «Свой голос», прозаик Т. Юдина и ветераны СВО А. Литвак и П. Богушевич.

С. Уланова, Н. Мурзина, А. Коржова вошли в длинный список претендентов литературной премии журнала «Отчий край» имени В.Б. Смирнова.

В четвертом номере журнала «Отчий край» за 2024 год была опубликована подборка стихотворений А. Коржовой из Калтана.

10 января поэты, члены Союза писателей России Б. Бурмистров, В. Дорофеев, И. Куралов встретились со студентами Кемеровского государственного университета.

15 января в Новокузнецке в Доме творческих союзов прошло представление журнала «Огни Кузбасса». На вечере выступили авторы журнала Е. Трухан, А. Коржова, А. Сазыкин, Н. Калашников, Е. Гончарова, О. Белоусова, Н. Жилинина, В. Колотвин. Вели встречу Е. Трухан и Д. Мурзин.

21 января в Кемеровском епархиальном управлении состоялось вручение X Кузбасской литературной премии имени святителя Павла, митрополита Тобольского. Благодарственное письмо за вклад в сохранение русской словесности получила Е. Тюшина, член Союза писателей России. Лауреатом стал В. Дорофеев с поэтическим сборником «Родина-Дочь».

24–26 января в Новосибирске состоялся VII Международный арт-фестиваль памяти Владимира Высоцкого «Я только малость объясню в стихе». Кузбасс на фестивале представлял поэт Д. Мурзин. Победителем литературного конкурса фестиваля стала поэт Е. Евстигнеева (Москва), второе и третье место заняли авторы журнала «Огни Кузбасса» А. Малыгина (Барнаул) и Д. Верясова (Абакан).

31 января в г. Казани состоялась премьера спектакля Я. Ореховой «Просто жить» в Казанском государственном Театре юного зрителя.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Журнал «Начало века» (Томск) № 4 напечатал подборку стихотворений А. Коржовой «Я выхожу из круга».

Альманах «Белый бор» (Сыктывкар) №20 напечатал рассказ А. Королева «За день до зимы» и подборку стихотворений С. Донбая «Верю в землю родную», Д. Мурзина «Наконец-то посмей посмечь!», Н. Мурзиной «В объятьях трав и дикой тишины» и Ю. Сычевой «Яблочком кислит во рту».

Альманах «Гражданин» № 10 напечатал рассказ **А. Поселенова** «Семнадцать дел» и эссе **Н. Инякиной** «Призвание».

Журнал «Плавучий мост» № 4 опубликовал подборку стихотворений Н. Мурзиной «Еще немного ожидания...».

Журнал «Балтика» (Калининград) № 4 напечатал подборку рассказов А. Королева «Короткометражки», интервью с Д. Мурзиным «Юмор – это моя самооборона» и стихи Н. и Д. Мурзиных, Ю. Сычевой, С. Улановой.

«Литературная газета» № 45 (6959) напечатала интервью с **Д. Филиппенко**.

Журнал «Волга XXI век» (Саратов) № 5 выпустил подборку «Земля, и воздух, и вода» **Д. Филиппенко**.

Журнал «Сура» (Пенза) № 6 напечатал подборку стихотворений «Киев становится Карфагеном» **Д. Мурзина**.

В журнале «День и ночь» (Красноярск) №5 была опубликована подборка **Д. Филиппенко** «Снебапад».

ИЗДАНЫ КНИГИ

Колтаков Александр. Сибирские былицы: рассказы и повесть. Новокузнецк: Союз писателей, 2025. – 314 с.

Арнаутов Виктор, Захаров Николай. На Джомтене. Таиланд. Путевые заметки кемеровских туристов/ В. С. Арнаутов, Н. И. Захаров. – Кемерово: РПА «Ректаймс», 2024. – 84 с. с илл.

Светочи: учителя Пудинской средней школы (60 70-е годы XX век): Мемуары учителей и выпускников/ Составитель **В. С. Арнаутов**. – Кемерово: РПА «Ректаймс», 2024. – 312 с. с илл.

Екатерина Тюшина. Снежный бал: стихи для детей. Кемерово: ООО «Принта», 2024. – 16с. с илл.

Пятак Андрей. Созвездье Нофелет: стихи. Кемерово: «Вектор-принт», 2024. – 54 с.

Чириков Евгений. Космонавт Алексей Леонов. Кемерово, 2024. – 316 с.

ЛАУРЕАТЫ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» ЗА 2024 ГОД

Проза

Артис Дмитрий. Дневник добровольца. (№ 5 6)

Концевой Павел. Два рассказа. (№ 4)

Сычева Юлия. Вещи и люди. Рассказы (№ 6)

Поэзия

Клестов Дмитрий. Береза не приемлет пустых... (№ 4)

Перминов Юрий. Окопные свечи. (№ 5)

Филиппов Дмитрий. Богоматерь укроет маск-сетью. (№ 2)

Публицистика

Савченко Александр. Вперед и дальше! Очерк (№ 5)

Чернопятов Евгений. Человек вышел в открытый космос (№ 3), Путь к звездам и обратно. Очерк (№ 6)

Черемнов Сергей. Юрий Светлаков: «Пусть дух открытий не покинет вас». Очерк (№ 6), Лариса Мызина: «Надо сделать все, чтобы изобразительное искусство перестало быть для зрителей чем-то элитарным». Очерк (№ 3)





Поздравляем с юбилеем

**Анну Александровну
НАЗАРЕНКО,**

**Надежду Александровну
УСОЛЬЦЕВУ**

**и Татьяну Константиновну
ЮДИНУ!**

Желаем новых творческих свершений, успехов, здоровья и процветания!

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).



По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но, если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: <https://ognikuzbassakci.ru>.

Журнал «Огни Кузбасса»
Главный редактор **Д. В. Мурзин**
№ 6. Дата выхода в свет: 11.04.2025
Индекс 12234
Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 103. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «Принта»: 650055, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Пролетарская, д. 9.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректор **Е. Л. Ясинская**
Верстка: **Ю. В. Гапонова**